

СОБРАНИЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА
въ 12 томахъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

ТИП. А. Ф. МАРКСА, СР. ПОДЪЯЧ. № 1.

ОБРЕЧЕНА.

(ПОВѢСТЬ.)

„Опять тоска, опять любовь...“

А. Пушкинъ.

(Евгеній Онегинъ).

I.

Вѣковыя липы манили подъ свою тѣнь. Справа, сквозь трепетное миганіе листьевъ отъ мягкаго вѣтерка, проглядывали каріатиды и широкія окна царскосельскаго дворца.

Грубинъ прошелъ по верхней эспланадѣ до того мѣста, гдѣ спускъ къ памятнику Екатерины, и присѣлъ на одинъ изъ полукруглыхъ дивановъ, зеленѣвшихъ свѣжею краской, присѣлъ и снялъ широкую соломенную шляпу.

Установились первые теплые, почти жаркіе дни.

Издали, къ сторонѣ площадки, гдѣ съ трехъ часовъ играютъ трубачи кирасирскаго полка, неясно доносились скачущіе ритмы какой-то опереточной пѣсенки. Внизъ по аллеѣ рѣзкія тѣни падали отъ стволовъ. Было пусто. Только дальше, на мостикѣ, проходила мамка въ голубой тѣлогребѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, и ея шитая золотомъ кичка искрилась подъ лучами солнца.

Большая тишь стояла въ тающемъ воздухѣ и тонкія струйки цвѣточныхъ запаховъ ощутимо проносились въ немъ, сверху внизъ сада.

Съ Грубинымъ была газета. Онъ вынулъ ее изъ кармана пиджака и развернулъ. На молодомъ еще, очень худомъ, продолговатомъ лицѣ, съ впалыми карими глазами, лежала какъ бы застывшая мина горечи, вмѣстѣ.

съ раннимъ загаромъ. Волосы, подстриженные на бородѣ, темнорусые и слегка курчавые, придавали ему молодость. Довольно длинныя ноги онъ нервно перекрутилъ, когда успѣлъ читать газету. Въ покрое лѣтняго костюма, въ обуви—лаковые башмаки,—въ томъ, какъ на немъ все сидѣло, сказывался человѣкъ, привыкшій хорошо жить, немного баринъ, но въ эту полосу жизни часто забывающій о томъ, какъ онъ одѣтъ и къ лицу ли причесанъ.

Газета заняла его не больше десяти минутъ: онъ прогладѣлъ быстро денешни, повернулъ страницы, пробѣжалъ отдѣлъ „Среди газетъ и журналовъ“; фельетона читать не сталъ, почти съ досадой бросилъ газету на диванъ и его нервный, выразительный ротъ сложился въ гримасу, говорившую: „Какая скука и прѣснота!“

Онъ рѣшительно не могъ ничѣмъ заинтересоваться; да и тонъ газеты не раздражалъ, а угнеталъ его, точно на него пахнуло портерной подвального этажа.

Разносчикъ приносить газету рано утромъ къ нему на дачу, но онъ не читаетъ ее за чаемъ—ему не хочется, съ утра же, отвѣдать газетной прозы. Онъ сдѣлалъ себѣ привычкой пачинать день какою-нибудь старою книгой, изъ тѣхъ, что никогда не могутъ состариться.

Но и онѣ не развлекали его. Всюду носилъ онъ свое горе, свѣжее, безповоротное,—одинъ изъ тѣхъ ударовъ, по какимъ люди забывчивые познають, что такое жизнь и расчеты на счастье...

Полгода назадъ онъ жилъ, какъ живутъ пять человѣкъ на тысячу,—ничего не желалъ, кромѣ того, что у него было. Онъ отдыхалъ отъ шестилѣтня по выборной службѣ и все отраднѣе становилось ему дома, около жены. Два года ждали они дѣтей, начинали мириться съ тѣмъ, что ихъ не будетъ, и на третій—ихъ обоихъ подхватила небывалая радость, трепетное ожиданіе событія. Чтобы „событіе“ обошлось въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, они переѣхали сюда, въ Царское, взяли цѣлый особнякъ на годъ, рѣшили и зиму провести здѣсь же въ домѣ, гдѣ все будетъ устроено для того, кто, на ихъ родительскомъ языкѣ, уже носилъ шутовское прозвище „дофина“. Они вѣрили, что это будетъ мальчикъ.

И въ одну недѣлю—два мертвеца. Мать пережила ребенка всего на недѣлю.

Звуки духовой музыки опять донеслись. Играли вальсъ

Вальдтейфеля. Онъ узнавалъ мелодіи перваго колѣна и его потянуло туда.

Не музыка, а та аллея, по которой доходить до хора музыки, широкая, окаймленная съ двухъ сторонъ цвѣтными дорожками, вдоль спуска въ греческомъ стилѣ, съ жертвенниками и скульптурными украшениями.

Тамъ — царство дѣтей. Глубина каждый день влечетъ туда. Онъ знаетъ напередъ, что ему будетъ до слезъ горько глядѣть на всю эту дѣтвору, и грудныхъ, и под-ростковъ, разряженныхъ, смѣшныхъ, милыхъ, шумныхъ или муштрованныхъ на всякіе лады. Но, все-таки, онъ идетъ каждый день въ садъ, подъ предлогомъ прогулки, послѣ завтрака; сначала по всѣмъ пѣшеходнымъ аллеямъ отъ городского бульвара къ перекрестку Павловскаго шоссе, до воротъ съ надписью: „*A mes chers compagnons d'armes*“, потомъ поднимается крайнею дорожкой, мимо пекарни, до дворца.

И сегодня онъ все это продѣлалъ, а теперь его влечетъ къ цвѣтнику.

Но онъ какъ бы не сразу поддался этому чувству. Поднявшись отъ памятника, онъ повернулъ вдоль фасада къ выходу и около церкви съ ея византійскими главами, ярво сіявшими на солнцѣ, постоялъ надъ сходомъ, гдѣ у рѣшетки, на скамьѣ, сидѣлъ сторожъ.

Слѣва глядѣлъ на него узкій корпусъ, гдѣ когда-то былъ лицей, соединенный галлереей съ дворцомъ.

Всякій разъ, подходя къ рѣшеткѣ, за эти послѣднія двѣ недѣли, онъ непременно думалъ о Пушкинѣ. То ему припоминались строфы изъ „лицейской годовщины“, и онъ повторялъ, беззвучно, стихи:

„...Поэта домъ опальный,
О, Пушкинъ мой, ты снова посетилъ.
Ты уладилъ изгнанья день печальный.
Ты въ день его лицей превратилъ“.

Начни онъ декламировать вслухъ, у него бы непремѣнно задрожали слезы и онъ не могъ бы кончить.

Вчера ему, на томъ же мѣстѣ, пришелъ стихъ:

„И чей-нибудь ужъ близокъ часъ“.

Онъ чуть-чуть не зарыдалъ и побѣжалъ отсюда такъ порывисто, что сторожъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, думая, что у него пошла носомъ кровь,—онъ видѣлъ, какъ онъ выхватилъ изъ бармана платокъ.

Пріятеля, изъ тѣхъ, что учились съ нимъ въ универ-

ситетѣ, называли его „пушкинистомъ“ и подтрунивали надъ его „стихолюбіемъ“. Онъ не считалъ себя фанатичомъ пушкинизма, а только любилъ поэта съ дѣтскихъ лѣтъ. Память у него была огромная, „ужасно смѣшная“, — отваривалъ онъ самъ про себя. Если не „всего“ Пушкина зналъ онъ наизусть, то добрую половину всего написаннаго въ стихахъ и даже могъ цитировать наизусть цѣлыя страницы изъ „Капитанской дочки“ или „Пиковой дамы“.

За десертомъ веселыхъ товарищескихъ обѣдовъ, гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, его просили иногда передразнить манеру какого-нибудь адвоката, и онъ начиналъ одну изъ его знаменитыхъ рѣчей, слово въ слово, съ дикціей и мимикой, и такъ минутъ на десять, на двадцать, не мѣняя ни одного звука.

Его любили за эту способность подурачиться, представить кого-нибудь, за выходки смѣлаго, иногда чисто-юношескаго юмора.

И все это замерло. Ничто не вызываетъ въ немъ ни бѣдной мысли, ни забавнаго сравненія: ни то, что онъ читаетъ, ни то, что онъ видитъ.

Опять постоялъ онъ надъ самымъ спускомъ на тротуаръ. Все тотъ же сторожъ-инвалидъ поглядѣлъ на него и узналъ въ немъ барина, у котораго пошла кровь носомъ.

Но печальныхъ или задумчивыхъ стиховъ изъ Пушкина память ему не подсказывала. Онъ и этому былъ радъ. Лицейскій корпусъ смотрѣлъ весело въ своей фиштакшовой окраскѣ. Внизу, у входныхъ дверей, безъ навіса, стояла прислуга — лакей и женщина, въ волосахъ, съ платкомъ на головѣ — и торговали что-то у разносчика съ лоткомъ.

Его мысль забрела въ бывшіе классы и рабочіе кабинеты, куда онъ никогда не проникалъ и даже не зналъ, кто тамъ теперь живетъ. И въ ту часть сада заходила его мысль, гдѣ лицеисты гуляли съ любимыми, всегда почти запрещенными, авторами.

Память начала подсказывать ему совершенно такъ, какъ въ классѣ шепчетъ урокъ, сбoku, добрый товарищъ:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицей
Я безмятежно расцветалъ...

Забѣгая впередъ, она уже сказала ему римы „Апулея“, читалъ“.

Онъ усмѣхнулся и ему стало не то что веселѣе, а какъ-то забавнѣе отъ присутствія этого чуднаго механизма памяти, который сидитъ тамъ гдѣ-то, въ ничтожныхъ, невидимыхъ простому глазу ячейкахъ и фибрахъ.

Повернувшись спокойнѣе, онъ, безъ всякаго колебанія, пошелъ по эспланадѣ къ цвѣтнику, посмотрѣлъ на часы и остался доволенъ тѣмъ, что еще полчаса будетъ играть музыка, стало-быть, дѣти теперь въ полномъ сборѣ, отъ греческихъ пропилей до площади, гдѣ стоятъ музыканты, и дальше, вдоль аллеи, ведущей къ китайской деревнѣ.

Нѣкоторыхъ дѣтей онъ уже намѣтилъ, особенно одну дѣвочку, всю въ кружевахъ, подъ большою шляпою съ оборками, въ родѣ зонтика. Ея глазки искрились, какъ двѣ капельки чернаго кофе. Толстенныя голыя ножки, въ бѣлыхъ ботинкахъ, мелькали передъ нимъ... Такъ бы онъ и схватилъ ее на руки, такъ бы и засыпалъ поцѣлуями.

Его мертворожденный ребенокъ былъ дѣвочка.

Грубинъ подошелъ уже подъ своды, гдѣ его шаги тотчасъ же отдались, и повернулъ направо, къ цвѣтнику. Быстро поглядѣлъ онъ вдоль спуска. Глаза его неслись черненькой красавицы съ двумя каплями чернаго кофе подъ густыми блестящими рѣсницами.

II.

Дѣтей было меньше обыкновеннаго. На четвертой скамьѣ, по лѣвую руку, онъ узналъ дѣвочку съ черными глазками, ея бонну и отца.

Каждый день съ ней приходилъ мужчина — лѣтъ уже за сорокъ, смуглый, въ усахъ, нервный, небольшого роста, не русскаго лица, одѣтый молодежью, въ сѣрый пиджакъ, при свѣтломъ лѣтнемъ галстукѣ. Въ усахъ и на плотно-остриженныхъ вискахъ пробивалась сѣдина.

Грубинъ сразу распозналъ въ немъ одного изъ тѣхъ отцовъ, — ихъ теперь часто встрѣчаешь. — у которыхъ любовь къ дѣтямъ, особенно къ дѣвочкамъ, доходитъ до крайняго предѣла. Вѣроятно, онъ женился уже не молодымъ и дѣвочка — его единственный ребенокъ. Вѣдь ли онъ былъ вдовъ: ни дѣвочка, ни онъ не носятъ тѣхъ урда и не дальше, какъ третьягодки, онъ ей сказалъ громко, своеобразною дикціей, отбивая слова:

— Душечка! Мама ждетъ... Пора идти.

Все время онъ съ ней разговариваетъ, рветъ ей травку, указываетъ на цвѣты, водить или беретъ на руки. Бонна, кажется, швейцарка, только состояла при ней и даже ни разу рта не раскрыла.

Во всемъ существѣ этого человѣка, заполоненнаго отцовскою пѣжностью, Грубинъ чуюлъ полное блаженство, непрерывное любованіе своимъ дѣтищемъ. Это и кололо его въ сердце, и заставляло отдыхать, хоть на чужомъ родительскомъ счастьѣ. Злобно завидовать онъ не могъ, ему не доставало въ душѣ силы ни на что злобное, — ударъ судьбы слишкомъ пришибъ его.

Отецъ сидѣлъ, широко разставивъ ноги, въ плоской шляпѣ изъ сѣрой соломы, и что-то прикалывалъ къ короткой мантильѣ дѣвочки, должно-быть, цвѣтокъ. Бонна прохаживалась за деревомъ и лѣниво оглядывала публику.

На скамьѣ оставалось много свободнаго мѣста. Грубинъ ускорилъ шагъ, чтобы никто не сѣлъ раньше, и, подойдя, приподнял шляпу и выговорилъ:

— Вы позволите?

— Сдѣлайте одолженіе! — энергически отвѣтилъ бряпнуть и нервно повелъ плечами, а глаза его, быстрые и совсѣмъ черные, продолжали искриться родительскимъ довольствомъ, — онъ любовался дѣвочкой.

Она тихо стояла, пока онъ ей прикалывалъ цвѣтокъ, отряхнулась, поправила кружева своей шляпки, зонтика и стала переминаться на мѣстѣ пухлыми, уже загорѣлыми ногами.

— Папка, — залепетала она, — ей могло быть года три съ чѣмъ-нибудь, — туда добѣгу... до того дерева.

Она указала рукой внизъ, на одну изъ липъ.

— Упадешь, какъ вчера.

— Нэ-э, — протянула она и замотала головой.

Ея капельки кофе смѣшливо заиграли.

— Ну, иди... Только смотри. Лучше я съ тобой.

— Нэ-э!.. Одна, одна!..

Передъ стремительнымъ звукомъ, какимъ она повторила слово „одна“, отецъ отступилъ и, глядя въ полъоборота на Грубина, сказалъ:

— Будь по-твоему... Я здѣсь покурю... Иди. *Mademoiselle*, — окликнулъ онъ, круто обернувъ голову къ боннѣ, — *veuillez suivre la petite*.

Въ томъ, какъ эта фраза была произнесена, Грубинъ

заслышалъ человѣка, съ дѣтства привычнаго къ хорошей французской рѣчи. Можетъ-быть, онъ и воспитывался наполовину за границей. Да и глаза у него были съ южнымъ типомъ. Но по-русски онъ говорилъ совсѣмъ чисто, только съ особенною какою-то звучностью, очень рѣдкою у настоящихъ русаковъ.

Этого петербуржца онъ встрѣчалъ гдѣ-то, кажется, по субботамъ Михайловскаго театра, и довольно часто; но давно это было, лѣтъ пять назадъ, до женитьбы еще. Да и тотъ тогда смотрѣлъ несомнѣннымъ холостякомъ. Вспомнилось ему, какъ этотъ самый баринъ, изъ креселъ, подошелъ къ одной изъ крайнихъ ложъ бенуара и съ большою живостью, дѣлая много жестовъ и руками, и головой, разговаривалъ съ дамой. Тогда онъ смахивалъ еще больше на иностранца, чѣмъ теперь.

Черные, быстрые глаза отца повернулись влѣво и долго слѣдили за дѣвочкой. Она, немного въ перевалочку, побѣжала по аллеѣ, головой впередъ, еще не совсѣмъ твердая на ногахъ. Ея мантилья развѣвала свою кружевную обшивку.

И Грубинъ началъ слѣдить за ней глазами.

Потомъ отецъ вынулъ портсигаръ и закурилъ сигару. Онъ сталъ ее раскуривать съ видомъ человѣка, у котораго есть десять минутъ отдыха отъ сладкихъ заботъ, куда онъ погружается всѣмъ своимъ существомъ.

Вынулъ свою папиросницу и Грубинъ. Онъ чувствовалъ себя близко къ этому совсѣмъ незнакомому человѣку. Начать разговоръ всего удобнѣе было съ просьбы объ огнѣ.

— Будьте такъ добры, — почти стыдливо выговорилъ онъ и приподнялъ шляпу.

Брюнетъ весь вострепелъ, протянулъ сигару и быстро произнесъ:

— Сдѣлайте одолженіе.

Его тонъ отзывался также желаніемъ вступить въ разговоръ.

— Что у васъ за прелесть дѣвочка!

Возгласъ Грубина былъ такъ задушевенъ, что въ глазахъ брюнета блеснула ласковая улыбка.

— Вы находите?

— Прелесть, — повторилъ вдумчиво Грубинъ и затаилъ, чтобы скрыть свое волненіе.

— Благодарю. Это дочь моя—Вики.

— Какъ?

— Вѣки. Это было желаніе ея мамы назвать ее такъ. Не мое. Ее зовутъ собственно Валентина. А Вѣки — англійское уменьшительное отъ Викторіи. Вѣдь, такъ, кажется?

Онъ говорилъ быстро, съ маленькими скачками, и вопросъ его такъ и врѣзался въ ухо Грубина. И свободная рука его заходила съ чисто-итальянскою живостью.

— Прелестъ! — еще разъ повторилъ Грубинъ и поспѣшилъ добавить:—Вѣдь, ей не больше четырехъ?*

— Какое! Три гола минуло четвертаго мая. Она здѣсь и родилась. Вѣки, такъ Вѣки, — смѣшливо выговорилъ онъ.—Въ честь бывшей германской императрицы. Что жъ? Желаю ей имѣть современемъ столько же характера и любви къ будущему мужу... Ха-ха!

Онъ возбужденно разсмѣялся и плечи его пошли ходуномъ.

„Нѣтъ, онъ не русскій родомъ!“ — увѣренно подумалъ Грубинъ, и сказалъ замедленнымъ звукомъ:

— Такъ она здѣсь и родилась?

И ему этотъ фактъ показался страннымъ, точно нарочно для него приготовленнымъ. Вѣки родилась въ Царскомъ, какъ и его Таня. Но одна вонъ какая прелестъ, а другая лежитъ подлѣ своей мамы, на кладбищѣ, здѣсь же.

— Какъ же, какъ же,—заговорилъ брюнетъ, выпустилъ колечко дыма и заложилъ одну ногу на другую такимъ же быстрымъ жестомъ, какъ и все, что онъ дѣлалъ.—Здѣсь! Все на той же дачѣ, гдѣ мы съ тѣхъ поръ каждое лѣто проводимъ. Я въ восторгъ отъ Царскаго. Для дѣтей это первое мѣсто по своему воздуху и раздолью. Вы знаете, что сказалъ въ печати парижская знаменитость, докторъ Шарко?

— О Царскомъ?

— Да-съ! О Царскомъ. Excusez du peu. Онъ былъ здѣсь... нѣсколько лѣтъ назадъ. И его мнѣніе таково, — брюнетъ сталъ еще звончѣе отчеканивать слова, — его мнѣніе, что на континентѣ Европы только два города и есть, гдѣ бы было такое количество озона въ воздухѣ... Да, озона. Вы знаете, конечно, что пазывается озономъ?

— Знаю,—скромно, съ чуть мелькнувшею улыбкой выговорилъ Грубинъ.

— Это — австрійскій городъ Грацъ... и Царское. И я этому вѣрю. Зимой наша Вѣки такъ себя поскрипываетъ, но здѣсь она неузнаваема.

— 11 —

— И вы при ней постояннымъ нѣстунѡмъ... Вижу васъ здѣсь... всякій день.

— Это вѣрно! Что жъ? Я признаюсь — во мнѣ заговорилъ инстинктъ чадолюбія, какъ только Вики произведена была на свѣтъ. Я и не подозрѣвалъ въ себѣ ничего подобнаго... Увѣряю васъ.

— Такіе отцы—на рѣдкость.

— Не скажите! Нашего полку много. Мы въ родѣ закоренѣлыхъ пьяницъ. Ха-ха! Узнаемъ другъ друга издали... какъ массоны, одинъ другого, по разнымъ потукамъ.

Онъ круто повернулся всѣмъ своимъ сухимъ туловищемъ къ Грубину, и его живость еще сильнѣе стала проявляться въ жестахъ и звукахъ высокаго, очень молодого голоса.

— Можетъ-быть,—продолжалъ онъ,—это своего рода реваншъ. Ха-ха! Возмездіе за то, что я много мясоѣдовъ пропустилъ... засидѣлся въ холостякахъ.

— Очень можетъ быть,—проговорилъ Грубинъ.

Весь этотъ разговоръ настраивалъ его гораздо пріятнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— А у васъ дѣтей нѣтъ?—спросилъ отецъ Вики.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Грубинъ и отвелъ голову въ сторону.

— Это—большой ресурсъ... замѣняетъ всякія страсти и разорительныя привычки.

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать и вдругъ весь выпрямился и, прищуривъ сильно оба глаза, воззрился внизъ, по аллеѣ, гдѣ дѣвочка катилась, какъ шаръ.

— Опять шлепнется! Непремѣнно шлепнется! Dieu des dieux!.. Извините...

Не договоривъ, онъ бросилъ только до половины докуренную сигару и побѣжалъ за дѣвочкой, что-то кричалъ и сильно разводилъ руками.

Долго смотрѣлъ Грубинъ влѣдъ счастливцу и курилъ, стараясь отгонять отъ себя всякія горькія мысли.

III.

Музыка совсѣмъ смолкла. Грубинъ возвращался по тому же пути, лѣнливою походкой. Солнце гораздо сильнѣе пекло, чѣмъ въ полдень. Ни одного облачка не клубилось надъ озеромъ, и золотой куполъ мечети игралъ вдали, рядомъ съ бѣлымъ столбомъ минарета.

Не могъ онъ оторваться мыслью отъ образа дѣвочки съ

ей черными глазками и голыми ножками въ бѣлыхъ высокихъ ботинкахъ! Отецъ своимъ внезапнымъ уходомъ и тревогой за ребенка спугнулъ съ него болѣе ясное настроеніе.

Оставаться въ паркѣ не хотѣлось и дохой не тянуло. Тамъ—даже и на террасѣ—было, навѣрное, очень жарко. И терраса, и его кабинетъ выходили на югъ. Да и вся дача подавляла его своею пустотой. Нарочно не хотѣлъ онъ заставлятъ ее мебелью, чтобы было какъ можно больше воздуха, особенно въ спальнѣ роженицы и въ дѣтской. Подъ дѣтскую отвелъ онъ самую просторную комнату—залу, и теперь въ ней одиноко стоитъ колыбель изъ металлической сѣтки съ пологомъ.

У него не хватало духу приказать убрать ее. Она стояла такая чистая, съ голубымъ подбоемъ, вся въ кружевномъ уборѣ. Мимо нея надо ему проходить въ свою спальню.

Эта дача, съ садомъ, такая вся свѣтлая и веселая, теперь для него точно просторная усыпальница... Въ ту комнату, гдѣ догорѣла жизнь его Кати, онъ не заглядываетъ. Она стоитъ запертая, и только горничная сметаетъ тамъ пыль, когда барина нѣтъ дома.

Дольше іюля онъ не выдержитъ. Уѣдетъ куда-нибудь въ горы, въ бернскій Оберландъ. Тотъ докторъ, что лѣчилъ его послѣ смерти жены и ребенка, усиленно шлетъ его въ Тараспъ, увѣряетъ, что у него какіе-то „артритическіе симптомы“, хотя онъ самъ теперь ничего не чувствуетъ.

Нарядный, величавый садъ, похожій на царственные чертоги, со своими аллеями, площадками, статуями и бюстами, павильонами и галереями, казался ему теперь, когда онъ сталъ думать о поѣздкѣ въ Швейцарію, слишкомъ плоскимъ, однотоннымъ, чопорнымъ и тоскливымъ.

Два слишкомъ года назадъ, ъ-ту же пору, они ѣздили вдвоемъ въ Швейцарію молодыми. Поселились въ Интерлакенъ и оттуда дѣлали экскурсіи. Особенно ярко и выпукло проходили передъ нимъ подробности первой прогулки въ горы... Гидъ, навьюченный ихъ вещами, шелъ особенною горною походкой, поднималъ ноги не такъ, какъ они, механически, ступалъ мелкими шагами. И послѣ трехчасового хода, въ сильную жару, даже лобъ гида не сдѣлался влажнымъ, а онъ весь горѣлъ и своею полотняною шляпой зачерпывалъ студеную воду въ каждомъ

ручьѣ. Они шли почти все время лѣсомъ. Катя любила больше спускъ, чѣмъ подъемъ... Она сбѣгала съ крутизны, перескакивая съ камня на камень, легкая, худенькая, миниатюрная, на видѣ дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Онъ не могъ поспѣть за нею и все кричалъ:

— Не франти, Катя, не франти, расшибешься!

Но она смѣялась, и ея дробный, точно дѣтскій, смѣхъ раздавался гулко и подмигательно среди обнаженныхъ утесовъ, куда надо было избираться уже безъ всякихъ тропокъ. На ледники они не ходили. Катя упрашивала, но онъ не согласился, все думалъ, что она беременна, чего не было, и не было цѣлыхъ два года.

Какъ она расхохоталась, а потомъ обидѣлась, когда на крутомъ подъемѣ, въ лѣсу, одна французенка, поднимавшаяся на лошади, увидала его голову, всю мокрую,—онъ тогда пилъ изъ ручья,—и крикнула кому-то:

— Regarde moi cette tête!

Послѣ они часто вспоминали эту сцену.

Вспомнилось ему и ихъ долгое сидѣнье на обрывѣ утrophъ. Площадка, ярко зеленѣвшая отъ густой травы, обрывалась надъ отвѣсною стѣной. Внизу шла дорога, дѣлая зигзаги по склону горъ, а еще ниже—узкая долина, съ хижинами, пильнями, цѣлыми деревушками. Люди и скотъ казались куколками. Съ разныхъ сторонъ перекликались колокольчики коровъ.

Они оба прилегли на траву, внизъ головами, доползли до самаго края и глядѣли-глядѣли со смѣсью любопытства и сладкаго чувства опасности.

Какъ все, что тамъ ощущалось, было отлично отъ того, что этотъ пышный и чопорный садъ навѣвалъ бы на него, даже будь около него Катя и гуляй съ нимъ вотъ по этой самой аллеѣ!

Онъ рѣшилъ тутъ же ускорить свой отъѣздъ.

Не въ Тараспъ отправится онъ прямо, а на тѣ кручи, гдѣ человѣку, раздавленному горемъ, только и можно дышать. Самъ онъ не испытать и ранѣе, въ свои холостыя поѣздки, полнаго захвата природы въ заоблачныхъ высяхъ: лѣнь было подниматься или удерживало безразличное чувство—не хотѣлось быть похожимъ на сотни туристовъ, сбѣжавшихъ изъ этого фразетовство спорта.

Но въ памяти его мелькали страницы какой-то старой книжки, въ видѣ писемъ, изъ первыхъ годовъ вѣка.

Грубинъ остановился, захотѣлъ припомнить заглавіе, и

не могъ. Это показалось ему страннымъ, почти смѣшнымъ. Ничего подобнаго онъ еще не испытывалъ... Значить, горе отшибло и половину памяти.

Книжка была перепечатана уже въ недавнее время. И желтую обложку онъ недавно вспомнилъ. Языкъ прекрасный, мѣстами художественный, мѣстами глубоко-вдумчивый — французскаго неудачника и созерцателя — звучалъ въ его головѣ. Между письмами попадались и отрывки. Ему пришло само собою и французское слово: „fragments“. Въ одномъ изъ нихъ онъ нашелъ необычайно искреннее, безстрашно-пережитое состояніе души челоуѣка лицомъ къ лицу съ самою величавою надземною природою Альповъ, гдѣ уже не жутко за себя, гдѣ сердце замираетъ для всего земнаго и холодъ отъ рдѣющихъ на закатѣ ледниковъ проникаетъ васъ сладкимъ трепетомъ звѣздныхъ мировъ.

Будто трудно уйти туда? По цѣлымъ мѣсяцамъ живутъ тамъ пастухи, — ихъ зовутъ по-нѣмецки Kùher, а тамъ, гдѣ говорятъ по-романски, „Armailli“, — отрѣшаются отъ всего живаго, кромѣ своихъ стадъ. Зажить одною жизнью съ „армалли“, побрататься съ нимъ и полгода не спускаться съ тѣхъ высотъ, гдѣ такой пастухъ сзываетъ звукомъ рога своихъ коровъ, донтъ ихъ, носить въ шалашъ молоко и мастерить сыръ.

Ни о чемъ не думать, ничего не бояться: ни хворости, ни смерти: ничего не желать и любить одну природу, съ ней говорить денно и нощно, ловить ея откровенія, уходить, до полнаго экстаза, въ ея дивныя, гигантскія красоты...

Незамѣтно для себя очутился Грубинъ на мостикѣ и какъ бы очнулся.

Было все такъ же жарко. По широкой аллеѣ, слѣва вправо, на мелкихъ рыскахъ приближался экипажъ.

Онъ поглядѣлъ туда. Ландо везли двѣ рыжія лошади въ шорахъ. На козлахъ кучеръ и лакей въ гороховыхъ короткихъ ливреяхъ: одинъ въ сапогахъ съ желтыми отворотами, другой — въ длинныхъ штиблетахъ. Въ уздечкахъ, около лба каждой лошади, сидѣли разноцвѣтные бантики и пестрѣли на солнцѣ.

Вся эта выѣздка отзывалась большимъ изяществомъ.

На перекресткѣ коляска остановилась. Въ ней сидѣли двѣ дамы и двое мужчинъ на переднемъ мѣстѣ. Дамъ нельзя было рассмотреть изъ-за деревьевъ.

Лакей соскочилъ, обѣжалъ и отворилъ дверку. Изъ коляски спустился на дорогу мужчина, сидѣвшій со стороны мостика, снялъ шляпу, должно-быть, пожалъ руку дамы, даже махнулъ рукой, приложившись ею ко рту на французскій ладъ, что-то крикнулъ, круто повернулся и пошелъ къ мостику.

Вдаль Грубинъ видѣлъ не очень ясно. У него была слабая степень близорукости; но онъ не носилъ рипсе-пез, а дома, по вечерамъ, иногда читалъ въ очкахъ.

Мужчина пошелъ развалистою поступью. Песочнаго цвѣта пальто, на-отлетъ, съ яркою полосатою подкладкой, сидѣло широко на его высокихъ плечахъ. Онъ былъ средняго роста, на ходу держалъ голову нѣсколько вбокъ. Шляпа-цилиндръ такъ и лоснилась, надѣтая немного набекрень. Въ правой рукѣ онъ вертилъ трость съ круглымъ серебрянымъ набалдашникомъ. Желтые ботинки мелькали въ свѣтло-сѣрыхъ панталонахъ полосками.

Прежде чѣмъ Грубинъ призналъ его, по мостику раздался широкою волной окликъ, сдѣланный немного хриплымъ дворянскимъ голосомъ:

— Владимиръ Павловичъ! Тебя ли вижу, душа моя?

IV.

По голосу онъ сейчасъ же узналъ, что окликнулъ его Валерій Ивановичъ Голубецъ, однокурсникъ и товарищъ по гимназiи.

Они не видались больше полугода.

— Какъ попрыгиваешь?

Голубецъ подошелъ къ нему, немного раскачиваясь, желкими шагами, и протянулъ обѣ руки.

Надо было поцѣловаться. Грубинъ вблизи нашелъ лицо Голубца сильно поблеклымъ, подъ легкимъ загаромъ. Оно какъ-то побурѣло. Вокругъ желтоватыхъ глазъ гнѣздились морщинки, характерныя для жеполубивыхъ мужчинъ, и красноватая свои вѣки, какъ и прежде, двигалъ онъ на особый манеръ, чтобы придать глазамъ или тонко-занимательное выраженiе, или молодецкое выраженiе человека бывалаго, эксперта и оцѣнщика, которому все первосортное въ жизни извѣстно и переизвѣстно.

И такъ же, какъ всегда, отъ него пахло когда-то модными духами Essbouquet. Онъ находилъ ихъ единственно допустимыми для порядочнаго человека.

Та же прическа: немного подвитые на вискахъ русые

волосы и короткая борода четырехугольникомъ, какъ носили въ то время, какъ они кончали курсъ.

— Гдѣ ты? Что ты?—спрашивалъ Голубецъ, растягивая слова и произнося ихъ немного въ носъ.

Такую дикцію онъ себѣ усвоилъ искусственно и считалъ породистой.

Отвѣтить сразу Грубинъ затруднился.

Онъ понялъ, что Голубецъ не знаетъ о его горѣ. Глубокаго траура онъ не захотѣлъ носить и его пиджакъ былъ синяго цвѣта. На похороны Голубецъ не прѣхалъ; можетъ-быть, его не было въ Петербургѣ или онъ не прочелъ объявленія. Особыхъ приглашеній не разсылали.

— Здѣсь? Въ Царскомъ? Одинъ или съ барыней?

Голубецъ взялъ его подъ руку жестомъ пріятеля, такого человѣка, которому хочется, чтобы про него всегда и вездѣ говорили: „душа-человѣкъ“. Ему очень польстило, когда какой-то пріятель громко на одномъ юбилейномъ обѣдѣ крикнулъ про него: „Лихой ямщикъ Валерьянъ!“, хотя имени Валерьянъ онъ не допускалъ и называлъ себя съ гимназическихъ годовъ „Валерикъ“. Товарищи надъ нимъ подтрунивали и доказывали ему, что „Валерикъ“ у Лермонтова—имя урѣчища, а не героя; но онъ продолжалъ подписывать „Валерикъ“ въ любовныхъ и пріятельскихъ запискахъ.

— Моя жена скончалась,—выговорилъ, наконецъ, Грубинъ, когда они миновали мостикъ.

Голубецъ, все подъ руку, велъ его къ памятнику.

— Что ты!.. Быть не можетъ!..

Голубецъ повелъ усами на особый ладъ и понурилъ голову, держа ее нѣсколько вбокъ.

„Хорошо еще, что банальностей не говорить“, — подумалъ Грубинъ, и ему стало легче. Съ такимъ человѣкомъ, какъ Валерій Пвановичъ, изливаться онъ не будетъ, хотя тотъ большой охотникъ до всякихъ душевныхъ бесѣдъ и откровенностей и всегда называетъ себя „могилой дружескихъ секретовъ“.

Но все-таки надо было рассказать ему, какъ и когда постигъ его ударъ.

— Ну, да, ну, да!—воскликнулъ Голубецъ и вскинулъ голову. — Все наши коновалы! Все эти специалисты! Ахъ, Грубинъ, душа моя, какая досада, что ты не обратился ко мнѣ!.. Правда, меня не было въ Петербургѣ... Вѣдиль въ Среднюю Азію. Большое дѣло... Послѣ какъ-нибудь

расскажу... А то бы я тебѣ Варлиха... Прекрасный врачъ по женскимъ болѣзнямъ и акушерству.

— Да вѣдь ты называешь ихъ всѣхъ коновалами? — возразилъ Грубинъ искреннею и горькою нотой.

О докторахъ-спеціалистахъ онъ и самъ не могъ еще ни думать, чи говорить спокойно.

— Всѣ, но не Варлихъ!.. Я его рекомендовалъ прошлою зимой княгинѣ Пронской... Варварѣ Ивановнѣ... Слыхалъ, конечно? Всѣ отъеззались наотрѣзъ. Скирръ въ брюшинѣ... вотъ какой! — Голубецъ сложилъ вмѣстѣ два кулака. — И онъ одними внутренними средствами и компрессами въ полгода довелъ до грецкаго орѣха... Увѣряю тебя!

Грубину слышались съ гимназіи знакомые ему перемены голоса Валерія Пвановича, когда онъ начиналъ „возводить въ квадратъ“ предметы своихъ повѣствованій. Не мало про него ходило анекдотовъ между товарищами и знакомыми. На бѣду онъ считалъ себя и великимъ охотникомъ. Многимъ были извѣстны его рассказы о семи убитыхъ имъ, одинъ за другимъ, волкахъ и о воротахъ деревенской околицы, вышибленныхъ имъ верхомъ въ азартѣ преслѣдованія краснаго звѣря. Еще въ гимназіи считалъ онъ себя силачомъ съ аристократическими „ручками“, и это сходство съ Печоринымъ сдѣлало его посреди тогдашняго увлеченія идеями научнаго реализма поклонникомъ Лермонтовскаго героя. Онъ, на вакаціяхъ, по цѣлымъ часамъ леталъ съ нагайкой въ рукахъ, скрывался куда-то по ночамъ, тоже верхомъ, но о своихъ побѣдахъ никому не рассказывалъ, а только давалъ понять, что онъ бывали не рѣдки и страшно трудны. Иногда у него вырывалось восклицаніе: „И былъ съ ней жестокъ!“ или: „Я ее не пощадилъ!“, съ особенною интонаціей, которую онъ всегда пускалъ въ ходъ, цитируя стихи.

Необычайная память Грубина обижала его еще въ гимназіи, зато онъ желалъ затмить его искусствомъ чтеца и считалъ себя такимъ Арбенинымъ, какого никогда не было ни на одной изъ столичныхъ сценъ.

— Что же, братъ, — протянулъ еще сильнѣе въ носъ Голубецъ, — ей лучше.

Перефразируя стихъ своего любимаго поэта, онъ произнесъ съ жестомъ правой руки:

— „И на устахъ ея печать“.

„Ахъ, ты снобъ!“ — хотѣлъ ему крикнуть Грубинъ, но

Голубецъ всегда его обезоруживалъ своею полнѣйшею вѣрой въ себя.

И теперь онъ вѣрилъ, что никто красивѣе и болѣе по-дворянски не въ состояніи выразить товарищу своего сочувствія.

— Ты въ Царскомъ и остался? — спросилъ Голубецъ, увлекая его дальше къ дворцу. — Я думаю, ужасно то-скуешь, бѣдняга!.. Ты бы хоть въ городъ почаще наѣзжалъ. Я на дачу не переѣхалъ. Не могу по дѣламъ... Скоро опять собираюсь плыть въ Батумъ... Право, не хочешь ли пообѣдать сегодня на островахъ, у Фелисьена, что ли? А потомъ поѣхали бы-смотрѣть тѣхъ шутовъ гороховыхъ... на Марсовомъ полѣ... Ты не видалъ команду Буффало-Билля?

Грубинъ только поглядѣлъ на него полуукоризненно.

— Надо развлекаться, мой другъ! Въ твоемъ положеніи... Нѣтъ, Владиміръ Павловичъ, — вдругъ заговорилъ онъ охотничьимъ возбужденнымъ тономъ, остановилъ Грубина на дорогѣ и взялъ его за бортъ растянутого пиджака, — эти индѣйцы! Вотъ мазуричья штука! Набрана какая-то босая команда. А лошади съ расшивъ взяты, киргизскія... Съ нашими клеймами... Божусь Богомъ, съ нашими клеймами. Собственными глазами видѣлъ... Ну, ты меня знаешь! Кажется, всѣ зубы съѣлъ по барышнической части.

Лошадитникомъ Голубецъ былъ всегда, продавалъ и покупалъ, считалъ себя первымъ спеціалистомъ по рысистымъ породамъ, прежде много рассказывалъ про свой конскій заводъ, но заводу этому и Грубинъ, и другіе его товарищи какъ-то плохо вѣрили. Своею „выѣздкой“ онъ особенно щеголялъ, и зимой, въ часы катанія по Морской, не иначе выѣзжалъ, какъ въ золотыхъ уздечкахъ и въ саниахъ изъ металлической проволоки.

— Такая, милый другъ, мистификація, что я теперь, какъ кто здорово привреть или очки хочетъ вставить, говорю: „это Буффало-Билль!“

— Буффало-Билль! — съ тихою усмѣшкой повторилъ Грубинъ, и ему захотѣлось примѣнить эту кличку къ самому рассказчику объ индѣйскихъ представленіяхъ на Марсовомъ полѣ.

— Право, поѣхали бы! Я долженъ только забѣжать во дворецъ... къ одному господину... Ты бы меня подождалъ тамъ вонъ, въ той аллеѣ, за церковью.

— Нѣтъ, не могу,—энергически отказался Грубинъ.— Сегодня я ужъ совсѣмъ не расположенъ.

— Нельзя, Владиміръ Павловичъ, такъ распускать себя. Понимаю твою горе; по тебѣ-то и надо видѣть людей. Въ Царскомъ у тебя есть ли знакомые?

— Никого.

— Никого?.. Такъ невозможно, милый. Я тебя втяну... Ты видѣлъ, кто меня выпустилъ тамъ?

— Нѣтъ, не разглядѣлъ... Да я и не знаю никого.

— Сами Аксамитовы.

— А кто это?—равнодушно спросилъ Грубинъ.

— Любовь Ѳедоровна Аксамитова! Но знаешь?.. Быть не можетъ... Съ мужемъ и съ дочерью... Проводить здѣсь сезонъ... И дочь начинаетъ показывать. Не можетъ быть, чтобы ты не слыхалъ о нихъ.

— Что-то такое... давно.

— Я тебя представлю.

— Уволь!

Грубинъ замахалъ руками.

— Не сегодня... а на недѣлѣ... А теперь прощай... Гдѣ ты живешь?

Адресъ нельзя было не дать. Товарищи простились у спуска на тротуаръ.

V.

Толпа широкою волной ползла изъ обѣихъ дверей вокзала въ садъ—пестрая, нарядная, гдѣ массу составляли женщины,—всикія: старухи, молодыя дамы, множество дѣвицъ и подростковъ.

Только что отошло первое отдѣленіе концерта въ бенефисъ капельмейстера и тотчасъ же въ павильонѣ цвѣтника загрохоталъ духовой хоръ царскосельскихъ стрѣлковъ.

Въ боковой залѣ, гдѣ стоятъ накрытые по сторонамъ столы, въ самомъ углу, на концѣ длинной скамьи, еще сидѣлъ Грубинъ.

Онъ только что прослушалъ исполненныя оркестромъ „Kinderscenen“ Шумапа. Сколько разъ играла ихъ ему Катя. Иныя вещи изъ этой серіи выходили у ней на фортепиано лучше, чѣмъ въ оркестрѣ. Одна изъ нихъ— „Glückesgenus“—была его любимая, и онъ всегда просилъ повторить. Зато знаменитая и довольно заигранная оркестрами „Träumerei“ неожиданно захватила его и унесла

въ сказочное царство дѣтскихъ грёзъ. Не могъ онъ не представить себѣ дѣтскую въ вечернія зимнія сумерки. Въ колыбели лежитъ его Таня, уже годовалымъ ребенкомъ. И ей что-то снится сладкое. Губки распустились пышнымъ бутонъ. Головка немного на-бокъ, кудерки на лбу растрепались. Въ просторной и теплой комнатѣ слышенъ только стукъ часовъ. Лампадка горитъ въ углу, въ кіотѣ.

Его Таня видитъ во снѣ папу и маму. Она гдѣ-то съ ними въ саду. На развѣсистыхъ вѣтвяхъ шарами горятъ яблоки и длинные-длинные цвѣты, въ родѣ лилій, щеко-чуть ея щеки... Она смѣется во снѣ и просыпается.

А у большой изразцовой печки, чуть-чуть отражающей мерцаніе лампадки, присѣла на полу няня. Она собралась топить печку, да боится, какъ бы не разбудить ба-рышню.

— Ня-я, — протянулъ ласково ребенокъ и ручонками сталъ себѣ протирать глаза.

Таня любитъ, когда топится печь, смотреть на огненные языки и прислушивается къ веселому треску березовыхъ сухихъ дровъ.

Картина напросилась сама, когда Грубинъ слышалъ первые звуки „Am Kamín“. Что-то дѣтское, наивное и уютное неслоь отъ этихъ звуковъ.

Глаза его были еще влажны, когда оркестръ совсѣмъ смолкъ и началось движеніе публики въ садъ и вдоль колоннъ.

Онъ стыдливо отеръ глаза и остался сидѣть, чтобы не толкаться въ толпѣ и не повстрѣчать знакомаго. Чаю ему не хотѣлось. Лучше онъ подождетъ и погуляетъ въ паркѣ. Во второмъ отдѣленіи должны были пѣть цыгане. Это его не прельщало. Онъ ихъ никогда не любилъ, ни дикихъ гиканій и плясокъ, ни романсовъ, передѣланныхъ изъ вальсовъ Штрауса, съ обычнымъ перевираньемъ и безъ того пошлаго текста.

Стало рѣдѣть. Служители зажигали лампы и люстры надъ отгороженной серединой залы съ рядами платныхъ мѣстъ. Въ дальнемъ крылѣ вокзала, у стойки съ печеньемъ и питьемъ, тѣснилось много дамъ и дѣвочекъ. У выхода дѣвица въ яркой шляпѣ, въ видѣ колпака, и съ повязанною щекой продавала билеты на ближайшій спектакль французской труппы.

Мимо нея прошелъ, въ сторонѣ, Грубинъ, потомъ взялъ

вдоль галлерей, гдѣ на одномъ диванѣ увидалъ цѣлыхъ двухъ священниковъ съ семействами, спустился въ садъ, не глядя на разноцвѣтный коверъ изъ медленно двигавшейся публики, и вышелъ нарочно боковыми воротцами, чтобы дальше вернуться опять въ паркъ и не идти черезъ мостикъ, гдѣ, навѣрное, ждали его встрѣчи.

Онъ въ послѣдніе дни еще больше одичалъ. Его поѣздка за границу затягивалась. Обѣщали ему въ конторѣ устроить сдачу квартиры и просили переждать еще съ недѣлю.

Въ Павловскѣ онъ ѣздилъ или ходилъ пѣшкомъ почти каждый день на музыку. Она только и смягчала ему тупую, душевную боль, сокращала пудовой ходъ времени—эти безконечные вечера и бѣлыя ночи съ ихъ обманнымъ свѣтомъ и млечною, унылою, минутами мучительно-горькою тягучестью.

Паркъ онъ любилъ больше царскосельскихъ садовъ, всѣ его концы, и низкіе и холмистые берега рѣчки, особенно уголки въ сосновой рощѣ по ту сторону воды, за дворцомъ.

Въ аллеѣ вдоль сада, вправо и влево отъ мостика, стояло нѣсколько экипажей. Проѣзжали и кавалькады. На диванахъ разсѣлись гувернантки и бонны съ дѣтьми. Сюда музыка военного хора доходила слегка смягченная.

Грубинъ хотѣлъ повернуть во вторую поперечную дорожку, черезъ лугъ, и спуститься къ нижнему мостику и каменной лѣстницѣ со львами, надъ которой, посреди клумбы, стоитъ бюстъ императора Вильгельма.

Шелъ онъ тихо, съ наклоненною головой. Въ ушахъ его все еще дрожали звуки, подъ сурдинку, шумановскихъ дѣтскихъ спенъ.

— Владиміръ Павловичъ! Да остановись, пожалуйста!

Возгласъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться.

Голубецъ догонялъ его — все въ томъ же свѣтломъ пальто, но въ черномъ сюртукѣ и не въ желтыхъ, а въ обыкновенныхъ ботинкахъ.

Съ нимъ они не видались послѣ встрѣчи въ Царскомъ. „Буффало-Билль“, разумѣется, забылъ про свое обѣщаніе развлекать товарища, чему тотъ былъ чрезвычайно радъ.

— Ну, здравствуй! Идетъ точно философъ Кантъ, совершающій послѣобѣденную прогулку. Извинюсь, душа моя, не дали мнѣ минуты свободной быть у тебя въ Царскомъ... Вотъ только сегодня обѣщалъ дамамъ поѣхать

съ ними сюда... Захотѣлось имъ конокрадовъ послушать.

— Какихъ конокрадовъ?—спросилъ Грубинъ.

— Какихъ? Да все тѣхъ же фараоновъ. Цыганскаго пѣнія. Вѣдь это мы ихъ въ артисты пожаловали, а настоящее ихъ званіе—конокрады. Ха-ха!

Щеки Валерія Ивановича раскраснѣлись. Видно было, что онъ прекрасно пообѣдалъ. Его дворянскій голосъ пріобрѣлъ маслянистость и носовые звуки выходили менѣе рѣзко.

Улыбнулся и Грубинъ. Каковъ бы ни былъ „Буффало-Билль“, но онъ всегда тотъ же и отъ него вѣтъ несокрушимою вѣрой въ свою лихость, удачу, обаятельное обхождение и благородство повадокъ хорошо рожденного мужчины.

— Владиміръ Павловичъ! Я сказалъ дамамъ, что представлю тебя тутъ же.

— Гдѣ? Какимъ дамамъ?—почти съ испугомъ откликнулся Грубинъ и даже подался назадъ.

— Да, вонъ, ландо... Рыжія... хорошихъ статей пара... Полукровныя... И кучеръ, изъ чухонъ, англазированъ. Я рекомендовалъ. Въ татерсаль былъ... еще при мнѣ...

— Представить меня?

— Ну, да, кого же иначе?.. Любовь Федоровна вспомнила тебя.

— Меня?—еще пугливѣе переспросилъ Грубинъ.

— Тебя, тебя! Гдѣ-то на водахъ, въ Пирмонтѣ, что ли, или въ Киссингенѣ. Лѣтъ десять назадъ. Она нашла, что ты мало измѣнился.

— Да гдѣ она меня видѣла... и кто она?

— Сейчасъ... ты прошелъ... Я на тебя указала. Идемъ.

— Уволь... Пожалуйста, съ какой стати?

— Нѣтъ,—протянулъ Валерій Ивановичъ, и глаза его съ красноватыми вѣками стали сейчасъ же темнѣть. Губы онъ выпятилъ и выраженіе лица получило оттѣнокъ почти обиженный. — Нѣтъ, милый другъ, такихъ вещей не дѣлають. Мы съ тобой товарищи и пріятели. Любви Федоровнѣ это извѣстно. Я прошу у нея позволенія представить, стало, съ твоего согласія.

— Да когда же я тебѣ давалъ его?

— А въ Царскомъ? Въ саду?.. Я тебѣ говорилъ про Аксамитовыхъ. Нѣтъ,—брови Валерія Ивановича стали сдвигаться,—такихъ вещей со мной нельзя. Ты знаешь, я человѣкъ не мелочной. Но въ свѣтѣ нельзя, братъ, такъ

манкировать. И я не позволю себѣ... ни предъ какою женщиной.

Тонъ дѣлался все болѣе обиженнымъ и серьезнымъ.

— Что за шутовство!—вырвалось у Грубина.

— Нисколько не шутовство. Воля твоя... Ты можешь продолжать или нѣтъ знакомство... Но подойти къ этимъ дамамъ ты долженъ, и сейчасъ же. Ужъ и то странно, что мы стоимъ и торгуемся, а онѣ на насъ смотреть.

„Это дѣйствительно неловко“, — подумалъ Грубинъ и отправился. Онъ былъ одѣтъ почти по-домашнему, но это его не смутило.

— Идемъ, Владиміръ Павловичъ!

— Богъ съ тобой... Но кто же эти дамы? Аксамитова съ дочерью?

— Да, да... Маруся... Ты увидишь, какой это цвѣтокъ!

Голубецъ прикрылъ глаза, потомъ взялъ Грубина подъ руку и скорою походкой, сѣменя своими короткими ногами, повелъ его по аллеѣ къ мостику.

VI.

Въ Грубинѣ было такое чувство, точно его ведутъ на какую-то расправу.

Никто не считалъ его застѣнчивымъ, и холостымъ онъ ѣзжалъ въ свѣтъ. Женатая жизнь отдалила отъ выѣздовъ, но не сдѣлала пелюдимымъ. Недавнее горе выбило его изъ колеи и всякое новое знакомство, да еще такое, какъ эти Аксамитовы, отталкивало его.

— Любовь Федоровна, Орестъ Юрьевичъ: мой товарищъ и другъ, Владиміръ Павловичъ Грубинъ.

Голубецъ выговаривалъ это параспѣвъ и серьезно, со всѣмъ не похоже на его обыкновенный, полубалагурный тонъ.

Приходилось вести себя какъ прилично-порядочному, далеко не старому мужчине. И онъ тутъ пожалѣлъ о томъ, что этому мужчине пошелъ всего тридцать девять, а не сорокъ девятый годъ.

Ему величаво кланялась съ своего мѣста полная въ бюстѣ, рослая женщина, на видъ лѣтъ за тридцать, съ овальнымъ матовымъ лицомъ большой красоты. Въ черныхъ, точно вишни, чисто-русскихъ глазахъ маслянистый блескъ привѣтливо ласкалъ каждого. Тѣнь отъ широкаго соломенной шляпки съ двумя букетами цвѣтовъ спереди и сзади дѣлала лицо еще красивѣе. На плечи была на-

кинута шитая золотомъ суконная мантилья и ея стоячій воротникъ подпиралъ голову и придавалъ значительность всему облику роскошной брюнетки.

— Весьма радъ,—картавя выговорилъ ея мужъ, сидѣвшій напротивъ, и подалъ Грубину руку.

Передъ Грубинымъ промелькнула смутно наружность мужа: большіе рыжеватые усы, короткіе бакенбарды, крупные черты какого-то нерусскаго типа, свѣтло-кофейный котелокъ на головѣ, пучки сѣро-желтыхъ волосъ на вискахъ, пиджакъ, небрежно застегнутый на одну пуговицу.

Этого барина онъ нигдѣ не встрѣчалъ, но вспомнилъ, что его жену дѣйствительно видалъ на какихъ-то нѣмецкихъ водахъ.

Изъ-за пышной груди, задрапированной складками матеріи, съ буфами на плечахъ, выставлялось профилемъ другое женское лицо — дочери, которую Валерій Ивановичъ не иначе звалъ въ разговорахъ о ней, какъ „Маруся“.

Она чуть замѣтно поклонилась Грубину, и этотъ поклонъ задѣлъ его и заставилъ подтянуться и почувствовать въ себѣ мужчину, челоуѣка изъ общества, которому не пристало имѣть такой стѣсненный, почти жалкій видъ.

Не то чтобы этотъ поклонъ былъ слишкомъ небреженъ... Поклонилась она безукоризненно, но что-то такое защемило въ немъ.

„Дѣвчонка, и такая важная“,—невольно подумалъ онъ и быстро оглядѣлъ ее всю.

Она была не дѣвчонка, смотрѣла совсѣмъ сложившеюся дѣвушкой. Профиль выдѣлялся на фонѣ зелени сада тонкою и строговатою линіей. Носъ, короткій и прямой, шелъ отъ лба, точно на античномъ рельефѣ. Блѣдная кожа съ розоватымъ загаромъ ярко отѣняла густые волосы съ красноватымъ отливомъ, на лбу подстриженные, но не завитые. Черная большая шляпа продолговатой формы, съ приподнятымъ краемъ и всего однимъ краснымъ цвѣткомъ, шла и къ волосамъ, и ко всему лицу необычайно. Взгляда Грубинъ не успѣлъ уловить,—глаза она тотчасъ же отвела. Дѣвчонка гибкая и крупная шея и всѣ контуры груди въ свѣтломъ платьѣ, съ вырѣзомъ вокругъ горла, выглядывали изъ-подъ накинутаго, но не застегнутой мантильи съ такимъ же воротникомъ Маріи Стюартъ, какъ и у матери, изъ свѣтло-бирюзовой матеріи на серебристой шелковой подкладкѣ.

Не успѣлъ Грубинъ отвести отъ нея взгляда, какъ до него съ павильона музыкантовъ допелась нота на пистонѣ, схватившая его за сердце. Онъ узналъ возгласъ Карженъ: „Prends garde à toi!“ въ концѣ знаменитаго романса цыганки изъ перваго акта оперы.

— Князь Юшадзе,—раздался надъ его ухомъ уже мѣнѣе торжественный возгласъ Валеріа Ивапоница.

Онъ торопливо поднялъ голову. Облокотясь о крыло коляски, стоялъ высокій, худой офицеръ въ бѣлой фуражкѣ и очень короткомъ вицмундирѣ, съ тросточкой въ рукахъ. Грубинъ совсѣмъ и не замѣтилъ его.

Офицеръ, съ типичнымъ лицомъ мингрельскаго князя и молодою важною красавца, протянулъ ему свою длинную, бѣлую руку безъ перчатки и крѣпко пожалъ, немножко спустивъ голову на грудь, гдѣ у него, въ петлицѣ, воткнутъ былъ цвѣтокъ.

— Очень пріятно,—выговорилъ Грубинъ, и его взглядъ перешелъ отъ этого кавказскаго профиля къ тому греческому, съ гораздо большею тонкостью и выраженіемъ, вызвавшимъ въ немъ неясную тревогу.

— Вы нашъ сосѣдъ, Владиміръ Павловичъ,—обратилась къ нему Аксамитова, и голосъ ея, ровный и сочный, задрожалъ въ засвѣжѣвшемъ влажномъ воздухѣ.

— Любовь Ѳедоровна,—пояснилъ тономъ домашняго друга Голубецъ,—въ двухъ шагахъ отъ дворца, дача бывшая Корзининыхъ. Навѣрное, знаешь?

Грубинъ только кивнулъ головой, хотя никакой дачи „бывшей Корзининыхъ“ не зналъ.

— Вы на все лѣто здѣсь?—спросилъ Аксамитовъ и вставилъ въ глазъ монокль.

— Поживетъ, поживетъ!—отвѣтилъ за Грубина Голубецъ и, снявъ шляпу, обратился къ дамамъ:—Такъ что же, mesdames? Угодно идти? Всего лучше теперь занять хорошія мѣста.

— Да вѣдь тамъ, я думаю, все разобрано,—сказалъ Аксамитовъ и нервно повелъ однимъ угломъ рта,—а у насъ билетовъ нѣтъ.

— Все будетъ!.. Я распоряжусь. Въ проходѣ... Поближе къ эстрадѣ... Любовь Ѳедоровна, вы давно не слыхали фараоновъ?

— Давно,—протянула она.—Больше пяти лѣтъ. Тогда только входилъ въ моду Дмитрій Шишкинъ... Такъ, кажется, зовутъ ихъ перваго тенора?

Лицо дочери, наполовину видное Грубину, не дрогнуло, все такое же вдумчивое и прекрасное. Она подняла брови, темные волосы, и совсем темные глаза, взятые у матери, но с другим выражением.

„Она не дѣвчонка,—подумалъ опять Грубинъ,—а женщина, и какая еще!..“

— Я готова! — раздался ласковый и веселый возгласъ Любови Федоровны.—Маруся! — окликнула она дочь и что-то ей сказала вполголоса.

Лакей соскочилъ съ козедъ. Голубецъ отворилъ дверцу и вмѣстѣ съ офицеромъ высадилъ дамъ. Грубинъ стоялъ поодаль.

Пошли они мостикомъ попарно, впереди дочь съ княземъ, потомъ Голубецъ и Аксамитова. Мужъ ея пригласилъ Грубина жестомъ руки и пошелъ съ нимъ въ ногу.

Онъ оказался небольшого роста, полный, въ общемъ еще моложавый. Никто бы не принялъ его за отца такой взрослой дочери. Маруся, такая же высокая, какъ ея мать, шла скоро, довольно большими шагами, и опиралась на высокую палку зонтика. Князь только на подголовы былъ выше ея. Эта пара поражала Грубина своимъ подборомъ. Онъ употребилъ мысленно это слово и тотчасъ же прибавилъ:

„И глупъ же, должно-быть, этотъ князь!“

Почему-то ему пріятно было увѣрить себя сразу въ „непроходимость“ красавца въ короткомъ вицмундирѣ и съ большимъ блиномъ на курчавой, плотно подстриженной головѣ. Даже въ его походкѣ, на оцѣнку Грубина, сквозило что-то глупое.

Кажется, они шли молча. Лица ихъ не поворачивались одно къ другому.

„Что жъ это, — подумалъ Грубинъ,—женихъ съ невестой, что ли?“

Аksamитовъ о чемъ-то спросилъ его; онъ развязно и невпопадъ отвѣтилъ ему.

Около этого человѣка, съ его тикомъ въ углу рта, не похожаго ни на какой опредѣленный русскій типъ, онъ чувствовалъ себя совершенно чуждо, точно съ иностранцемъ, съ которымъ нечего говорить, нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ. Онъ смутно распознавалъ, однако, что мужъ смотритъ болѣе европейцемъ, чѣмъ жена, и тонъ у него болѣе отзывается сибирскостью извѣстнаго сорта.

Двигались они навстрѣчу толпѣ, кружившейся вокругъ

рядовъ зеленыхъ дивановъ. Почти всѣ женщины оглядывали обѣихъ Аксамитовыхъ, мать и дочь, съ головы до пятокъ, нѣкоторыя безцеремонно, другія исподтишка или вслѣдъ имъ. Это обглядываніе начинало раздражать Грубина. Онъ точно участвовалъ въ какой-то непріятной процессіи, которая и его выставляла напоказъ. И ему такъ захотѣлось уйти въ глубь парка и бродить тамъ до поздняго вечера, а въ одиннадцать сѣсть въ вагонъ и вернуться въ Царское.

— Какая масса! — замѣтилъ Аксамитовъ, прищуривая свободный глазъ. — И никого не знаешь... А вы?

— Еще менѣе, — отвѣтилъ Грубинъ, совсѣмъ не глядя на встрѣчную колонну.

У входа въ залу онъ хотѣлъ откланяться.

Но Голубецъ не допустилъ. Онъ въ одинъ моментъ распорядился стульями. Имъ поставили по два стула рядомъ, въ проходѣ, въ самомъ концѣ, у эстрады, гдѣ уже разсѣлись цыганки. Красный, зеленый, желтый, ярко-голубой цвѣта, золотая бахрома и полосатые шали дерзко металась въ глаза. Позади густой рядъ красныхъ кунтушей и черныхъ бородатыхъ мужскихъ головъ полукруглою стѣной заслонилъ опустѣлый оркестръ.

VII.

Посадили его за столомъ Маруси. По другую сторону прохода, на одной линіи съ ней, сѣлъ князь Юшадзе. Впереди сидѣла Любовь Оедоровна.

Маруса откинула свою бирюзовую маптю на спинку стула. Передъ Грубинымъ бѣлѣла ея обнаженная почти до плечъ шея, гдѣ не было противныхъ ему кудерокъ, завитыхъ щипцами. Стволъ шеи переходилъ въ туго вчесанные кверху блестящіе волосы съ золотымъ отливомъ.

Эта близость сразу настроила его иначе, чѣмъ онъ ожидалъ. Черезъ ея плечи онъ смотрѣлъ на цыгапокъ. Посрединѣ выдѣлялась солистка въ самомъ богатомъ костюмѣ съ густою золотою бахромой и въ парчевомъ головномъ уборѣ. Онъ не зналъ, какъ ее зовутъ. Цыганъ онъ не любилъ, но помнилъ, когда слышалъ ихъ въ послѣдній разъ. Это было въ Москвѣ, въ какомъ-то загородномъ трактирѣ, давно, больше десяти лѣтъ назадъ.

Ея лицо заставило его вспомнить и о томъ звукѣ изъ пѣсни Карменъ, когда ему поклонилась дочь Аксамитовой.

„Prends garde à toi!“ — повторилъ онъ мысленно.

Суевѣрнымъ онъ себя не признавалъ. Изъ наслѣдственныхъ примѣтъ у него удержалась одна, и очень крѣпко: встрѣча съ попомъ. Онъ смѣялся надъ собой, называлъ это „пережиткомъ“, но не могъ отрѣшиться отъ непріятнаго ощущенія и не разъ говаривалъ женѣ:

— Какой-нибудь гадости да жди!

И она всегда, совершенно серьезно, стыдила его.

Съ годами и въ своей жизни, и въ жизни другихъ, близкихъ и стороннихъ людей, онъ привыкъ намѣчать совпаденіе фактовъ, удачъ и неудачъ, что-то въ родѣ примѣтъ, указывающихъ на какой-то „детерминизмъ“, болѣе близкій житейской долѣ отдѣльныхъ личностей. И надъ такимъ все возрастающимъ чувствомъ онъ не смѣялся. Смерть жены укрѣпляла въ немъ чуткость къ подобнымъ совпаденіямъ.

Хоръ началъ своею обычною пѣсней: „Ты почувствуй, дорогая“.

Нарастаніе тихихъ звуковъ на грунтѣ мужскихъ октавъ стало пріятно его убаюкивать, и онъ закрылъ глаза. Онъ могъ уйти отъ пестрой, скученной толпы, совсѣмъ ему чуждой, гдѣ было слишкомъ много женщинъ, съ ихъ тряпками всякихъ фасоновъ и цвѣтовъ, дѣтскою возбужденностью и нервною суетой, обезьянствомъ и погоней за всѣмъ, что только можетъ ихъ сдѣлать интереснѣе или порядочнѣе, отличить ихъ отъ такихъ же жалкихъ созданий, но сортомъ ниже—изъ другого общества.

Послѣ смерти жены, Грубинъ точно оборвалъ всякую связь съ женскимъ обществомъ, не ждалъ отъ него ничего и какъ бы не признавалъ въ себѣ права на то, чтобы отъ женщинъ просить отклика на свое горе. Ихъ свѣтская или „интеллигентная“ болтовня и прежде не особенно привлекала его.

Хоръ смолкъ. Онъ раскрылъ глаза. Солистка-цыганка приготовлялась пѣть. Ея гибкіе, длинные и смуглые пальцы брали аккорды. Тепоръ съ пухлымъ бѣлымъ лицомъ франта-куща стоялъ позади ея и настраивалъ свою гитару.

И опять въ ушахъ Грубина пронесся знойный и грозный возгласъ андалузской цыганки:

„Prends garde à toi!“

Это его такъ удивило, что онъ, почти съ чувствомъ смутной боязни, прикрылъ глаза, отведя ихъ отъ головы стройной дѣвушки съ золотистыми волосами надъ бѣлою дѣвичьей шеей, тонкой и твердой.

Память его, угнетенная за послѣднее время, вступала въ свои права и вызвала передъ нимъ цѣлый вечеръ, проведенный въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Вѣнѣ. Онъ въ первый разъ попадалъ въ тамошній оперный театръ. Такая удача баловала его рѣдко. Давали „Карменъ“ съ Луккой, еще въ полномъ обладаніи голосомъ и со сцены обаятельною, точно двадцатилѣтняя красавица-севильянка. Играла и пѣла она съ вызывающею граціей и дьявольскимъ огнемъ въ тѣхъ мѣстахъ музыки Бизе, гдѣ гитана олицетворяетъ собою ехидный порокъ, вливающийся въ душу горделиваго и прямодушнаго карабинера-бискайца, доведеннаго ею до позора.

Послѣдняя картина ярко освѣщенной площади передъ ареною такъ и заматалась передъ нимъ. Карменъ, въ бѣломъ короткомъ платьѣ, шитомъ серебромъ, идетъ, сладострастно покачиваясь на бедрахъ, подъ рубу съ торреадоромъ. Потомъ сцена съ покинутымъ любовникомъ; ея лицо, нервно вздрагивающее отъ смѣси женской боязни и сатанинскаго задора, и эти глаза, точно бросающіе стальныя искры...

Теноръ и солистка запѣли, въ два голоса, какой-то новый романсъ, слащаво, на плохой итальянскій манеръ.

По первамъ Грубина неприятно цѣплялись звуки этого дуэта. Они ничего не говорили ему, не трогали, не утѣшали, были въ рѣзкомъ диссонансѣ съ тѣмъ, что онъ могъ бы ощущать, охваченный воскресшимъ передъ нимъ образомъ Карменъ-Лукки.

Бѣлая шея съ золотистыми волосами затылка, подъ черною шляпой,—лица Маруси онъ не видѣлъ,—вызвала въ немъ желаніе слышать, какой у этой дѣвушки голосъ, похожій ли на мать, довольно высокій и пѣвучій, или нѣтъ. Онъ ожидалъ другого тембра и другого теченія рѣчи, стройнѣе, изящнѣе, новѣе.

Онъ наклонился впередъ и, приподнявъ свою соломенную шляпу, тихо спросилъ:

— Вы любите цыганъ?

Маруса, немного удивленно, вскинула своими темными глазами и въ полъ-оборота отвѣтила:

— Я слышу ихъ въ первый разъ.

Въ словѣ „первый“ прокрадывалась легкая картавость, перешедшая отъ отца. Голосъ былъ въ такомъ родѣ, какъ онъ ожидалъ: скорѣе низкій съ тембромъ mezzo-soprano, звучный и густой, произношеніе отчетливое, безъ всякой

примѣси какого-нибудь мѣстнаго акцента—московскаго или петербургскаго. Такъ говорятъ по-русски тѣ, кто наполовину воспитывался за границей. Лицо оставалось спокойнымъ, безъ улыбки, почти строгимъ.

— И какъ вамъ они нравятся?

— Оригинально,—выговорила она такимъ тономъ, точно хотѣла прервать разговоръ.

Такъ понялъ это Грубинъ и ощутилъ непріятный уколъ. Она какъ будто желала показать ему, что онъ не изъ ихъ общества. Не потому ли, что онъ былъ одѣтъ въ свой будничный пиджакъ и шляпу съ большими полями, а не въ формъ дыни съ короткимъ бортомъ, какъ слѣдуетъ носить по модѣ наступившаго лѣтнаго сезона?

„И чего я лѣзу?—остановилъ онъ себя.—Важнюшка!“ — рѣзко прибавилъ онъ и, отвернувшись въ другую сторону, сталъ смотрѣть вбокъ на князя.

Тотъ, съ блестящими глазами, покручивая тонкіе усы, глядѣлъ на цыганку, томно выводившую усталымъ голосомъ длинную фермату перваго куплета. На его щекѣ, бѣлой, съ синимъ отливомъ, выступалъ румянецъ.

Князь широко захлопалъ, поднявъ обѣ руки, обернулся къ Марусѣ и, наклонившись черезъ проходъ, пустилъ молодымъ баскомъ:

— Шикарный конецъ!

Офицерское слово „шикарный“ Грубинъ особенно не любилъ. Отъ самаго звука этихъ словъ, сказанныхъ баскомъ восточнаго человѣка, получившаго выправку въ словномъ корпусѣ, зашевелилось въ немъ безразличное ощущеніе.

— Что твой Мазини!—раздался громкій одобрительный шопотъ Валерія Ивановича, сидѣвшаго около Грубина черезъ рядъ. — Марья Орестовна, — обратился онъ къ Марусѣ,—каковъ теноръ-то?.. Какія фіоритуры выводить!

Маруся кивнула ему и что-то въ родѣ улыбки проскользнуло по ея замкнутому рту, съ извилистымъ, красивымъ профилемъ.

— Ты какъ находишь конокрадовъ?—спросилъ его Голубецъ одобряющимъ голосомъ, какимъ мѣстные помѣщики говорятъ, на ярмаркѣ, при закупкахъ.

— Слишкомъ манерятся,—отвѣтилъ Грубинъ и поморщился.

Въ залѣ дѣлалось жарко. Хлопали трескуче и вязко, безъ конца. Теноръ и солистка кланялись. Ихъ заставили

повторить послѣдній куплетъ. Воздухъ насытился испареніями отъ духовъ и всей этой массы женскихъ тѣлъ и туалетовъ. Но онъ сидѣлъ съ такимъ чувствомъ, точно ему хотѣлось рѣшить, что собственно въ этой дѣвушкѣ сильнѣе—чванство, застѣнчивость или напускная манера? Врядъ ли ея „шашан“ рекомендовала ей держаться въ обществѣ съ этою миной. Мать была привѣтлива и даже съ какимъ-то особымъ отгѣнкомъ.

Теперь онъ вспомнилъ, что видалъ ее въ Киссингенѣ еще молодымъ человѣкомъ. Она жила тамъ одна, никакой дѣвочки при ней не было. И гулялъ съ ней постоянно длинный, худой польскій графъ, адъютантъ австрійскаго эрцгерцога, богачъ, съ репутаціей развратника и игрока. Отъ русскихъ слыхалъ онъ рассказы о ея похищеніяхъ. Говорили и тогда еще, что супругъ часто отсутствуетъ и вообще сквозь пальцы смотритъ на ея побѣды.

VIII.

Отъ ясныхъ напоминаній памяти Грубину стало не то что пріятнѣе, а совсѣмъ иначе. Теперь онъ предвидѣлъ, кто можетъ оказаться эта моложавая мать съ ласковымъ взглядомъ черныхъ глазъ и немного раздавшимся бюстомъ, и отецъ, съ его видомъ какого-то заграничнаго агента. Но дочь не похожа на мать: ни чертами чудеснаго лица, ни манерой держаться.

Онъ повеселѣлъ, сознавая, что источникъ его новаго, менѣе подавленнаго настроенія, очень некрасивый.

Вспомнилъ онъ, какъ про эту барыню говорили въ легкомъ ироническомъ тонѣ, и точно нашелъ что-то цѣнное.

Грубинъ рѣзко пристыдилъ себя; по памяти не оставила его въ покоѣ.

Вотъ онъ сидитъ на террасѣ акціонернаго казино, куда самая отборная публика водъ ходитъ обѣдать. Яркій день. Обѣдающихъ много. Безпрестанно раздается русскій языкъ. Къ нему подсаживается одинъ москвичъ, сплетникъ и краснобай, изъ мѣстныхъ думцевъ. Это было еще въ первые дни его лѣченія, когда та барыня только что появилась у источниковъ.

— Смотрите,—шепчетъ ему москвичъ и толкаетъ подъ локоть, указывая ему, въ отворенныя двери, на салу ресторана, стоящую въ полутемнотѣ, — видите, какая игра идетъ... Барыня-то одна за столикомъ обѣдаетъ: а тотъ усащъ, долговиный, польскій-то графъ изъ Галиціи, вда-

лектъ, точно они и знать не знаютъ другъ о другѣ; а между ними произошло уже добровольное соглашеніе.

— Кто это видѣлъ?—сказалъ онъ тогда.

— Я видѣлъ... Вчера, смотрю, въ одиннадцатомъ часу... ни души на променадѣ. Только этотъ графъ, что твой аистъ мотается, знаете, тамъ, на углу, гдѣ книжная лавка... и все смотреть на окна второго этажа. Вѣдь, я тамъ живу, батенька, и дама—моя сосѣдка по коридору, занимаетъ отдѣленіе какъ разъ въ сторону колоннады. И я за нимъ сталъ слѣдить, и на окна посматрѣлъ... Вдругъ въ одномъ окнѣ свѣча. Онъ тотчасъ же зашагалъ къ подъѣзду, и шпашь! Вотъ и понимаете!

Помнить онъ, что они оба злорадно засмѣялись, какъ истые холостяки. Онъ самъ никогда не считалъ себя развратникомъ и даже обыкновеннымъ женолюбцемъ, но и онъ раздѣлялъ общую повадку мужчинъ—дѣлать изъ любовныхъ исторій и всего, что отзывается пологою любовью и мужскимъ хищничествомъ, предметъ особаго балагурства. Цинизмъ былъ противенъ ему съ юношескихъ лѣтъ; однако, онъ его выносилъ, волей-неволей, въ мужской компаніи. И послѣ напѣштываній сплетника-москвича онъ началъ совсѣмъ особенно смотрѣть на эту русскую барыню, одна ли она ему попадалась въ паркѣ, или въ сопровожденіи худоногого польскаго графа, въ темномъ длиннѣйшемъ ватерпруфѣ.

Онъ долженъ былъ прервать свое лѣченіе и съ тѣхъ поръ забылъ о ней.

Но это она, несомнѣнно. Онъ припомнилъ и фамилію, прочтенную въ Curliste, гдѣ она показалась ему перевернутой.

Теперь онъ отшатнулся бы съ безразличнымъ чувствомъ, если бъ эта самая барыня стала на него закидывать свою сѣть. И не оттого, что она постарѣла на десять лѣтъ, что она уже тамапа взрослой дочери и талія ея потеряла прежніе контуры. Для него теперь самая мысль о чувственномъ сближеніи—да еще съ чужою женой—просто противна.

Три года супружества держали его въ воздухѣ чистой привязанности, насколько она можетъ быть чиста между мужемъ и женой. Эти три года прошли вдали отъ всякихъ мятежныхъ чувствъ и всякой поправки грѣшнымъ посягательствамъ.

Да и вообще на совѣсти его не было связи съ замуж-

нею женщиной. Не отъ строгости его нравовъ вышло это, а такъ судьбѣ угодно было. Водилась одна связь, но безъ адюльтера, да и то когда ему перешло уже за тридцать лѣтъ. До того, онъ самъ искалъ женскаго отклика на его душевные запросы—и только.

„Однако, какъ же это?—вдругъ спросилъ себя Грубинъ, давно уже не слышавшій того, что пѣли на эстрадѣ.—Если эта исторія въ Киссингенѣ правда, и москвичъ-краснобай не выдумывалъ, то кто же эта дама, мать большой дочери съ такою горделивою свѣтскою выправкой? Кто?“

„Просто мужелюбивая, увлекающаяся женщина, быть-можетъ, несчастная въ своемъ бракѣ или...?“

Слово позорящее и звонкое готово было прозвучать въ его мозгу, но онъ его и мысленно не выговорилъ и оглянулся.

Жаръ возрасталъ. Отъ публики поднимался гулъ—въ небольшой промежутокъ между двумя номерами программы.

Передъ Аксамитовой-матерью стоялъ баринъ съ сѣдою бородой, навѣрное, отставной военный, и двѣ дамы, уже пожилыя. Они всѣ говорили съ ней возбужденно, слащаво улыбаясь, какъ улыбаются тѣмъ, кого пріятно встрѣтить на виду у большой публики.

„Значить, она какъ слѣдуетъ барыня, — соображалъ Грубинъ,—всѣмъ лестно говорить съ нею“.

Голубецъ подошелъ къ этимъ знакомымъ Аксамитовой и что-то сказалъ, шутливо указывая рукой на цыганъ. Дѣвушка сидѣла неподвижно и глядѣла немного въ сторону праваго крыла, гдѣ было гораздо темнѣе.

И опять это обиліе женщинъ беспокоило его. Сзади, спереди, вправо, влево, на эстрадѣ—все женскіе бюсты, глаза, прически, цвѣты, шляпы. Въ виски ему вступала тупая головная боль. Ему точно передавалась вся эта нервная и суетная возбужденность нѣсколькихъ сотъ женщинъ всякаго возраста.

Невольно взглядъ его остановился снова на бѣлой шеѣ, золотистыхъ волосахъ и строгомъ, прекрасномъ профилѣ Маруси. Она смотрѣла теперь въ черепажный лорнетъ, и выраженіе стало еще горделивѣе и замкнутое.

И ему стало ея жаль. Если мать — „такая“ и, быть-можетъ, самой высшей нынѣшней школы, то не уйти отъ того же и этой красавицѣ. Ее прочать, быть-можетъ.

грузинскому князю, т. е. продать или заставить продать себя.

„Какое мнѣ дѣло до всего этого?“ — воскликнулъ онъ про себя и нервно завожился на стулѣ. Поскорѣй бы уйти изъ несносной духоты и распрощаться съ этими знаковыми, навязанными ему Голубцомъ.

„Буффало-Билль!“ — выбранился онъ и сталъ осматриваться, нельзя ли ему уйти другимъ путемъ.

„Нехорошо! Неловко!“ — остановилъ онъ себя и дождался конца цыганскаго отдѣленія.

Когда, подъ трескучіе раскаты аплодисментовъ, всѣ столпились у эстрады, онъ подошелъ прямо къ Аксамитовымъ мужу и женѣ, остановился у самой эстрады и приподнял шляпу.

— Ты куда? Бай-бай? — спросилъ его Голубецъ.

— Такъ рано? — выговорила Любовь Федоровна и обмахнулась вѣеромъ. — Мы тоже сейчасъ ѣдемъ... Не хотите ли къ намъ... на чашку чая?

— Милости просимъ! — съ кислотою улыбочкой сказалъ мужъ ей.

Грубинъ извинился головою болью. И вдругъ у него вырвался вопросъ:

— А вѣдь мы съ вами встрѣчались когда-то?

— Гдѣ? — спросила, блеснувъ глазами, Аксамитова.

— Въ Киссингенѣ... Давно ужъ... Вы помните?

И онъ поглядѣлъ на нее пристальнѣе, чѣмъ самъ бы желалъ.

Пышный, еще не подкрашенный ротъ улыбался, и кромѣ того же маслястаго блеска въ глазахъ, онъ ничего не прочелъ.

— Я бывала тамъ часто... Въ которомъ это году?

Онъ назвалъ годъ.

— А!.. Да, да!.. — выговорила она такъ весело, точно будто онъ напомнилъ ей что-нибудь чрезвычайно пріятное.

Дочь подошла къ нимъ въ эту минуту, накинувъ голубую мантилью, все такая же строгая въ своихъ движеніяхъ и минахъ.

Грубинъ поклонился и ей, не протягивая руки, и получилъ отъ нея наклоненіе головы.

— Мы васъ ждемъ, — сказала ему вслѣдъ Любовь Федоровна.

— Послѣзавтра заверну къ тебѣ! — громко пустилъ ему вслѣдъ Голубецъ.

Поездъ отходилъ. Бѣлесоватая ночь, уже проникнутая сыростью, глянула на Грубина подъ длиннымъ и узкимъ деревяннымъ навѣсомъ дебаркадера... Его обгоняли и часто толкали. Ъхало много, не дождавшись конца концерта.

Въ вагонѣ второго класса, куда онъ вошелъ, не то усталый, не то недовольный, съ тупою болью въ одномъ вискѣ, разговоры — опять все женскіе — переплетались и сталкивались, влетали въ окна и вылетали изъ нихъ.

Ухо его непріятно рѣзнула французская фраза какой-то барышни. Кто-то говорилъ въ окно по-итальянски, тоже съ русскимъ акцентомъ, и до него долетѣла фраза:

— Cosa volete? Risotto milanese?

Съ платформы донесся молодой окликъ:

— Сережа! Козыряй назадъ!

Нѣсколько пассажировъ тихо разсмѣялись.

Онъ сидѣлъ въ углу и ему какъ будто хотѣлось что-то рѣшить, отъ чего-то отдѣлаться. Даже въ переносицу вступило, и онъ опустилъ окно, глядя на опушку парка, темнѣвшую справа.

IX.

Тихо вошелъ онъ въ пустую, очень просторную комнату, гдѣ, на аршинъ отъ стѣны, бѣлѣла дѣтская колыбель.

Больше не было мебели. На окнахъ — нарочно безъ гардинъ — полуспускаемыми стояли шторы и паркетный полъ слабо лоснился тамъ и сямъ.

Полуночный свѣтъ накидывалъ на все свой млечный пологъ. И стѣны — въ бѣлыхъ обояхъ съ золотыми разводами — какъ бы отступали и дѣлали комнату еще обширнѣе.

Грубинъ присѣлъ на подоконникъ и долго глядѣлъ на колыбель. Свои шаги и малѣйшія движенія онъ сдерживалъ, точно въ комнатахъ опасно больного или покойника.

Онъ и были комнаты покойниковъ. Сейчасъ прошелъ онъ мимо спальни Кати и побоялся заглянуть туда. И безъ того онъ испытывалъ всю дорогу отъ вокзала — и еще сильнѣе теперь — тоску, отдававшуюся въ груди чѣмъ-то въ родѣ боли. Шумъ и трескъ концертной залы, сотни женщинъ вокругъ него и на эстрадѣ, знакомство съ Аксамитовыми, образъ молодой дѣвушки впервые вызвали въ немъ такой возвратъ къ тому, что было, какихъ-нибудь два-три мѣсяца назадъ, на этой самой дачѣ.

Оба они готовились къ событію, устраивали свое гнѣздо, на разные лады перебирали, что будетъ удобнѣе, по правиламъ строгой гигиены для „дофина“. И сами располагались жить здѣсь долго, быть-можетъ, до того времени, когда ребенокъ ихъ превратится въ юношу и надо будетъ ему думать объ университетѣ.

По этой большой комнатѣ сколько разъ проходила Катя — и беременная, такая маленькая, похожая на дѣвочку-подростка, съ кучей свѣтлыхъ волосъ на маковкѣ, въ домашнемъ сбромъ платьицѣ съ пелериной, живая и степенная, съ глазомъ хозяйки и руководительницы.

Онъ звалъ ее иногда „моя гувернантка“, иногда „мое начальство“, когда шутливо жаловался знакомымъ на ея строгость. Въ ней все было стройно уложено: взгляды, симпатіи, правила, привычки. Изъ института вынесла она серьезную наивность души и большую вѣрность всему тому, что было „хорошо“, чему слѣдовало подчиняться не въ однихъ важныхъ случаяхъ жизни, а и въ пустякахъ.

— Какъ же это можно? — бывало, воскликнетъ она своимъ голоскомъ и вскинетъ густыми бровями, даже носикъ ея — маленький и закругленный — пачнетъ краснѣть.

— Нельзя? — комически переспроситъ онъ ее.

— Никакъ нельзя, Вова! — отвѣтитъ она искренно и все такъ же строго.

Онъ слушался, даже и тогда, если это „нельзя“ относилось къ какому-нибудь, на его взглядъ, пустяку, къ одному изъ тысячи — какъ онъ называлъ — „конвенансовъ“. Онъ подтрунивалъ надъ ея запретами, доказывая, что она слишкомъ долго была подъ ферулой бонны-нѣмки, а та ей ежесекундно кричала: „Katinka, das schickt sich nicht“, — Катя не спорила, но каждый разъ прибавляла:

— Ну, такъ что жъ? Я ей благодарна на всю жизнь... Безъ этого смотри, что кругомъ дѣлается: что за распущенность!

И онъ всѣ три года, которые прожилъ съ нею, восхищался этою ясностью души и прощалъ ей гувернантство. И про себя, и вслухъ называлъ онъ ее: „уравновѣшенная петербуржка“, на что Катя всегда замѣчала:

— Все это модныя клички. Такая, такая есть.

И теперь эта полудѣтская фраза: „Такая, такая есть“ — припомнилась ему и немного смягчила приступъ тоски.

— Такая, такая есть! — чуть слышно выговорилъ онъ,

сидя все еще на томъ же мѣстѣ, на подоконникѣ обширной и пустой дѣтской.

„Такихъ“ онъ не видалъ кругомъ себя, да и теперь не видитъ. Быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ оклики нѣмки: „das schickt sich nicht“, попавъ на благодарную почву, заложили неколебимый душевный укладъ этой женщины, казавшейся до смерти дѣвочкой-подросткомъ.

Только и слышно, что про крушенія семей, тайныя и явныя интриги, а то такъ просто продажность, заползающую въ свѣтское общество, проституцію замужнихъ женщинъ, отдающихся за платё отъ Лаферьеръ, за дюжину чулокъ цвѣта „fraise écarlée“, кутежи, трактирные скандалы, такое паденіе тона и приличій, что просто нельзя опредѣлить, даже бывалому мужчинѣ, съ кѣмъ говоришь: съ женой ли сановника или съ горизонталкой. И все это наполовину, если не на двѣ трети, отъ самихъ мужей, отъ ихъ поблажки или умышеннаго пріученія ко всѣмъ видамъ кутильнаго франтовства.

И среди такого общества, не разрывая съ нимъ, не ударяясь въ ханжество или смѣшной ригоризмъ, дышала, двигалась, любила и боролась съ жизнью его Катя, строгая и наивная институтка, не похожая даже и на своихъ ближайшихъ подругъ по выпуску.

Грубинъ всталъ и разбитою походкой прошелъ къ двери въ свою спальню. И тамъ онъ не зажегъ свѣчи. Окна выходили въ садикъ. Съ крылечка можно было туда прямо спуститься по лѣсенкѣ въ пять ступенекъ.

Его постель — простая желѣзная койка, приставленная къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ коверъ — не манила... Одиночество, хуже всякаго холостого бобыльства, еще больше засосало его.

Спать онъ не могъ и зналъ, что если бъ и легъ — не смыкалъ бы глазъ до разсвѣта... Онъ, безъ шляпы и съ полурастегнутымъ жилетомъ, спустился по лѣсенкѣ въ садикъ.

Посрединѣ его, на четырехугольной площадкѣ, густо усыпанной пескомъ, стояли скамейки и соломенное качающееся кресло. Надъ ними спускалъ свои вѣтви кустъ уже отцвѣтающей сирени.

Сюда выносили, въ послѣдній разъ, Катю и посадили въ качающееся кресло.

Она протянула ему пылающую руку и выговорила твердымъ голосомъ:

— Вова!.. Не тоскуй!.. Вѣдь это была дѣвочка, а мы ждали мальчика... Еще будетъ!

Никакой боязни за себя; а смерть уже держала ее въ своихъ когтяхъ.

Это „еще будетъ“ вспомнилось ему, какъ только онъ взглянулъ на кустъ сирени, подошелъ къ нему, сорвалъ одну кисть, еще не завялую, и долго глядѣлъ на нее.

Все спало въ домѣ... Съ улицы доносилось дальнее брѣнчаніе дрожекъ по шоссеиной мостовой. Начинало свѣтлѣть. Легкій вѣтерокъ перебиралъ листья тополя по другую сторону площадки.

— Господи, что за тоска!—глухо, удерживая рыданія, вскричалъ онъ и закинулъ обѣ руки за голову.

Его погнало изъ садика, и онъ не взмогъ, а взбѣжалъ по ступенькамъ узкой лѣстницы.

Спальня стояла все такая же унылая, и возрастающій свѣтъ пробивался сквозь опущенныя шторы двухъ оконъ.

Онъ чувствовалъ, что если сейчасъ же не раздѣнется, то будетъ бродить изъ комнаты въ комнату и очутится въ спальнѣ покойницы, гдѣ ему станетъ нестерпимо горько.

Все такъ же тихо, на цыпочкахъ, двигался онъ, когда клалъ платье и ставилъ ботинки у дверей, точно не желая разбудить горничной, спавшей черезъ переднюю... Мужской прислуги онъ не держалъ. Горничную Евгенію, ходившую за барыней съ самаго замужества, онъ оставилъ при себѣ. Ея немного хмурое лицо—уже не молодой дѣвушки—находилъ онъ симпатичнымъ, потому только, что вся ихъ жизнь съ Катей прошла на ея глазахъ.

Въ постели Грубинъ лежалъ сначала навзничъ, съ открытыми глазами и даже не старался заснуть. Искусственныхъ средствъ противъ безсонницы онъ избѣгалъ, но уже болѣе мѣсяца какъ ему не удавалось спать больше четырехъ часовъ, и не раньше забывался онъ, какъ на разсвѣтѣ.

Голова была болѣе раздражена, чѣмъ въ послѣдніе дни. Чуть только зажмурилъ онъ глаза, какъ передъ нимъ запытали цвѣтныя фигуры, женскіе глаза, черные, какъ у цыганокъ, голубые, сѣрые, всякіе, большія шляпки и мантильи съ буфами на плечахъ; потомъ выплыла бѣлая дѣвичья шея, и въ полъ-оборота профиль, съ прямымъ носомъ и тонкими длинными ноздрями, и съ прядью темно-золотистыхъ волосъ надъ маленькимъ розовымъ ухомъ.

— Ахъ, ты Господи!—громко вздохнулъ онъ и нервно перевернулся къ стѣнѣ.

Это видѣніе огорчило его, обидѣло. Съ какой стати онъ, полный памяти о тѣхъ существахъ, унесенныхъ смертію, — и вдругъ видитъ шею и профиль первой попавшейся барышни, застывшей въ своей дрессировкѣ, да еще дочери такой шатап, какъ эта Аксамитова?!..

Ему не пришло на умъ, что въ эту ночь онъ всѣмъ своимъ существомъ стремился къ жсницѣ, къ ея ласкѣ, что его скорбное одиночество было самою лучшею почвой для новаго влеченія...

Голова долго не могла остыть. То и дѣло чередовались въ ней уже менѣе ясные образы, но все изъ той же залы и съ тою же общею окраской. А сердце ныло и тишина осиротѣлой дачи холодомъ проникала подъ одѣяло.

Х.

Сѣренькій денекъ, мягкій и безъ дождя, немного просвѣтлѣлъ часу съ шестого пополудни. По аллеѣ лиственницъ, отъ заставы къ парку, замедленнымъ шагомъ двигался Грубинъ.

Онъ немного усталъ. Послѣ завтрака пошелъ онъ пѣшкомъ въ Тярлево, погулялъ въ дальнейшей части павловскаго парка и возвратился—все пѣшкомъ—только другимъ путемъ, отъ тярлевской платформы не по красивой дорожкѣ, вдоль дубовой аллеи для всадниковъ, а по вымъ городскимъ паркомъ, и вышелъ на аллею лиственницъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ купальни.

Прогулки Царскаго и Павловска привлекали его. Онъ думалъ даже, съѣздивши въ Швейцарію, поселиться здѣсь и на зиму, только въ другомъ домѣ.

Вчера, въ Петербургѣ, ему посулили, въ копторѣ, хорошаго наемщика его дачи, до конца срока контракту, по съ условіемъ, чтобы онъ оставилъ часть мебели.

На это онъ сейчасъ же согласился. Заграничная поѣздка встряхнетъ его. Если на водахъ будетъ слишкомъ однообразно, онъ проѣдетъ куда-нибудь подальше, а къ осени, быть-можетъ, доберется до Испаніи. Объ этой поѣздкѣ сколько разъ мечтали они съ Катей, перечитывали письма Боткина, изучали книги.

Да такъ и не собрались. Остальное въ Европѣ слишкомъ извѣстно. Все, какъ мухи, засидѣли англичане. Показывается тотъ же „сплошной табль-д'отъ“, по выраженію

одного его пріятеля, тошная до-нельзя жизнь туриста, связанная съ необходимостью выносить важность или на-явливостъ разноплеменныхъ кельнеровъ.

Тамъ, по крайней мѣрѣ, все будетъ ново: природа, типы, языкъ, городскіе нравы, искусство, огромное историческое прошлое, народная пѣсня и пляска.

У себя никакіе дѣловые и общественные интересы не придерживали его... Идти опять на земскую службу раньше новаго трехлѣтія нельзя, имѣнія у него не было, а только домъ. Управляющій заботится о немъ и въ третью доставляетъ ему доходъ.

Зимой, въ уединеніи Царскаго, онъ, быть-можетъ, въ состояніи будетъ поработать надъ матеріалами, накопленными за время службы.

Думать объ этомъ вплотную онъ рѣшительно не могъ. Его силы уходили на внутреннюю борьбу съ собою, какъ бы совсѣмъ не уложить себя, не впасть въ маразмъ.

Къ людямъ его рѣшительно не влекло—къ петербургскимъ знакомымъ; да ихъ надо было, къ тому же, искать по дачамъ... Заграничное лѣчение приходилось начать, хоть онъ и туго соглашался съ докторомъ... Тотъ на-дняхъ еще разъ настаивалъ, простукавъ, и очень чувствительно, его печень.

Въ пѣшеходной аллеѣ пихтъ тѣни пошли гуще и вѣтви съ пушистою хвоей касались одна другой и нависали сво-домъ синева-зеленаго оттѣнка.

Изрѣдка проѣзжалъ по средней широкой аллеѣ барскій экипажъ: ландо, викторія въ одну лошадь, пролетка на резинахъ, и мелькала красная или бѣлая фуражка офицера.

Шагахъ въ пятнадцати Грубинъ увидалъ, впереди, длинное, колышущееся туловище выѣздного лакея въ ливреѣ и свѣтло-гороховыхъ штиблетахъ. Ливрея была съ золотыми аксельбантами.

Изъ-за лѣваго плеча лакея выдѣлялась фигура дамы, полускрытая полосатымъ зонтикомъ.

Грубинъ узналъ Марусю Аксамитову.

„Подъ прикрытіемъ выѣздного... скажите пожалуйста!“— почти злобно выговорилъ онъ про себя и ускорилъ шагъ.

Онъ сдѣлалъ такъ, точно противъ воли, замѣтилъ это и, сдержавъ себя, на нѣсколько секундъ остановился.

Вѣдь онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ визита Аксамитовымъ, что, по свѣтскимъ правиламъ, невѣжливо. Даже его

Катя сказала бы ему: „Вова, это не дѣлается!“ Да, не собиравшись онъ сдѣлать имъ визитъ, по крайней мѣрѣ, не подумавъ о немъ ни вчера, ни третьего дня.

И все-таки онъ пошелъ скорѣе, поравнялся съ Марусей, поднялъ шляпу и сказалъ громко и возбужденно:

— Здравствуйте!.. Гуляете?..

Она остановилась тотчасъ же, и вся выпрямилась, повернувъ свой станъ къ нему.

Теперь онъ могъ схватить ея наружность гораздо цѣльнѣе, чѣмъ въ Павловскѣ. Отъ зонтика—темно-красными и бѣлыми широкими полосами—ложились тѣни на лицо, и безъ того отгѣненное широкими бортами кружевной черной шляпки.

Онъ нашелъ ее неожиданно красивой. Такого лица онъ нигдѣ и никогда не встрѣчалъ... Лицо это было, въ общемъ, не русское, хотя сходство съ отцомъ сидѣло въ профилѣ, а въ разрѣзѣ глазъ съ матерью; но они у ней были другого цвѣта—синіе, а не черные, какъ шванскіи ишнии, и не съ тѣмъ вовсе выраженіемъ.

Прозрачная, золотистая бѣлизна кожи дышала необычайнымъ изяществомъ. Рѣсницы шли темною линіей и углубляли взглядъ печальныхъ глазъ; губы, тонкія и розовыя, чуть-чуть улыбались.

И ея станъ, гибкій и могучій, — станъ молодой женщины, строгими линіями очерчивалъ корсажъ свѣтлаго платья изъ шерстяной ткани, полосами, съ грудью, задрапированною шелковою матеріей, точно волнами поперечныхъ складокъ.

Маруся подала ему свободную руку въ черной длинной перчаткѣ. На другой рукѣ, которая держала зонтикъ, висѣлъ небольшой мѣшокъ изъ чернаго же плюша со стальнымъ кольцомъ.

Она глядѣла на него привѣтливо, но глаза не веселѣли.

— Гуляли?—переспросилъ Грубинъ, и они пошли рядомъ.

Онъ разсудилъ, что всего лучше будетъ поговорить съ нею тономъ мужчины солидныхъ лѣтъ съ совѣмъ молодою дѣвушкой.

— Да,—отвѣтила она звонко, низкою нотой и съ неуловимомъ примѣсомъ чего-то иностраннаго въ языкѣ. — Я ходила пѣшкомъ въ Тярлево.

Въ словѣ „Тярлево“ картавость слышалась явственно.

— Въ Тярлево? — переспросилъ Грубинъ, довольный

тѣмъ, что онъ не чувствуетъ никакого смущенія, даже никакой неловкости.

Голову онъ держалъ низко, какъ бы нарочно не желая глядѣть на свою спутницу.

Въ ней онъ видѣлъ ту же невозмутимую выдержку, но звукъ ея голоса—чрезвычайно ему пріятный—былъ мягче и проще. Она не отказывалась отъ разговора и не ускорила шага, ничѣмъ не показывая, что ей не слѣдуетъ идти съ нимъ рядомъ и разговаривать.

Да и лакей „спасалъ положеніе“,—подумалъ онъ тутъ же, переводя мысленно обычную французскую фразу.

— Къ вашей маман, — продолжалъ Грубинъ, не оборачиваясь къ ней лицомъ, — я не собрался... Ѣздилъ по дѣламъ въ городъ.

Не сказать этого нельзя было.

— Въ которомъ часу она принимаетъ?

— Послѣ четырехъ... Теперь она дома... Рара встрѣтитъ меня въ саду, тамъ, гдѣ обелискъ...

Она искала русскихъ словъ. Слѣдовало бы заговорить по-французски. Но Грубинъ не хотѣлъ. Съ женой они постоянно говорили по-русски, и онъ поотсталъ отъ французскаго языка. Самолюбивая боязнь оказаться не на одномъ уровнѣ въ свѣтскомъ жаргонѣ удержала его, хотя онъ въ этомъ бы и не сознался.

— Памятникъ Орлову и другимъ екатерининскимъ героямъ? — оживленно спросилъ онъ.

— Я не знаю... Кажется.

Маруся отвѣтила это съ очень милою усмѣшкой... Въ эту минуту онъ взглянулъ на нее и по немъ прошло ощущение, точно она его обожгла своею красотой.

— И вы иѣшкомъ въ Тирлево и назадъ?

— Да... Это не много...

Она шла большимъ шагомъ и держалась прямо, но безъ жесткости многихъ нынѣшнихъ дѣвицъ, подражающихъ англичанкамъ.

— И тоже былъ тамъ... въ лѣсу... Бродилъ...

Грубинъ почувствовалъ на своемъ лицѣ косвенный взглядъ Маруси.

— Вы всегда одинъ? — спросила она, и голосъ ея зазвучалъ совсѣмъ иначе.

— Одинъ, — вымолвилъ онъ, опять не смѣя поднять на нее глазъ.

— Вашъ другъ... говорилъ намъ...

Она не досказала; но онъ понялъ конецъ: говорилъ про его вдовство, про его свѣжее горе.

Скоро дошли они до воротъ съ надписью на наружномъ фасадѣ: „Любезнымъ моимъ сослуживцамъ“.

— Вы позволите пройти съ вами... до обелиска?—вдругъ спросилъ онъ и даже удивился.

Онъ рѣшилъ уже про себя раскланяться съ нею какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

XI.

— Вы никогда не читали надпись на доскѣ?—спросилъ Грубинъ Марусю.

Они стояли передъ обелискомъ въ память Орлова съ товарищами.

— Нѣтъ... Я не обращала вниманія.

До этого мѣста они шли все такъ же скоро. Разговоръ ихъ былъ отрывчатый.

Маруся достала черепаховый лорнетъ, приложила къ глазамъ и наклонила голову, разбирая надпись изъ рельефныхъ металлическихъ буквъ; кое-гдѣ онѣ выпали.

По ея взгляду онъ увидалъ, что она дѣйствительно близорука, а не изъ модничанья прикладываетъ лорнетъ, лично ему очень противный съ тѣхъ поръ, какъ это вошло въ обычай даже въ самомъ среднемъ кругу.

— Я ничего не понимаю!

Возгласъ ея былъ искренній и съ отгѣнкомъ юмора.

— Не понимаете?

— Увѣрю васъ... Прочтите.

— Да, довольно-таки курьезно на нынѣшній вкусъ, да я безъ всякихъ знаковъ препинанія.

— А кто это... сочинилъ?—спросила она серьезно.

— Должно-быть, великая жена.

— Екатерина Вторая?

— Я думаю... Она была охотница до писанья на всѣхъ языкахъ, какіе знала. А о знакахъ препинанія тогда не заботились. Екатерина сама сознавала первобытность своей орфографіи.

— Да?—заинтересованнымъ звукомъ откликнулась Маруся.

— Объ этомъ есть подробности... Напримѣръ, въ запискахъ ея секретаря Трошчинскаго, если память мнѣ не измѣняетъ.

Грубинъ былъ доволенъ своимъ тономъ съ этою дѣвуш-

кой, развернувшею передъ нимъ свою красоту. Всякая неловкость прошла. И онъ могъ внимательнѣе прислушаться и присмотрѣться къ ней... Ея тонъ ему нравился. Въ звукахъ голоса пробивалась простота и настоящая порядочность, безъ всякаго лманья... Самый этотъ звукъ говорилъ объ умѣ. Ничего вздорнаго и напускнаго не схватилъ онъ въ ея вопросахъ и отвѣтахъ. Она не важничала съ нимъ, не дичилась, не желала ни занимать его, ни пускать въ ходъ свѣтскіе тоны, показывать ему, что она изъ самаго „select society“. Мысленно онъ употребилъ это выраженіе, подмѣчая въ ней что-то какъ бы англійское въ походкѣ и манерѣ держать себя.

— Отца вашего я не вижу, — сказалъ Грубинъ, осматриваясь.

— Опоздалъ... Съ нимъ это бываетъ.

Она улыбнулась. Ея улыбка губами, при серьезномъ, почти печальномъ взглядѣ синихъ глубокихъ глазъ, плѣняла въ ней особенно.

Лакей стоялъ поодаль, около прохода по большимъ камнямъ черезъ воду.

Вправо отъ нихъ шла, вся въ тѣни, дорожка со скамейками вдоль канавы.

— Вы его подождете?—спросилъ Грубинъ.

Оставить ее теперь одну показалось ему совсѣмъ немислимымъ, точно онъ не желаетъ встрѣтиться съ ея отцомъ... Вѣдь, она ему сказала, что мать ея принимаетъ какъ разъ въ эти часы, до семи, а жили они въ двухъ шагахъ отъ сада, въ одной изъ улицъ, параллельныхъ съ проѣздомъ.

— Не хотите ли отдохнуть?—сказалъ онъ неувѣренно и взглянулъ на нее.

— Да, — отвѣтила она своимъ нерусскимъ звукомъ. гласная выходила у ней шире и звончѣе.

Маруся сдѣлала знакъ лакею и сказала, когда онъ подходилъ къ нимъ:

— Вы будете тутъ,—и она указала рукой.

Грубину захотѣлось узнать, гдѣ она воспитывалась, и опредѣлить, который же ей годъ.

„Конечно, не семнадцать“, — подумалъ онъ, когда они сядились на ближайшій диванъ.

Она была свѣжа и дѣвственная ясность свѣтилась въ глазахъ, смягчая ихъ строгій блескъ; но въ ней уже чужалась дѣвушка подъ двадцать лѣтъ.

— Марья Орестовна, такъ, если не ошибаюсь?

Она кивнула головой.

— Позвольте мнѣ одинъ нескромный вопросъ.

— Пожалуйста.

— Вы въ Россіи воспитывались?

— Да... сначала... Потомъ много за границей.

— Постоянно дома?

— О, нѣтъ... была въ двухъ...

Слово не давалось ей.

— Пансіонахъ?—подсказалъ Грубинъ.

— Des couvents! — выговорила она съ чуть замѣтною усмѣшкой.

— Въ монастыряхъ? Католическихъ?

— Это школы.

— При монастыряхъ?

— Подъ надзоромъ сестеръ.

— И гдѣ же, смѣю спросить?

— Сначала въ Брюсселѣ... два года... Потомъ я оставалась дома. Мы жили тогда въ Каннѣ,—выговорила она, сдѣлавъ усиліе, чтобы съ русскимъ окончаніемъ произнести имя французскаго города.

Грубинъ слушалъ, заинтригованный, съ опущенною головой, и тростью чертилъ по песку дорожки.

— И три года въ Petits Oiseaux.

— Это что же такое?.. Въ птичкахъ, стало-быть? — смѣшливо спросилъ Грубинъ и взглянулъ на нее смѣло и спокойно, взглядомъ женатаго человѣка, говорящаго съ подросткомъ.

Маруся сдержанно засмѣялась. Ея крѣпкіе, не очень крупные зубы блеснули полоской и сразу придали рту мягкое, почти добродушное выраженіе.

— Птички... Да... Такъ называется одна школа... въ Версали.

— Тоже у монашекъ?

— Какъ вы сказали?

Она оживилась.

— У монашекъ... Des soeurs, должно-быть, les soeurs de la sagesse?.. какъ я гдѣ-то во Франціи видѣлъ на выѣскѣ одной школы.

— De la sagesse!—повторила она и рѣзко захохотала.

Въ звукъ этого смѣха было что-то совсѣмъ не похожее на усмѣшку ея рта, недоброе, почти дерзкое или озлобленное.

— Это его смутило.

— Нѣтъ,—продолжала она прежнимъ томъ,—это другія сестры.

— И послѣ того вы уже выѣзжали?

— Куда?—спросила она наивно.

— Выѣзжали... въ свѣтъ? Васъ вывозили?.. Какъ говорится по-русски.

— Ахъ, да!.. Меня не вывозили,—промолвила она спокойно.

— Совсѣмъ?

— Почти... Последнюю зиму... Мы все мѣняли мѣста... Я оставалась съ отцомъ... Мамап жила одна... для здоровья... на югѣ.

Она отвела немного глаза въ сторону и тотчасъ же быстро оглянула его.

— Вы это спросили... потому, что я такая... старая?

— Старая!

Грубинъ разсмѣялся.

— Я не скрываю своихъ лѣтъ,—выговорила Маруся.

— Но не выдаете ихъ... изъ любви къ мамап?

Вопросъ вылетѣлъ у Грубина и ему стало неловко за себя. Это не было похоже на него... Онъ такихъ шутокъ не любилъ.

Лицо Маруси немножко затуманилось.

— Мамап еще десять лѣтъ будетъ совсѣмъ молодая.

Она выговорила это безъ ироніи и безъ всякой дѣланной сладости.

— Вамъ семнадцать? — сказалъ Грубинъ какъ бы про себя.

— Больше, — замѣтила Маруся, и положила свой мѣшочекъ на диванъ.

— И это удивительно,—заговорилъ Грубинъ, точно желая загладить свою безтактность, разговоръ о лѣтахъ, — вы воспитаны французскими монахинями, а такъ свободно говорите по-русски.

— О, нѣтъ!—искренно воскликнула Маруся.—Мнѣ часто недостаетъ словъ. Правда, я всегда говорила... Ко мнѣ бѣдилъ русскій учитель изъ Парижа, три раза въ недѣлю. Мамап всегда говоритъ со мною по-русски... И рара также. Онъ самъ... такъ хорошо пишетъ... Даже стихи... Эпиграммы.

Въ тонѣ отзыва объ отцѣ проскользнула симпатія. И это отмѣтилъ Грубинъ.

Мѣшокъ ея раскрылся. Оттуда выглянулъ желтый то-
никъ.

— Читали въ паркѣ?—спросилъ Грубинъ, нагибаясь.

— Ничего не прочла.

— Позволительно узнать? Французскій романъ?

— Да... „Mensonges“.

— Поля Бурже? — удивленно выговорилъ Грубинъ и
подумалъ: „Вотъ ты какія книжки читаешь!“

— Это мой любимый авторъ, — совершенно просто за-
гнѣла Маруся.

XII.

— Вотъ и самъ папа.

Грубинъ подавилъ въ себѣ недовольство. Приходъ отца
прервалъ разговоръ о ея любимомъ авторѣ. Онъ издали
поклонился Аксамитову и всталъ.

Съ своего мѣста можно было оглядѣть отца Маруси
удобнѣе, чѣмъ это было тогда, въ Павловскѣ. Онъ въ
этотъ разъ показался ему какъ бы повыше ростомъ и
худощавѣе. Моложавости фигуры и походки помогали и
свѣтлосѣрый, изъ легкаго трико, сюртъ. Аксамитовъ шелъ
немного раскачиваясь, подъ свѣтло-сѣрымъ шелковымъ же
зонтикомъ и привѣтствовалъ ихъ рукой, на французскій
манеръ, не снимая съ головы шоколаднаго котелка.

— Какъ онъ молодъ, вашъ отецъ, — вполголоса ска-
залъ Грубинъ.

Маруся чуть-чуть усмѣхнулась.

— Да, онъ совсѣмъ не старъ... Какихъ-нибудь сорокъ
лѣтъ... что же это такое?

— По-заграничному—да, но въ Россіи и мужчина го-
раздо раньше старѣетъ.

Его фразу Аксамитовъ разслыхалъ въ трехъ шагахъ и,
не доходя къ нимъ, сказалъ:

— Совершенно вѣрно!.. У французовъ пятидесятилѣт-
ній человѣкъ un homme jeune encore.

Съ негромкимъ смѣхомъ пожалъ онъ, очень привѣтливо,
руку Грубину и спросилъ дочь, нагибаясь къ ней, съ лю-
бовью въ большихъ голубыхъ глазахъ:

— Ты давно ждешь?

— Не очень... Monsieur Грубинъ былъ такъ любезенъ...
сидѣлъ со мною. Мы встрѣтились въ аллеѣ.

— Merci!—кинулъ Аксамитовъ въ сторону Грубина. —
Меня задержали тамъ, на озерѣ. Встрѣтилъ цѣлое обще-

ство и увлекли меня кататься на лодкѣ... Какой чудесный день!

Онъ говорилъ чрезвычайно молодо и возбужденно. Въ лицѣ его Грубинъ что-то не замѣчалъ безпрестаннаго подергиванія щекъ въ углахъ рта. И монокли не было въ глазу. Весь его тонъ рѣзко отличался отъ того, какой Грубинъ подмѣтилъ въ немъ въ вечеръ ихъ знакомства... При женѣ онъ держалъ себя слащаво и свѣтски безвкусно, такъ что нельзя было и опредѣлить, какой онъ: глупый или умный, безцвѣтный или блестящій?

„Мужъ своей жены“,—подумалъ Грубинъ, и почему-то ему стало его жалко.

— Пожалуйста... Садитесь, — пригласилъ онъ его. — Я постою.

— Мѣста хватитъ на всѣхъ.

Грубину нравилось и то, что этотъ баринъ, смахивающій скорѣе на иностранца, не любитъ французить, говорить прекраснымъ русскимъ языкомъ, которому только природная картавость, безъ всякой аффектаціи, придавала немного изнѣженный оттѣнокъ.

Невольно сравнилъ онъ лица дочери и отца и нашелъ опять какое-то, сразу неуловимое, сходство въ отливѣ волосъ, только у Маруси они были темнѣе, — и въ линіи носа, но вся посадка стана и овалъ лица были не его.

Аксамитовъ сѣлъ между ними и, обратившись къ Грубину, спросилъ:

— Вы позволите мнѣ сигару?

— Помилуйте!.. Я не дама!.. Самъ я курю... больше папиросы.

— Маруся моя привыкла къ сигарамъ своего отца. Она могла бы разрѣшить вамъ и папиросу.

— Но, папа... Я не знала, что monsieur Грубинъ курить.

— Вѣрю. Она у меня, — продолжалъ все игривѣе Аксамитовъ, вынимая черепаховую сигарочницу, — не имѣетъ никакой склонности къ куренію. Жена моя курить очень мало, но все-таки курить. И, вы видите, дурные примѣры не всегда заразительны. Вы по этой части какихъ придерживаетесь взглядовъ? По-вашему, воспитаніе все или природа все?

— И то, и другое, — отвѣтилъ ему въ тонъ Грубинъ.

Маруся сидѣла лицомъ къ водѣ, но на ея губахъ блуждала усмѣшка. Выраженіе глазъ стало мягче.

— А я думаю, все въ насъ самихъ!.. Иначе мы выхо-

дили бы изъ школы съ одною исправкой и съ одними свойствами, а этого нѣтъ и никогда не было.

— Однако, папа, — возразила Маруся, — она не поднимала головы и не глядѣла на него, — возьми французовъ, мужчинъ и женщинъ... Какъ они на насъ не похожи... Не характеромъ только, а идеями, привычками... *enfin tout leur régime moral*, — выговорила она быстро, не находя русскихъ словъ. — Это что же?.. Это воспитаніе, а не натура.

— Марья Орестовна права, — замѣтилъ Грубинъ.

Онъ и вслушивался въ ея слова и ихъ звуки, и глядѣлъ на нее изъ-подъ бортовъ своей соломенной шляпы.

Маруся говорила тихо, не возвышая ни на одну ноту переливовъ голоса, точно она думала вслухъ, и не то что хотѣла убѣждать, а высказывала только вслухъ свои интимныя мысли. Это очень шло къ ней.

— Можетъ-быть! — живо, съ искрой въ смѣющихся глазахъ воскликнулъ Аксамитовъ и, перебивая себя, сказалъ дочери вполголоса: — *Pourquoi garder le valet de pied?* — на что она отвѣтила наклоненіемъ головы. — Ты можешь идти! — приказалъ онъ лакею и жестомъ отпустилъ его.

— Можетъ-быть, Маруся и права, — повторилъ Аксамитовъ, закуривая старую благоухающую сигару. — Знаете, нынѣшняя молодежь обоого пола вступаетъ въ жизнь съ такимъ... взглядомъ на жизнь... слишкомъ ужъ трезвымъ, чтобы не сказать безпощаднымъ... Во Франціи они все оправдываютъ тѣмъ, что вотъ, видите ли, ихъ дѣтство омрачено... *l'année terrible*... Ну, а наши?.. И въ особенности барышни?

Онъ сквозь сизый дымъ сигары взглянулъ на дочь и усмѣхнулся.

Маруся не видала этой усмѣшки, но она ее почувствовала и, не оборачивая головы, все тѣмъ же вдумчивымъ тономъ, сказала:

— Въ этомъ онъ не виноваты.

— Это въ воздухѣ, значить? — спросилъ шутливо отецъ.

— Я не знаю.

— Они всѣ, — продолжалъ Аксамитовъ, повернувшись плечами къ Грубину, — считаютъ насъ жалкими оптимистами... Мы сангвиники, а слово сангвиникъ — это для нихъ презрительное прозвище... Развѣ не такъ, Маруся?

— Ты знаешь, папа, я никого не презираю... *C'est se bête les dada des entousiasmes*, — вырвалось у ней съ большимъ живостью.

ство и увлекли меня кататься на лодкѣ... Какой чудный день!

Онъ говорилъ чрезвычайно молодо и возбужденно. Лицѣ его Грубинъ что-то не замѣчалъ безпрестанно подергиванія щекъ въ углахъ рта. И монокли не бы въ глазу. Весь его тонъ рѣзко отличался отъ того, какъ Грубинъ подмѣтилъ въ немъ въ вечеръ ихъ знакомствъ. При женѣ онъ держалъ себя слащаво и свѣтски безвкусъ такъ что нельзя было и опредѣлить, какой онъ: глуп или умный, безцвѣтный или блестящій?

„Мужъ своей жены“,—подумалъ Грубинъ, и почему ему стало его жалко.

— Пожалуйста... Садитесь, — пригласилъ онъ его. — постой.

— Мѣста хватитъ на всѣхъ.

Грубину нравилось и то, что этотъ баринъ, смахившій скорѣе на иностранца, не любитъ французить, горитъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, которому толъ природная картаность, безъ всякой аффектаціи, придавъ немного изнѣженный оттѣнокъ.

Невольно сравнилъ онъ лица дочери и отца и нашепталъ какое-то, сразу неуловимое, сходство въ отливѣлось, только у Маруси они были темнѣе, — и въ линіи ноно вся посадка стана и овалъ лица были не его.

Аксамитовъ сѣлъ между ними и, обратившись къ Грубину, спросилъ:

— Вы позволите мнѣ сигару?

— Помилуйте!.. Я не дама!.. Самъ я курю... больпапирасы.

— Маруся моя привыкла къ сигарамъ своего отца. Она могла бы разрѣшить вамъ и папиросу.

— Но, папа... Я не знала, что monsieur Грубинъ куритъ.

— Вѣрю. Она у меня, — продолжалъ все игривѣе Аксамитовъ, вынимая черепаховую сигарочницу, — не имѣетъ никакой склонности къ куренію. Жена моя курить оченъ мало, но все-таки курить. И, вы видите, дурные пмѣры не всегда заразительны. Вы по этой части какъ придерживаетесь взглядовъ? По-вашему, воспитаніе или природа все?

— И то, и другое, — отвѣтилъ ему въ тонъ Грубинъ.

Маруся сидѣла лицомъ къ водѣ, но на ея губахъ блуждала усмѣшка. Выраженіе глазъ стало мягче.

— А я думаю, все въ насъ самихъ!.. Иначе мы вы

дили бы изъ школы съ одною выправкой и съ одними свойствами, а этого нѣтъ и никогда не было.

— Однако, папа,—возразила Маруся,—она не поднимала головы и не глядѣла на него,—возьми французовъ, мужчинъ и женщинъ... Какъ они на насъ не похожи... Не характеромъ только, а идеями, привычками... enfin tout leur régime moral,—выговорила она быстро, не находя русскихъ словъ.—Это что же?.. Это воспитаніе, а не натура.

— Марья Орестовна права,—замѣтилъ Грубинъ.

Онъ и вслушивался въ ея слова и ихъ звуки, и глядѣлъ на нее изъ-подъ бортовъ своей соломенной шляпы.

Маруся говорила тихо, не возвышая ни на одну ноту переливовъ голоса, точно она думала вслухъ, и не то что хотѣла убѣждать, а высказывала только вслухъ свои интимныя мысли. Это очень шло къ ней.

— Можетъ-быть!—живо, съ искрой въ смѣющихся глазахъ воскликнулъ Аксамитовъ и, перебивая себя, сказалъ дочери вполголоса:—Pourquoi garder le valet de pied?—на что она отвѣтила наклоненіемъ головы.—Ты можешь идти!—приказалъ онъ лакею и жестомъ отпустилъ его.

— Можетъ-быть, Маруся и права,—повторилъ Аксамитовъ, закуривая старую благоухающую сигару.—Знаете, нынѣшняя молодежь обоого пола вступаетъ въ жизнь съ такимъ... взглядомъ на жизнь... слишкомъ ужъ трезвымъ, чтобы не сказать безпощаднымъ... Во Франціи они все оправдываютъ тѣмъ, что вотъ, видите ли, ихъ дѣтство омрачено... l'année terrible... Ну, а наши?.. И въ особенности барышни?

Онъ сквозь сизый дымъ сигары взглянулъ на дочь и усмѣхнулся.

Маруся не видала этой усмѣшки, но она ее почувствовала и, не оборачивая головы, все тѣмъ же вдумчивымъ тономъ, сказала:

— Въ этомъ онѣ не виноваты.

— Это въ воздухѣ, значить?—спросилъ шутливо отецъ.

— Я не знаю.

— Они всѣ, — продолжалъ Аксамитовъ, повернувшись плечами къ Грубину, — считаютъ насъ жалкими оптимистами... Мы сангвиники, а слово сангвиникъ—это для нихъ презрительное прозвище... Развѣ не такъ, Маруся?

— Ты знаешь, папа, я никого не презираю... C'est se bête les dada des entousiasmes,—вырвалось у ней съ большимъ живостью.

огромной шляпѣ, закрывавшей половину ея маленькаго лица. На глазахъ выступили капельки слезъ и щеки пылали подъ-стать цвѣту пунцоваго корсажа.

Съ лѣвой стороны круга сидѣли офицеръ въ кителѣ и рейтузахъ, рядомъ дама однихъ лѣтъ съ нимъ, крупная, съ лицомъ крестьянскаго типа, очень нарядная, сильно затянута, съ полуголыми руками. Немного поодаль тотъ самый старикъ, котораго Грубинъ видѣлъ, когда онъ разговаривалъ съ Аксамитовыми въ антрактѣ между двумя цыганскими пѣснями.

— Aimée,—сказалъ хозяинъ, указывая на гостя.—Monsieur Грубинъ!.. Нашелъ меня съ Марусей въ саду...

„Aimée?“—спросилъ себя Грубинъ и тотчасъ же сообразилъ, что это переводъ русской „Любови“.

Она, не приподнимаясь, поклонилась ему, обласкала своими глазами, похожими на вишни, и протянула прекрасную полную руку широкимъ и красивымъ жестомъ.

Безъ шляпки она смотрѣла моложе на нѣсколько лѣтъ, въ полусвѣтѣ прохладной комнаты, полной цвѣтовъ и драпировокъ, какъ и гостиная. Голова небольшая, съ черными блестящими волосами, вчесанными на маковкѣ маленькою діадемой, выставила бѣлизну, кажется, естественную, овальнаго величаваго облика. Шея, открытая довольно низко, сохранилась удивительно,—такая же бѣлая, какъ у дочери, но толще и немного грубѣе по контурамъ. Драпировка платья, въ родѣ греческой туники, цвѣта сѣме, скрадывала нѣкоторую ожирѣлость бюста сорокалѣтней женщины.

— Очень любезны, что не забыли насъ, — привѣтствовала она его своимъ молодежавымъ высокимъ голосомъ.

И съ круговымъ жестомъ другой руки она назвала всѣмъ:

— Monsieur Грубинъ... Товарищъ Валерія Ивановича.

Всѣ поклонились, но она ихъ поодионокѣ не представляла Грубину, за что онъ внутренне поблагодарилъ ее. Онъ не любилъ взаимныхъ представлений.

— Нѣтъ!.. Это невозможно!—запечатала дама въ красномъ, опять взвизгнула и перегнулась вдвое, послѣ чего закинула назадъ голову.

— Вава, вы сломаете себѣ спину, — остановила ее хозяйка.—Генераль, смирите вашу дочь. Она заболѣетъ.

Старикъ выпятилъ толстыя губы, и его хмурыя брови задвигались надъ сѣрыми глазами, которыми онъ силился

улыбнуться. Онъ точно на всѣхъ сердился за что-то и его растущая въ разные стороны сѣдая борода шаршавилась на щекахъ.

— Mademoiselle Barbe... Въ чемъ дѣло?

Съ этимъ вопросомъ Аксамитовъ присѣлъ къ Вавѣ и пріятельскимъ жестомъ взялъ ее за руку.

Но общій тонъ его сейчасъ же измѣнился, какъ только онъ пришелъ домой. Это замѣтилъ Грубинъ.

— Ахъ!—Ваву все еще колыхалъ смѣхъ.—Я не буду, дорогая!—пылко обратилась она къ хозяйкѣ и вся прильнула къ ней.—Простите... Я, если расхожусь, удержаться не могу!

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ еще разъ.

— Да не все ли равно?—замѣтилъ генералъ такимъ же унылымъ голосомъ, какъ и выраженіе его бровей.—Варвара Сергѣевна все равно, что миноноска...

Онъ выразительно взглянулъ на мужчинъ.

— Папа! Развѣ это можно?—закричала Вава и опять прильнула къ хозяйкѣ.—Любовь Ѳедоровна... Дорогая... Я не уйду, не добившись отъ васъ... будете завтра на скачкахъ?

— Милая Вава... Эти скачки такъ пріѣлись.

— Радость моя!..

Вава была уже на колѣняхъ, сложила руки и умоляющимъ голосомъ повторяла:

— Возьмите меня!.. Возьмите! Возьмите! Папа не хочетъ! Да и я также... Онъ все ворчитъ! Я не уйду!

— Варвара Сергѣевна, извольте встать!

Офицеръ съ очень моложавымъ хорошенькимъ лицомъ бринетика, лѣтъ подъ тридцать, подбѣжалъ къ Вавѣ и сажалъ ее поднять.

Къ нему присоединился и хозяинъ.

Всѣ смѣялись, но Грубинъ подмѣтилъ взглядъ, брошенный женой офицера на обѣихъ женщинъ. Взглядъ выдавалъ постоянную тревогу жены, влюбленной въ мужа и только напускающей на себя видъ той равнодушной бойкости, какая пріобрѣтается полковыми дамами.

Наконецъ, Ваву подняли.

— Ъдете? Берете меня? Дорогая!

— Ну, хорошо, — выговорила Аксамитова. — Да какія завтра скачки?

— Офицерскія, — крикнула Вава.

— Вы держите за кого-нибудь?—спросилъ Грубинъ.

огромной шляпѣ, закрывавшей половину ея маленькаго лица. На глазахъ выступили капельки слезъ и щеки пылали подъ-стать цвѣту пунцоваго корсажа.

Съ лѣвой стороны круга сидѣли офицеръ въ кителѣ и рейтузахъ, рядомъ дама однихъ лѣтъ съ нимъ, крупная, съ лицомъ крестьянскаго типа, очень нарядная, сильно затянутая, съ полуголыми руками. Немного поодаль тотъ самый старикъ, котораго Грубинъ видѣлъ, когда онъ разговаривалъ съ Аксамитовыми въ антрактѣ между двумя цыганскими пѣснями.

— Aimée,—сказалъ хозяинъ, указывая на гостя.—Monsieur Грубинъ!.. Нашелъ меня съ Марусей въ саду...

„Aimée?“—спросилъ себя Грубинъ и тотчасъ же сообразилъ, что это переводъ русской „Любови“.

Она, не приподнимаясь, поклонилась ему, обладала своими глазами, похожими на вишни, и протянула прекрасную полную руку широкимъ и красивымъ жестомъ.

Безъ шляпки она смотрѣла моложе на нѣсколько лѣтъ, въ полусвѣтѣ прохладной комнаты, полной цвѣтовъ и драпировокъ, какъ и гостиная. Голова небольшая, съ черными блестящими волосами, вчесанными на маковкѣ маленькою діадемой,ставляла бѣлизну, кажется, естественную, овальнаго величаваго облика. Шея, открытая довольно низко, сохранилась удивительно,—такая же бѣлая, какъ у дочери, но толще и немного грубѣе по контурамъ. Драпировка платья, въ родѣ греческой туники, цвѣта сѣте, скрадывала нѣкоторую ожирѣлость бюста сорокалѣтней женщины.

— Очень любезны, что не забыли насъ,—привѣтствовала она его своимъ молодежавымъ высокимъ голосомъ.

И съ круговымъ жестомъ другой руки она назвала всѣмъ:

— Monsieur Грубинъ... Товарищъ Валерія Ивановича.

Всѣ поклонились, но она ихъ поодионокѣ не представляла Грубину, за что онъ внутренне поблагодарилъ ее. Онъ не любилъ взаимныхъ представленій.

— Нѣтъ!.. Это невозможно!—залепатала дама въ красномъ, опять взвизгнула и перегнулась вдвое, послѣ чего закинула назадъ голову.

— Вава, вы ломаете себѣ спину,—остановила ее хозяйка.—Генераль, смирите вашу дочь. Она заболѣетъ.

Старикъ выпятилъ толстыя губы, и его хмурыя брови задвигались надъ сѣрыми глазами, которыми онъ силился

улыбнуться. Онъ точно на всѣхъ сердился за что-то и его растущая въ разныя стороны сѣдая борода шаршавилась на щекахъ.

— Mademoiselle Barbe... Въ чемъ дѣло?

Съ этимъ вопросомъ Аксамитовъ присѣлъ къ Вавѣ и пріятельскимъ жестомъ взялъ ее за руку.

Но общій тонъ его сейчасъ же измѣнился, какъ только онъ пришелъ домой. Это замѣтилъ Грубинъ.

— Ахъ!—Ваву все еще колыхалъ смѣхъ.—Я не буду, дорогая!—пылко обратилась она къ хозяйкѣ и вся прильнула къ ней.—Простите... Я, если расхожусь, ударяться не могу!

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ еще разъ.

— Да не все ли равно?—замѣтилъ генералъ такимъ же унылымъ голосомъ, какъ и выраженіе его бровей.—Варвара Сергѣевна все равно, что миноноска...

Онъ выразительно взглянулъ на мужчинъ.

— Папа! Развѣ это можно?—закричала Вава и опять прильнула къ хозяйкѣ.—Любовь Ѳедоровна... Дорогая... Я не уйду, не добившись отъ васъ... будете завтра на скачкахъ?

— Милая Вава... Эти скачки такъ пріѣлись.

— Радость моя!..

Вава была уже на колѣняхъ, сложила руки и умоляющимъ голосомъ повторяла:

— Возьмите меня!.. Возьмите! Возьмите! Папа не хочетъ! Да и я также... Онъ все ворчитъ! Я не уйду!

— Варвара Сергѣевна, извольте встать!

Офицеръ съ очень моложавымъ хорошенькимъ лицомъ бринетика, лѣтъ подъ тридцать, подбѣжалъ къ Вавѣ и сажалъ ее поднять.

Къ нему присоединился и хозяинъ.

Всѣ смѣялись, но Грубинъ подмѣтилъ взглядъ, брошенный женой офицера на обѣихъ женщинъ. Взглядъ выдавалъ постоянную тревогу жены, влюбленной въ мужа и только напускающей на себя видъ той равнодушной бойкости, какая пріобрѣтается полковыми дамами.

Наконецъ, Ваву подняли.

— Ъдете? Берете меня? Дорогая!

— Ну, хорошо, — выговорила Аксамитова. — Да какія завтра скачки?

— Офицерскія, — крикнула Вава.

— Вы держите за кого-нибудь?—спросилъ Грубинъ.

огромной шляпѣ, закрывавшей половину ея маленькаго лица. На глазахъ выступили капельки слезъ и щеки пылали подъ-стать цвѣту пунцоваго корсажа.

Съ лѣвой стороны круга сидѣли офицеръ въ кителѣ и рейтузахъ, рядомъ дама однихъ лѣтъ съ нимъ, крупная, съ лицомъ крестьянскаго типа, очень нарядная, сильно затянута, съ полуголыми руками. Немного поодаль тотъ самый старикъ, котораго Грубинъ видѣлъ, когда онъ разговаривалъ съ Аksamитовыми въ антрактъ между двумя цыганскими пѣснями.

— Aimée,—сказалъ хозяинъ, указывая на гостя.—Monsieur Грубинъ!.. Нашелъ меня съ Марусей въ саду...

„Aimée?“—спросилъ себя Грубинъ и тотчасъ же сообразилъ, что это переводъ русской „Любови“.

Она, не приподнимаясь, поклонилась ему, обласкала своими глазами, похожими на вишни, и протянула прекрасную полную руку широкимъ и красивымъ жестомъ.

Безъ шляпки она смотрѣла моложе на нѣсколько лѣтъ, въ полусвѣтѣ прохладной комнаты, полной цвѣтовъ и драпировокъ, какъ и гостиная. Голова небольшая, съ черными блестящими волосами, вчесанными на маковкѣ маленькою діадемой, выставляла бѣлизну, кажется, естественную, овальнаго величаваго облика. Шея, открытая довольно низко, сохранилась удивительно,—такая же бѣлая, какъ у дочери, но толще и немного грубѣе по контурамъ. Драпировка платья, въ родѣ греческой туники, цвѣта сѣме, скрадывала нѣкоторую ожирѣлость бюста сорокалѣтней женщины.

— Очень любезны, что не забыли насъ,—привѣтствовала она его своимъ молодежавымъ высокимъ голосомъ.

И съ круговымъ жестомъ другой руки она назвала всѣмъ:

— Monsieur Грубинъ... Товарищъ Валерія Ивановича.

Всѣ поклонились, но она ихъ поодиночкѣ не представляла Грубину, за что онъ внутренне поблагодарилъ ее.

Онъ не любилъ взаимныхъ представленій.

— Нѣтъ!.. Это невозможно!—залепатала дама въ красномъ, опять взвизгнула и перегнулась вдвое, послѣ чего закинула назадъ голову.

— Вава, вы ломаете себѣ спину,—остановила ее хозяйка.—Генераль, смирите вашу дочь. Она заболѣетъ.

Старикъ выпятилъ толстыя губы, и его хмурыя брови задвигались надъ сѣрыми глазами, которыми онъ силился

улыбнуться. Онъ точно на всѣхъ сердился за что-то и его растущая въ разныя стороны сѣдая борода шаршавилась на щекахъ.

— Mademoiselle Barbe... Въ чемъ дѣло?

Съ этимъ вопросомъ Аксамитовъ присѣлъ къ Вавѣ и пріятельскимъ жестомъ взялъ ее за руку.

Но общій тонъ его сейчасъ же измѣнился, какъ только онъ пришелъ домой. Это замѣтилъ Грубинъ.

— Ахъ!—Ваву все еще колыхалъ смѣхъ.— Я не буду, дорогая!— прыко обратилась она къ хозяйкѣ и вся прильнула къ ней.— Простите... Я, если расхожусь, ударяться не могу!

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ еще разъ.

— Да не все ли равно?—замѣтилъ генералъ такимъ же унылымъ голосомъ, какъ и выраженіе его бровей.— Варвара Сергѣевна все равно, что миноноска...

Онъ выразительно взглянулъ на мужчинъ.

— Папа! Развѣ это можно?—закричала Вава и опять прильнула къ хозяйкѣ.— Любовь Ѳедоровна... Дорогая... Я не уйду, не добившись отъ васъ... будете завтра на скачкахъ?

— Милая Вава... Эти скачки такъ пріѣлись.

— Радость моя!..

Вава была уже на колѣняхъ, сложила руки и умоляющимъ голосомъ повторяла:

— Возьмите меня!.. Возьмите! Возьмите! Папа не хочетъ! Да и я также... Онъ все ворчитъ! Я не уйду!

— Варвара Сергѣевна, извольте встать!

Офицеръ съ очень молодежавымъ хорошенькимъ лицомъ брнетика, лѣтъ подъ тридцать, подбѣжалъ къ Вавѣ и сажалъ ее поднять.

Къ нему присоединился и хозяинъ.

Всѣ смѣялись, но Грубинъ подмѣтилъ взглядъ, брошенный женой офицера на обѣихъ женщинъ. Взглядъ выдавалъ постоянную тревогу жены, влюбленной въ мужа и только напускающей на себя видъ той равнодушной бойкости, какая пріобрѣтается полковыми дамами.

Наконецъ, Ваву подняли.

— Ёдете? Берете меня? Дорогая!

— Ну, хорошо, — выговорила Аксамитова. — Да какія завтра скачки?

— Офицерскія, — крикнула Вава.

— Вы держите за кого-нибудь?—спросилъ Грубинъ.

огромной шляпѣ, закрывавшей половину ея маленькаго лица. На глазахъ выступили капельки слезъ и щеки пылали подъ-стать цвѣту пунцоваго корсажа.

Съ лѣвой стороны круга сидѣли офицеръ въ кителѣ и рейтузахъ, рядомъ дама однихъ лѣтъ съ нимъ, крупная, съ лицомъ крестьянскаго типа, очень нарядная, сильно затянута, съ полуголыми руками. Немного поодаль тотъ самый старикъ, котораго Грубинъ видѣлъ, когда онъ разговаривалъ съ Аксамитовыми въ антрактѣ между двумя цыганскими пѣснями.

— Аимѣе,—сказалъ хозяинъ, указывая на гостя.—Monsieur Грубинъ!.. Нашелъ меня съ Марусей въ саду...

„Аимѣе?“—спросилъ себя Грубинъ и тотчасъ же сообразилъ, что это переводъ русской „Любови“.

Она, не приподнимаясь, поклонилась ему, обласкала своими глазами, похожими на вишни, и протянула прекрасную полную руку широкимъ и красивымъ жестомъ.

Безъ шляпки она смотрѣла моложе на нѣсколько лѣтъ, въ полусвѣтѣ прохладной комнаты, полной цвѣтовъ и драпировокъ, какъ и гостиная. Голова небольшая, съ черными блестящими волосами, вчесанными на маковкѣ маленькою діадемой, выставила бѣлизну, кажется, естественную, овальнаго величаваго облика. Шея, открытая довольно низко, сохранилась удивительно,—такая же бѣлая, какъ у дочери, но толще и немного грубѣе по контурамъ. Драпировка платья, въ родѣ греческой тунники, цвѣта сѣме, скрадывала нѣкоторую ожирѣлость бюста сорокалѣтней женщины.

— Очень любезны, что не забыли насъ, — привѣтствовала она его своимъ молодежавымъ высокимъ голосомъ.

И съ круговымъ жестомъ другой руки она назвала всѣмъ:

— Monsieur Грубинъ... Товарищъ Валерія Ивановича.

Всѣ поклонились, но она ихъ поодиоцкѣ не представляла Грубину, за что онъ внутренне поблагодарилъ ее.

Онъ не любилъ взаимныхъ представленій.

— Нѣтъ!.. Это невозможно!—залепатала дама въ красномъ, опять взвизгнула и перегнулась вдвое, послѣ чего закинула назадъ голову.

— Вава, вы ломаете себѣ спину, — остановила ее хозяйка.—Генералъ, смирите вашу дочь. Она заболѣетъ.

Старикъ выпятилъ толстыя губы, и его хмурыя брови задвигались надъ сѣрыми глазами, которыми онъ силился

улыбнуться. Онъ точно на всѣхъ сердился за что-то и его растущая въ разныя стороны сѣдая борода шаршавилась на щекахъ.

— Mademoiselle Barbe... Въ чемъ дѣло?

Съ этимъ вопросомъ Аксамитовъ присѣлъ къ Вавѣ и пріятельскимъ жестомъ взялъ ее за руку.

Но общій тонъ его сейчасъ же измѣнился, какъ только онъ пришелъ домой. Это замѣтилъ Грубинъ.

— Ахъ!—Ваву все еще колыхалъ смѣхъ.— Я не буду, дорогая!— пылко обратилась она къ хозяйкѣ и вся прильнула къ ней.— Простите... Я, если расхожусь, удерзаться не могу!

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ еще разъ.

— Да не все ли равно?—замѣтилъ генералъ такимъ же унылымъ голосомъ, какъ и выраженіе его бровей.— Варвара Сергѣевна все равно, что миноноска...

Онъ выразительно взглянулъ на мужчинъ.

— Папа! Развѣ это можно?—закричала Вава и опять прильнула къ хозяйкѣ.— Любовь Ѳедоровна... Дорогая... Я не уйду, не добившись отъ васъ... будете завтра на скачкахъ?

— Милая Вава... Эти скачки такъ пріѣлись.

— Радость моя!..

Вава была уже на колѣняхъ, сложила руки и умоляющимъ голосомъ повторяла:

— Возьмите меня!.. Возьмите! Возьмите! Папа не хочетъ! Да и я также... Онъ все ворчитъ! Я не уйду!

— Варвара Сергѣевна, извольте встать!

Офицеръ съ очень молодежавымъ хорошенькимъ лицомъ броветика, лѣтъ подъ тридцать, подбѣжалъ къ Вавѣ и сажалъ ее поднять.

Къ нему присоединился и хозяинъ.

Всѣ смѣялись, но Грубинъ подмѣтилъ взглядъ, брошенный женой офицера на обѣихъ женщинъ. Взглядъ выдавалъ постоянную тревогу жены, влюбленной въ мужа и только напускающей на себя видъ той равнодушной бойкости, какая пріобрѣтается полковыми дамами.

Наконецъ, Ваву подняли.

— Ъдете? Берете меня? Дорогая!

— Ну, хорошо, — выговорила Аксамитова. — Да какія завтра скачки?

— Офицерскія, — крикнула Вава.

— Вы держите за кого-нибудь?—спросилъ Грубинъ.

огромной шляпѣ, закрывавшей половину ея маленькаго лица. На глазахъ выступили капельки слезъ и щеки пылали подъ-стать цвѣту пунцоваго корсажа.

Съ лѣвой стороны круга сидѣли офицеръ въ кителѣ и рейтузахъ, рядомъ дама однихъ лѣтъ съ нимъ, крупная, съ лицомъ крестьянскаго типа, очень нарядная, сильно затынутая, съ полуголыми руками. Немного поодаль тотъ самый старикъ, котораго Грубинъ видѣлъ, когда онъ разговаривалъ съ Аксамитовыми въ антрактѣ между двумя цыганскими пѣснями.

— Aimée, — сказалъ хозяинъ, указывая на гостя. — Monsieur Грубинъ!.. Нашелъ меня съ Марусей въ саду...

„Aimée?“ — спросилъ себя Грубинъ и тотчасъ же сообразилъ, что это переводъ русской „Любови“.

Она, не приподнимаясь, поклонилась ему, обласкала своими глазами, похожими на вишни, и протянула прелестную полную руку широкимъ и красивымъ жестомъ.

Безъ шляпки она смотрѣла моложе на нѣсколько лѣтъ, въ полусвѣтѣ прохладной комнаты, полной цвѣтовъ и драпировокъ, какъ и гостиная. Голова небольшая, съ черными блестящими волосами, вчесанными на маковкѣ маленькою діадемой, выставляла бѣлизну, кажется, естественную, овальнаго величаваго облика. Шея, открытая довольно низко, сохранилась удивительно, — такая же бѣлая, какъ у дочери, но толще и немного грубѣе по контурамъ. Драпировка платья, въ родѣ греческой туники, цвѣта сѣме, скрадывала нѣкоторую ожирѣлость бюста сорокалѣтней женщины.

— Очень любезны, что не забыли насъ, — привѣтствовала она его своимъ молодежавымъ высокимъ голосомъ.

И съ круговымъ жестомъ другой руки она назвала всѣмъ:

— Monsieur Грубинъ... Товарищъ Валерія Ивановича.

Всѣ поклонились, но она ихъ поодионокѣ не представляла Грубину, за что онъ внутренне поблагодарилъ ее.

Онъ не любилъ взаимныхъ представленій.

— Нѣтъ!.. Это невозможно! — залепетала дама въ красномъ, опять взвизгнула и перегнулась вдвое, послѣ чего закинула назадъ голову.

— Вава, вы ломаете себѣ спину, — остановила ее хозяйка. — Генералъ, смирите вашу дочь. Она заболѣетъ.

Старикъ выпятилъ толстыя губы, и его хмурыя брови задвигались надъ сѣрыми глазами, которыми онъ силился

улыбнуться. Онъ точно на всѣхъ сердился за что-то и его растущая въ разные стороны сѣдая борода шаршавилась на щекахъ.

— Mademoiselle Barbe... Въ чемъ дѣло?

Съ этимъ вопросомъ Аксамитовъ присѣлъ къ Вавѣ и пріятельскимъ жестомъ взялъ ее за руку.

Но общій тонъ его сейчасъ же измѣнился, какъ только онъ пришелъ домой. Это замѣтилъ Грубинъ.

— Ахъ!—Ваву все еще колыхалъ смѣхъ.— Я не буду, дорогая!— пылко обратилась она къ хозяйкѣ и вся прильнула къ ней.— Простите... Я, если расхожусь, ударяться не могу!

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ еще разъ.

— Да не все ли равно?—замѣтилъ генералъ такимъ же унылымъ голосомъ, какъ и выраженіе его бровей.— Варвара Сергѣевна все равно, что миноноска...

Онъ выразительно взглянулъ на мужчинъ.

— Папа! Развѣ это можно?—закричала Вава и опять прильнула къ хозяйкѣ.— Любовь Ѳедоровна... Дорогая... Я не уйду, не добившись отъ васъ... будете завтра на скачкахъ?

— Милая Вава... Эти скачки такъ пріѣлись.

— Радость моя!..

Вава была уже на колѣняхъ, сложила руки и умоляющимъ голосомъ повторяла:

— Возьмите меня!.. Возьмите! Возьмите! Папа не хочетъ! Да и я также... Онъ все ворчитъ! Я не уйду!

— Варвара Сергѣевна, извольте встать!

Офицеръ съ очень моложавымъ хорошенькимъ лицомъ бринетика, лѣтъ подъ тридцать, подбѣжалъ къ Вавѣ и сажался ее поднять.

Къ нему присоединился и хозяинъ.

Всѣ смѣялись, но Грубинъ подмѣтилъ взглядъ, брошенный женой офицера на обѣихъ женщинъ. Взглядъ выдавалъ постоянную тревогу жены, влюбленной въ мужа и только напускающей на себя видъ той равнодушной бойкости, какая пріобрѣтается полковыми дамами.

Наконецъ, Ваву подняли.

— Ъдете? Берете меня? Дорогая!

— Ну, хорошо, — выговорила Аксамитова. — Да какія завтра скачки?

— Офицерскія, — крикнула Вава.

— Вы держите за кого-нибудь?—спросилъ Грубинъ.

— Я?—кликнула его Вава, вся краснѣя, съ остатками слезинокъ на узкихъ глазкахъ. — Играю ли я?.. На что? Папа не дастъ ни копѣйки.

— Это вѣрно,—отозвался генералъ и кивнулъ головой. Его слова вызвали опять смѣхъ.

Грубинъ тѣмъ временемъ успѣлъ осмотрѣться. Онъ попалъ въ военное общество, по тону, ему знакомое. Эта дѣвушка,—ей можетъ быть лѣтъ за двадцать,—несмотря на свою шумливость и дурачливость, порядочная особа. И какъ она увлечена Аксамитовой, именно увлечена! Преклоненіе передъ красотой и обаяніемъ хозяйки переполняетъ все ее существо. Она готова при всѣхъ дѣловать ея руки, только бы она поѣхала съ ней на скачки, только бы показаться на трибунѣ рядомъ съ ней.

И генералъ, по всѣмъ признакамъ, резонеръ съ достоинствомъ, допускаетъ это преклоненіе.

А эта жена офицера наряжена такъ, какъ рядятся для визита къ высокопоставленнымъ лицамъ, и держитъ себя на извѣстномъ разстояніи отъ хозяйки, какъ бы сознавая, что ей далеко до нея.

Словомъ, Аксамитова — предметъ общаго поклоненія и почета, если судить по тому, что Грубинъ видѣлъ въ ея домѣ.

И опять, точно на зло, память подсказала ему одно циническое слово, врѣзавшееся ему въ ухо, изъ ихъ разговоровъ съ москвичемъ на террасѣ казино, въ Киссингенѣ.

— А! вотъ и Маруся!

Вава бросилась къ дверямъ въ гостиную дѣловать дочь, расцѣловавшись съ матерью.

XIV.

Вава отъ дверей подбѣжала снова къ Аксамитовой дѣловать ее и благодарить.

Грубинъ бросилъ взглядъ на Марусю, все еще стоявшую въ дверяхъ.

На ея губахъ онъ схватилъ что-то похожее на печальную усмѣшку. Глаза приняли выраженіе суховатой важности. Въ первую ихъ встрѣчу оно задѣло его. Она, какъ и отецъ ея, была уже совсѣмъ не та, что полчаса назадъ, когда они почти пріятельски говорили, сидя на скамейкѣ дворцоваго сада.

— Маруся тоже поѣдетъ?—стремительно спросила Вава.

— Не знаю... Она не лошаדתница. Маруся, ты хочешь на скачки?

— Мнѣ все равно, папаша, — отвѣтила Маруся безстрастно, подавая руку женѣ офицера и обнимъ мужичинамъ.

Ея выдержка и дрессировка выступили опять.

Ясно было, что такой дѣвушкѣ, хотя ей и не больше двадцати лѣтъ, ничего не стоитъ надѣвать на себя какую угодно маску.

Но если такъ, то почему же она при чужихъ не придаетъ своему лицу и манерамъ больше пріятности, не улыбается, не говоритъ любезностей, совсѣмъ какъ бы не желаетъ нравиться и привлекать къ себѣ, когда ей это ничего бы не стоило при ея изяществѣ и красотѣ?

Кто она? — онъ не могъ еще дознаться. И ему стало обидно: ни въ дочери, ни въ матери онъ не умѣлъ распознать ничего вѣрнаго.

Отъ матери, отъ всего ея существа, расходился точно лучами спокойный свѣтъ женскаго обаянія, глаза всѣхъ ласкали, пышный ротъ сдержанно улыбался, безъ сладости въ позѣ и въ тонѣ, — звучало тихое сознаніе своего незыблемаго женскаго достоинства.

„А вѣдь есть же, — думалъ Грубинъ, совсѣмъ не слушавшій того, что вокругъ него говорилось, — есть же, на взглядъ бывалаго мужчины, какія-нибудь пятнышки, черточки, отиѣтины, по которымъ онъ сейчасъ распознаетъ, подъ всею этою внѣшностью, женщину, давно забывшую, что такое честь и совѣсть?“

Но онъ ихъ не отличить. Онъ совсѣмъ не „бывалый“ мужчина. Онъ мало знавалъ и явно легкихъ, и тайно продажныхъ женщинъ, особенно въ свѣтскомъ обществѣ. У него нѣтъ почти никакой опытности по этой части.

— Однако, пора и хозяевамъ дать отдыхъ, — громко сказалъ генералъ и поднялся съ мѣста. — Вава!.. Довольно изліяній! Любовь Оедоровну ты просто утомила.

— Почему же? — отозвалась Аксамитова и приласкала Ваву взглядомъ за такое восторженное поклоненіе.

— Папа! Минуту!.. Одну минуту!..

Вава наклонилась надъ ухомъ хозяйки и что-то быстро, задыхаясь, зашептала ей.

Та раза два кивнула головой.

— Хорошо! — выговорила она.

— Можно?

— Очень можно...

— Дорогая!.. Прелесть!

И опять пошли поцѣлуи.

— Идемъ, идемъ!.. Вава!

Генераль взялъ дочь за руку и сталъ тянуть за собою.

— А со мной и двухъ словъ не сказали,— остановилъ ее Аксамитовъ и покачалъ головой.

— Я готова, тысячу словъ, но видите...

— Будто бы?—спросилъ Аксамитовъ съ усмѣшкой.— Я васъ пять разъ спросилъ, будете ли вы завтра у Капорцевыхъ, и вы даже не слышали...

— Чего захотѣли, Орестъ Юрьевичъ! — перебилъ его генераль. — Чтобы она слышала кого-нибудь, когда сама заряжена!

Всѣ разсмѣялись, кромѣ Маруси и Грубина.

Маруся сѣла около офицера въ китель, и онъ что-то ей началъ говорить, улыбаясь.

Грубинъ снова подмѣтилъ въ глазахъ его жены ревнивую тревогу и дурно сдержанное недовольство, сказавшееся въ минѣ рта.

Хозяинъ пошелъ проводить старика Дынина съ дочерью.

Любовь Федоровна пригласила Грубина присѣсть поближе къ ней.

— Вы знаете, что вашъ другъ улетѣлъ куда-то на югъ, въ Ростовъ или въ Севастополь?

— Ничего не знаю, — отвѣтилъ ей Грубинъ и тономъ отвѣта хотѣлъ показать ей, какъ онъ вообще смотритъ на Голубца.

— Онъ очень дѣятельный, — продолжала она, — очень ловкій! Первое впечатлѣнiе всегда обманчиво. Валерій Ивановичъ кажется вивѣромъ... Не больше... А онъ можетъ вести крупныя дѣла, не выдавая себя за дѣлового человѣка... Это умно.

Грубинъ ничего не возражалъ.

— И къ вамъ онъ относится сердечно,—голосъ ея немного понизился.—Отъ него я знаю, какой васъ постигъ ударъ.

Она опустила рѣсницы своихъ глазъ-вишенъ.

Тонъ ея былъ простъ, почти задушевенъ, но Грубинъ, слушая ее, оставался все съ тѣмъ же жесткимъ вопросомъ. Онъ не могъ вѣрить тому, что она сочувствуетъ его горю. И въ ея лицѣ онъ не подмѣчалъ ничего не

только злобного, даже просто недоброго: лицо открытое, съ мягкою русскою красотою и истовымъ привѣтомъ.

— Вамъ не хорошо жить нелюдимою, — сказала Любовь Федоровна. — Нужно почаще видать людей.

— Я собираюсь за границу, — отвѣтилъ онъ все тѣмъ же сдержаннымъ, почти сухимъ тономъ.

— Теперь за границей вездѣ тоска. Или ужъ слишкомъ людно... Тамъ васъ захватитъ одиночество въ толпѣ... еще сильнѣе... Повѣрьте мнѣ.

Онъ прислушивался къ ея голосу, полужакрывъ глаза, и долженъ былъ сознаться, что звукъ — простой, искренній, и ея русскій языкъ выгодно отличается отъ того жаргона, какимъ говорятъ русскія барыни, много живущія за границей... Самое произношеніе ему нравилось. Оно было не петербургское — суховатое и торопливое, а плавное, съ звучными гласными, какъ говорятъ въ московскихъ гостиницъ.

Ему начало становиться немного совѣстно за самого себя; но онъ не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ своего предубѣжденія.

— Вы не забывайте насъ, — говорила Любовь Федоровна, немного опершись рукой о ручку дивана. — По вечерамъ мы почти всегда дома. Музыкой мы васъ не будемъ угощать... Я не музыкантша, Маруся еще менѣе... Но, вѣдь, у насъ вездѣ слишкомъ много музыки... Вы не находите?

Онъ хотѣлъ возразить и удержался.

Изъ гостиной хозяинъ вернулся не одинъ, — вѣль подъ рукъ кавалериста съ грузинскою княжескою фамиліей, видѣннаго Грубиннымъ въ Павловскѣ.

„Князь Юшадзе“, — тотчасъ вспомнилъ онъ, и ему стало пріятно, что память его вступала уже въ свои прежнія права.

Но видъ князя, одѣтаго, на этотъ разъ, не въ короткій видмундиръ, а въ довольно длинный сюртукъ, вызвалъ въ немъ странное чувство: точно онъ своимъ повлеченіемъ помѣшалъ ему.

Лицо грузина, безъ фуражки, было красивѣе, лобъ выскочилъ, курчавые волосы подстрижены мыскомъ, придававшимъ что-то своеобразное всей головѣ. Ростъ и статность выигрывали отъ степеннаго покроя драповаго сюртука.

— Аішѣе! Маруся!.. — возгласилъ Аксамитовъ отъ дверей. — Князь не съ пустыми руками!..

Въ рукахъ кавалериста было двѣ вещи: небольшой томъ, завернутый въ бумагу, и коробка съ отдѣлкой изъ пѣтловъ и широкихъ листьевъ, откуда выглядывалъ золотистый, огромныхъ размѣровъ апанасъ.

— Пронгралъ пари!—выговорилъ князь и, послѣ общаго поклона, поцѣловалъ руку хозяйки.

Онъ двигался и поворачивался, какъ хорошо вымуштрованный кадетъ, но безъ торопливости.

Послѣ поднесенія ананаса онъ подошелъ къ Марусѣ, пожалъ ей крѣпко руку, поддерживая въ своей, а другою рукой подаль томикъ.

— Сегодня только получили.

-- Что это?—лѣниво и безстрастно спросила она.

— Вы увидите... Вашъ любимый авторъ.

„Женихъ“,—подумалъ вдругъ Грубинъ, и неся эта сцена встала передъ нимъ въ особомъ свѣтѣ.

XV.

Вотъ признаки жениховства, быть-можетъ, и не объявленнаго, онъ могъ распознавать.

Князь держалъ себя безъ всякой фамильярности, даже не улыбался Марусѣ и чрезвычайно почтительно цѣловалъ руку ея матери.

Этотъ стройный, съ напряженными мышцами самецъ исполненъ былъ спокойствія и степенности, отъ которыхъ у Грубина защемило въ груди.

Когда они подавали другъ другу руки и Грубинъ поглядѣлъ ему въ благообразное, сухое и свѣжее лицо, съ недавнимъ загаромъ, явственное непріятное ощущеніе пробѣжало по немъ.

— Имѣлъ удовольствіе! — выговорилъ своимъ медленнымъ баскомъ князь и чуть слышно звякнулъ шпорами.

На этомъ разговоръ ихъ оборвался.

Офицеръ въ кителѣ по-пріятельски поздоровался съ княземъ и спросилъ его съ своею, точно сдѣланною разъ навсегда, улыбкой:

— Будете участвовать на большихъ скачкахъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ князь, скрививъ немного ротъ. — Съ какой стати?.. Съ жокеями...

— Но, вѣдь, будутъ скакать и охотники, — замѣтила жена офицера въ кителѣ.

— Скакѣромъ я не желаю быть,—выговорилъ князь и блеснулъ глазами.

— Ха-ха! Скакёромъ! Что это за слово? — спросила Аксамитова.

— Скакёръ! — повторилъ за ней фальцетомъ мужъ и также разсмѣялся.—*C'est drôle!*

— Въ Москвѣ такъ говорятъ. Тамъ есть такой спортсменъ, — объяснялъ обстоятельно и серьезно князь, — изъ общества... Давно прожился и ѣздитъ за деньгами... Его всѣ зовутъ: Квашининъ-скакёръ...

Всѣ еще разъ разсмѣялись, кромѣ Маруси. Она сидѣла поодаль у столика и развертывала книгу.

Грубинъ подошелъ къ ней и наклонился съ вопросомъ: — Позвольте полюбопытствовать?

Маруся подняла на него свои глубокіе глаза и не громко вымолвила:

— Позволю.

Онъ прочелъ на голубой оберткѣ имя автора и заглавіе.

— Мопассанъ?—тихо повторилъ онъ.

— И это васъ удивляетъ?

— Стало-быть: Бурже и его соперникъ?

— Да.

— Который же увлекаетъ васъ?

Вопросъ вылетѣлъ у него не совсѣмъ такъ, какъ онъ хотѣлъ его сдѣлать.

— Который? — повторила Маруся. — Ни тотъ, ни другой. Но у одного большой талантъ, другой заставляетъ думать.

Будь это не здѣсь, а въ саду, до прихода отца, Грубинъ сталъ бы допытываться у ней: какъ попали въ ея руки эти романисты, искать въ ней самой, въ ея взглядахъ, подсказанныхъ или вычитанныхъ въ такихъ книжкахъ, поясненіе тому, что кроется въ душѣ ея, говорить ли ея сердце, здоровъ или боленъ ея умъ?

Но онъ, стоя спиной къ дивану, гдѣ сидѣла Любовь Ѳедоровна, точно почувствовать ея взглядъ, и не ошибся.

Она глядѣла въ ихъ сторону, и Маруся положила на столикъ книжку.

— Покажи мнѣ,—выговорила мать своимъ обыкновеннымъ тономъ.

Маруся хотѣла подать ей томикъ съ мѣста, но Грубинъ перенилъ книжку и подаль Аксамитовой.

Любовь Ѳедоровна взглянула на обертку и протянула только:

— А-а...

Томикъ остался въ рукѣ Грубина. Онъ присѣлъ къ ней.

— Вы примѣрная мать, — сказалъ онъ, охваченный странною тревожностью.

— Почему?—спросила Аксамитова, и опять обласкала его глазами.

— Предоставляете вашей дочери свободу выбора книгъ.

— Она не ребенокъ... Меньше иллюзій будетъ... Оно полезнѣе.

Это было сказано съ отѣнкомъ легкой грусти.

Офицеръ съ женой стали прощаться. Хозяинъ опять пошелъ провожать ихъ, и около дивана осталось двое: Грубинъ и князь, сѣвшій на мѣсто жены офицера.

Маруся осталась вдали, у столика. Она не выказывала никакого желанія разговаривать съ тѣмъ, кого Грубинъ уже считалъ ея женихомъ, и сидѣла въ позѣ если не скучающей, то спокойной благовоспитанной дѣвушки, которая, при такой молодой и красивой матери, можетъ и не занимать гостей. Ея взглядъ блуждалъ. Можетъ-быть, ей хотѣлось разрѣзать романъ, привезенный княземъ, но книжка осталась въ рукахъ Грубина—и она ему ничего не сказала.

— Сейчасъ, на Широкой улицѣ, — началъ князь, подавшись слегка впередъ, — я видѣлъ, какъ проѣхалъ въ коляскѣ Малугинъ.

— Иванъ Денисычъ? — спросила Аксамитова, и, чуть замѣтно, по ея чертамъ проскользнула струйка. Глаза улыбались.

Грубинъ сталъ наблюдать ее, упорно, и сидѣлъ нарочно съ опущенною головой.

При звукѣ „Малугинъ“ Маруся повернула голову, но лицо ея оставалось такимъ же безстрастнымъ.

— Съ нимъ... сестра его, кажется?—полувопросительно выговорилъ князь.

— Да, сестра.

— И ему, говорить, гораздо лучше?

— Кажется... Мужъ былъ у него на той недѣлѣ и не засталъ... Онъ выѣзжаетъ давно уже...

— У него языкъ отнялся?—спросилъ степенно князь.

— Нѣтъ, — оттянула Аксамитова и повела ртомъ со-всѣмъ на особый ладъ. — Онъ оправится... Легкій ударъ. Вы знаете, — она начала говорить тише, — сестра его и зять нарочно его пугаютъ. Маневръ извѣстный.

Она взяла со столика вѣеръ и стала опахиваться.

Этотъ вѣеръ показался Грубину уликой. Но какой? Онъ сначала не находилъ... Но тутъ же въ головѣ его промелькнула только что услышанная имъ фамилія „Малугинъ“, и онъ могъ соображать

Фамилію онъ слышалъ. Встрѣчалъ и этого „Ивана Денисовича“—богача, холостяка, извѣстнаго своими любовными связями.

Чуть-чуть не сдѣлалъ онъ губами: „те-те-те“—до такой степени эта находка подвинутила его.

— Вашъ добрый знакомый?—равнодушно спросилъ онъ и въ упоръ поглядѣлъ на Аксамитову, какъ смотреть на допросѣ.

— Да... Мы его давно знаемъ, — отвѣтила она уже своимъ ровнымъ, благосклоннымъ звукомъ и положила вѣеръ на столъ.—И за границей, и здѣсь...

„Хорошо;—подумалъ онъ, точно въ немъ сидѣлъ слѣдователь,—сегодня не изловлю—поймаю завтра“.

И, подъ напоромъ этого возбужденія, круто повернулся на пуфѣ, гдѣ сидѣлъ.

Глаза Маруси, подъ слегка сдвинутыми бровями, глядѣли по направленію къ двери, и этотъ взглядъ подсказалъ ему больше, чѣмъ его догадки и какая-то игра въ ея матери.

Князь, повидимому, ничего не зналъ и ничего не подозревалъ; иначе бы не заговорилъ объ этомъ Малугинѣ и его параличѣ.

Въ дверяхъ показалась бѣлокурая голова Ореста Юрьевича.

— Орестъ!—лѣниво окликнула его жена.—Князь сейчасъ видѣлъ на Широкой Малугина въ коляскѣ съ сестрой.

— Да-а?—протянулъ Аксамитовъ, слащаво усмѣхнулся и вставилъ тотчасъ же монокль.

Въ рукахъ его что-то блѣло.

— Денеша?—спросила Маруся и приподнялась.

— Мнѣ?

Любовь Федоровна протянула бѣлую руку въ браслетахъ, и ея глаза тревожно блеснули.

— Вы позволите? — обратилась она къ Грубину и, не дожидаясь, что онъ скажетъ, вскрыла денешу.

Румянецъ сквозь легкій налетъ пудры заигралъ на щекахъ. Она быстро оглянула мужа и дочь и радостно говорила:

— Тараевъ уже въ Москвѣ... И очень рада...

Аксамитовъ какъ бы съежился. Маруся совсѣмъ поднялась, брови сдвинулись, и она нервно стала проводить пальцами около высокаго воротника своего платья. На лицѣ князя ничего нельзя было прочесть.

Грубинъ вдругъ почувствовалъ, что онъ лишній, и торопливо раскланялся.

Его не удерживали.

XVI.

Лошадь немного горячилась. Грубинъ ѣздилъ недурно, но больше двухъ лѣтъ не садился въ сѣдло.

Пофыркивая, немолодой каурый жеребецъ, выѣзженный военнымъ берейторомъ, шелъ у него все бокомъ, по-ученому, и взбивалъ рыхлую, темнѣющую землю дубовой аллеи.

Грубинъ выѣхалъ рано, побывалъ уже въ саду Александровскаго дворца и бульваромъ спустился къ нѣмецкой колоніи.

Одѣтъ онъ былъ въ новый синій костюмъ, нарочно заказанный для верховой ѣзды, въ высокихъ сапогахъ и пизенькой шляпѣ англійскаго фасона.

Весь онъ смотрѣлъ моложе, бодрѣе, бороду съ боковъ обстригъ и сидѣлъ въ сѣдлѣ прямо, молодцовато.

Отъѣхавъ отъ перекрестка, гдѣ сторожка, онъ повернулъ и сталъ подвигаться еще тише, сдерживалъ лошадь на мундштукѣ и взглядывался въ ту сторону, откуда шла дорога по Новому парку, отъ купалень.

Ничего не было тамъ видно: ни пѣшеходовъ, ни экипажей.

Онъ ждалъ, и ждалъ тревожно, съ неполною увѣренностью.

Вчера ему сказали, что поѣдутъ верхомъ до чаю, гораздо раньше обыкновеннаго.

Это было сказано самымъ простымъ тономъ, но онъ могъ понять, что она желаетъ встрѣтить его.

Они уже ѣздили разъ, на прошлой недѣлѣ, но не одни. Съ ними каталось еще двое мужчинъ.

Сегодня они поѣдутъ къ Павловску. Онъ будетъ съ нею наединѣ, по меньшей мѣрѣ, часъ.

И сдавалось, что между ними выйдетъ особенный разговоръ, не такой, какіе они, и то больше урывками, вели до сихъ поръ, въ эту недѣлю.

Лошадь, на мундштукѣ, подпрыгивала, чуть-чуть подвигаясь впередъ.

Тишина и полное одиночество въ тѣнистой дубовой аллеѣ смягчали его тревогу. Онъ остановилъ лошадь и закурилъ папиросу.

Выпуская дымъ длинными струями, Грубинъ ушелъ въ себя.

Всего восемь дней промелькнуло съ визита, передъ обѣдомъ, къ Аксамитовымъ — и онъ уже не тотъ Владимиръ Павловичъ Грубинъ, который жилъ тамъ, на пустой дачѣ, и педѣлями мучился на своей постели, безъ сна, до полного разсвѣта.

Его сонъ и теперь еще тревоженъ, но засыпаетъ онъ не съ тѣми чувствами. Его затягиваетъ новая полоса жизни. Куда?—онъ еще не знаетъ и какъ бы намѣренно не хочетъ отдать себѣ отчета.

Куда-то тлнеть его. Зачѣмъ остался онъ въ Царскомъ и, когда пришелъ день окончательныхъ переговоровъ по сдачѣ квартиры, уклонился и написалъ въ контору, что къ такому сроку не можетъ еще выѣхать за границу.

Заграничный паспортъ не выправленъ. Онъ откладывалъ это со дня на день, подъ предлогомъ несносной духоты въ вагонахъ въ дообѣденные, жаркіе часы.

Эта поѣздка отошла куда-то въ туманъ, и ему все больше кажется, что доктора врутъ и что ему не отъ чего лѣчиться... Никакихъ болей въ печени у него нѣтъ, голова гораздо свѣтлѣе, онъ весь день на ногахъ и въ движеніи, аппетитъ вернулся.

За паспортъ онъ медлил ѣздить; но поѣхалъ въ такую же духоту къ своему портному и настаивалъ, чтобы костюмъ для верховой ѣзды былъ готовъ въ двое сутокъ; даже дешевле торопиль француза.

Вотъ явилась и эта лошадь. Онъ нанимаетъ ее посуточно. Ему ни минуты не показалось ни страннымъ, ни смѣшнымъ парадировать верхомъ, точно онъ кавалеристъ или молодой спортсменъ, берущій призы на скачкахъ.

Когда, на-дняхъ, онъ одѣлся въ костюмъ наѣздника и подошелъ къ зеркалу уже съ подстриженной бородкой, память подсказала, что ему всего тридцать восемь лѣтъ, три мѣсяца и пять дней.

Цѣлый день онъ гуляетъ или сидитъ съ книгой на воздухе, смотритъ на деревья, на зелень луга, на прохожихъ, иногда ищетъ уединенія, и въ головѣ его быстро

чередуются настроенія, — не подавляющая грусть, какъ было недавно, а новая возбужденность, точно круговое вращеніе мыслей и вопросовъ вокругъ одного женскаго образа.

Онъ уже не можетъ оторвать себя отъ него. И не отъ внѣшняго только облика: лица, глазъ, цвѣта волосъ, усмѣшки, поступи, туалета, а отъ того, что подъ этимъ всѣмъ кроется: какая душа, какое сердце, въ какихъ чувствахъ это существо къ своимъ близкимъ, черезъ что прошло оно, черезъ какія растлѣвающія или благодатныя вліянія?

Ни одинъ судебный слѣдователь такъ упорно не перебираетъ нитей преступленія, ловко запутанныхъ закоренѣлымъ злодѣемъ, какъ онъ всѣ эти дни перебиралъ признаки и отмѣтины того, чѣмъ же можетъ оказаться эта чета—мать и отецъ, дѣйствительно ли они хищники самаго печальнаго сорта, или просто праздные и тщеславные русскіе, быть-можетъ, проигравшіеся въ рулетку и дѣлающіе экономію, проводя поскромнѣе лѣтній сезонъ на дачѣ въ Царскомъ?

Эта работа слѣдователя шла въ немъ дома или на прогулкѣ, но у нихъ онъ не могъ отдаваться съ полнымъ самообладаніемъ роли наблюдателя. Присутствіе той, къ кому его тянуло, мѣшало, держало его въ тискахъ, вызывало совсѣмъ не то, что необходимо для такой роли.

Онъ въ одну недѣлю нашелъ поводъ видѣть ее пять разъ, въ томъ числѣ былъ у нихъ два раза, но понемногу,—одинъ разъ всего на четверть часа, при гостяхъ, на террасѣ.

Броситься разузнавать объ Аксамитовыхъ онъ считалъ низменнымъ; но если бъ кто-нибудь поставилъ его на вѣрный путь, онъ не отказался бы отъ такихъ разговоровъ. Ему нужны были факты во всей ихъ грубости и цинизмѣ, но вѣрные, безъ всякой примѣси легенды или свѣтскаго злоязычія.

Отъ кого добиться ихъ? Голубецъ уѣхалъ, да онъ и не такой человѣкъ, чтобы сталъ выдавать свою пріятельницу, Любовь Ѳедоровну. Вѣроятно, она черезъ него улаживаетъ всякія дѣла. Онъ сейчасъ пустилъ бы въ ходъ дворянскія интонаціи въ носъ, сказалъ бы ему: „Душа моя, интимная жизнь порядочной женщины для меня могила“.

Въ Царскомъ онъ никого почти не зналъ, кто бы могъ

ему сообщить о богатѣ Малугинѣ и его отношеніяхъ къ Любви Федоровнѣ. И про того Тараева, что прислалъ депешу о возвращеніи своемъ въ Москву, онъ тоже не имѣлъ понятія.

Этотъ иксъ еще не появился въ ихъ гостиной. Спросить о немъ рѣшительно не у кого. Кто онъ? Судя по фамилии, купецъ. Какой-нибудь миллионеръ-золотопромышленникъ или фабрикантъ.

Минутами Грубинъ стыдилъ себя. Такіе заботы и вопросы приличны сыщику, а не порядочному человѣку. Но онъ кончилъ полнымъ самооправданіемъ.

Не для самого себя ему это нужно было.

Безъ фактической основы онъ не могъ войти въ душу дѣвушки, уже вызывавшей въ немъ самоотверженное желаніе: стать около нея на стражѣ, протянуть ей руку, когда нужно будетъ.

Развѣ она просила его объ этомъ?

Нѣтъ, не просила; но между ними легъ уже какой-то мостикъ. Она сумѣла показать ему, что онъ „ея гость“, и безъ всякаго ученаго кокетства, давая понять, что онъ одинъ—кромѣ, быть-можетъ, отца—въ состояніи ее понять, что она его отличаетъ не какъ жениха, а какъ человѣка, сумѣвшаго оцѣнить ее.

Вопросъ: благообразный грузинскій князь будетъ ли ея мужемъ?—не тревожилъ его. Князя онъ ни разу, на недѣлѣ, не видѣлъ. Его полкъ выступилъ въ Красное Село, въ лагерь.

Теперь ему не вѣрилось, чтобы она могла смотрѣть на него, какъ на своего суженаго. Князь точно совсѣмъ и не существовалъ для нея.

Весь этотъ кругъ мыслей обошелъ голову Грубина, и онъ прищипорилъ лошадь, точно вспомнилъ, что черезъ минуту или двѣ, или пять слѣва на дорогѣ должна показаться амазонка на вороной лошади, въ мужской шляпѣ, безъ вуаля, стройная, съ посадкой англійской наѣздницы.

И вдругъ, кромѣ лакея, на разстояніи десяти сажень, съ ней еще кто-нибудь—отецъ или тотъ офицеръ, котораго онъ, про себя, прозвалъ уже „бѣлый китель“, мужъ ревнивой франтихи?

Солнце ярко облило лужайку съ кустами деревьевъ, по которой вилась дорога. Амазонка, короткимъ галопомъ, плавно выяснялась въ мигающей утренней мглѣ.

XVII.

Онъ не поскакалъ навстрѣчу амазонкѣ, но, сдерживая лошадь, поѣхалъ немного поскорѣе. Ходъ сбивался на короткую рысь.

Амазонка завидѣла его еще до перекрестка и чуть-чуть кивнула головой.

Ея посадкой и станомъ Грубинъ залюбовался. Было въ самомъ движеніи, приданномъ ею своему коню, что-то и величавое, и смѣлое, и полное стальной гибкости. Женщина съ характеромъ и волей, со всѣми запросами отъ жизни, сидѣла въ этой русской барышнѣ, воспитанной въ какихъ-то тамъ версальскихъ „Petits Oiseaux“, гдѣ ей, вѣроятно, преподавали монашки очищенную французскую исторію, по Боссюэту, откуда выкидывается все, что не „ad ecclesiae gloriam“.

— Съ добрымъ утромъ!

Привѣтствіе Грубина разнеслось по аллеѣ, когда Маруся съѣхала съ мостика и повернула на дубовую аллею.

— Вы давно ѣздите?—спросила она его, круто и легко остановивъ лошадь, совершенно простымъ тономъ, безъ всякой неловкости.

Лошадь ея стала поперекъ аллен.

Грубинъ могъ подать ей руку. Маруся пожала ее крѣпко и тою же рукой поправила свою мужскую шляпу, блестящую отъ солнца. Оно проникло на средину аллеи.

Оба, точно по молчаливому уговору, поѣхали шагомъ, вверхъ, къ Тярлевской платформѣ. Ихъ лошади тихо всхрапывали и поводили короткими хвостами. Грубинъ ѣхалъ слѣва. Жокей—все на томъ же разстояніи—трусилъ сзади на пѣгой лошади, въ короткомъ сюртукѣ, перетянутомъ кушакомъ, и въ лосинахъ.

И сейчасъ же у Грубина затолпилось множество вопросовъ. Но онъ ихъ отмахивалъ отъ себя, — ни одинъ изъ нихъ не находилъ онъ умѣстнымъ. Отъ этого протянулось нѣсколько секундъ молчанія.

Маруся поправила немного волосы подъ шляпой, переняла поводъ изъ одной руки въ другую, — она ѣздила безъ хлыста, — и сказала спокойно, тономъ хорошей знакомой, которая не ищетъ съ нимъ предметовъ разговора:

— Зачѣмъ вы такъ скоро ушли въ послѣдній разъ?

Онъ не ожидалъ этого именно вопроса.

— Зачѣмъ?—переспросилъ онъ, чувствуя приливъ пѣж-

ности къ этой дѣвушкѣ. — Да, право, я самъ не знаю... Вы скрылись отъ этой дамы: видно было, что она меня пересидить.

— Я думала, что вы придете въ гостиную.

Слова ея вызвали на его похудѣлыхъ щекахъ чуть заметный румянецъ.

— Вы, вообще, Марья Орестовна, кажется, не очень любите дамское общество?

— Женщинъ?—выговорила она, поводя губами.—C'est si bête, les femmes!

Онъ тихо разсмѣялся.

— Есть исключенія,—выговорилъ онъ и не посмотрѣлъ на нее.

— Не знаю. Я это говорю... прямо... Я не рисуюсь... Но мнѣ всегда такъ скучно бываетъ отъ ихъ разговоровъ... Сейчас хочется зѣвать, и я должна дѣлать усилія... Увѣряю васъ... У меня нѣтъ такой способности, какъ у шатап, все слушать съ улыбкой.

— Въ свѣтѣ какъ же иначе?—подумалъ вслухъ Грубинъ, но ему тутъ же показалось, что его фраза очень ужъ банальна.

— Женщинъ слишкомъ много, — продолжала Маруся все въ томъ же тонѣ.—Вы не находите?

— Гдѣ?

— Вездѣ,—протянула она, и ея брови начали двигаться.—Мы всѣ такія... какъ это сказать... ненужныя.

— Ненужныя?

— Конечно!.. Одѣваться, раздѣваться и опять одѣваться, причесывать голову, кататься, сидѣть въ гостиной и болтать, болтать, болтать...

„Да она не изъ тайныхъ ли синихъ чулковъ?—вдругъ подумалъ онъ.—Рисуется своимъ взглядомъ на свѣтъ?“

Но этотъ вопросъ только промелькнулъ въ головѣ Грубина. Маруся говорила спокойно и безъ юмора, точно вслухъ думала при человѣкѣ, которому она сразу начала довѣрять.

Это его тронуло, и онъ поглядѣлъ на нее вбокъ, ища, какое у ней выраженіе.

Она сидѣла въ сѣдлѣ, стройная и смѣлая, въ профиль, со строгимъ взглядомъ, немного смягченнымъ тѣнью полуопущенныхъ рѣсницъ. Губы чуть двигались, и издали никто бы не подумалъ, что она говоритъ вслухъ.

— Ихъ надо пожалѣть!—промолвилъ онъ, помолчавъ.

— Жалѣть? — вопросъ зазвучалъ почти жестко. — Не знаю... Онѣ стоятъ мужчинамъ столько денегъ... И не однѣхъ денегъ, — прибавила она и повернула голову вправо.

— Предметы роскоши! — вырвалось у нея съ глухимъ смѣхомъ.

Грубину отъ звука этого смѣха стало жутко.

— Для мужчинъ онѣ интересны, но съ ними можно только поглупѣть. Да и мужчины могли бы требовать чего-нибудь больше.

Жуткій смѣхъ опять вырвался у нея, но она сдержала его, наклонилась надъ шеей лошади, потрепала ее свободною рукой, потомъ тихо крикнула какое-то нерусское восклицаніе, — Грубинъ не успѣлъ схватить его, — и подпала лошадь въ короткій галопъ.

Молча проскакали они съ полъ-аллеи. Маруся первая перемѣнила аллюръ. Они поѣхали опять шагомъ и оба опустили поводья.

Грубинъ не могъ оставить безъ конца начавшійся между ними разговоръ. Эта дѣвушка выступала для него въ такомъ освѣщеніи, что онъ начиналъ теряться.

Одному онъ вѣрилъ: она ничего не напускаетъ на себя.

Но тогда который же ей годъ? И подъ какимъ вліяніемъ, въ какихъ жизненныхъ предѣлахъ могла она выработать себѣ этотъ тонъ, эту опредѣленность оцѣнокъ, этотъ безпощадный взглядъ на женщинъ своего круга?

— Марья Орестовна, — заговорилъ онъ, не поднимая головы, — вы позволите мнѣ вернуться къ той минутѣ, когда вашъ отецъ подошелъ къ намъ, помните, въ саду, на берегу канала?

— Помню! — довольно живо отвѣтила Маруся. — Но что же было такого въ нашемъ разговорѣ?

— Съ вами былъ желтый томикъ, и я прочелъ на немъ заглавіе романа: „Mensonges“, Бурже.

— Да.

— И знаете, что я тогда подумалъ?

Она слегка пожала плечами и усмѣхнулась.

— Какъ же я могу знать!

— Я подумалъ: „вотъ какія книжки читаетъ она“... И если бъ вашъ рара не подошелъ, я бы заговорилъ съ вами на эту тему... быть-можетъ, непріятную для васъ... и теперь...

— Почему? Напротивъ!.. Я уже вамъ, кажется, говорила: надо мной нѣтъ строгаго надзора.

— Вы мнѣ сказали, что Бурже вашъ любимый писатель.

— Я и теперь это скажу.

— Но чтобы... цѣнить такія вещи, какъ этотъ романъ „Mensonges“, надо...—онъ запнулся,—надо знать стороны жизни...

Дальше онъ не пошелъ и замѣтно смутился.

— Что же вы не доканчиваете?—уже серьезно и почти строго сказала Маруся, сидѣвшая въ сѣдлѣ съ опущенною головой.—Стороны жизни... для дѣвушки моихъ лѣтъ... недоступныя... или... подыщите сами слово... Но, вѣдь, это такъ?

— Почти такъ,—выговорилъ Грубинъ вдумчиво, молодую нотой.

— И васъ это способно смущать?—почти съ вызовомъ въ глазахъ спросила она и выпрямила голову.

— Печально, Марья Орестовна, сталкиваться, хотя бы и въ романѣ, съ... такою, простите, грязью, особенно, когда эту грязь придется, быть-можетъ, видѣть и вокругъ себя, торжествующей, подъ личиною изящества и красоты, окруженной если не уваженіемъ, то всеобщемою потачкой.

Онъ выговорилъ эту тираду однимъ духомъ, съ живостью совсѣмъ молодого человѣка, и когда смолкъ, то сейчасъ же испугался: вѣдь она могла принять его слова за рядъ самыхъ прозрачныхъ намековъ.

XVIII.

Маруся сразу ничего не отвѣтила. Грубинъ взглянулъ на нее и тотчасъ отвелъ глаза,—боялся покраснѣть.

Эта тревожность просто изумляла его, но онъ, все-таки, радъ былъ, что высказался сразу.

— Ну, такъ что жъ?—послышалось ему.

Онъ поглядѣлъ на нее смѣлѣе.

— Вы говорите: печально!—продолжала она.—Но кто же виноватъ, что въ жизни такъ? Вы, стало-быть, хотите, чтобы дѣвушка, какъ птица страусъ, — она перебила себя:—мнѣ минуло двадцать лѣтъ, вотъ уже мѣсяцъ,—спрятала голову въ песокъ, когда за ней гонятся? Гонится жизнь... Вы думаете, я въ первый разъ у Бурже, въ этихъ „Mensonges“, встрѣтила такую свѣтскую женщину?.. Я видѣла „Parisienne“, еще въ прошломъ году, на сценѣ, а потомъ прочла ее, и нахожу, что это прекрасная пьеса. Прекрасная, — повторила она, растягивая слова, съ особенныхъ

оттѣнкомъ голоса, какъ будто хотѣла сказать, что такая пьеса утвердила ее въ чемъ-то, раскрыла ей на что-то глаза.

Грубину снова сдѣлалось неловко. Онъ не радъ былъ, что началъ щекотливый и неделикатный разговоръ.

— Васъ возили смотрѣть пьесу Бака? — спросилъ онъ, однако, совсѣмъ противъ желанія.

— Не возили,—она улыбнулась,—а я сама попала... съ одною подругой... Она замужемъ.

— Это было въ Парижѣ?

— Да, въ Парижѣ... *Ah mon Dieu!* — воскликнула она и дернула за поводъ.—Это такъ старо... А другая пьеса Ожье „*Les lionnes pauvres*“? И у Бальзака, — прибавила она, точно припоминая, — развѣ нѣтъ ужъ такихъ дамъ? Вы, конечно, читали... „*Madame Marneffe*“, наприимѣръ?

— Вы и это читали?—вырвалось у Грубина.

— Я все читала,—вымолвила Маруся медленно, почти печально.

Въ эту минуту они были въ концѣ аллеи, около того мостика, что ведетъ къ дубу, обшитому внизу круглою скамьей.

— Кажется, у меня сѣдло ослабло, — замѣтила вдругъ Маруся, не останавливая лошади.

Грубинъ заботливо оглянулся.

— Не хотите ли сойти, вонъ на тотъ диванъ?

Онъ указалъ рукой на дубъ съ круглою обшивкой.

— Да, да!

Маруся сдѣлала знакъ жокею; тотъ подскакалъ.

Они переправились на ту сторону и по дорожкѣ она выѣхала первая на площадку вокругъ дуба.

Свою лошадь Грубинъ передалъ жокею и сказалъ ему:

— Я сниму барышню съ сѣдла, а вы подойдете, и потомъ надо подтянуть подпругу.

— Мы можемъ отдохнуть,—сказала Маруся, когда она сходила на доски скамьи и Грубинъ держалъ подъ-уздцы ея лошадь одною рукой, а другою придерживалъ стремя.

Амазонка ея была скроена по-новому, съ короткою юбкой. Изъ-подъ нея промелькнули ноги въ лаковыхъ мужскихъ ботинкахъ и въ панталонахъ со штрипками.

Ни малѣйшаго смущенія или неловкости не замѣтилъ онъ въ ней, когда ея нога коснулась его руки, державшей стремя. Такъ сходила бы съ сѣдла любая амазонка въ манежѣ, гдѣ они вдвоемъ съ берейторомъ.

Жюкей принялъ лошадь, привязалъ остальныхъ двухъ къ дереву и сталъ возиться съ подпругой.

— Мнѣ кажется, я немного устала.

Маруся громко перевела духъ и сѣла, облокотясь о спинку, съ протянутыми на землѣ ногами.

— Вы давно уже ѣздите? — спросилъ Грубинъ, думая совсѣмъ о другомъ: въ его ухахъ еще звучала послѣдняя фраза Маруси и слово „Бальзакъ“ съ его ужасной „madame Magneffe“.

— Нѣтъ, я прямо поѣхала.

Это было сказано просто, безъ всякой игры. Не только тонкаго кокетства, но даже подобія его не чувствовалъ онъ въ ней. Это не то чтобы обижало его, но казалось черезчуръ уже спокойнымъ, почти безцеремоннымъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ не мужчина, еще молодой, не чело-вѣкъ изъ ея общества, а учитель верховой ѣзды.

Простота могла указывать и на нѣчто совсѣмъ иное: быть признакомъ довѣрія. Она смотритъ на него, какъ на чело-вѣка, способнаго все отлично понимать и ничему не удивляться.

Но онъ продолжалъ если не удивляться, то недоумѣвать.

— Марья Орестовна, — началъ онъ точь-въ-точь такимъ же звукомъ, какъ четверть часа назадъ, — то, что вы мнѣ сейчасъ сказали, я не могу оставить такъ. Оно вызываетъ десятки вопросовъ... А когда намъ удастся поговорить по душѣ?

— По душѣ? — повторила она и повернула къ нему голову вопросительно.

— То-есть искренно, задушевно... Извините... Я употребилъ выраженіе чисто-русское.

— Понимаю! — живѣе отозвалась Маруся и немножко приблизилась къ нему. — Я такія выраженія очень люблю... По-французски я говорю и даже думаю съ дѣтства... Но вѣдь на этомъ языкѣ надо повторять готовые фразы... И это дѣлается очень банально, хотя и удобно.

— Тѣмъ болѣе, — добавилъ Грубинъ, — что вы вѣдь владѣете родною рѣчью прекрасно... съ рѣдкой силой и мѣткостью.

— О, нѣтъ!..

Она отрицательно покачала головой.

— И такъ, намъ врядъ ли можно будетъ говорить часто и много?

— Это трудно... но по кускамъ можно.

— По кускамъ?—веселѣе переспросилъ Грубинъ.

— У васъ хорошая память?

— До сихъ поръ была очень хорошая. Я могъ заучивать цѣлыя страницы прозы, прочтя ихъ два раза.

— Вы и будете помнить, на чемъ у насъ остановился разговоръ: на томъ мѣстѣ мы его и возобновимъ.

— Идея удачная.

Разговоръ ихъ уходилъ въ сторону и Грубинъ, помолчавъ, спросилъ:

— Позвольте напомнить, съ чего началась наша сегоднешняя бесѣда?

— Пожалуйста.

— Мы говорили о женщинахъ и у васъ вырвался возгласъ: „C'est si bête, les femmes!..“ Будто бы вы такого мнѣнія о всѣхъ... хотя бы только о свѣтскихъ женщинахъ?

— Нѣтъ!.. Есть очень умныя... Первая—мать...

Выговорила это Маруся твердо, безъ всякаго отъѣнка чувства, но съ убѣжденіемъ. Она назвала Любовь Оедоровну „мать“, а не „тащан“, въ первый разъ.

— Вы сами находите...

— Мать моя,—продолжала Маруся,—видитъ насквозь всѣхъ, съ кѣмъ она встрѣчается въ жизни, и мужчинъ, и женщинъ... А вѣдь не правда ли, никто этого не скажетъ, на первый взглядъ?

— Чѣмъ же вы опредѣляете умъ женщинъ, какимъ главнымъ свойствомъ?

Маруся немного задумалась и приложила палецъ къ подбородку значительнымъ жестомъ. Грубину лицо ея видно было въ профиль.

— Вотъ чѣмъ: тѣмъ, какъ женщина умѣетъ добиваться своего, и не одною красотою... или нервами, *enfin parce que les hommes s'emballent!*—воскликнула она,—а головой и характеромъ... И потомъ вотъ еще чѣмъ: есть ли у ней планъ жизни, безъ всякихъ уступокъ и глупостей... И еще...

— Довольно и этого!—перебилъ ее Грубинъ.

Ему уже не нравилось, что онъ вернулся къ темѣ, которая можетъ сдѣлаться опять щекотливой.

— Но моя мать... *elle est hors concours*, — выговорила Маруся все такъ же твердо и безстрастно.

— Какъ пишется на выставкахъ?—спросилъ Грубинъ.

— Какъ пишется вездѣ... гдѣ талантъ и умъ,—поправила она его, и онъ почувствовалъ, что она его дѣйстви-

тельно „поправила“ съ большимъ тактомъ и выдержкой.

Но тогда зачѣмъ же она сама назвала свою мать и заговорила о ней въ такомъ неопредѣленномъ, почти двойственномъ тонѣ?

У него запросилась фраза по-французски: „mademoiselle est très forte“.

XIX.

— Готово,—доложилъ жокей.

— Ъдемъ!—сказала Маруся и встала.

Грубинъ подаль ей руку. Она легко вскочила на скамью; жокей подвелъ лошадь и помогъ ей сѣсть въ сѣдло.

Они поѣхали обратно не дубовою аллеей, а прямо, Новымъ паркомъ, по направленію къ павловскому шоссе.

Солнце уже начинало припекать.

Нехорошо вдругъ стало на душѣ Грубина. Ему было досадно на себя самого... Къ чему эти разговоры съ дѣвushкой, которая либо смѣется надъ нимъ, либо рисуется, если она уже испорчена до мозга костей? Не заинтересованъ онъ ея душой, а просто начинаетъ втягиваться въ платоническое волокитство... Ея наружность и тонъ дразнить его и заставляютъ играть роль смѣшноватаго наперсника.

Струйка нехорошаго чувства защемила его, и онъ спросилъ Марусю, очень пристально поглядѣвъ на нее:

— А восточный человѣкъ?

— Comment? — откликнулась она, хорошенько не разсмысливъ, привычнымъ французскимъ звукомъ.

— Князь... Какъ его фамилія... она мнѣ не дается.

— Юшадзе.

— Онъ въ Красномъ-Селѣ?

Грубинъ это прекрасно зналъ и не о томъ хотѣлъ спросить. У него на губахъ вертѣлся другой вопросъ.

Маруся посмотрѣла на него серьезно. Видно было, что она за тысячу верстъ отъ личности князя.

— Маманъ ласкаетъ его въ какихъ видахъ?—спросилъ онъ умышленно небрежно.

— Кажется, она помѣстила его въ списокъ моихъ жениховъ.

Маруся выговорила это не измѣняя тона.

Фраза показалась ему до такой степени „подходящою“, что онъ чуть не расхохотался.

Видимое дѣло, что эта начитанная въ реальныхъ ро-

манахъ особа употребляетъ обычный приѣмъ дѣвиць, зондирующихъ почву.

Это подозрѣніе сейчасъ же смѣнилось вопросомъ:

„Да что же ей во мнѣ соблазнительнаго?“

Навѣрное, у Аксамитовыхъ, черезъ того же Валерія Ивановича Голубца, было прекрасно извѣстно, что у него состояніе, правда, прочное, но весьма среднее, не больше... Онъ не камеръ-юнкеръ, а до сихъ поръ всего кандидатъ правъ; нѣтъ у него ни блестящаго положенія, ни вліятельныхъ связей въ свѣтѣ.

Нехорошее чувство не улеглось еще.

— А этотъ списокъ уже порядочный? — спросилъ Грубинъ полуиронически.

— Не знаю... Мать моя мнѣ объ этомъ не говоритъ. Когда найдетъ нужнымъ, — скажетъ.

— Ха-ха-ха!

Смѣхъ Грубина разсыпался въ воздухѣ.

Маруся могла бы найти его страннымъ, можетъ-быть, обиднымъ; но она повернула къ нему ясное лицо, съ улыбкой въ своихъ прекрасныхъ глазахъ, темнѣвшихъ отъ солнца.

— Что васъ такъ разсмѣшило? — совершенно просто спросила она.

— И вы ждете чего же, Марья Орестовна, рѣшенія нашей маманъ?

— Она ничего мнѣ не станетъ приказывать. Но будетъ такъ, какъ она рѣшитъ.

— Вы это серьезно?

Голосъ у него дрогнулъ.

— Очень, очень серьезно, — медленно и съ удареніемъ выговорила она.

— А кто же другіе кандидаты въ списокъ вашей маманъ?

— Можетъ-быть, вотъ тотъ московскій... вы помните, денешу получили при васъ и мать мою это такъ еще обрадовало?

— Прекрасно помню.

— Это отъ одного набаба.

— Но не индійскаго, а, кажется, чисто-русскаго. У него какая-то... фамилія, которая отзывается...

— Да, — перебила Маруся. — Но у него два милліона.

— Только?

— Доходу, — протянула Маруся, и протянула такъ, что

Грубинъ ударилъ правымъ каблукомъ въ бокъ лошади, поднялъ ее въ галопъ и въ ту же минуту подумалъ:

„Тебѣ, видно, и самой больше ничего не надо!“

— Что жъ... купецъ?—спросилъ Грубинъ дворянскимъ звукомъ.

Это не ускользнуло отъ Маруси.

— Кажется, — отвѣтила она такимъ тономъ, какъ бы хотѣла сказать: „развѣ это не все равно, если у него два милліона, хотя бы и бумажками, дохода?“

— Такъ два милліона? — переспросилъ онъ, отдаваясь все тому же нехорошему чувству. — Это и на франки не мало, по нынѣшнему курсу — около шести милліоновъ франковъ.

— Да?—выговорила Маруся и въ ея взглядѣ блеснула мысль, которую онъ перетолковалъ себѣ такъ:

„Шесть милліоновъ—это цифра, за которую все можно достать и всѣхъ купить“.

— И что жъ онъ, этотъ Тараевъ... вѣдь, кажется, такъ?.. одинъ изъ тѣхъ купчиковъ-франтиковъ, которые, въ сущности, остались самодурами?

Она глазами попросила у него объясненія слова самодуръ: должно-быть, она не знала его въ литературномъ смыслѣ.

И это ему не понравилось. Онъ сталъ объяснять ей, нетерпѣливо и многосложно, употребляя такіа выраженія, какъ „праву моему не препятствуй“, и другія въ томъ же вкусѣ.

Маруся выслушала, наклонивъ голову, терпѣливо, ни разу не перебила его.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, когда онъ кончилъ. — Этотъ набабъ изъ москвичей не такой... Онъ не изъ... какъ вы назвали... Кить Китычей?..

— Вы комедій Островскаго развѣ не знаете? — почти рѣзко перебилъ онъ ее.

— Мнѣ читалъ изъ нихъ мой учитель, еще въ Парижѣ... И я помню „Грозу“... *Cette femme adultère qui se jette dans le Volga.*

Слово „adultère“ она выговорила отчетливо, безъ мимолетной задержки, точно она замужняя женщина, не знающая никакой ложной стыдливости.

— И статью Добролюбова „Темное царство“ читали?—продолжалъ учительски допрашивать Грубинъ.

Онъ не могъ соскочить съ этой зарубки, чувствуя, что тонъ его дѣлается все безтактнѣе.

— Нѣтъ, не читала. Я по-русски очень мало знаю. Вы меня простите... Но этотъ набабъ не такой... Онъ похожъ на *homme du monde*. И, кажется, у него есть какой-то талантъ. Играетъ на скрипкѣ или на арфѣ, ужъ не помню... *Très modeste*,—вдумчиво прибавила она въ видѣ заключенія,—*presque sympathique*.

— А наружностью?

Вопросъ вылетѣлъ у Грубина стремительно.

— Блѣдный... Худой... *Air maladif*.

— Значить, интересенъ?—подсказалъ онъ.

— Да-а,—протянула Маруся,—скорѣе интересенъ.

— И молодъ?

— Ему дали бы тридцать лѣтъ,—выразилась она первымъ галлицизмомъ за всю ихъ прогулку.

Онъ чуть было не сказалъ:

„Что жъ вы? Не плошайте! Захватывайте его по-скорѣе!“

И обрадовался тому, что Маруся не кончила еще.

— *C'est quelqu'un*!...—сказала она опять по-французски.

Повернувъ къ нему голову, она тотчасъ же прибавила:

— Извините меня... Я ужасно часто сбиваюсь на французскія фразы... потому что онъ готовя.

И она дружески, съ улыбкой, озарившей ея лицо, кивнула головой.

Но онъ не смягчился. На выѣздѣ изъ парка онъ оставилъ свою лошадь и хотѣлъ проститься съ ней.

— Вы проводите меня до нашей дачи,—сказала она ему спокойно.

Этимъ она дала ему урокъ и показала, что совѣтъ не желаетъ, чтобы ихъ прогулки смотрѣли свиданіями. Пускай у ней дома увидятъ, что онъ ѣздилъ съ ней и проводилъ ее.

Грубинъ, въ первый разъ въ жизни, закусилъ нижнюю губу и долженъ былъ, улынувшись, вымолвить:

— Если позволите... Очень радъ!..

Они оба подняли лошадей въ галопъ и доскакали молча.

XX.

Не хотѣлъ онъ сейчасъ же возвращаться домой. Въ немъ не улеглось раздраженіе, странное, недостойное его.

Довольно-таки усталую манежную лошадь онъ то и дѣло

пришпоривалъ и неся вдоль всего бульвара, въ тотъ край города, потомъ мимо моста съ китайскими фигурами, и поѣхалъ шагомъ все дальше отъ него, хорошенько и не соображая, куда онъ ѣдетъ.

И ѣсть ему не хотѣлось, а время уже подходило къ часу его завтрака.

Одна изъ узкихъ дорогъ привела съ дальней окраины жарка къ низкому, заросшему мѣсту, гдѣ сквозь деревья и крупные кусты замелькали стѣны и окна низкаго зданія.

Это былъ Баболовскій дворецъ.

Но онъ его не сразу узналъ, осмотрѣлся, подѣхалъ ближе, сошелъ съ сѣдла и привязалъ лошадь къ стволу березы.

Тихо и добродушно-красиво было тутъ.

Разомъ его нервное возбужденіе спало. Онъ неровными шагами, отъ долгой ѣзды, пошелъ къ площадкѣ вокругъ дворца и присѣлъ на диванчикѣ, въ тѣни какого-то куста. Солнце особенно игриво глядѣло на этотъ уголокъ. Кругомъ—ни души. Никто не подошелъ къ Грубину, не предложилъ ему оглядѣть комнаты, не спросилъ: имѣетъ ли онъ билетъ.

Но ему не сидѣлось, несмотря на усталость, на нить въ поясницѣ и въ икрахъ.

Тихо подошелъ онъ къ одному изъ оконъ, изнутри ничѣмъ не заставленныхъ, и приблизилъ лицо къ стеклу.

Зала стояла чистая и просторная, съ отдѣлкой минувшей эпохи. Свѣтлая мебель, паркетъ, жирандоли, лѣпной потолокъ, мраморные бюсты, часы; все такъ чинно, съ цѣломудреннымъ и задумчивымъ видомъ. Тутъ совсѣмъ по-другому думали, говорили, мечтали и любили люди той эпохи. И всѣ они теперь—покойники.

Эта мысль холодкомъ повѣяла на него.

Онъ еще долго смотрѣлъ въ окно и уже ничего не думалъ, отдавался безпредметному настроенію, совсѣмъ отличному отъ того, что тревожило и физически кололо его какихъ-нибудь десять минутъ назадъ.

Но развѣ онъ не былъ здѣсь, не такъ давно, въ началѣ весны, когда эти кусты и деревья только что покрывались почками?

Память сейчасъ же развернула передъ нимъ все, до ничтожныхъ подробностей. Они поѣхали съ Катей,—она доживала послѣднія недѣли беременности, — поѣхали именно сюда. Ей захотѣлось видѣть этотъ дворецъ, за-

хотѣлось по-дѣтски, настойчиво, какъ это бываетъ съ женщинами, когда онѣ впервые дѣлаются матерями. И онѣ еще искали коляски на резинахъ и нашелъ у собора, сторговалъ за три рубля и былъ очень радъ, что четырехмѣстное ландо оказалось такимъ покойнымъ.

Они приѣхали сюда послѣ завтрака. Денекъ былъ ясный, немного свѣжій. Катя надѣла свое новое пальто съ пелеринкой, подаренное имъ же и купленное у Антонова. Ей захотѣлось выйти изъ экипажа, когда они остановились въ двухъ шагахъ отъ того дерева, гдѣ теперь привязана лошадь.

Съ какою трепетною боязнью велъ онѣ ее сюда и повторилъ: „Тутъ не оступись, милая“, и она ему отвѣтила нѣсколько разъ:

— Володя, развѣ я малолѣтняя?

А она была тогда такая маленькая и пухленькая, смѣшная и милая, съ бѣлизной кожи на пополнѣвшихъ щекахъ. Хорошѣе она стала съ пятого мѣсяца. Даже волосы ея дѣлались гуще и приобрѣли блескъ.

Вонъ тамъ, на томъ самомъ диванѣ, куда онѣ было присѣлъ, они сидѣли довольно долго. Имъ очень понравился весь этотъ уголокъ, и стиль дворца, и отдѣлка комнатъ.

Говорили они шутливо и молодо о „дофинѣ“ и ждали его много-много черезъ десять дней.

Грубинъ закрылъ глаза, и краска стыда прокрасалась на его лицо.

Сколько времени прошло съ того послѣ-завтрака?

Не было еще полныхъ двухъ мѣсяцевъ.

Язвительныя слова, обращенныя къ самому себѣ, ринулись потокомъ.

Какъ вся эта послѣдняя недѣля показалась ему постыдной!

— Подло, подло! — громко и порывисто говорилъ онѣ, всталъ со скамьи и первно заходилъ по площадкѣ вдоль оконъ.

Его потянуло опять къ тому окну, гдѣ онѣ стоялъ и глядѣлъ внутрь.

Отчего же еще тогда онѣ не вспомнилъ про поѣздку сюда съ Катей?

Неужели онѣ до такой степени охладѣлъ къ ея памяти? Шесть недѣль послѣ смерти ея и ихъ ребенка!

Эти два слова „шесть недѣль“ оставили слѣдъ въ его мозгу. „Шесть недѣль“...

А когда же онъ служилъ панихиду въ сороковой день по смерти Кати и Тани?

Неужели онъ забылъ это,—онъ, съ его памятью?

Грубинъ остановился какъ вкопанный.

Это было невѣроятно. Никто ему не напомнилъ. Но кто же могъ ему напомнить? Горничная?.. Кухарка?.. Онѣ сами не забыли, но не сказали ему ничего, побоялись тревожить, огорчать.

Онѣ больше его любятъ Катю... Катю!.. Катю, его Катю, милую, преданную, чистую какъ свѣча передъ образомъ, оставившую въ немъ разбитое сердце, мать его дочери? Вѣдь это было горе, большое, разразившееся ударомъ молніи...

Не дальше, какъ двѣ недѣли назадъ, онъ мѣста себѣ не могъ найти нигдѣ, бродилъ какъ тѣнь, и у себя, и въ садахъ, угнетенный одною скорбью, одною мыслью о невозвратной жестокой потерѣ.

И вдругъ—забыть про сороковой день!

Онъ вернулся на скамью и долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

Ну, да, онъ плохой православный. Обряду придаетъ онъ мало важности. Но панихида облегчаетъ скорбь тѣхъ, кто оплакиваетъ своихъ покойниковъ. Она — человѣчна. При минорныхъ возгласахъ дьякона—и на отпѣваніи чужого—вамъ въ сердце проникаетъ жалость и тихія слезы льются мимовольно.

И онъ забылъ! Не то, что не хотѣлъ, а просто забылъ! Значить, въ этотъ день ни разу не подумалъ о Катѣ; значить, не захотѣлъ поплакать на ея могилѣ, гдѣ онъ не былъ больше двухъ недѣль...

Это уже непоправимо... Сороковой день прошелъ... Печатать объявленіе заднимъ числомъ—постыдно... Заказать панихиду только для очистки совѣсти?

— Для очистки совѣсти!—вслухъ выговорилъ онъ, отпавъ руки отъ лица, красный, съ блестящими, негодующими глазами.

Никогда онъ такъ не возмущался собою, подлостью своего поведенія.

Неужели все это вызвали случайная встрѣча съ семействомъ какихъ-то подозрительныхъ, свѣтскихъ, пустѣйшихъ людей, наружность и тонъ исковерканной дѣвицы,

съ которой онъ сегодня, все утро, вель себя такъ мальчишески, точно влюбляющийся лицеистъ или юнкеръ изъ кавалерійскаго училища?

Негодоваіііе клокотало въ немъ, но онъ не хотѣлъ по-чему-то спросить себя: полно, преисполненъ ли онъ скорбью о покойницѣ теперь, въ эту минуту?

— Катя моя!.. Голубка милая!—зашептали его губы.

Онъ досталъ платокъ и отеръ глаза.

И ему стало легче. Не скорбь его облегчилась, а чувство противъ самого себя. У него уже не было больше силъ стыдить того смѣшнаго спортсмена, который полчаса назадъ скакалъ рядомъ съ амазонкой высшей школы и въ антрактахъ задавалъ ей полухеидные и безтактные вопросы насчетъ претендентовъ на ея руку.

Грубинъ всталъ, медленно отвязалъ лошадь, вскочилъ въ сѣдло и поѣхалъ шагомъ.

XXI.

Въ кабинетѣ, со спущенными шторами, душно, хотя оба окна настежь отворены.

На диванѣ, въ парусинномъ костюмѣ, безъ галстука, Грубинъ лежалъ головой къ свѣту и читалъ книжку жур-нала.

Читалъ онъ разсѣянно, безпрестанно откладывалъ книжку на стулъ, приставленный къ кожаному дивану, и закуривалъ папиросу чаще, чѣмъ онъ обыкновенно дѣлалъ.

Третій часъ. На улицѣ томительно проползалъ жаркій іюльскій день.

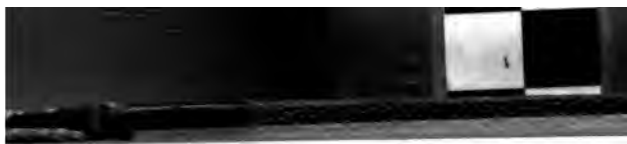
Разные запахи проникали изъ-подъ спущенныхъ шторъ и беспокоили Грубина. Онъ всталъ, подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него флаконъ съ душистою водой и началъ искать трубочки, чтобы вставить ее въ горлышко и попрыскать, освѣжить воздухъ.

Глаза его упали на свѣтло-сѣрый листокъ, брошенный поперекъ бюзара,—листокъ съ монограммой, продолговатый, плотный и матовый. Онъ былъ сложенъ вдвое и лежалъ сгибомъ внизъ, такъ что можно было видѣть по-черкъ.

Рука его оставила флаконъ и взяла листокъ.

Отъ свѣтло-сѣраго продолговатаго листка шло легкое благоуханіе. Сквозь него нервы Грубина уже не раздражали тѣ запахи, что проползали изъ-подъ опущенныхъ шторъ.

Благоуханіе чуть примѣтное, но отъ него сейчасъ же

пошли образы. Вотъ бллая, немного худая рука съ розовыми ногтями выводитъ эти буквы никогда невиданной имъ формы, немного вкось, крупныя, съ какими-то шпорами въ углахъ, тамъ, гдѣ всѣ закругляютъ и гласныя, и согласныя... И почеркъ поразительно гармонируетъ со всѣмъ обликомъ той, кто выводилъ эти строки.

Въ пятый разъ читаетъ онъ содержаніе записки, написанной не по-французски, какъ слѣдовало бы ожидать, а по-русски.

И нѣтъ ни одной грамматической ошибки, кромѣ нетвердости въ знакахъ, какъ всегда у женщинъ.

Складъ фразъ мужской, краткій.

„Вы насъ забыли,—читаетъ онъ.—Папа и я соскучились. Вы знаете, въ какіе часы насъ всегда можно застать дома. Столько темъ слѣдовало бы намъ довести до конца. Не правда ли?.. Помните нашъ уговоръ?”

И дальше:

„Мать моя просила меня передать вамъ свое приглашеніе отобѣдать у насъ послѣзавтра. Я ей уже сказала, что вы будете. Вы мнѣ простите такую смѣлость“.

Сегодня, если онъ не пойдетъ на обѣдъ, надо извиниться письмомъ.

Записка лежитъ уже цѣлыя сутки. Ее принесъ вчера, безъ него, выѣздной, и горничная, наивно описывая его видъ, сказала ему:

— У него, баринъ, подъ мышками золотые жгуты висятъ.

А онъ развѣ не скучалъ эти четыре дня?

Такого вопроса Грубинъ не задалъ себѣ ни вчера, когда пробѣжалъ въ первый разъ записку Маруси, ни сегодня.

Онъ ходилъ вчера на кладбище отслужить литію на могилѣ, гдѣ, на памятникѣ изъ чернаго мрамора, золотыми буквами вырѣзано: „Екатерина Николаевна Грубина и дочь ея, младенецъ Татьяна“. Плакалъ онъ много по уходѣ священниковъ.

Это его очень облегчило. Когда онъ вышелъ изъ кладбищенскихъ воротъ, то самъ почувалъ, какъ ему легко, почти радостно; а наканунѣ весь день протянулся до нельзя тяжело... Хотѣлъ онъ ѣхать въ городъ за паспортомъ, и не поѣхалъ. На дачу, гдѣ онъ могъ отъ пяти до семи застать Марусю, онъ намѣренно не заглядывалъ.

Записку онъ вчера даже бросилъ на столъ, небрежныхъ

жестомъ, и ни разу больше не пробѣжалъ ее. Сегодня онъ читаетъ ее уже въ пятый разъ и, читая, какъ бы дразнить себя образами и мыслями, которые должны его отталкивать отъ дома Аксамитовыхъ.

Стыдилъ онъ себя достаточно. Свою „измѣну“ памяти Кати онъ ничѣмъ не хотѣлъ оправдывать, хотя не находилъ въ себѣ охоты къ новымъ обличеніямъ своей „подлости“.

Какъ бы онъ къ себѣ ни относился, но надо же быть вѣжливымъ.

Его приглашаютъ, стало-быть, оказываютъ вниманіе... Врядъ ли Любовь Федоровна имѣетъ на него какіе-нибудь виды. Какіе же? Ужъ, конечно, не прочитъ его въ женихи Марусѣ. Зовъ на обѣдъ идетъ скорѣе отъ мужа и дочери.

Эта мысль не въ первый разъ приходитъ ему въ теченіе сутокъ. Весь тонъ записки показываетъ, что дочь желаетъ поддержать съ нимъ пріятельскія отношенія... Она даже заигрываетъ съ нимъ... Самое приглашеніе только прикрывается именемъ матери. Это ясно!

Но что ему до всего этого за дѣло?

Довольно и того, что онъ изъ-за Маруси, изъ-за своего гаденькаго селадонства, измѣнилъ памяти существа, отнятаго у него судьбой съ такою жестокостью...

Слишкомъ довольно этого!

Что можетъ онъ найти въ семействѣ Аксамитовыхъ, кромѣ замаскированного хищничества?

Всегда, и совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ держался въ сторонѣ отъ того свѣта, гдѣ играютъ роль вотъ такіа барыни, съ ихъ снисходительными мужьями, и дѣвицы, не знающія ничего, кромѣ ловли мужей, съ расчетомъ на скорое и безпрепятственное нарушеніе седьмой заповѣди.

Съ какой же стати идти на добровольное погруженіе въ болото, гдѣ барахтаются самыя вредныя особи чело-вѣческаго стада, живущія только въ свое чрево и въ свои ненасытные позывы тщеславія и безпутства?

Слова, которыми думалъ Глубинъ, были рѣзки и даже гнѣбны, но внутри у него не роилось ни негодованія, ни сокрушенія надъ собственною дрянностью.

Онъ хотѣлъ бы стряхнуть съ себя свое развинченное, нервное недомоганіе, и не могъ.

Записка на сѣромъ продолговатомъ листкѣ дразнила

его. Опять очутилась она въ его рукахъ и ея благоуханіе и щекотало, и втягивало его въ кругъ мыслей, вертѣвшихся не около его вины передъ памятью покойницы, а вокругъ той, кто заставила его скакать рядомъ съ нею и забыть сороковой день кончины его Кати.

Но вѣдь заговорило же въ немъ и человѣчное чувство, если онъ началъ интересоваться этою дѣвушкой?

Почему же непременно селадонство или рисовка, а не что-нибудь выше сортомъ?.. Просто передъ нимъ начала раскрываться душа — женская или мужская: это другой вопросъ — странная, почти загадочная, во всякомъ случаѣ, такая, какихъ онъ не встрѣчалъ до тѣхъ поръ. Разговоры съ этою дѣвушкой помогли ему забывать о своемъ горѣ, высвобождали его изъ-подъ гнета, который дѣлался вѣдь несноснымъ, бесплоднымъ и мертвящимъ, — развѣ это не вѣрно?

Поѣздка за границу, рѣшенная имъ въ принципѣ до его знакомства съ Аксамитовыми, должна послужить тому же: разсѣяться, облегчить ударъ, придти въ себя, начать вѣдаться въ жизнь, — все это настолько, насколько надо было брать ванны въ какомъ-то тамъ Тараспѣ! Докторъ самъ нисколько не скрывалъ этого. Онъ и до сихъ поръ повторяетъ:

— Вамъ поѣздка необходима, даже если бы воды и не помогли сразу.

Вѣдь онъ не взялъ же револьверъ и не застрѣлился у гроба жены или на ея могилѣ... А кто же ему мѣшалъ?.. Около него даже пикого не было, кто бы слѣдилъ за нимъ... Да врядъ ли кому и приходило опасеніе, что онъ покончить съ собою, хотя всѣ знакомые считали его съ женой идеально-нѣжными супругами.

Къ чему же преувеличивать?.. Зачѣмъ ковырять въ душѣ безъ всякой серьезной причины? Если онъ забылъ про сороковой день, — значитъ, жизнь начала его забирать сильнее, чѣмъ онъ ожидалъ.

Этотъ выводъ всталъ передъ нимъ спокойно и безстрастно. Онъ не устыдилъ его, но и не порадовалъ.

Точно для того, чтобы уйти отъ него, Грубинъ поспѣшно спросилъ себя: пошлетъ ли онъ записку Аксамитовымъ съ отказомъ, или нѣтъ? Нерѣшительность все еще владела имъ, небывалая, болѣзненная... Никто не считалъ его тряпкой. Во всѣхъ своихъ и постороннихъ дѣлахъ, крупныхъ и мелкихъ, онъ привыкъ къ рѣшительнымъ

выводамъ и не переставалъ воспитывать въ себѣ привычку къ такому поведенію.

А тутъ, въ такомъ вздорѣ, онъ медлилъ и волновался.

XXII.

У крыльца остановились дрожки. Кто-то поднялся и сильно позвонилъ.

Грубинъ всталъ, подошелъ къ окну и приподнялъ штору.

— Буффало-Билль!—воскликнулъ онъ вслухъ и тотчасъ же опустилъ штору.

Первая его мысль была: приказать горничной не принимать. Голубецъ принесетъ съ собою воздухъ тѣхъ же Аксамитовыхъ и свой собственный, непременно будетъ разспрашивать, балагурить, обдастъ всѣмъ букетомъ дворянскаго самодовольства.

Горничная просунула голову въ полуотворенную дверь и шопотомъ спросила:

— Прикажете принять?

Грубинъ хотѣлъ сказать: „не принимать“, и сказалъ:

— Примите!

Вторая мысль быстро отстранила первую. Почему же не принять Голубца? Онъ все-таки товарищъ и не виновать въ томъ, что у него нѣтъ такихъ свойствъ натуры, какія сдѣлали бы изъ него образцовую личность... Забѣхалъ,—значить, пожелалъ видѣть его и пріятельски побесѣдовать.

Но и эта мысль прикрывала другое соображеніе.

Голубецъ могъ уже повидаться съ Аксамитовыми по приѣздѣ. Желаніе заставить его говорить о нихъ перевозмогло, хотя оно и не доложило о себѣ въ открытой формѣ.

— Здоровъ?—раздался носовой голосъ Валеріа Ивановича еще на порогѣ кабинета.

— Здоровъ, — отвѣтилъ Грубинъ веселѣе, чѣмъ хотѣлъ бы.

Они, по обыкновенію, подѣловались.

Голубецъ, въ застегнутомъ сюртукѣ, несмотря на жару, снялъ свой неизмѣнный цилиндръ уже въ кабинетѣ и поставилъ его на письменный столъ.

— Изнываешь отъ температуры? И, кажется, въ меланхолическомъ настроеніи?

Спросивъ это, Голубецъ придалъ лицу сочувственное выраженіе и прибавилъ:

— Напрасно, Владиміръ Павловичъ, ты себя такъ распускаешь...

— Хочешь что-нибудь?.. Сельтерской воды съ виномъ?— перебилъ его Грубинъ.

— Прикажи... Жажда большая. Я вѣдь сейчасъ съ завтрака отъ Аксамитовыхъ... Душно у тебя, братъ. Не перейти ли намъ въ залу?

— Сдѣлай милость!

Зала стояла все такая же пустая, съ колыбелью посрединѣ. Открытыя окна въ садъ, съ тѣнью шторъ, держали комнаты въ прохладѣ.

— И кровать, — выговорилъ Голубецъ и воздержался отъ дальнѣйшихъ замѣчаній.

Грубинъ внутренно сказалъ ему за это спасибо.

Молчаніе, протянувшееся на нѣсколько секундъ, онъ прервалъ вопросомъ:

— Что жъ тамъ дѣлается?

Въ немъ вдругъ загорѣлась потребность заставить Голубца говорить объ этой четѣ, о нравахъ мужа и жены, объ отношеніяхъ къ нимъ дочери.

Въ дверь онъ приказалъ горничной принести стаканъ и сельтерской воды, вернулся къ Валерію Ивановичу, и они заходили, въ ногу, по пустой комнатѣ.

— Что дѣлается?.. Да вотъ завтра тебя ждутъ къ обѣду.

— И ты приглашенъ?

— Буду, если управлюсь съ дѣлами. Ты, кажется, имъ ничего не отвѣтилъ?.. Это, душа моя, неловко.

— Да вѣдь они не просили отвѣта, во всякомъ случаѣ?

— Все-таки слѣдовало дать знать... Люди къ тебѣ такъ внимательны.

Это было сказано особымъ внушительнымъ тономъ, какой онъ употреблялъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надо выказывать свою порядочность и умѣнье жить.

— Если бъ я отказалъ, я бы написалъ еще вчера.

— Стало, будешь? Очень радъ... Но слѣдовало бы дать знать. Еще не поздно, нѣтъ четырехъ.

— А послѣ четырехъ нельзя? — спросилъ Грубинъ. — Въ книжкѣ свѣтскихъ приличій Соколова такъ приказано, а?..

Грубинъ положилъ руку на плечо Валерія Ивановича и насмѣшливо поглядѣлъ на него.

— Я, братъ, и безъ книжки умѣю жить, — съ достоинствомъ отвѣтилъ тотъ, сдѣлавъ жестъ правою рукою, гдѣ

у него на запонкѣ блестяла монограмма изъ мелкихъ брильянтовъ. — Для тебя такой домъ — чистый кладъ... Любовь Ѳедоровна — женщина, какихъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, умница, тактъ изумительный, во всемъ какая ширь... Умѣеть принять — какъ никто... И безъ всякаго цирлихъ-манирлихъ... Орестъ Юрьевичъ — человѣкъ блестяще образованный... Тонкій человѣкъ... Надо его знать.. Во всѣхъ частяхъ — европейцы... Маруся, — я вѣдь ее еще вотъ какой зналъ, — во чтѣ выросла!

— Такихъ барышень нѣтъ? — передразнилъ его Грубинъ.

— Если ты не оцѣнилъ ее — не дѣлаетъ чести твоей проникательности... А она еще о тебѣ спрашивала... Очень сочувствуетъ твоему горю... Знаешь, она сдержанна и горда... Надо ее знать!..

— Ладно, ладно! — перебилъ Грубинъ, повернулся и остановилъ Голубца посреди залы. — Ты лучше вотъ что мнѣ скажи: успѣшно ли идетъ обрабатываніе московскаго набоба?

— Какого набоба?

— Ну, какъ его... Тараевъ, что ли? У котораго два милліона дохода бумажками? Вѣдь онъ здѣсь?

— Сейчасъ завтракалъ съ нимъ.

— Ну, такъ кому же прочить его Любовь Ѳедоровна, себѣ или дочери, или и ей, и себѣ... потомъ?

Грубинъ засмѣялся и отошелъ къ окну.

— Я тебя не понимаю, Владиміръ Павловичъ. Съ какой стати такія шутки?

Грубина взялъ задоръ, сродни тому нехорошему чувству, которое дергало его во время прогулки съ Марусей.

— Валерій Ивановичъ!.. Милый мой!.. Пожалуйста, оставь ты свои фасоны... Ты думаешь, что я, какъ простофиля, буду вторить тебѣ насчетъ добродѣтели этой барыни?.. У меня, братъ, память дьявольская. И она мнѣ давно подсказала кое-что изъ прошлаго госпожи Аксамитовой... А московскаго архимилліонера не я выдумалъ... Ergo?

Онъ подошелъ къ Голубцу и два раза кивнулъ головой все съ тѣмъ же вызывающимъ выраженіемъ въ глазахъ.

Ему ни подъ какимъ видомъ не хотѣлось говорить объ Аксамитовой въ тонѣ этого Буффало-Билля съ его „фасонами“. Онъ радъ былъ показать ему, что не желаетъ быть наивнымъ потому только, что Валерій Голубецъ —

свой человекъ въ домѣ Аксамитовой и, навѣрное, служить ей въ какихъ-нибудь аферахъ.

— Ergo?.. Я, братъ, ничего тебѣ не скажу на это. — Голубецъ выпрямился и поправилъ галстукъ. — Въ это семейство ввелъ тебя я, и отъ меня ты никакихъ сплетенъ не услышишь. Я могила для женской репутаціи. Любовь Федоровна — всѣми уважаемая женщина. Къ ней ѣздить дамы лучшаго общества... Она, душа моя, мнѣ не исповѣдовалась. Да въ такомъ случаѣ я былъ бы еще болѣе... нѣмъ.

— Оставь... Надоѣлъ... Почему же ты считаешь себя порядочнѣе, чѣмъ тотъ, кто спрашиваетъ тебя по-товарищески: что за люди тѣ, кому ты его представилъ? Вспомни, милый другъ, ты меня почти насильно потянулъ къ ихъ коляскѣ.

— Насильно! Насильно!

— Да, насильно. У меня никакого желанія не было идти... Ты — другъ дома, ты, коли на то пошло, нравственно обязанъ былъ предупредить.

— Въ чемъ?.. Владиміръ Павловичъ! Ты, Богъ знаетъ, что говоришь!

— Я, можетъ-быть, и не желалъ вовсе играть роль почтительнаго посѣтителя салона госпожи Аксамитовой и выказывать ей респектъ.

— Это твое дѣло! — еще серьезнѣе перебилъ Голубецъ. — Я не гувернеръ твой... У тебя свой есть умъ, душа моя. Ты теперь въ нервозномъ состояніи находишься... это понятно. Тебѣ надо развлечься... Я и познакомилъ тебя съ пріятнымъ домомъ.

— Пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ! — прервалъ Грубинъ и рѣзко захохоталъ.

— Можетъ-быть!

Голубецъ обидчиво повелъ ртомъ и отошелъ къ двери въ кабинетъ.

— Куда ты? — крикнулъ ему Грубинъ, чувствуя, что разговоръ получилъ некрасивый оттѣнокъ.

— Въ Петербургъ!.. Съ тобой нынче трудно ладить... И я тебя покорнѣйше прошу, Владиміръ Павловичъ, съ такими разспросами ко мнѣ не обращаться... Есть не мало нусьяковъ, что въ домѣ и днюютъ, и почуютъ, а готовы первому встрѣчному всякую пакость про хозяевъ рассказывать. Мы, братецъ, не такъ воспитаны...

Голубецъ перешелъ въ кабинетъ, взялъ шляпу и съ улыбкой легкаго укора подаль руку Грубину.

— Надо лѣчиться, душа моя, поѣзжай лучше на воды.
• Съ этими словами онъ и вышелъ.

XXIII.

Въ исходѣ седьмого часа Грубинъ приближался, по бульвару, къ первому цвѣточному скверу съ фонтанами.

Онъ былъ старательно одѣтъ и подстриженъ; утромъ нарочно ѣздилъ въ Павловскъ къ французу-парикмахеру. На немъ немного широко сидѣлъ сюртукъ. Не надѣвалъ онъ его съ похоронъ жены.

Обѣдаютъ у Аксамитовыхъ ровно въ семь. Онъ шелъ туда.

Сюртукъ не смущалъ его. Въ запискѣ Маруси онъ, въ маленькомъ постъ-скриптумѣ, разобралъ два слова: „Morning dress“. По-англійски онъ не учился, но понялъ, что это— позволеніе явиться одѣтымъ по-утреннему.

Цѣлый день вчера онъ не зналъ, куда ему дѣваться. Недовольство собой увеличилось.

Какой-нибудь „Буффало-Билль“—Валерій Голубецъ, къ которому онъ никогда серьезно не относился, — и тотъ оказался порядочнѣе его.

Тотъ былъ кругомъ правъ. Если бъ онъ даже и зналъ всю подноготную про Любовь Ѳедоровну, не слѣдовало ему выдавать ее, разъ онъ „свой человекъ“ въ ея домѣ и представилъ его Аксамитовымъ.

Все поведеніе свое во вчерашнемъ разговорѣ онъ не могъ объяснить ничѣмъ другимъ, какъ крайнею развинченностью нервовъ. Никто не виноватъ въ томъ, что онъ имѣетъ поводъ стыдить себя.

Да и какое, наконецъ, ему дѣло до нравовъ госпожи Аксамитовой? Фактическаго онъ и до сихъ поръ ничего не знаетъ... Подозрѣвать можно всѣхъ. Только жена цезаря въ Римѣ не могла подпадать подозрѣнію, даже если она была и Фаустина или сама Мессалина.

Сегодня утромъ онъ только что проснулся — почти весело выбрали себя, рѣшилъ, что пойдетъ обѣдать къ Аксамитовымъ и не станетъ нисколько хитрить, замѣтывать своего интереса къ Марусѣ. Ему эту дѣвушку жаль... Если у ней мать испорчена и способна ее развратить, тѣмъ понятнѣе въ каждомъ душевно-здоровомъ человѣкѣ желаніе поддержать ее, насколько это возможно, не на-

прашиваясь въ наперсники, не играя никакой глупой и слащавой роли.

Онъ шелъ не скоро, даже замедлялъ шагъ. Смутная тревога давала о себѣ знать. Этотъ обѣдъ, хотя и не явно, волновалъ его.

До цвѣточнаго сквера оставалось нѣсколько шаговъ. Кто-то поравнялся съ нимъ справа. Что-то мелькнуло металлическое.

Грубинъ обернулся и не сразу узналъ въ росломъ, сѣдомъ генералѣ отца Вавы.

Тотъ шелъ бодрымъ, военнымъ шагомъ, въ одномъ сюртукѣ съ погонами.

— Здравствуйте! — окликнулъ его старикъ, остановилъ и широкимъ жестомъ подаль руку.

— Извините, генералъ... Не узналъ васъ. Вы вѣдь были штатскій... Поступили опять на службу?

— Нѣтъ... Я—въ запасѣ... Вотъ... Изволите видѣть...

Онъ указалъ рукой на бѣлый узкій позументъ внизу золотого погона.

— Ахъ, да!..

— Мы имѣемъ право носить и штатское, и военное платье.

— Совершенно вѣрно!

— Вы позволите пройти съ вами? Или вы любите уединеніе?

— Пожалуйста!

Грубинъ сдѣлалъ особенно вѣжливый наклонъ головы.

— Вамъ въ ту же сторону?

Генералъ протянулъ руку по направленію къ Дворцовому саду.

— Именно!

Они пошли въ ногу. Старикъ оглянулъ его съ улыбкой и спросилъ:

— Вѣдь я имѣлъ удовольствіе васъ встрѣтить тогда у Любови Ѳеодоровны... Вы ее съ тѣхъ поръ не видали?

— Былъ раза два,—спокойно отвѣтилъ Грубинъ.

Его волненіе утихло отъ этой встрѣчи съ генераломъ дынинымъ. Сказать, что онъ идетъ къ ней обѣдать, онъ считалъ ненужнымъ. Можетъ-быть, тотъ не приглашенъ, и это всегда неприятно.

— Вы Любовь Ѳеодоровну давно изволите знать?

Унылые глаза генерала усмѣхнулись при этомъ вопросѣ и усами онъ повелъ на особый ладъ.

— Нѣтъ, всего какихъ-нибудь двѣ недѣли.

— А-а!..—протянуль генераль и опять повелъ усами.—
Дама вкусная! Какъ вы находите?.. Сохранилась на рѣд-
кость... Вы думаете сколько ей?

— Лѣтъ подъ сорокъ.

— И всѣ сорокъ четыре!.. Я ея лѣта знаю такъ же
хорошо, какъ свои собственные. Бабѣ давно пятый деся-
токъ идетъ, и какая сочность, а? И вѣдь не притирается...
Ну, пудру употребляетъ, глаза подводитъ немножко... по-
парижски. Но ни румянъ, ни бѣлилъ! Шея-то какой бѣ-
лизны!

— Вы, генераль, кажется, большой знатокъ...

Грубинъ взглянулъ на него вбокъ и усмѣхнулся, какъ
бы желая затянуть Дынина въ разговоръ, гдѣ онъ най-
детъ то, что ему нужно было.

— Теперь я ужъ кацуты!—съ унылымъ юморомъ вы-
говорилъ старикъ и сдѣлалъ жестъ ладонью правой руки.—
Когда-то... Видите... Я остался вдовъ еще свѣжимъ моло-
дымъ мужчипой... Дѣти были маленькія. Во второй разъ
я не хотѣлъ жениться... Знаете, надѣлать ихъ мачихой...

— Лучше пользоваться свободой,—добавилъ Грубинъ.

— Я сю не злоупотреблялъ, но, конечно, не монахомъ
жилъ.

— И тогда вы уже знавали Любовь Федоровну?

Вопросъ Грубина зазвучалъ такъ, что генераль остано-
вился и тряхнулъ головой.

— То-есть какъ знавалъ?.. Насчетъ любовныхъ чувствъ?..
Или въ родѣ того? Нѣтъ!.. Одно время она мнѣ шель-
мовски нравилась, но я тогда не былъ еще вхожъ въ
ихъ домъ... Потомъ они скрылись... съ горизонта... За
границей больше проживали.

Генераль на этотъ разъ многозначительно подмиг-
нулъ.

— И тамъ Любовь Федоровна, вѣроятно, гремѣла?

— Да вы, стало-быть, совсѣмъ не знаете ея?

— Я уже сказалъ вамъ, генераль, что мое знакомство
началось едва двѣ недѣли.

— И вы съ намѣреніемъ?—спросилъ Дынинъ и оста-
новился.

Сталъ и Грубинъ.

— Съ какимъ? Съ жениховскимъ?.. Насчетъ дѣвицы?

Этотъ вопросъ вылетѣлъ у Грубина быстро, точно онъ
его готовилъ.

— Что жъ?.. Вы еще молодой человѣкъ. Можете одинаково претендовать и на дѣвицу, и на маменьку.

— И безъ меня есть охотники!—умышленно игриво замѣтилъ Грубинъ.

— Есть,—протяжно и съ особою миной повторилъ генералъ.—Любовь Ѳедоровна въ родѣ царицы амазонокъ... выберетъ себѣ для единоборства самаго крупнаго витязя... Насчетъ этого у ней удивительное чутье.

— Насчетъ чего?—съ напускною наивностью остановилъ Грубинъ.

— Не любить, чтобы презрѣнный металлъ у мужчинъ зря лежалъ. Разумѣется, когда сумма бросается въ носъ...

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Онъ развязывалъ руки Грубину.

Этотъ почтеннаго вида старикъ, въ большихъ чинахъ,—на погонахъ блестяли цѣлыхъ три звѣздочки,—не сталъ бы и въ шутиломъ родѣ говорить зря такіа вещи.

— Что жъ, тотъ московскій милліонеръ, котораго ждала Любовь Ѳедоровна, такой именно предметъ ея охотничкаго лова?

Вопросъ Грубина разсмѣшилъ Дыннина. Онъ захохоталъ хриплымъ баскомъ и мотнулъ головой.

— А вы уже знаете?—сквозь смѣхъ спросилъ онъ.

— Слышалъ.

— Именно!.. Это—кушъ первосортный.

— Два милліона доходу?

— Больше, говорятъ! Золотые пріиски, рыбныя ловли, хлѣбные экспорты...

— Словомъ, набабъ!

— Набабъ! Набабъ! Собою дохлый и, какъ всѣ дохлые, склоненъ чрезвычайно къ влюбленію.

Генералъ опять остановилъ Грубина и взялъ его за пуговицу.

XXIV.

Они остановились наискосокъ одной изъ улицъ, идущихъ отъ бульвара къ набережной Дворцоваго сада.

— Вамъ куда?—спросилъ генералъ, перебивая себя.

— Вотъ сюда, — показалъ Грубинъ какъ разъ на ту улицу.

— Прекрасно! И мнѣ туда же.

— Перейдемте.

Шагая черезъ улицу, Дыннинъ опять заговорилъ, и тонъ

его дѣлался серьезнѣе, брови задвигались и щеки стали краснѣть.

— Аксамитовы, по-моему,—и она, и ея мужъ,—живой примѣръ того, какая у насъ теперь распущенность въ обществѣ... Всюду и вездѣ!.. И чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ хуже... Снаружи все шито-крыто... Но для кого же тайна,—тонъ старика сдѣлался сердитѣе,—для кого же тайна, спрошу я, на какія средства они проживаютъ сорокъ-пятьдесять тысячъ въ годъ?..

— Пятьдесять тысячъ!—вырвалось у Грубина.

— А вы думали какъ? А то и больше... Вѣдь у нихъ вила на Ривьерѣ, они нанимаютъ цѣлые отели, когда проводятъ сезонъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ... У него ничего, кромѣ долговъ... Было когда-то состояніе, и хорошее. Онъ запутался въ спекуляціяхъ. За границей игралъ на биржѣ. Совсѣмъ было сгинулъ... И сгинулъ бы, если бъ судьба не послала ему такую подругу... За ней, онъ, правда, ничего не взялъ...

— Кто она урожденная?—остановилъ Грубинъ.

— Признаюсь, я дѣвичью ея фамилію что-то не помню. Изъ дворянской семьи, знаете, средней руки... За красоту взялъ. И она ему съ лихвой воздала за такой выборъ. Вотъ уже больше десяти лѣтъ какъ весь ихъ *train de maison* держится ею.

Дынинъ прищелкнулъ языкомъ.

— Но позвольте, генераль,—перебилъ Грубинъ, понижая тонъ,—какъ знать, прибѣгаетъ ли женщина изъ общества къ такимъ средствамъ, на какія вы намекаете?

— Слава тебѣ, Господи!—вскричалъ старикъ,—про это, батюшка, вся Европа знаетъ... Да и въ отечествѣ тоже достаточно извѣстно. Вотъ первый Малугинъ, небось, слышали?.. Тоже полмилліона бумажками дохода. Здѣсь и дача его... Параличъ его хватилъ. Любовь Ѳедоровна надѣялась захватить, напоследкахъ... знаете, кушिकъ изъ рукъ въ руки... Но сестра его налетѣла и выжила ее. Ну, теперь у ней этотъ Тараевъ... Его она живого не выпустить... А за границей... Господи! Принцы, князья и графы, биржевики и спекулянты,—кто не перебивалъ! Въ Лондонѣ—развѣ вы не слышали?—еще скандалъ вышелъ на одномъ балу... Когда принцесса-то сказала своему муженьку, что ужинать съ его дамой по котильону не будетъ,—и эта дама была Любовь Ѳедоровна.

Щеки генерала пошли красными пятнами и брови задвигались еще сильнее.

— А мужъ,—тихо кивнулъ Грубинъ.—Что же онъ?

— Ха-ха! Наивный вопросъ! Извините меня! Что онъ? Un mari complaisant... Нынче это такое особое сословіе завелось!.. И вотъ вамъ наши нравы... Развѣ тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ что-нибудь подобное было мыслимо?.. Бывали и тогда дамы, умѣвшія удить рыбу въ мутной водѣ, но никогда онѣ не занимали такого положенія. А вѣдь теперь всѣ лѣзутъ къ ней, всѣ падаютъ до ногъ! Не то что мужчины, а дамы, молоденькія бабочки, хорошихъ фамилій, тащутъ къ ней мужей, и мужья ничего не находятъ въ томъ неловкаго. Да чего дамы! Дѣвицы восторгаются ею, точно она божество какое! Просто гадость!

Генераль сплюнулъ.

Слушая его, Грубинъ сдерживалъ въ себѣ вопросы, налетѣвшіе на него толпой.

— Однако, генераль,—выговорилъ онъ съ усмѣшкой въ глазахъ,—я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вами у Аксамитовыхъ и, если не ошибаюсь, видѣлъ тамъ и вашу дочь?

Дынинъ еще болѣе покраснѣлъ.

— Что жъ вы прикажете дѣлать? — вскричалъ онъ и развелъ руками.—Я—вдовый старикъ... Я вездѣ могу бывать. У какихъ угодно дамъ. Но вы вполне правы, находя страннымъ, что я вожу дочь мою туда же. Но какъ же вы прикажете иначе поступать? Не возить? На какомъ основаніи? Это открытый домъ, принадлежитъ къ самому шикарному монду... Любовь Ѳедоровна—это, говорю вамъ,—идолъ всѣхъ нашихъ дамъ и дѣвицъ. „Божественная! Очарованіе! Какіе глаза! Что за плечи! Какъ одѣвается! Чудо! Чудо!“ — Старикъ сталъ передразнивать жидкимъ голосомъ.—Ну, и моя Варвара Сергѣевна туда же. И даже сдѣлалась самою неистовой изъ всѣхъ такихъ обожательницъ. Что я ей скажу? „Аksamитова — вотъ что, и вотъ что!“ Она мнѣ отвѣтитъ: „Никто этого не доказалъ. Однѣ сплетни! Всѣ ѣздятъ, и мы можемъ“.

— Это логично,—выговорилъ Грубинъ.

— Вы не знаете, что такое нынѣшнія дѣвицы!.. Двухъ я отдалъ замужъ, а одна еще на рукахъ, и я ея рабъ. И безъ того она мнѣ каждый день говоритъ: „Папа, ты только и умѣешь, что ворчать. Я отъ твоихъ задерживаній чахотку схвачу“. Она-то чахотку схватитъ! И не она

одна... Каждая бабенка, чуть выскочить замужъ, все себя позволяетъ. Живутъ, точно отъявленные кокетки какія, даже и тѣ, что еще вѣрны своимъ мужьямъ. Попробуйте замѣтить ей, хоть она ваша собственная дочь... „Ахъ, папа!.. Стоить ли жить, если на все смотрѣть какъ на запрещенный плодъ?“ Одно только и есть: тысячи ухlopивать въ тряпки, по кабакамъ ужинать, съ цыганками и съ дѣвками дружбу водить, и дома, и за границей... Вы въ Монте-Карло бывали?

— Нѣтъ, генераль.

— Такъ загляните, порадитесь. Тамъ и сама Любовь Ѳедоровна, на что ужъ сильна въ конвенансахъ, подъ руку ходитъ съ завѣдомою блудницей... есть такая англійская лэди, содержащая альфонсовъ... А молоденькія наши бабенки смотрятъ и облизываются... Просто взялъ бы, разложилъ и крапивою, да такимъ вотъ пучкомъ!

Дынинъ отхватилъ себя пальцемъ лѣвой руки полъ-ладони правой.

— Виновать, генераль,—прервалъ его Грубинъ,—мнѣ надо взять вправо.

— И мнѣ также... Я иду обѣдать,—генераль безъ малѣйшей запинки добавилъ:—къ Аксамитовымъ.

— Къ Аксамитовымъ?—выговорилъ съ невольнымъ удивленіемъ Грубинъ и почувствовалъ самъ смущеніе.

Выходило, что они оба идутъ ѣсть обѣдъ къ Аксамитовымъ и предаются такому сыскному разговору о хозяйкѣ и ея мужѣ.

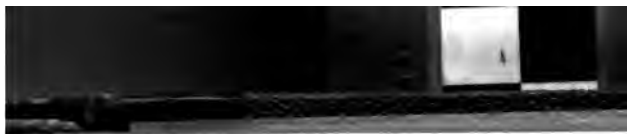
„Это только у насъ дѣлается, въ Россіи,—подумалъ было Грубинъ и сейчасъ же поправилъ себя:—и за границей такъ же; но все не такъ безцеремонно“.

Но генераль поглядѣлъ на него безъ всякаго смущенія.

— Туда, туда!—заговорилъ онъ съ неуходившимся возбужденіемъ.—Моя Варвара Сергѣевна состоитъ въ фрейлинахъ у Любови Ѳедоровны... Не обѣдать же мнѣ дома одному? Да и какое намъ дѣло? —прибавилъ онъ и повелъ бровями.—Если разбирать, такъ со многими ли позволительно водить хлѣбъ-соль?

Грубинъ промолчалъ. Смущеніе его еще не прошло. Ему приходилось черезъ нѣсколько шаговъ сознаться, что и онъ идетъ туда же на зовъ Любови Ѳедоровны.

— Вамъ, быть-можетъ, не по дорогѣ... такъ вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь,—почти сердито сказалъ генераль и зашагалъ энергичнѣе.

— Да я туда же,—вымолвил Грубинъ съ натянутою усмѣшкой.

— Вотъ какъ! Прекрасно! Счастливая случайность... Что жъ? Увидите сегодня хозяйку во всемъ охотничкомъ снаряжѣ. Знаете, какъ паукъ, — правда, канальски еще вкусный паукъ!—сѣтъ свою плететъ и муха сама лѣзетъ туда... Правда и то сказать, муха-то какая!

„Два милліона доходу!“ — хотѣлъ подсказать Грубинъ.

Они были въ трехъ шагахъ отъ воротъ дачи, гдѣ стоялъ тотъ самый жокей, что ѣздилъ съ Марусей.

XXV.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Въ столовой стало душно. У всѣхъ лица покраснѣли. Даже на щекахъ Маруси проступилъ румянецъ.

Грубинъ сидѣлъ черезъ столъ отъ нея. Направо посипывалъ генералъ Дыннинъ, слѣва выступалъ профиль князя Юшадзе; Любовь Ѳедоровна и Орестъ Юрьевичъ занимали два конца стола, накрытаго на восемь osóbъ. Голубецъ къ обѣду не явился.

Напротивъ сидѣли Вава, около хозяйки, рядомъ съ отцомъ—Маруся и посерединѣ ихъ Тараевъ.

Передъ обѣдомъ ихъ познакомили.

Какъ Маруся описывала ему наружность Тараева, Грубинъ вспомнилъ и нашелъ въ немъ почти то, что представлялъ себѣ; но еще нѣчто, совсѣмъ уже не купеческое.

Съ нимъ говорилъ мужчина, не старше тридцати, блондинъ, худой, съ впалой грудью, похожій скорѣе на артиста. Довольно длинные пепельные волосы надъ лбомъ у него рѣдѣли, борода волнистая, придающая задумчивость его лицу, съ большими глубокими темными глазами. Во всемъ его обликѣ и манерѣ держать себя сказывался человекъ, много жившій за границей, хорошаго общества, мягкій и немного не то что застенчивый, а медленный, скромный и слабаго здоровья. Добрая усмѣшка крупнаго рта придавала его говору характерную для москвичей, но нимало не вульгарную вкрадчивую пріятность.

Грубинъ долженъ былъ сознаться, что „набабъ“ ему понравился.

Передъ обѣдомъ Маруся, встрѣтивъ его крѣпкимъ shakehand'омъ, сказала быстро и съ удареніемъ:

— Ч должна буду сидѣть около Тараева... Такъ моя

мать распорядилась. Мы будемъ свободны въ саду, вечеромъ.

Это „будемъ свободны“ настроило его сразу; отлетѣли всѣ укоры себѣ, неловкость послѣ разговора съ генераломъ,—все, мѣшавшее ему войти въ то, что онъ здѣсь увидитъ и услышитъ. Ему, безъ всякихъ доводовъ самому себѣ, стала дорога судьба дѣвушки, сумѣвшей такъ заинтересовать его.

Передъ нимъ будетъ разыгрываться нѣчто. Между нимъ и Марусей есть уже пониманіе, родъ уговора; она желаетъ сближаться съ нимъ и дѣлаетъ это безъ всякаго себѣ наумъ... Это не флиртъ, а дружескій союзъ.

До обѣда онъ оживленно разговаривалъ съ хозяйкой и ея мужемъ, спрашивалъ князя о лагерныхъ спектакляхъ; во время обѣда шутилъ, черезъ столъ, съ Вавой и переговаривался съ генераломъ въ такомъ же шутливомъ тонѣ.

Но отъ него ничего не ускользало. Любовь Оедоровна, въ легкомъ платьѣ и въ двѣтахъ, съ полуоткрытою грудью и руками, поразительно молодая,—онъ уже зналъ теперь, сколько ей лѣтъ,—казалась красивѣе своей дочери. Онъ и въ этомъ долженъ былъ сознаться... Маруся одѣлась не къ лицу—въ модную кисею зеленоватаго оттѣнка съ разводами, и прическу измѣнила тоже не къ лицу. Съ Тараевымъ она постоянно говорила, просто и свободно, какъ съ хорошимъ знакомымъ, и пѣсколько разъ онъ ей что-то такое рассказывалъ вполголоса.

Ея мать, несмотря на шумныя приставанья Вавы, зорко слѣдила за этою парой. Она не переставала ласкать всѣхъ глазами и посылкой короткихъ фразъ и окликовъ то въ ту, то въ другую сторону, но Грубинъ успѣлъ схватить разъ-другой какой-то особый огонекъ въ ея зрачкахъ.

Онъ догадывался, что Любовь Оедоровна даетъ генеральное сраженіе.

Но какое?

Не спроста былъ ею, именно сегодня, приглашенъ и князь Юшадзе.

Князь сидѣлъ блѣдный и злыми глазами оглядывалъ всѣхъ. И вообще не очень рѣчистый, онъ едва отвѣчалъ Грубину, когда тотъ заговаривалъ съ нимъ во время обѣда. Никакихъ признаковъ жениха не видѣлъ онъ въ немъ сегодня. Только Орестъ Юрьевичъ шутилъ съ нимъ и подливалъ ему вина, изрѣдка перекидываясь словами съ дочерью и съ Тараевымъ.

Когда правый глазъ восточника, видный Грубину слѣва, упирался, черезъ столъ, въ рѣдѣющіе на лбу волосы Тараева, въ немъ точно зажигался розовый огонь.

Князь долженъ былъ мучительно ревновать къ этому „купчишкѣ“, и будь это тамъ, въ Закавказьѣ, онъ бы, отъ перваго слова, показавшагося ему обиднымъ, полыснулъ его кинжаломъ, подъ конецъ грузинскихъ здравницъ, руководимыхъ бывалымъ „тулумбашемъ“.

Маруся и передъ обѣдомъ почти не говорила съ нимъ, а теперь ея бесѣда съ Тараевымъ была такое а parte, въ которомъ, черезъ столъ, онъ и совсѣмъ не могъ участвовать.

Худое лицо Тараева краснѣло отъ вина. Онъ пилъ все, что ему наливали, и бесѣда съ Марусей затягивала его слишкомъ замѣтно.

Не зная теперь Грубинъ про виды хозяйки на милліонера, попали онъ въ первый разъ въ этотъ домъ, онъ принялъ бы Тараева если не за жениха дочери, то за человѣка, заинтересованнаго ею не меньше, чѣмъ князь.

Такъ не измѣняется выраженіе у человѣка просто любезнаго и добраго отъ взгляда на красивое женское лицо.

Или, можетъ-быть, это была маска, уговоръ между Тараевымъ и матерью Маруси... Они не желаютъ выдавать своей связи.

Но, полно, добилась ли своего Любовь Федоровна, если все то правда, что ему говорилъ сегодня генералъ?

Правда или нѣтъ, но тутъ шла какая-то игра... Предметъ ея,—призъ, въ родѣ того, какъ на скачкахъ,—вотъ эта дѣвушка съ загадочною душою, сама приближавшая его къ себѣ.

Грубинъ понималъ злобную ревность грузина. Вѣдь и этотъ князь, какова бы ни была его голова, имѣетъ право возмущаться и негодовать. Онъ не можетъ не ставить себя выше Тараева... Онъ—князь, быть-можетъ, царской крови, красивъ, гвардеецъ... А этотъ милліонщикъ—„купчишка“... И она, знающая, какъ онъ ее любитъ, показываетъ ему, что тотъ имѣетъ больше шансовъ.

„Два милліона бумажками доходу!“

Эта фраза прозвучала у него въ ухѣ, и онъ не воздержался, сказалъ ее на ухо генералу.

Тотъ оглянулъ его съ усмѣшкой глазъ подъ нахмуренными бровями и отвѣтилъ въ тонъ:

— И собственныхъ три корабля!

Но Грубинѣ стало тотчасъ же непріятно отъ такого перешёптыванія.

Генераль поглядѣлъ на него многозначительно и, указывая головой на свою дочь, выговорилъ довольно громко:

— Видите, какое обожаніе!

Вава совсѣмъ прильнула къ хозяйкѣ и разсматривала камень на одномъ изъ ея браслетовъ.

Имъ обоимъ показалось, что она поцѣловала этотъ камень или промежутокъ бѣлой руки.

— Видите?—спросилъ генераль и допилъ свой стаканъ шампанскаго.

Голосъ Вары порывисто зазвенѣлъ, и подъ общій гулъ разговоровъ они могли бы продолжать въ томъ же родѣ, но Грубинъ уклонился и сталъ прислушиваться къ тому, что Аксамитовъ говорилъ князю.

Орестъ Юрьевичъ, съ краснѣющими щеками, прищуривалъ свой лѣвый глазъ, а правымъ возбужденно и благодушно глядѣлъ въ монокль на своего сосѣда и подливалъ ему шампанскаго.

Князь поблагодарилъ и удержалъ рукой бутылку.

— Довольно...

— Отчего?

— У меня и безъ того голова болитъ съ утра.

„Не голова у тебя болить, а сердце, — подумалъ Грубинъ. — И не у одного тебя“.

— Много были на солнцѣ?—почти заботливо спросилъ онъ князя.

Лицо грузина обернулось къ нему своимъ оваломъ и въ глазахъ его Грубинъ прочелъ выраженіе чловѣка, которому онъ, какъ мужчина, ни чуточки не опасенъ.

Князь вѣжливо улыбнулся и сказалъ кротко и почти-тельно:

— Благодарю васъ... Это не отъ солнца.

„Знаю“, — прибавилъ Грубинъ и почувствовалъ тутъ же, въ какой степени онъ здѣсь, за этимъ столомъ, лишний. Все тутъ попарно: мужъ съ женой, отецъ съ дочерью, дочь съ двумя молодыми людьми.

А онъ что?

„Наперсникъ“.

Но и этого званія онъ не имѣлъ.

Взглядъ Маруси вдругъ остановился на немъ и ея сіе-іе глаза точно говорили ему:

„Дайте срокъ... Вы все узнаете“.

XXVI.

Садъ огибалъ дачу съ одного конца и уходилъ довольно глубоко, вплоть до переулка. Въ густой аллеѣ изъ высокихъ кустовъ сирени, уже отцвѣтшихъ, стояла тѣнь. Вечеръ блѣсоватымъ пологомъ надвигался надъ городомъ. Вездѣ въ саду, кромѣ этой аллеи, было свѣтло, какъ на югѣ, въ началѣ осьмого.

На террасѣ слышны были раскаты голоса Вавы; тамъ сервированъ былъ кофе.

Въ аллеѣ, съ сигарами, прохаживались князь и Грубинъ.

Отъ кофе князь отказался; Грубинъ также. Они сошли вмѣстѣ въ садъ, точно имъ надо было о чемъ-нибудь интимно переговорить. Какъ будто ихъ начинало связывать тайное чувство или сродное настроеніе.

Князь шелъ, твердо ступая по песку, въ туго подтянутыхъ рейтузахъ, безъ фуражки. Грубинъ старался попадать съ нимъ въ ногу.

Сначала они молчали и такъ, молча, дошли до рѣшетки сада, гдѣ остановились на минуту.

Выпустивъ густую струю дыма, князь спросилъ:

— Вы только сегодня познакомились съ этимъ господиномъ?

Грубинъ, по кивку головы, понялъ, что тотъ говоритъ о Тараевѣ.

— Только сегодня.

— Вы... — у него выходило похоже на *ви*, — вы здѣсь недавно? Тогда, въ Павловскѣ, васъ представилъ *monsieur* Голубецъ.

— У васъ прекрасная память, князь.

— Благодарю... Нѣтъ, я потому спросилъ... Вамъ многое неизвѣстно...

Блѣдныя щеки передернули нервныя струйки около изгибовъ рта.

„Неужели и онъ, — подумалъ Грубинъ, — будетъ меня посвящать въ темныя дѣла господъ Аксамитовыхъ?“

Ему этотъ грузинскій дворянинъ казался неспособнымъ на грубую неделикатность. Слишкомъ онъ былъ хорошо выдрессированъ. И если у него вырвется что-нибудь нескромное, значитъ, его забрало личное чувство обиды порывистой, плсудикой натуры.

— Я не понимаю, — медленно, точно онъ пробирался по дощечкѣ, заговорилъ князь, — для кого же онъ здѣсь,

этотъ господинъ? Я думалъ, для матери. Вы не знаете ничего про этого господина?

Видно было, что само имя „Тараевъ“ не выходитъ у него изъ горла.

— Не имѣлъ о немъ понятія до сегодня, — ласково, пріятельскимъ звукомъ отозвался Грубинъ.

Онъ, незамѣтно для себя, взялъ князя подъ руку и они подвигались вверхъ по аллеѣ короткимъ шагомъ.

— А-а,—протянулъ князь.—Онъ жилъ съ одной... изъ хора взялъ. Вы понимаете... Самая такая... ну, однимъ словомъ...

— Понимаю,—облегчилъ его Грубинъ.

— И она его держала въ рукахъ... здорово! — выговорилъ звучно князь, точно обрадовавшись этому слову. — Возилъ съ собою за границу и женился бы, навѣрное... Но встрѣтилъ Любовь Федоровну.

— За границей?

— Да, гдѣ-то тамъ, въ Италіи, кажется. И вотъ та его содержанка, — князь понизилъ тонъ, — попала въ полную отставку... И. знаете, сразу. Отрѣзало! Онъ, я слыхалъ, выплатилъ ей полмилліона. Ха-ха! Ха-ха!.. Не очень раскошелился для такого богача.

Точно спохватившись, что ничего этого ему бы не слѣдовало говорить, князь сильно затанулся и прошелъ нѣсколько шаговъ молча.

Но у него, должно - быть, слишкомъ уже клокотало внутри.

— И я не понимаю! Теперь этотъ господинъ имѣетъ видъ...

— Жениха?—подсказалъ Грубинъ.

— Вы полагаете?

Глаза грузина стали совсѣмъ круглые и вбокъ сверкнули искрой.

„Рѣзнетъ“,—подумалъ Грубинъ.

— Я не могу судить... Я здѣсь вновь. Вамъ это яснѣе.

— Все это, — князь сдѣлалъ жестъ кистью свободной руки, — все это финты.

— Можетъ-быть, — продолжалъ Грубинъ, — у московскаго набоба...

— У кого?—простовато переспросилъ князь.

— Да у этого господина,—употребилъ Грубинъ его выраженіе,—такое сердце.

— Началъ съ мамыши, а теперь...

Князь оборвалъ себя и даже бросилъ сигару. Въ аллеѣ показалась мужская фигура.

Это былъ Тараевъ. Онъ двигался тихо, колеблющеюся походкой, держа голову впередъ.

Князь выпуль часы изъ поперечнаго кармана рейтузъ, отвернувъ полу скюртука.

— Девять часовъ... Я еще успѣю на поѣздъ.

Тараевъ подошелъ къ нимъ.

— Какъ здѣсь хорошо! — сказалъ онъ, сдѣлавъ имъ что-то въ родѣ поклона. — Вы позволите?

Онъ вынулъ папироску и попросилъ огня у Грубина.

— Только сыровато, — прибавилъ онъ съ миной чело-вѣка, привыкшаго бояться переменъ погоды.

— Имѣю честь кланяться! — выговорилъ громко князь, ни къ кому особенно не обращаясь, звонко щелкнулъ шпорами и пошелъ къ террасѣ быстрымъ шагомъ.

— Вы не пройдетесь еще? — спросилъ тихо Тараевъ и задумчиво поглядѣлъ вслѣдъ удалявшемуся офицеру.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Грубинъ.

Въ него прокралось тутъ же совсѣмъ другое чувство, чѣмъ къ князю. Онъ вспомнилъ, съ какимъ выраженіемъ смотрѣлъ Тараевъ на Марусю и какъ втягивался въ разговоръ съ нею. Какую-то опасность несъ съ собою этотъ блѣднолицый и узкогрудый москвичъ, совсѣмъ, однако, не похожій на хищника, знающаго силу своихъ милліоновъ. Эту опасность ощутилъ Грубинъ не для себя, а для Маруси; онъ боялся задать себѣ вопросъ: да почему же онъ и не мужъ ей, если ея родители не побрезгуютъ его купеческимъ происхожденіемъ?

— Куда же такъ заторопился князь? — спросилъ Тараевъ, раскуривая свою заграничную папиросу съ тонкимъ запахомъ дорогого цареградскаго табаку.

— На поѣздъ.

— А вышло, точно онъ отъ меня убѣжалъ. Что жъ ему меня бояться?

Тараевъ тихо засмѣялся.

— Вы видите, — отозвался Грубинъ съ усмѣшкой, — онъ здѣсь, кажется, чуть не на правахъ жениха.

— Да-а? — выговорилъ Тараевъ, и улыбка прошла по его блѣднымъ губамъ.

— Вамъ это, должно-быть, ближе извѣстно. Вы, вѣдь, если не ошибаюсь, давнишній другъ Любви Федоровны?

— Давнишній? Это не совсѣмъ точно. Съ прошлой осени

я знаю Любовь Федоровну и Марью Орестовну. Ореста Юрьевича встрѣчалъ и раньше.

Въ глазахъ Тараева зажглось какое-то безпокойство.

Немного помолчавъ, онъ спросилъ все съ тою же блуждающею улыбкой:

— Вы развѣ что-нибудь слышали? Или это ваше предположеніе?

И въ возгласѣ Тараева проглянуло сквозь тихій и скромный тонъ нѣчто, какъ бы говорившее:

„Если я захочу, то могу разстроить любой бракъ“.

— Мнѣ такъ казалось,—вымолвилъ Грубинъ равнодушною нотой.

— Марья Орестовна достойна не такого мужа, какъ этотъ князекъ.

— Онъ не плохая свѣтская партія. Можетъ-быть, только изъ обфидившаго рода. Нѣсколько барановъ...

Грубинъ нарочно позволилъ себѣ эту шутку.

— Не въ томъ дѣло, — возразилъ Тараевъ, и его голосъ слегка дрогнулъ. — Не въ состояніи, — добавилъ онъ. — Марья Орестовна — красавица, умница... на рѣдкость. Такихъ барышень у насъ и нѣтъ совсѣмъ... Ни здѣсь, ни въ Москвѣ, ни за границей. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ нигдѣ.

— Отбейте у восточника.

Возгласъ вылетѣлъ у Грубина, точно его подтолкнуло что-то внутри. Но звукъ его былъ шутиливый и на такой возгласъ можно было отвѣчать въ томъ же тонѣ.

Но лицо Тараева немного затуманилось. Сладковатая, болѣзненная усмѣшка повела его безкровнымъ ртомъ; онъ мотнулъ головой и выговорилъ:

— Гдѣ же! Мнѣ впору своими лихими болѣстями заниматься. Молодой женѣ надо сидѣлкой быть... Я теперь на ногахъ, а придетъ осень — и расклеится машина.

Въ искренность этихъ словъ Грубинъ почему-то не вѣрилъ.

XXVII.

— Вы здѣсь?

Они оба подняли разомъ головы.

Ихъ окликнула Маруся. Это было недалеко отъ террасы.

— Мамац прислала вамъ сказать, monsieur Тараевъ, что въ саду дѣлается сыро и для васъ не полезно.

— Кажется, еще мягко... Вы какъ находите? — кратко спросилъ Тараевъ Грубина.

— Я ничего не чувствую.

Всѣ трое подходили къ террасѣ. Любовь Ѳедоровна выдвинулась между двумя колоннами и позвала:

— Алексѣй Спиридопычъ!

— Слушаю-съ,—откликнулся Тараевъ.

— Извольте подняться... Вамъ нельзя. Да еще безъ шляпы.

— Шляпу я могу надѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ! Проню васъ.

Тараевъ усмѣхнулся, бросилъ папиросу въ куртину съ чѣтами и сказалъ, обращаясь къ Марусѣ:

— Маменьку надо слушаться.

— Надо, — подтвердила Маруся. — Вы не привыкли къ этому климату.

— Слушаю-съ,—съ чуть-чуть замѣтнымъ юморомъ проговорилъ Тараевъ и началъ подниматься по ступенькамъ, но остановился и, обернувшись, спросилъ:

— А вы въ саду останетесь?

— Да, — отвѣтила спокойно Маруся. — Мнѣ хочется пройтись... Monsieur Грубинъ погуляетъ со мною.

Весь этотъ разговоръ слушала съ своего мѣста Любовь Ѳедоровна. Грубинъ глядѣлъ на нее и ея лицо было ему отчасти видно.

Когда Тараевъ подошелъ лѣниво и тихо, взгляды ея искрился усмѣшкой, въ которой можно было распознать, что она довольна чѣмъ-то. Она ничего не сказала ни Марусѣ, ни Грубину, какъ бы одобряя ихъ прогулку по саду.

Маруся надѣла свою свѣтло-голубую мантилью, отдѣланную серебромъ, и на голову накиннула черное кружево. Такъ стала она опять гораздо живописнѣе.

— Пойдите туда,—указала она,—вправо, черезъ лужайку, къ купѣ березъ.

Голосъ ея особенно отдался въ немъ.

Весь домъ, тѣ, кто сидѣлъ на террасѣ, хозяева и гости, куда-то точно провалились. Онъ попялъ, что только эта дѣлушка и существовала для него. Она и заставила его придти сюда. Разговора съ нею онъ только и ждалъ.

Около купы березъ стоялъ диванъ.

Маруся дошла до него молча и, сядясь, сказала ему:

— Вы много ходили... Отдохните.

Совсѣмъ другими звуками говорила она съ нимъ. Тѣ же низковатыя ноты обволакивала ласка, обращенная не къ кому иному, какъ къ нему.

Тотчасъ же ощутилъ онъ теплоту въ головѣ.

И безъ всякаго колебанія онъ протянулъ ей руку и выговорилъ:

— Какъ я радъ!

Она пожала и замедлила свое пожатіе. Отъ ея гладкой, свѣжей руки съ длинными пальцами вошло въ него что-то смѣлое и великодушное.

Руку надо было оставить. Онъ это сдѣлалъ, чувствуя, какъ свѣжіе пальцы Маруси неторопливо уплываютъ изъ его горячей руки.

Прежде чѣмъ онъ заговорилъ, глаза ея съ грустною улыбкой остановились на немъ. Ему показалось, что онъ понялъ значеніе этого взгляда.

— И каждый день проходитъ такъ?—оборонилъ онъ.

— Каждый день,—повторила она и движеніемъ правой ноги выдвинула кончикъ ботинки. — Такъ и всю жизнь будетъ!

— Почему? — чуть не крикнулъ Грубинъ, нервно повернувшись къ ней всѣмъ станомъ и положилъ руку на спинку дивана.—Почему, Марья Орестовна?

Попутно онъ подумалъ: „Я попалъ вѣрно. Она ищетъ исхода“.

— Почему?—тише звукомъ протянула Маруся и запахнула мантилью, держа голову немного внизъ.—Отвѣчать не стоить. Вы это прекрасно поймете сами, если станете чаще бывать у насъ, а, можетъ, и теперь уже поняли... monsieur Грубинъ.

— Не зовите меня такъ: monsieur Грубинъ... Мы, вѣдь, друзья,—да?

— Я ничего не сдѣлала, чтобы имѣть право на вашу дружбу.

Она это сказала, какъ бы подбирая слова, сидѣла все въ той же позѣ съ вытянутыми ногами и на него не глядѣла.

— Полноте. Я первый долженъ вамъ повиниться.

— Въ чемъ это?

Однимъ глазомъ поглядѣла она на него, полусерьезно.

— Вы такъ просто и сильно заговорили со мной, тогда, во время нашей прогулки верхомъ, а я...

Ему трудно сдѣлалось выразить то, что его волновало съ тѣхъ поръ.

— А вы заподозрили меня въ желаніи пококетничать съ вами?—спросила Маруся спокойно, тономъ товарища.

Рѣсницы ея были полуопущены.

— Нѣтъ, избави Боже!

Все высказать бы онъ ей тутъ же, до самыхъ затаенныхъ складокъ души... Но надо было излиться и о томъ, какъ онъ клеймилъ себя въ бездушіи, въ забвеніи своей потери, въ оскорбленіи памяти покойной жены.

А оскорбленіемъ являлось что же?—Нарастающее чувство къ этой дѣвушкѣ.

— Въ другой разъ,—смущенно вымолвилъ онъ.—Я еще самъ себя не взялъ въ руки, Марья Орестовна... Когда-нибудь все узнаете. Но зачѣмъ обо мнѣ?... Оставимъ всякія оговорки... Если вамъ дружба моя на что-нибудь годна—берите ее... И вотъ сейчасъ же я долженъ васъ предупредить... Въ той аллеѣ со мной говорили и князь, и Тараевъ. Они оба увлечены вами.

— Тараевъ?—быстро откликнулась Маруся, и глаза ея, обратившіяся къ нему, заискрились въ своихъ глубокихъ орбитахъ.—Вы говорите, Тараевъ?

— Вы сами не замѣчаете? Но простите... Это можетъ показаться сплетней, вторженіемъ въ вашу жизнь... Двѣ недѣли назадъ я бы не позволилъ себѣ передавать вамъ... Но теперь это все равно, если бы дѣло шло о сестрѣ моей...

— Послушайте, Владиміръ Павловичъ, — заговорила Маруся, понижая звукъ голоса,—отвѣтьте мнѣ, какъ мужчина, который знаетъ жизнь и самъ испытывалъ страсть.

— Страсти я не зналъ,—чуть слышно произнесъ Грубинъ.

— Вы не любили?

— Узналъ чувство... тихое и свѣтлое. Но это не была страсть.

— Все равно,—сказала Маруся, слегка вздрогнувъ плечами, точно отъ свѣжаго воздуха.—Но вы жили... вы умны и наблюдательны, я это вижу... Въ Тараевѣ вы почувствовали... что?

— Онъ самъ заговорилъ со мною о князѣ и васъ... При его сдержанности это уже признакъ... Въ немъ не одинъ общій интересъ... друга дома...

— Стало, я не ошиблась? — опять, какъ бы про себя, вымолвила Маруся и сдѣлала движеніе головой, которое Грубинъ замѣтилъ, но не понялъ.

— Въ чемъ?—подсказалъ совѣтъ Грубинъ.

— Пойдемте!

Маруся быстро поднялась и поспѣшила по затемнѣвшей дорожкѣ къ аллеѣ сиреней.

Тамъ они пошли рядомъ.

— Вы не ошиблись въ томъ, что въ московскомъ набабѣ загорается къ вамъ нѣчто, чего прежде не было?—спросилъ Грубинъ.

— Да,—глухо отозвалась Маруся.

— И васъ это волнуетъ? Онъ вамъ противенъ?—порывисто спросилъ Грубинъ.

— Противенъ?—Нѣтъ!... Но вы не понимаете! Вы не понимаете!...

Въ голосъ ему послышалось вздрагиваніе.

— Не понимаю,—наивно и кротко повторилъ онъ.

— Какъ вамъ объяснить? Это цѣлая комбинація... И она будетъ доведена до конца. Конечно, князь кипить, по-грузински...

— Въ немъ страсть несомнѣнна... И злобная обида...

— Обида? Нѣ. что? Ему не давали слова.

— Почему же Тараевъ считаетъ его какъ бы женихомъ?

— Князь показанъ былъ ему въ такомъ свѣтѣ.

— Показанъ?... Кѣмъ?

— Кѣмъ?... Что за вопросъ? Вы предлагаете мнѣ дружбу... Надо меня понимать съ полслова.

Маруся сказала это такимъ голосомъ, что сердце Грубина ёкнуло, и онъ боязливо опустилъ голову, не рѣшаясь взглянуть на нее.

XXVIII.

Съ террасы докатился смѣхъ съ визгливыми нотами:

— Орестъ Юрьевичъ! Не могу! Не могу!—вскрикивала Вава.

— Да позвольте мнѣ доказать, mademoiselle Barbe...

— Умру!.. Умру!..

И хохотъ опять затрещалъ въ отсырѣвшемъ воздухѣ.

Маруся подняла голову. Грубинъ рѣшился взглянуть на нее и схватилъ унылый, почти скорбный взглядъ подъ сдвинутыми бровями.

— Слышите? — начала она уже другимъ совѣтъ тономъ.—Это мой отецъ смѣшитъ Ваву Дынину. Она умираетъ со смѣху. Отецъ, навѣрное, рассказываетъ ей что-нибудь ужасно смѣшное, что-нибудь ужасно остроумное.

А что у него на душѣ,—онъ не покажетъ... никому... И мнѣ не показываетъ... Но я давно понимаю его... и вижу... Никого мнѣ не жаль, кромѣ его... Мнѣ такъ хочется говорить съ вами не о себѣ, а о немъ... Но я не достаточно смѣла для этого. У меня все еще предрасудки. *Des scrupules bêtes... quoi!..* Вы, вѣдь, совсѣмъ не понимаете моего отца,—а?

Вопросъ былъ сдѣланъ нервно, почти повелительно.

— Какъ же я могу его хорошо знать? — отозвался Грубинъ, еще болѣе смущенный этою рѣзкостью переходовъ въ тонѣ Маруси.

— И онъ вамъ не нравится? Скажите. Вы, конечно, находите его такимъ, какимъ онъ кажется... *Un viveur...* Мужъ подъ башмакомъ жены своей... И даже хуже того?

Маруся оборвала свою рѣчь, и Грубину показалось даже, что она закусила себѣ губу.

Развѣ онъ могъ сказать ей правду — не про то, какъ цѣнить онъ ея отца, а что онъ слышалъ о немъ не дальше, какъ сегодня, идя съ нимъ обѣдать, отъ пріятеля ея родителей, отца Вавы?

Но ему и не хотѣлось поддерживать этотъ разговоръ о снисходительномъ супругѣ Любови Федоровны.

Какъ можетъ онъ сокрушаться объ ея отца, когда она сама—жертва?

— Марья Орестовна, — Грубинъ заговорилъ порывистѣе, — я отца вашего слишкомъ мало знаю. Онъ мнѣ скорѣе нравится... Уже по тому одному, что онъ съ вами хорошъ.

— При чемъ тутъ я? — перебила она и сдѣлала свой характерный жестъ головой.

— При чемъ?... Но неужели вы не видите, что здѣсь... въ нашемъ домѣ,—онъ понизилъ звукъ голоса, — только вы и вызываете настоящее сочувствіе?

Слово соскочило съ его губъ, но онъ не такъ хотѣлъ выразиться... Имъ начала овладѣвать неудержимая тревога. Въ груди что-то забилося, въ головѣ заискрились совсѣмъ не такія слова... Онъ какъ бы стыдился ихъ.

— Я не умѣю выразить,—онъ махнулъ нетерпѣливо рукой.—Видите, я стѣсненъ... Будь это въ другомъ мѣстѣ... Я предупреждалъ васъ, что намъ нельзя будетъ говорить по душѣ.

— Надо брать то, что можно,—строго выговорила Маруся.

— Простите!.. Я вижу, вы сильнѣе меня... прошли не такую школу.

— Сильнѣе!—повторила она почти гнѣвно.—Я сильнѣе!.. Ха, ха!.. Какъ вы проникательны!.. Оттого, что у меня такой видъ и такой голосъ? Оттого, что я говорю съ вами Богъ знаетъ какимъ тономъ? Вы, вѣдь, не виноваты въ томъ, что изъ меня можно дѣлать... даже не ширму, — схватила она не сразу пришедшее ей слово, — а такую... Ну, я не знаю, какъ это по-русски... Une amorce.

— Приманку! — подсказалъ Грубинъ, и у него захолодѣло въ груди отъ одного этого слова.

— Какъ вещь... Въ витринѣ лежитъ... и надо, чтобы она понравилась... А потомъ ее приберутъ... отдадутъ другому.

Слово „отдадутъ“ Маруся произнесла быстро и невнятно. Грубину послышалось: „продадутъ“.

Онъ всталъ и, наклонившись надъ ней, съ рукою, опертою о спинку дивана, заговорилъ быстро и смѣло, и глядѣлъ на нее прямо, не пугался суровости ея глазъ.

— Мнѣ довольно того, что вы сказали, Марья Орестовна... Въ чемъ же дѣло? Вами играютъ недостойно, возмутительно! Вы не больная!.. Многие въ васъ самихъ для меня не ясно, загадочно. Но я вѣрю вамъ, вѣрю больше, чѣмъ самому себѣ въ эту минуту.

Онъ перевелъ дыханіе, отнялъ руку отъ дивана и прошелся ею по волосамъ. Маруся сидѣла недвижно, съ наклоненною головою. Грудь ея чуть замѣтно волновалась подъ складками мантильи.

— Вы такъ сердечно относитесь къ вашему отцу... Почему же онъ не поддержитъ васъ, свое единственное и дорогое дитя?.. Онъ васъ нѣжно любить... Я это замѣтилъ... И цѣнитъ васъ...

— Боже мой! — глухое восклицаніе Маруси пошло по аллеѣ.—Но развѣ у него есть своя воля?.. Онъ—рабъ!.. Такихъ рабовъ еще никогда не было... Потому-то я такъ и страдаю за него. Но это ни къ чему не ведетъ: страдать, жалѣть, понимать!.. Ни къ чему! Все это нервы, все это доказываетъ только слабость. Сила не въ насъ съ нимъ... Мы только — живыя машины... И зачѣмъ, — воскликнула она, поднимая голову, —зачѣмъ я все это вамъ говорю?... C'est absurde et c'est ignoble!..

Грубинъ взялъ ее за руку, которою она передъ тѣмъ

отмахнула край матильи, и, все еще стоя надъ ней, не выпускалъ этой трепетной и захододѣлой руки.

— Вамъ не стыдно такъ говорить? Но вы—личность!.. Вы можете сейчасъ же, если пожелаете, рвануться на волю. Вы—умница, съ избранною натурой, съ силой обаянія и красоты!

Онъ, не выпуская ея руки, сѣлъ рядомъ, близко и, весь трепетный, былъ охваченъ однимъ порывомъ: разбудить волю въ этомъ прекрасномъ существѣ, вырвать ее изъ логовища, гдѣ родная мать такъ гнусно губить ея душу, превращаетъ ее въ орудіе комбинацій ненасытной хищницы.

— Скажите слово,—шепталъ онъ, и его рука опять потянулась къ ея рукѣ, оставленной ею на колѣняхъ,—одно слово—и...

— И что тогда?—остановила она его скорбною нотой.

— Все отъ васъ зависитъ... Нужна вамъ поддержка—приказывайте...

Грубинъ не узнавалъ своего голоса. Пылкій молодой человѣкъ говорилъ за него. Онъ забылъ, гдѣ онъ, кто онъ, какое прошедшее у него за плечами и какое личное горе носилъ онъ въ душѣ такъ недавно,—все отлетѣло. Тотъ Грубинъ отошелъ въ прошлое. Никакого укора совѣсти, ни одной охлаждающей мысли не проникало въ него.

— Приказывайте!—повторилъ онъ еще сильнѣе, съ наплывомъ жгучей сердечности.— Не ослабляйте себя одними словами безплодной горечи. Вы видите... передъ вами человѣкъ, готовый все сдѣлать для васъ.

Еще одно слово — и онъ не могъ бы совладать съ собою.

Маруся молчала и сидѣла, не отнимая отъ него руки.

— Владиміръ Павловичъ въ саду съ mademoiselle Marie? Этотъ вопросъ вдругъ донесся до нихъ.

Грубинъ узналъ носовое произношеніе Голубца.

— Онъ сюда придетъ... Я не могу...

Видѣть сейчасъ Буффало-Билля, слышать его шуточки,—Грубинъ испугался такой профанаціи.

— Марья Орестовна, не отталкивайте меня... Не замыкайтесь въ себя... Я буду ждать.

— Вы остаетесь въ Царскомъ... не ѣдете за границу... неужели для меня?

Маруся встала.

— Не стойте...—выговорила она.
— Но мы увидимся... на свободѣ?.. Умоляю васъ.
— Увидимся, — медленно сказала она и подала ему руку.— Прощайте! Вамъ не хочется туда?
— Нѣтъ!
— Вы можете уйти... отсюда... прямо въ переднюю...
Грубинъ нагнулся, поцѣловалъ ея руку и побѣжать назадъ по аллеѣ.

XXIX.

У „Донона“, въ саду, столы, по дорожкамъ и въ палаткахъ, наполовину были пусты. Часъ завтрака только что начался. Татары, перекидываясь гортанными звуками, шныряли черезъ террасу, внизъ и вверхъ по лѣстницѣ, и мелькали своими бѣлыми галстуками и жилетами.

За однимъ изъ небольшихъ столовъ, въ сторонѣ, у дерева, только что сѣлъ Грубинъ, заказавъ себѣ завтракъ и ждалъ закуски.

Все утро ушло у него въ постоянной ѣздѣ на тряскихъ извозничьихъ дрожкахъ, но онъ не чувствовалъ утомленія.

Въ конторѣ, гдѣ ему надо было дать окончательное согласіе на сдачу квартиры, онъ извинился, сказалъ, что остается. Сдѣлалъ онъ это безъ всякаго колебанія, и когда сходилъ съ лѣстницы, то даже удивился, какъ могъ онъ думать объ отъѣздѣ за границу. Къ своему доктору онъ не заѣхалъ, тотъ принималъ съ трехъ; да если бъ это и былъ его часъ, онъ рѣшилъ остаться.

Не зачѣмъ было заѣзжать и въ паспортное отдѣленіе.

Зато онъ завернулъ въ банкъ, гдѣ у него лежала довольно большая сумма на текущемъ счету и гдѣ онъ хотѣлъ взять заграничный переводъ на Берлинъ. Вѣсто перевода онъ получилъ нѣсколько сотъ рублей по чеку.

Столько ему и не пужно было вовсе, но въ немъ дѣйствовало возбужденіе, заставившее его почему-то увеличить вдвое сумму, когда онъ ее выводилъ на сѣромъ листкѣ, который захватилъ съ собою изъ Царскаго.

Заѣхалъ онъ и къ портному: вдругъ показалось ему, что его свѣтлое пальто не первой свѣжести, и онъ заказалъ себѣ новое, дорогое, у француза, на Большой Морской, и когда тотъ снималъ съ него мѣрку и онъ стоялъ передъ зеркаломъ въ молодцоватой, взвинченной позѣ, французъ сказалъ ему:

— Monsieur a très bonne mine!..

И, въ самомъ дѣлѣ, зеркало доложило ему, что онъ смотритъ моложавѣе, главное, не такъ худъ въ щекахъ и глаза не такъ тусклы, какъ это было еще двѣ недѣли назадъ.

Отъ портного и пріѣхалъ онъ къ „Донону“ позавтракать, а оттуда на первый же поѣздъ въ Царское.

Его влекло туда; онъ этого и не скрывалъ отъ себя.

Третьяго дня, не дальше, ушелъ онъ изъ саду отъ Аксамитовыхъ и всю ночь не смыкалъ глазъ, даже не ложился, а сначала бродилъ по бульвару, потомъ проходилъ у себя въ садикѣ до разсвѣта.

Онъ не могъ еще сказать себѣ: что хочеть дѣлать, на что рѣшиться, чего искать, на что надѣяться, но онъ жилъ совсѣмъ не такъ, какъ на той недѣлѣ или даже третьяго дня, утромъ или передъ обѣдомъ, когда встрѣтилъ на цвѣточномъ скверѣ запасного генерала Дыннина.

Влѣво отъ него, въ глубинѣ сада, надъ столикомъ, гдѣ сидѣлъ также всего одинъ мужчина, хозяинъ ресторана наклонился, въ бѣлой курткѣ и беретѣ, съ карточкой въ рукѣ.

Въ мужикѣ Грубинѣ сейчасъ же узналъ знакомаго адвоката. Тотъ поклонился ему издали рукой и что-то сказалъ французу.

— Monsieur а commandé?—спросилъ хозяинъ, проходя мимо Грубина, и на его утвердительный кивокъ головы прошелъ къ террасѣ.

Адвокатъ всталъ и подбѣжалъ къ нему, маленькій, уже не молодой, но юркій въ движеніяхъ, и ласковымъ теноркомъ, подавая ему руку, сказалъ:

— Вы молодцомъ выглядите, Грубинъ! А я слыхалъ, что вы будто бы въ Карлсбадѣ?

И въ его ласковыхъ глазкахъ Грубинъ прочелъ во время рукопожатія:

„Но я очень радъ, что вы немножко успокоились послѣ смерти жены. Нельзя же все убиваться!“

Это кольнуло его, но не смутило.

Тотъ все еще жалъ его руку.

— Право, молодцомъ!.. И какой у васъ этотъ костюмъ изящный! На васъ кто шьетъ?

Грубинъ назвалъ имя портного.

— Закажу! Очень радъ! Вы молодцомъ! Вмѣстѣ бы позавтракали, да я жду одного господина.

И еще разъ ласковый адвокат потрясъ его руку и за-сѣменилъ короткими шажками къ своему мѣсту.

Когда онъ отошелъ, Грубинъ оглядѣлъ свой костюмъ, свѣтло-сѣрый, совсѣмъ не траурный, но онъ и не хотѣлъ носить траура. Галстукъ на немъ былъ бѣлый, шелковый, безъ цвѣтныхъ крапинокъ.

Должно-быть, все кажется изящнымъ и, конечно, молоджавить его.

Но что же въ этомъ постыднаго? Онъ не франтитъ и никогда не франтилъ. Все кривливое, сомнительнаго вкуса противно ему. Только онъ подтянулъ себя, вернулся къ прежнимъ привычкамъ порядочности и нѣкотораго изящества—вотъ и все.

Теперь, и это „теперь“ онъ подчеркнулъ мысленно, ему необходимо быть безукоризненно одѣтымъ, имѣть всю внѣшность свѣтскаго человѣка, не забывать, въ какое время и куда какъ одѣться.

Безъ этого онъ можетъ ставить себя въ недовкое положение въ домѣ, куда онъ будетъ являться часто, гдѣ ему надо сдѣлаться своимъ человѣкомъ, внушающимъ довѣріе, съ которымъ молодой дѣвушкѣ удобно всюду показаться, ѣздить верхомъ, идти подъ ручку, на прогулкѣ, имѣть съ нимъ, при своихъ, пріятельскій тонъ.

Чѣмъ скорѣе онъ этого добьется, тѣмъ глубже проникнетъ за кулисы той ужасной пьесы, какая разыгрывается на его глазахъ.

Не для себя все это ему надо, а для нея, для Маруси.

Образъ дѣвушки, все еще загадочный и скорбный, не оставляетъ его, согрѣваетъ мечтой о томъ, что онъ ее спасетъ, высвободитъ это страждущее и одаренное существо.

Отуманенные мечтой глаза Грубина пошлись вдаль, къ периламъ террасы, гдѣ уже прибавилось народу.

Щеки его зардѣлись. Онъ узналъ Ореста Юрьевича Аксамитова, стоявшаго спиной у стола, за которымъ какой-то красный и бородатый генералъ съ золотыми аксельбантами, заткнувъ салфетку за обшлагъ, жалъ ему руку и что-то громко говорилъ.

Всѣ знаютъ мужа Любови Ѳедоровны, какую онъ роль играетъ при женѣ, чѣмъ онъ пользуется отъ нея, а жмутъ ему руки, пріятельски болтаютъ, ни у кого не хватаетъ духа показать, кто онъ, какое клеймо лежитъ на немъ... Не пойманный—не воръ!

И онъ самъ сейчасъ будетъ улыбаться Аксамитову и протягивать ему руку, любезно заговаривать.

Но Орестъ Юрьевичъ—отецъ Маруси. Она скорбитъ о немъ. Значить, есть на это причина. Кто бы онъ ни былъ, надо его узнать, дойти до дна этой всей огромной язвы.

— А, вы здѣсь?

Аксамитовъ—все въ томъ же пиджакѣ съ цвѣткомъ въ петлицѣ и въ шоколаднаго цвѣта котелкѣ—пробирался по дорожкѣ и подошелъ къ столу Грубина.

Пріятельскимъ жестомъ протянулъ онъ ему обѣ руки.

— Вы одни? Или кого-нибудь ждете?

— Я одинъ,—поспѣшилъ отвѣтить Грубинъ, обрадовавшись случаю быть съ-глазу-на-глазъ съ отцомъ Маруси.—Много обяжете, мѣсто есть!

И онъ суетливо всталъ и подозвалъ татарина.

Подошелъ къ нимъ и хозяинъ съ карточкой. Аксамитовъ спросилъ Грубина, что онъ заказалъ на завтракъ, и пожелалъ тѣ же кушанья.

Эта неожиданность приподняла возбужденіе Грубина, и онъ не сразу нашелъ бы тему разговора.

Орестъ Юрьевичъ первый заговорилъ, мягко и картаво, разсаживаясь противъ Грубина, сбоку стола.

— Вы скрылись третьяго дня и огорчили всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и друга вашего Голубца. Маруся сказала мнѣ по секрету, что отъ него-то вы и скрылись.

Онъ подмигнулъ ему свободнымъ глазомъ. Въ другомъ, какъ всегда, торчалъ монокль.

— Пожалуй, что и правда,—отвѣтилъ Грубинъ, довольный такимъ вступленіемъ въ разговоръ.

— А вѣдь онъ вамъ очень преданъ... И вообще онъ нужный человекъ. По крайней мѣрѣ, это—мнѣніе моей жены.

Тонкія его губы сложились въ шутливую мину.

— Признаюсь... я не могу вкушать его въ большомъ количествѣ,—сказалъ Грубинъ и пригласилъ Аксамитова раздѣлить съ нимъ закуску, принесенную татаринѣмъ.

XXX.

— Маруся у насъ немножко расклеилась.

Аксамитовъ наморщилъ бровь, подъ которой у него сидѣлъ монокль, и принялся за первое блюдо.

— Марья Орестовна?

Грубинъ спросилъ смущенно и рука его, державшая

ложку, — онъ собирался накладывать себѣ на тарелку, — остановилась въ воздухѣ.

— Такъ... Un petit bobo... Легкая простуда. Ночи сыры, а не бережется. Третьяго дня сидѣла въ саду.

— Это я виноватъ. Не предостерегъ Марью Орестовну.

— Она всегда рада побыть съ вами.

Слова были сказаны не какъ свѣтская любезность, простымъ, искреннимъ звукомъ.

Будь это въ другомъ мѣстѣ, не въ ресторанѣ, на виду у всѣхъ, гдѣ кругомъ могутъ слышать ихъ, онъ бы схватился за слова Аксамитова и повелъ бы сразу задушевный разговоръ, поставилъ бы ребромъ вопросъ: какъ отецъ понимаетъ свою дочь. Самая лучшая дипломатія — идти прямо къ цѣли. Что бы Аксамитовъ ни отвѣтилъ ему, правда, такъ или иначе, начала бы сквозить.

— Дочь ваша, Орестъ Юрьевичъ, рѣдкая личность между нашими дѣвушками!

Грубинъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, но фраза вылетѣла у него неожиданно для него самого.

Монокль выпалъ изъ орбиты Аксамитова. Глаза блеснули, ротъ, поблекшій, но тонкій, улыбнулся широко, и тотчасъ же эта широкая улыбка перешла въ невеселую усмѣшку.

Онъ пересталъ ѣсть, положилъ одну руку на столъ и грустно, съ полузакрытыми глазами, выговорилъ тихо:

— Да, Маруся... избранная натура.

Слово „избранная“ показалось Грубину особенно удачнымъ. Этотъ ничего не дѣлающій баринъ, съ манерами и картавостью полуфранцуза, превосходно владѣетъ русскою рѣчью.

Налетъ грусти не сходилъ съ лица Аксамитова, что сейчасъ же придало смѣлости Грубину.

— И у васъ большая дружба съ Марьей Орестовной?

Онъ уже началъ забывать, что они сидятъ въ саду ресторана, на виду у всѣхъ, а не въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Она у меня одна, — отвѣтилъ Аксамитовъ уклончивѣе, чѣмъ ожидалъ Грубинъ, но тотчасъ же прибавилъ: — Марусѣ всегда было скучно въ женскомъ обществѣ... Мы съ ней рано подружались.

— Марья Орестовна находитъ... да вы, конечно, знаете ея фразу: „les femmes sont si bêtes“.

Зачѣмъ сказалъ онъ это? Точно хотѣлъ похвалиться

отцу, что у нихъ съ Марусей уже были интимные разговоры.

Но онъ не смутился. Маруся не скрыла ни отъ отца, ни отъ матери ихъ поѣздки верхомъ, нарочно попросила проводить ее до дачи. Ея мѣткіе о женщинахъ не ему первому сказала она.

Инстинктъ шепнулъ Грубину, что такъ лучше. Пускай отецъ увидитъ, какъ быстро дочь приблизила его къ себѣ.

— Мнѣ ее жаль,—говорилъ Аксамитовъ все съ тѣмъ же налетомъ грусти на лицѣ,—особенно у насъ, въ Россіи. Но и за границей она чувствуетъ себя также не по себѣ.

— Не по себѣ,—повторилъ Грубинъ. И это выраженіе Аксамитова нашель онъ очень мѣткимъ. — Что жъ это такое?—спросилъ онъ.

— Какъ вамъ сказать?.. Это сложный процессъ... Нынче рано начинаютъ жить и думать, слишкомъ рано,—оттянулъ онъ со вздохомъ. — У Маруси не было настоящаго отечества... Наша вина, каюсь... Часть ея дѣтства прошла за границей...

— А потомъ во французскихъ монастыряхъ?—подсказалъ Грубинъ.

— Вы знаете? — полувопросительно выговорилъ Аксамитовъ и, не смущаясь, продолжалъ: — Въ этомъ еще не было большой бѣды. Тамъ все гораздо прочнѣе, чѣмъ у насъ. Я, признаюсь вамъ, никогда особенно не восхищался тѣмъ, какъ ведутъ дѣвушекъ въ Россіи... Ни инстинкты наши, ни курсы... Или все очень формально... *troupiés*, или совсѣмъ не женскія идеи и замашки... А тамъ, за границей, гораздо больше традицій. Все держится за авторитетъ.

— Но духъ времени, все-таки, дѣлаетъ свое,—проронилъ Грубинъ и пристально поглядѣлъ на Аксамитова.

— Это такъ!—выговорилъ тотъ со вздохомъ.—Никакіи стѣны не спасаютъ отъ поразительно-ранней работы... не сердца,—прибавилъ онъ,—а головы.

Когда лакей убралъ блюдо и вышла пауза, Аксамитовъ наклонился черезъ столъ и все съ тою же грустною усмѣшкой сказалъ Грубину:

— Вы развѣ не наблюдали нашихъ дѣвушекъ въ томъ обществѣ, которое кочуетъ по всей Европѣ?

— Мало...

Грубинъ ничего больше не отвѣтилъ. Вдаваться въ подробности его удерживалъ смутный стыдъ.

— Le monde où l'on s'amuse, — выговорилъ Аксамитовъ, какъ произносятъ заглавіе. — Вы, конечно, знаете и пьесу?.. Но тамъ взято все съ легкой стороны, для комедіи въ одинъ актъ... Въ жизни это совсѣмъ не такъ... забавно. Не взвидишься — и дѣвушка, почти ребенокъ, уже прошла черезъ огромную работу... какъ это сказать? Души?—нѣтъ! Но головы, мозга... Душой жили когда-то... во времена романтиковъ... Личность разрослась теперь ужасно. Если у дѣвочки даровитая натура, она начинаетъ горѣть на огнѣ непомѣрныхъ порывовъ ко всему: къ славѣ, къ чему-то колоссальному... Или все, или ничего — вотъ ихъ девизъ. Нашимъ матерямъ и бабушкамъ одного какого-нибудь талантика или хорошенькаго лица, доброты, граціи... хватало на всю жизнь. Нынче... въ восемнадцать лѣтъ дѣвушка уже перепробуетъ всего и побываетъ и въ поэтессахъ, и въ артисткахъ, и въ писательницахъ.

— Развѣ Марья Орестовна... — остановилъ было его Грубинъ.

— Маруся, — немного подумавъ, продолжалъ Аксамитовъ, — надѣлена необычайною головой... Но не реклама, не погоня за тѣмъ, что французы называютъ *glogiole*, гложутъ ее. Она выше этого! — воскликнулъ онъ и вѣки глазъ сразу покраснѣли. — Ее сталъ глотать другой червякъ... Слишкомъ ранній анализъ... Своя жизнь, личное счастье, возможность пользоваться минутой, — все это отлетѣло, а голова мучительно работала, сердце теряло иллюзіи, воля ослабѣвала...

— Воля?... — изумленно вымолвилъ Грубинъ. — Но Марья Орестовна — характеръ!

— Это только кажется! — все съ возрастающею живостью возразилъ Аксамитовъ. — Видъ у ней такой... Если хотите, характеръ во всемъ, что благородство личнаго поведенія — да; но борьба за себя, за возможное счастье — нѣтъ!

На этотъ разъ онъ какъ будто испугался смѣлости своихъ словъ и, замолчавъ, обернулся въ сторону террасы и поглядѣлъ на того генерала, съ кѣмъ говорилъ полчаса назадъ.

Грубинъ не могъ не пойти дальше.

— Позвольте, Орестъ Юрьевичъ, — началъ онъ, только что Аксамитовъ повернулъ къ нему голову. — Значить, въ концѣ концовъ, заграничное воспитаніе дало результаты, какихъ мы не предвидѣли?

— Жена моя, — заговорилъ Аксамитовъ другимъ то-

номъ,—думала, что держать дѣвочку одну, въ открытомъ домѣ, безъ подругъ и при нашихъ частыхъ переѣздахъ, было рискованно. И она, по-своему, была права.

„А ты-то самъ?“ — хотѣлъ ему крикнуть Грубинъ, но ничего не возразилъ.

Этотъ человѣкъ обезоруживалъ его. Онъ совсѣмъ позабылъ, какую репутацію имѣеть Аксамитовъ, какъ онъ собирался проникать въ его поведеніе, въ его преступную стачку съ женой, заклеить его, когда настанетъ минута, за предательство передъ собственною любимою дочерью, которую мать развращаетъ своимъ примѣромъ и доведетъ до чего-нибудь постыднаго и непоправимаго.

Все отлетѣло отъ него. Онъ вѣрилъ искренности этого человѣка, слышалъ душевное страданіе въ томъ, что и какъ онъ сейчасъ говорилъ о Марусѣ, понималъ его безпомощность, готовъ былъ протянуть ему руку и сказать:

„Вѣдь вы хорошій человѣкъ... Откройте мнѣ вашу душу: я не хочу считать васъ дрянью. Я готовъ просить у васъ прощенія!“

— И у Марьи Орестовны,—вымолвилъ онъ, точно про себя,—нѣтъ, стало-быть, никакой личной жизни?

— Нѣтъ... Она не живетъ, а какъ бы это сказать... *elle subit la vie.*

Имъ подали второе блюдо. Они ѣли молча. Грубинъ былъ такъ же взволнованъ, какъ третьяго дня, въ саду. Вопросы просились наружу и не выходили; они были бы слишкомъ неумѣстны, даже и послѣ того, что говорилъ отецъ Маруси.

— *Mon cher Аксамитовъ!..* На два слова! — окликнулъ жирнымъ басомъ генералъ съ аксельбантами, только что спустившійся съ террасы.

Онъ взялъ Аксамитова подъ руку и отвелъ его вглубь сада, къ одной изъ палатокъ.

Грубинъ посмотрѣлъ на встѣдъ и первая мысль, подбравшаяся къ нему, была:

„А, вѣдь, если бы онъ считалъ тебя человѣкомъ, который можетъ попасть въ его зятя, онъ не сталъ бы съ тобой изливаться о ней. Ты годенъ только въ наперсники!“

Мысль эта ѣдкою струей пронизала его

— Le monde où l'on s'amuse, — выговорилъ Аксамитовъ, какъ произносятъ заглавіе. — Вы, конечно, знаете и пьесу?.. Но тамъ взято все съ легкой стороны, для комедіи въ одинъ актъ... Въ жизни это совсѣмъ не такъ... забавно. Не взвидишься — и дѣвушка, почти ребенокъ, уже прошла черезъ огромную работу... какъ это сказать? Души?—нѣтъ! Но головы, мозга... Душой жили когда-то... во времена романтиковъ... Личность разрослась теперь ужасно. Если у дѣвочки даровитая натура, она начинаетъ горѣть на огнѣ непомѣрныхъ порывовъ ко всему: къ славѣ, къ чему-то колоссальному... Или все, или ничего — вотъ ихъ девизъ. Нашимъ матерямъ и бабушкамъ одного какого-нибудь талантика или хорошенькаго лица, доброты, граціи... хватало на всю жизнь. Нынче... въ восемнадцать лѣтъ дѣвушка уже перепробуетъ всего и побываетъ и въ поэтессахъ, и въ артисткахъ, и въ писательницахъ.

— Развѣ Марья Орестовна... — остановилъ было его Грубинъ.

— Маруся, — немного подумавъ, продолжалъ Аксамитовъ, — надѣлена необычайно головой... Но не реклама, не погоня за тѣмъ, что французы называютъ *gloriole*, гложутъ ее. Она выше этого! — воскликнулъ онъ и вѣки глазъ сразу покраснѣли. — Ее сталъ глотать другой червякъ... Слишкомъ ранній анализъ... Своя жизнь, личное счастье, возможность пользоваться минутой, — все это отлетѣло, а голова мучительно работала, сердце теряло иллюзіи, воля ослабѣвала...

— Воля?.. — изумленно вымолвилъ Грубинъ. — Но Марья Орестовна — характеръ!

— Это только кажется! — все съ возрастающею живостью возразилъ Аксамитовъ. — Видь у ней такой... Если хотите, характеръ во всемъ, что благородство личнаго поведенія — да; но борьба за себя, за возможное счастье — нѣтъ!

На этотъ разъ онъ какъ будто испугался смѣлости своихъ словъ и, замолчавъ, обернулся въ сторону террасы и поглядѣлъ на того генерала, съ кѣмъ говорилъ полчаса назадъ.

Грубинъ не могъ не пойти дальше.

— Позвольте, Орестъ Юрьевичъ, — началъ онъ, только что Аксамитовъ повернулъ къ нему голову. — Значить, въ концѣ концовъ, заграничное воспитаніе дало результаты, какихъ вы не предвидѣли?

— Жена моя, — заговорилъ Аксамитовъ другимъ то-

номъ,—думала, что держать дѣвочку одну, въ открытомъ домѣ, безъ подругъ и при нашихъ частыхъ переѣздахъ, было рискованно. И она, по-своему, была права.

„А ты-то самъ?“ — хотѣлъ ему крикнуть Грубинъ, но ничего не возразилъ.

Этотъ человѣкъ обезоруживалъ его. Онъ совсѣмъ позабылъ, какую репутацію имѣетъ Аксамитовъ, какъ онъ собирался проникать въ его поведеніе, въ его преступную стачку съ женой, заклеить его, когда настанетъ минута, за предательство передъ собственною любимою дочерью, которую мать развращаетъ своимъ примѣромъ и доведетъ до чего-нибудь постыднаго и непоправимаго.

Все отлетѣло отъ него. Онъ вѣрилъ искренности этого человѣка, слышалъ душевное страданіе въ томъ, что и какъ онъ сейчасъ говорилъ о Марусѣ, понималъ его безпомощность, готовъ былъ протянуть ему руку и сказать:

„Вѣдь вы хорошій человѣкъ... Откройте мнѣ вашу душу: я не хочу считать васъ дрянью. Я готовъ просить у васъ прощенья!“

— И у Марьи Орестовны,—вымолвилъ онъ, точно про себя,—нѣтъ, стало-быть, никакой личной жизни?

— Нѣтъ... Она не живетъ, а какъ бы это сказать... *elle subit la vie.*

Имъ подали второе блюдо. Они ѣли молча. Грубинъ былъ такъ же взволнованъ, какъ третьяго дня, въ саду. Вопросы просились наружу и не выходили; они были бы слишкомъ неумѣстны, даже и послѣ того, что говорилъ отецъ Маруси.

— Mon cher Аксамитовъ!.. На два слова! — окликнулъ жирнымъ басомъ генералъ съ аксельбантами, только что спустившійся съ террасы.

Онъ взялъ Аксамитова подъ руку и отвелъ его вглубь сада, къ одной изъ палатокъ.

Грубинъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и первая мысль, подбравшаяся къ нему, была:

„А, вѣдь, если бы онъ считалъ тебя человѣкомъ, который можетъ попасть въ его зятя, онъ не сталъ бы съ тобой изливаться о ней. Ты годенъ только въ наперсники!“

Мысль эта ѣдкою струей пронизала его

тяготѣеть въ лицѣ матери, чтобы самоотверженно „спасти“ ее, какъ онъ еще вчера утромъ повторялъ, послѣ ночи, проведенной безъ сна?

Стало-быть?

Щеки его горѣли. Онъ взглянулъ еще разъ на брUNETку, и это кажущееся сходство съ Марусей усилило его тревогу.

Раздался третій звонокъ и затѣмъ жидкій и продолжительный свистокъ. Поездъ двинулся.

Черезъ минуту въ вагонъ вошелъ оберъ-кондукторъ.

Грубинъ зналъ его больше всѣхъ остальныхъ на этой линіи: молодой еще человекъ, блондинъ, плотный, съ фуражкой или шапкой, всегда надѣтой немного назадъ, съ неизмѣнно грустнымъ, довольно красивымъ лицомъ и неспѣшной походкой, молчаливый и какъ бы ко всему равнодушный.

Вотъ онъ ѣдетъ одинъ въ вагонѣ, вечеромъ, везетъ изъ Петербурга какой-то аппаратъ, купленный тамъ для умирающей жены. Но онъ еще надѣется. Этотъ самый кондукторъ подходитъ къ нему отбирать билетъ вмѣстѣ съ контролеромъ и говоритъ спокойно, съ отуманеннымъ взглядомъ:

— У васъ билетъ второго класса.

Въ разсѣянности онъ сѣлъ съ нимъ въ вагонъ перваго, до такой степени онъ былъ въ тотъ вечеръ захваченъ думой о несчастной Катѣ.

Наканунѣ докторъ сказалъ ему:

— Если будутъ три испарины сряду, я ни за что не ручаюсь.

И въ ту же ночь былъ второй припадокъ испарины. Съ третьимъ—Кати не стало.

„Давно ли это было?“

Но вопросъ уже не устыдилъ его, какъ въ то утро, когда онъ попалъ въ Баболово.

Онъ сѣлъ у открытаго окна и, подставляя лицо подъ свѣжій вѣтерокъ, упорно началъ пытаться себя.

Да, это былъ ударъ, не заслуженный ни имъ, ни ею, страдальцей материнства. Онъ потерялъ разомъ и жену, и ребенка, остался бобылемъ въ такіе годы, когда всего тяжелѣе быть одинокимъ.

Катю свою онъ ставилъ высоко за ея чистоту, вѣрность всему, что для нея было свято, за хрустальную честность и стойкость души въ такомъ маленькомъ тѣлѣ. Онъ былъ

ей преданъ сознательно, не тяготился ничѣмъ, что отъ нея исходило, уповалъ на тихую будущность подъ ея—почти материнскимъ—покровомъ.

Но зналъ ли онъ любовь? Испыталъ ли онъ когда-нибудь съ нею минуты забвенія всего, трепеть души, слетающій на мужчину, какъ огненный языкъ, страсть, изъ-за которой люди рѣжутся и топятся или идутъ на совершеніе геройскихъ дѣлъ?

Съ нею—нѣтъ.

Этотъ отвѣтъ раздался у него въ головѣ и въ груди, и такъ отчетливо-вѣско, безъ всякихъ оговорокъ.

Нѣтъ, онъ не зналъ въ супружествѣ такой любви, да и прежде, въ холостые годы, не зналъ ея.

„Ты не жилъ,—произносили беззвучно его губы, подъ гулъ повѣзда, тихо поднимавшагося къ Царскому,—ты не жилъ, ты только „претерпѣвалъ“ жизнь,—повторилъ онъ недавно слышанное имъ выраженіе. — И зачѣмъ будешь ты лгать самому себѣ? Во имя чего? Чтобы не оскорбить память усопшей? Но, вѣдь если ты могъ забыть сороковой день ея кончины, значитъ, на тебя налетѣло что-то могучее, настоящее?..“

— Настоящее? — выговорилъ онъ вслухъ и, откинувъ голову, возбужденно и молодо оглянулся.

Онъ не хотѣлъ больше обманывать себя. Не сентиментальной дружбы будетъ онъ искать. Все отдастъ онъ, что у него есть, всѣ силы, удесятеренныя великою тайной жизни—любовью—и выветъ ту дѣвушку изъ ея болота, задрапированнаго ея матерью, этою многоумною блудницей, наложившею свою бархатную лапу на мужа и дочь.

Гордо выпрямился онъ, и въ груди его закипѣла мощь человека, впервые познавшаго страсть.

XXXII.

Онъ не шелъ, а летѣлъ въ Дворцовый садъ. Извозчиковъ не было на перекресткѣ Конюшенной улицы, гдѣ они обыкновенно стоятъ, но это его не раздосадовало. Времени еще оставалось довольно до трехъ часовъ.

Вчера вечеромъ онъ получилъ депешу изъ Павловска: „Марья Орестовна будетъ завтра на озерѣ, у пристани, къ тремъ часамъ“.

Депешу подписалъ какой-то мужчина, но Грубинъ не разобралъ фамиліи. Телеграфистъ, видимо, перепуталъ.

Фамилія короткая, начинается слогомъ „Пу“ и въ концѣ стоитъ „Ъ“.

Депеша сначала смутила его. Что это? Мистификація? Но кто же пошелъ на нее? Князь? Тараевъ? Ни тотъ, ни другой. Если грузинъ и пылаетъ ревностью, то ужъ, конечно, не къ нему. Тараевъ могъ взяться отправить такую депешу, но Маруся не поручила бы ему... Съ ея умомъ и тактомъ!

Сегодня утромъ это уже не тормозило его.

Кто бы ни подписалъ депешу—мистификація немислима. Маруся ждетъ его. Чего же еще допытываться?

Она могла сама подписаться первою попавшеюся фамиліей. Осторожность понятная и умно придуманная.

Еще вчера утромъ ей нездоровилось, а къ вечеру она уже рѣшила встрѣтиться съ нимъ около трехъ часовъ.

Мысль о чемъ-нибудь чрезвычайномъ не тревожила его. Ускоряя шаги, онъ все сильнѣе рассчитывалъ на прогулку вдвоемъ и даже безъ лакея, какъ тогда, въ первый разъ, въ Дворцовомъ саду. Онъ не зналъ, о чемъ они будутъ говорить, не готовился, не запоминалъ вопросовъ. Его наполняло одно цѣльное чувство, одно стремленіе: видѣть ее, глядѣть на эти глубокіе, вдумчивые и строгіе глаза, гдѣ вдругъ блеснетъ усмѣшка, на этотъ краснорѣчивый ротъ съ некрупными бѣлыми зубами, такъ часто закрытый, на этотъ чудный овалъ и пряди волосъ съ золотистымъ отблескомъ. Даже теперь, на разстояніи, представляя себѣ обликъ этой дѣвушки, онъ испытывалъ пріятную жуткость. Только избранныя женскія натуры могутъ вызывать такое чувство, гдѣ все есть: желаніе проникнуть въ душу, боязнь за себя, готовность къ жертвѣ, неустанное любованіе, точно высокимъ созданіемъ искусства, когда хочется оцѣнить каждую черточку, каждый взмахъ вдохновенной кисти или рѣзца.

Никогда ничего подобнаго онъ не испытывалъ, какъ бы ни старался исповѣдывать себя, за всѣ послѣднія двадцать лѣтъ жизни, со студенческихъ годовъ.

Вотъ и гранитный тротуаръ, идущій вдоль рѣшетки сада. Грубинъ прошелъ подъ ворота краснаго зданія пекарни и такимъ же скорымъ шагомъ взялъ по ближайшей аллеѣ къ пристани.

День стоялъ свѣтлый и немного свѣжій, съ вѣтеркомъ. Лишны шептались между собою. Пыдали мелькали пожелтѣлыя округлыя формы статуй. Желѣзные диваны и ска-

мейки, заново покрашенные, выдѣлялись на фонѣ зелени цвѣтомъ яри-мѣдянки. Все это улыбалось Грубину и приглашало его туда, гдѣ его ждутъ...

Ему начали попадаться няньки и бонны съ дѣтьми, ближе къ озеру; но въ этотъ часъ и тутъ было немного гуляющихъ. До начала музыки оставалось всего пять минутъ.

Еще не будетъ трехъ, когда онъ подойдетъ къ самой пристани и сядетъ на диванчикъ противъ плотовъ, гдѣ стоитъ рядъ шлюпокъ.

Въ груди у него слегка занималось, и не отъ одной только скорой ходьбы. Въ родѣ этого чувствовалъ онъ себя очень, очень давно. Тревога была похожа на то, какъ онъ собрался держать экзаменъ изъ гражданского права—и непременно на пять, иначе у него не вышло бы кандидатскихъ отмѣтокъ, и такъ же подмывательно было у него на сердцѣ, когда ему объявили, что онъ—кандидатъ.

Молодость несомнѣнная была въ каждой его жилкѣ. Ему стоило бы только вспомнить свои года, чтобы не считать себя пожилымъ человѣкомъ. Но этого ему не надо было... Пожилой мужчина не можетъ испытывать ничего подобнаго, развѣ однимъ воображеніемъ, а не сердцемъ, не трепетаніемъ души.

Озеро переливало отраженіе лучей—нарядное и величавое, съ полосой древесныхъ купъ, на томъ берегу, идущемъ вверхъ, по легкой покатости.

Взглядъ Грубина, когда онъ присѣлъ на одинъ изъ чугунныхъ дивановъ, ласкалъ это милое озеро во всѣхъ направленіяхъ, но ни на чемъ не задерживался.

Сирава приближалась пара. Онъ вскочилъ. Дама въ темной кофточкѣ и шелковой желтоватой манишкѣ, подъ соломЕННОЮ шляпой, съ чѣмъ-то взбитымъ, изъ бѣлаго газа и васильковъ. Это она, это ея походка, крупнымъ шагомъ, съ зонтикомъ, откинутымъ на правое плечо.

Но кто же идетъ рядомъ съ нею?

Длинная, узкоплечая фигура, въ широкомъ разстегнутомъ пальто цвѣта „мастики“, въ такого же цвѣта низкой шляпѣ, красноватыхъ ботинкахъ и широчайшихъ сиреневыхъ панталонахъ, почти шароварахъ, съ палкой въ рукѣ. Лица онъ сразу не могъ разглядѣть. Оно было длинное, бритое, кажется, съ усиками, шея чѣмъ-то точно укутана — тоже синимъ. Шелъ этотъ мужчина развихленную

походкой, качая головой и разставляя руки въ яркихъ перчаткахъ, какія въ ходу у кучеровъ за границей.

Грубинъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу. Его ударило въ краску при видѣ спутника Маруси. Но онъ почему-то вѣрилъ, что ему, все-таки, удастся поговорить съ нею безъ помѣхи.

— Марья Орестовна!

Онъ окликнулъ ее поспѣшно, точно не своимъ голосомъ. Ея спутника онъ какъ бы и не замѣтилъ. Глаза его были прикованы къ ней одной.

Маруся остановилась, протянула ему руку красивымъ, широкимъ жестомъ и сильно пожала ее.

— Долго ждали?—спросила она своимъ обыкновеннымъ, низковатымъ голосомъ.

Онъ замѣтилъ сразу блѣдность ея щекъ и утомленіе глазъ.

— Сейчасъ только пришелъ,—отвѣтилъ онъ, не вполне овладѣвъ собою.

— Представляю вамъ моего товарища дѣтства... Его зовутъ Питеръ Пусковъ... И вамъ позволяю такъ же звать его,—прибавила она, улыбувшись.

Питеръ снялъ шляпу и поклонился довольно низко, уйдя головой въ плечи.

Грубинъ тутъ только разглядѣлъ его желтоватое, загорѣлое лицо, съ длиннымъ подбородкомъ и голубыми, довольно большими глазами. Онъ носилъ коротко-подстриженную чѣлку пепельныхъ волосъ и усики.

Шею его покрывалъ самый модный галстукъ, въ видѣ тяжелаго шарфа, скрывавшій воротничокъ вплоть до его кончиковъ.

— Весьма радъ,—выговорилъ онъ глухимъ, силоватымъ голосомъ и поглядѣлъ на Марусю, вытянувъ чудаковато шею.

— Куда же мы?.. Будемъ кататься?—спросила Маруся. — На озерѣ такъ хорошо сегодня... Питеръ, идите и возьмите лодку.

— Вамъ не очень-то полезно,—сказалъ Питеръ тигуче и опять вытягивая свою длинную шею. — Вчера еще у васъ жаръ былъ.

— Пустяки!.. Вы сами боитесь и сваливаете на меня.

— Что жъ!.. И мнѣ это не очень полезно. Всю ночь меня лихорадило.

— Будто?

— Честное слово... Тридцать девять... Я глоталъ-глоталъ антипиринъ, и нѣтъ никакого толка.

— Питеръ, — указала на него Маруся Грубину, — мнимый больной... какихъ нѣтъ нигдѣ... Лѣчится вездѣ, гдѣ только можно.

— Хорошо!.. Вамъ легко прохаживаться на мой счетъ.

Ихъ тонъ показывалъ, что они дѣйствительно товарищи дѣтства. Питеръ могъ быть старше ея года на три, на четыре.

— Идите, Питеръ!

— Иду, — уныло выговорилъ онъ. — Да идемте вмѣстѣ... Я не могу, Марья Орестовна, бѣгать. У меня сейчасъ сердцебиеніе дѣлается.

— Что это за натура!

Восклицаніе Маруси звонко пронеслось по дорожкѣ.

— Хотите я распоряджусь? — спросилъ Грубинъ.

— Нѣтъ!.. Идемте всѣ!

По дорожкѣ было тѣсно идти всѣмъ тремъ въ рядъ. Питеръ уступилъ свое мѣсто Грубину и поплелся за ними все тою же развизленною поступью.

— Благодарю васъ, — тихо выговорилъ Грубинъ и нерѣшительно взглянулъ на нее.

Ея взглядъ былъ затуманенъ; это обдало его холодомъ.

XXXIII.

Курганъ возвышался надъ окрестною мѣстностью сада. По узкой лѣсенкѣ, вдѣланной въ дернъ, поднялись туда Маруся и Грубинъ. Это была ея идея сѣсть тамъ, наверху. Питера, послѣ ѣзды по озеру, она услала ко дворцу, просто такъ, придравшись къ тому, что онъ слишкомъ волочить ноги и нѣтъ возможности съ нимъ гулять. Онъ не обидѣлся и даже сказалъ:

— И прекрасно... Вы слишкомъ бѣгаете. У меня сейчасъ начнется одышка и... сердцебиеніе.

На курганѣ никто имъ не помѣшаетъ. Грубинъ такъ и появлялъ желаніе Маруси пойти именно туда.

Проползло больше десяти минутъ, а они говорили отрывочно и не о томъ, чего жаждалъ онъ. Въ ея лицѣ онъ подмѣтилъ новую накипь горечи. Должно-быть, въ домѣ произошло что-нибудь крупное, но что, она не говорила. Какъ будто она сердилась на себя и за тѣ откровенности, какими началось ихъ сближеніе.

Это укололо его и огорчило за нее. Онъ считалъ ее выше такихъ ходовъ назадъ.

Задавать ей вопросы онъ не рѣшался.

Но зачѣмъ-нибудь она вызвала же его сюда въ садъ, и въ такой, все-таки, рискованной формѣ?.. Какъ ни чудаковать товарищъ ея дѣтства, этотъ развинченный Питеръ, но вѣдь и онъ можетъ подумать, что тутъ свиданіе.

А они сидятъ на курганѣ въ томленіи, какъ будто ждутъ чего-то и взобрались на эту вышку, чтобы за кѣмъ-то подсматривать.

— Вы знаете, какъ я зову Питера?—вдругъ спросила Маруся съ такимъ выраженіемъ лица, точно она сказала это послѣ долгаго жданья, не начнетъ ли самъ Грубинъ.

— Какъ?

— Счастливецъ.

— Онъ?

— Да, Питеръ Пусковъ. Вы думаете, онъ жалкій ипохондрикъ?.. Весь поглощенъ страхомъ за свое... тѣло?.. Онъ счастливецъ. У него есть призваніе лѣчить себя.

Тонъ ея словъ былъ насмѣшливый, но глаза стали еще печальнѣе. Подъ этимъ крылась все та же душевная боль.

— Марья Орестовна, — заговорилъ Грубинъ грудною нотой и снялъ шляпу, — для каждаго изъ насъ счастье въ насъ самихъ, ни въ чемъ больше... Захотите — и оно будетъ.

Грубинъ не досказалъ. Ему эти искреннія слова показались вдругъ пошлымъ намекомъ. Точно онъ, въ плохой пьесѣ, сентиментальный вдовецъ, среднихъ лѣтъ, приступаетъ къ рѣшительному объясненію съ предметомъ своего выбора. Онъ даже началъ краснѣть.

— Счастье! Счастье! — Маруся откинула назадъ голову. — Избитое и глупое слово! Это все равно, что когда-то русскія барышни повторяли... до одурѣнія: „Жизнь! Жизнь!“ Какъ будто есть такой предметъ: счастье?.. Есть разныя вещи: брильянты, экипажи, лошади, кружева, виллы на Ривьерѣ, мужья или друзья дома... все это можно купить или добыть разными средствами. Но счастье—это мнѣ... Мы въ дѣтствѣ, вотъ когда еще съ Питеромъ Пусковымъ бѣгали здѣсь, въ этомъ самомъ саду, говорили: „пустушка“... Пустушка!—повторила она, и голосъ ея началъ вибрировать. — И опасная, вредная пустушка. И еще хуже, еще глупѣе, когда какая-нибудь особа, въ родѣ меня, напимѣрь, начинается еще дѣвчонкой въ пят-

надцать лѣтъ вѣрить въ свой необыкновенный талантъ, въ призваніе, хватается то за то, то за другое, и въ результатѣ—пустушка!

— Вы это о себѣ?—смущенно спросилъ Грубинъ.

Онъ не хотѣлъ принимать ея словъ въ прямомъ смыслѣ. Это похоже было все на ту же замаскированную горечь.

— Parfaitement!—звонко и почти грубо вскричала Маруся.—Вчера вы завтракали съ отцомъ моимъ у „Донона“...

— Да,—какъ бы робко отвѣтилъ Грубинъ.

— И вы, навѣрное, говорили обо мнѣ. И онъ, навѣрное, давалъ вамъ понять, какая я высоко-одаренная натура... Не лгите!

— Онъ васъ нѣжно любитъ и понимаетъ, Марья Орестовна.

— Знаю!.. Да, любить, но не понимаетъ! Я уже намъ говорила, что папа—мой человѣкъ. Я за него всегда страдала и одна только понимаю его... И не смѣю не только явно бросить въ него камень, но даже тайно, про себя, осудить его... Вотъ и. теперь, если еще лишнихъ пять минутъ буду говорить въ такомъ родѣ, я разревусь, и вы увидите, какая я жалкая, когда я плачу... Но онъ всегда увлекался мною... Онъ безъ вины виновать въ томъ, что я дѣвчонкой пятнадцати лѣтъ вдалась въ исканіе своей геніальности,—чуть замѣтный смѣхъ проскользнулъ въ ея порывистой рѣчи,—въ жажду призванія, славы... Читали вы журналъ русской барышни Башкирцевой.

— Начиналъ читать,—отвѣтилъ Грубинъ.

— И не окончили?

— Нѣтъ, не кончилъ.

— Почему?—спросила Маруся, и взгляды ея, уже мѣняе печальный и болѣе острый, остановился на немъ.

— Почему? Да я не нашелъ въ этой книжкѣ ничего, кромѣ непоумѣрнаго тщеславія и погони за успѣхомъ.

— La gloriole! Оно!.. И я это нахожу... но когда? Теперь. А тогда я сама была такая же Башкирцева, только безъ ея талантовъ и безъ ея ума. И я не успѣла умереть въ-время...

— Умереть!—повторилъ Грубинъ, все съ возрастающимъ удивленіемъ.

— По крайней мѣрѣ... хоть бы одна удача: лихо умереть.

— Лихо?

— Это не мое слово, офицерское, и я его беру... Но

въ томъ-то и дѣло, что не умрешь по собственной волѣ, а будешь все тянуть, день за днемъ, мѣсяцы, годы, десятки лѣтъ. И всѣ мы такія неудачныя дѣвицы Башкирцевы... харьковскія и тамбовскія помѣщицы... изъ Парижа! Какое-то есть слово, подскажите мнѣ его, Грубинъ... меже... меже...

— Межеумки?

— Да, да. Mercі. Межеумки... Папа вотъ говорилъ вамъ о талантахъ своей дочери. Но сказалъ ли онъ, что его дочь вообразила себя, между прочимъ, и поэтессой?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— И академія ее наградила... за цѣлый томикъ стиховъ... французскихъ стиховъ. Подъ красивымъ псевдонимомъ.

— Такъ что жъ въ этомъ постыднаго?

— Я видѣть ихъ не могу теперь... Они мнѣ противны... Нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ обезьянства... Все писалось для одной *gloire*... мозгъ свой раздражала, коверкала себя...

— Если и такъ, — перебилъ Грубинъ, — не оттого ли, что вы сердцемъ рано стали страдать?.. И въ двадцать лѣтъ у васъ такая... душа...

— Старая, хотите вы сказать?

Не такихъ словъ ожидалъ онъ. Но онъ не смогъ заставить ее говорить другое и о другомъ.

Ему дѣлалось очень тяжело и чувство собственной безпомощности начало гнестъ его.

— Старая? — переспросила Маруся и вдругъ опустила голову и оперлась локтями въ колѣни. — Какъ будто это отъ насъ самихъ зависитъ?.. Я знаю, что вы мнѣ скажете: надо имѣть идеалъ, надо любить.

Онъ захолодѣлъ.

— Любить? — продолжала Маруся, не мѣняя позы. — Но вѣдь это то же, что гений, талантъ, призваніе... Еще труднѣе... Развѣ можно управлять любовью?.. Вы встрѣчаетесь съ сектантами... Или просто люди вѣрующіе... даже и не ханжи... Они вамъ твердятъ: „вѣрьте, и все вамъ дастся“. Но вѣдь это нелѣпость!.. *On a un coup de foudre ou on ne l'a pas!* — вырвалось у ней высокою нотой, и тотчасъ она впала въ прежній скорбный тонъ. — Нелзя заставить себя молиться, можно только повторять слова... Такъ и въ чувствахъ... И что такое любовь теперь, вотъ въ томъ обществѣ, гдѣ я живу и осуждена жить?

Грубинъ хотѣлъ крикнуть:

„Такъ бросьте его, это общество!“

Онъ не посмѣлъ. У него ныло въ груди и его глаза умоляли ее не говорить такъ.

Но Маруся не глядѣла на него и сидѣла въ той же позѣ.

— Это спортъ!

— Спортъ?— вскричалъ онъ, точно ужаленный. — Любось—спортъ?

— Конечно... Глядите... Наблюдайте. Это—забава, капризъ или еще хуже... Или что-то въ родѣ маніи, какъ у игрока. Больше я ничего не нахожу. Вы у меня видѣли романъ Бурже... „Mensonges“... Вотъ это правда... А въ остальныхъ его же книгахъ — фальшь и сладость... Des fadeurs! Но и манію нельзя такъ получить, какъ гриппъ, если назначено простудиться. Попробуйте, постарайтесь сойти съ ума!.. Не сойдете! Tout ça, c'est vieux jeu!..

— Vieux jeu! — повторилъ Грубинъ, совсѣмъ придавленный.

— Послушайте,—Маруся подняла голову и руки съ колѣнъ,—не сердитесь! Вы видите... Я даже на дружбу не способна... Мнѣ хотѣлось васъ хоть немного развлечь... Я вызвала васъ сюда депешей... И только надоѣдаю вамъ глупымъ своимъ... резонерствомъ... Une demoiselle qui a lu du Schopenhauer!

Она произнесла имя философа нарочно на французскій ладъ и пожала плечами.

Грубинъ сидѣлъ, все еще придавленный, и глядѣлъ на Марусю. Онъ боялся, вотъ-вотъ у него вырвется слово, выдастъ его, и не найдетъ, не можетъ найти никакого отклика въ душѣ этой дѣвушки.

XXXIV.

— И никого я не могу поддержать!—говорила Маруся десять минутъ спустя. — Отца я такъ жалѣю и не умѣю его приласкать, не смѣю высказаться... Да и къ чему?

Она махнула кистью правой руки.

Ея жалобы, сами по себѣ, уже не трогали Грубина. Онъ считалъ ихъ только проявленіемъ одной большой душевной раны.

Надъ этою дѣвушкой тяготѣлъ гнетъ, невидимый, но

роковой, гнетъ упорной и хищнической воли другого существа.

Онъ нѣсколько разъ порывался перебить ее и крикнуть ей:

„Все это не то! Вы знаете, въ комъ сидитъ зло!“

— Скажите мнѣ, Грубинъ,—Маруся дотронулась до его руки,—но смѣло... безъ всякихъ увертокъ, вамъ говорили дурно объ отцѣ? Вы меня понимаете... Какъ?

Она оттянула послѣднее слово.

— Я жду... Если я, дочь, позволю себѣ объ этомъ спрашивать, стало, я вамъ довѣряю, какъ довѣряютъ другу.

— Да, — чуть слышно отвѣтилъ Грубинъ. — Но развѣ можно...

— Постойте... Но положимъ, что оно такъ.

— Марья Орестовна... я не желаю бы...

— Я желаю... Не вы, а я!—сильно прервала она, встала, прошла по площадкѣ кургана и опять сѣла.—Неужели такъ много нужно философіи, чтобы понять человѣка... совсѣмъ понять?

— И оправдать его?—подсказалъ Грубинъ.—Это великодушно... Это такъ похоже на васъ.

— Оставьте меня, прошу васъ... Я о себѣ ничего не скажу... сегодня, по крайней мѣрѣ. Ничего! Есть судьба. Греки не глупѣе насъ были... и признавали фатумъ. Вотъ вамъ человѣкъ, какъ отецъ, онъ весь изъ чувства. И на всю жизнь. Воли у него нѣтъ, или воля въ одномъ: быть около той, кто взялъ его. И онъ ее теперь, сегодня, любить такъ же... рабски, или какъ хотите назовите, какъ и двадцать лѣтъ назадъ. Онъ родился богатымъ, не зналъ цѣны денегъ, запуталъ дѣла, былъ наканунѣ банкротства, вы слышите — банкротства, можетъ, и еще хуже того, я навѣрное не знаю... но думаю. Самъ онъ не ушелъ бы отъ такого краха... вѣдь нынче такъ называютъ?.. И она начала спасать.

„Какою цѣной?“—спросилъ, про себя, Грубинъ.

Онъ сидѣлъ съ низко-опущенною головой. Голосъ Маруси доходилъ до него справа, отрывисто и возбужденно.

— Это была для него сдѣлка съ совѣстью, — продолжала она.—Да. И ужасная!—Маруся вся вздрогнула.—А потомъ пошло дальше. Возмущаться было поздно... Да и бесплодно. Надо жить, какъ всегда жили... *Un train de maison*... Онъ стоитъ имъ двѣсти тысячъ франковъ... Но

и это не главное... Ее не потерять! Лучше на все, на все закрывать глаза, чѣмъ разорвать, уйти... Куда? Лишиться ея? Вѣдь у него тамъ, въ душѣ, есть убѣжденіе, что она его спасала, а не себя, что она любитъ его, до сихъ поръ любить его.

Грубинъ слушалъ, прикрывъ рукою глаза, и ему плохо вѣрилось: неужели это говорить свѣтская дѣвушка, воспитанная въ пансіонѣ, при французскомъ монастырѣ, и про кого—про отца и мать, безъ нужды, безъ всякаго съ его стороны повода, обнажаетъ ихъ позоръ, грязь ихъ супружеской стачки?

„Изъ жалости къ отцу, — отвѣтилъ онъ себѣ тотчасъ же, — изъ потребности высказаться объ этомъ, быть-можетъ, въ первый разъ“.

Ему говорить не испорченная барышня-кривляка. Въ словахъ ея трепещетъ страдающая душа.

— Да, и она любитъ его! Вы не хотите признать? — спросила Маруся, обернувшись къ нему.

— Можетъ-быть.

— По-своему, и у ней свой кодексъ морали...

Маруся не договорила.

— Вы меня слушаете—и васъ это шокируетъ... Я Богъ знаетъ какую игрю роль... *C'est ignoble, n'est-ce pas?* Но мы, вѣдь, хотимъ быть друзьями. Зачѣмъ же молчать о томъ, что всѣ говорятъ? Вы можете ото всѣхъ узнать: отъ генерала, отца Вавы, отъ князя. Вашъ пріятель Голубецъ, можетъ-быть, окажется болѣе скромнымъ. *Ça court les rues.* Но вы поймете меня... Не сразу, нужды нѣтъ... Я не жалею, не драпируюсь въ трагизмъ моего положенія... Боже мой! Десятки, сотни дѣвицъ и даже дѣвочекъ окружены тѣмъ же самымъ. И прекрасно съ этимъ мирятся... Но я въ тискахъ, какъ только я хочу приласкать отца и показать ему, какъ я его жалѣю... и люблю,—почти стыдливо прибавила она.—Развѣ это можно, не задѣвая вотъ того, что я вамъ сказала, прямо? Зачѣмъ же я буду добивать его?

Въ голосѣ ея задрожали другіе звуки; онъ такихъ еще не слыхалъ у нея.

— Разумѣется!—сумѣлъ онъ выговорить.

— А знаете... Грубинъ, что бы я стала говорить отцу, если бы онъ самъ открылъ мнѣ свою душу?

— Не знаю, Марья Орестовна.

— Она, по-своему, права!.. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше я къ этому прихожу.

— Права въ чемъ?—проронилъ Грубинъ.

— Вы думаете, она женщина безъ сердца?.. Нѣтъ. Это не правда... Она и его любитъ, и меня, — съ усиленіемъ выговорила Маруся.—По крайней мѣрѣ, она все сдѣлаетъ, чтобы устроить мою судьбу... Своимъ она предана... Это союзъ противъ всѣхъ, противъ всего міра. Я не думаю, чтобы она кого-нибудь хотѣла... съѣсть, безъ всякой жалости. Она не злая, нѣтъ!—сказала Маруся съ особенною силой. — Она слишкомъ умна, чтобы быть злой. Это она предоставляетъ другимъ женщинамъ... глупымъ! Умъ и характеръ у ней стоять одинъ другого. Чего она хочетъ добиться, она добьется непременно, непременно! Вы не знаете... Она употребила нѣсколько лѣтъ на то, чтобы тѣ, кто на нее косились, стали опять принимать ее... за-просто. И всѣ передъ ней прыгаютъ... Не одна Вава! Въ Парижѣ, и здѣсь, вездѣ. Но чего это ей стоило? Другая бы посѣдѣла, состарилась... отъ такой борьбы. А она — видите какая... И еще долго она будетъ то, что она теперь. Десять лѣтъ... За границей и дольше!

Щеки Маруси стали розовѣть. Она поглядѣла на него пристально и спросила:

— Развѣ это не такъ?

— Вамъ лучше знать,—отвѣтилъ Грубинъ.

— И отецъ это все видитъ и знаетъ. Отъ этого ему не легче, скажете вы? Но онъ такой умный и такъ любитъ ее, что моя защита облегчила бы его навѣрное. У нея главная сила—красота. Отказываться отъ жизни, которой они живутъ столько лѣтъ, нечего думать! Это было бы самоубійство... Надо идти... Надо вести все ту же игру, все равно, что въ рулеткѣ, до тѣхъ поръ, пока не лопнетъ банкъ. Но онъ не лопнетъ... Она не допуститъ никогда... Даже на старости не допуститъ. И она — на своемъ посту, и, скажи онъ одно слово, выдай себя, она ему отвѣтитъ: „Я твоя помощница, ты предоставилъ мнѣ свою судьбу, назадъ идти нельзя... Терпи!“

Грубина поражало не одно то, что говорила Маруся, но и какъ она говорила. Куда дѣвались нерѣшительность русской фразы, безпрестанныя вставки французскихъ словъ! Онъ самъ, при случаѣ, довольно краснорѣчивъ; но онъ не сумѣлъ бы выражать силыѣе и ярче такіа неслыханная изъ устъ дочери вещи.

— Но я знаю,—продолжала, помолчавъ, Маруся,—что у нихъ съ отцомъ никогда такого разговора не выйдетъ. А съ ней я пикогда не говорю... интимно.

— Никогда?—повторилъ Грубинъ.

— Нѣтъ. Она и не требуетъ. О, у ней столько ума... во всемъ, во всемъ. И такая сила воли! Если бъ хоть одну десятую она передала мнѣ... Я — въ отца... Не правда ли, я на него похожа?

— Больше на него, чѣмъ на мать.

— Ну, да. Но что бы я ни испытывала, Грубинъ, я не хочу глупо возмущаться. У меня бываютъ дни малодушія. А чуть просвѣтлѣетъ въ моей головѣ—и я вижу, что она тоже несетъ свою судьбу. Можно такъ выразиться?

— Отчего же нѣтъ?

— Она не можетъ быть другой, положительно не можетъ! Да и не она одна. Вы, кажется, мало знаете... тотъ... какъ это сказать... *le monde*...

— *Où l'on s'amuse*?—добавилъ онъ, вспомнивъ фразу Аксамитова въ ресторанѣ.

— Фраза моего отца.

— Отъ него я и слышалъ ее вчера.

— Нѣтъ, это не вѣрно, — Маруся уныло покачала головой, — всѣ гоняются за однимъ и тѣмъ же. У всѣхъ одинъ идолъ... И всѣмъ страшно заглянуть въ себя... Довольно! Идемте! Бѣдный Питеръ зажался. Простите! Я уже вамъ сказала, что я ни на что не гожусь, и въ друзья меня не слѣдуетъ брать.

Маруся стала первая спускаться по узенькимъ ступенькамъ.

XXXV.

— Monsieur Грубинъ! Здравствуйте! — окликнулъ офицеръ на низковатомъ велосипедѣ, въ бѣлой фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ.

На него давно уже смотрѣлъ Грубинъ, сидѣвшій на скамьѣ въ одной изъ аллей Новаго парка, недалеко отъ Заведенія минеральныхъ водъ.

Онъ издалека узналъ князя Юшадзе. Тотъ летѣлъ на двухколесномъ велосипедѣ съ резинами, сидѣлъ прямо и жрасиво переводилъ ногами, иногда складывалъ руки и продолжалъ катиться.

Ему видно было лицо грузина съ легкой тѣнью отъ

довольно длиннаго козырька, отражавшаго свѣтъ, — лицо неподвижное, чрезвычайно серьезное, точно онъ совершалъ какой-нибудь торжественный актъ.

Велосипедистовъ Грубинъ вообще не любилъ, хотя докторъ сколько разъ предлагалъ ему ѣздить, находя, что это чудесное средство противъ начинающагося расстройства печени.

Стройный станъ восточника, выдѣлывающаго ногами съ важностью какого-то авгура, вызвалъ въ немъ тотчасъ же рядъ тревожныхъ самообличеній.

Вотъ этотъ грузинъ, давно ли онъ пылалъ ревностью, а какъ владѣть собою, занимается спортомъ, точно священнодѣйствіемъ! Страсть въ немъ должна сидѣть та же самая. Но онъ вѣрить въ себя. Онъ не допустить, чтобы призъ, въ видѣ любимой дѣвушки, взялъ не онъ, а какой-то московскій купчишка, будь у него и два милліона дохода.

А онъ, Грубинъ?.. Чего жъ онъ медлитъ? Отчего онъ не дерзаетъ? Вѣдь этотъ бѣлофуражникъ, прежде всего, — его соперникъ, первый по времени.

Знаетъ ли онъ что-нибудь про то, что теперь дѣлается въ душѣ Маруси? Ровно ничего.

Тѣ странныя, почти невозможныя изліянія дочери о четѣ ея родителей развѣ показали ему хоть чуточку, въ чемъ теперь дѣло, какіе опыты производить ея мать надъ нею и двумя претендентами, что она дѣйствительно чувствуетъ къ этому грузину и къ Тараеву?

Они больше не говорили потому ровно ничего. А можетъ-быть, чудаковатый Питеръ Цусковъ, котораго они нашли дремлющимъ у памятника Екатерины, и тотъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ онъ, даже навѣрное.

Окликъ князя, раздавшійся въ трехъ саженьяхъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Грубинъ, заставилъ его встрепенуться. Въ голову ему сразу ударило. Онъ снялъ шляпу и издали поклонился офицеру.

Велосипедъ подкатилъ беззвучно по мягкому шоссе дороги парка, и за два шага князь направилъ его къ большому дубу, стоящему около края дерна, ловко соскочилъ, точно съ коня, прислонилъ велосипедъ къ толстому стволу дерева, оправилъ сюртукъ, поспѣшно подошелъ къ Грубину, приложился кистью руки къ козырьку и слегка щелкнулъ шпорами.

— Здравствуйте! — еще разъ выговорилъ онъ, сливая

слоги этого слова на петербургскій манеръ. — Позволите присѣсть?

— Сдѣлайте одолженіе.

Грубинъ далъ ему мѣсто, послѣ чего протянулъ руку.

— Развѣ вы въ Царскомъ живете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я въ лагерѣ... Но надо было быть здѣсь... а потомъ съѣздить въ Павловскъ. На поѣздъ опоздалъ... На извозчикѣ—пыль и трясетъ... Я и взялъ велосипедъ.

— Во сколько минутъ вы изволили отмахать?

Князь, съ жестомъ обстоятельнаго молодого человѣка, досталъ часы изъ рейтузъ и выговорилъ медленно:

— Отъ вокзала въ двѣнадцать минутъ. Можно и скорѣе...

Онъ осклабилъ свои длинные зубы, надъ которыми какъ смоль черные усики поднялись вмѣстѣ съ губой. Въ этомъ оскалѣ Грубинъ всего больше увидалъ восточника.

— Вы позволите папиросу?

Князь былъ, какъ всегда, чрезвычайно вѣжливъ и тонъ его дышалъ полнымъ самообладаніемъ и достоинствомъ.

— Пожалуйста.

Въ мозгу Грубина уже запрыгали вопросы. Но онъ стыдился начинать съ нихъ.

— Давно были у Аксамитовыхъ?—спросилъ онъ, стараясь сдѣлать тонъ своего вопроса какъ можно равнодушно.

— Сегодня былъ.

— Марья Орестовна здорова?

— Здорова. Развѣ она хворала?

— На-дняхъ ей, кажется, не совсѣмъ здоровилось.

— Не слыхалъ... Тамъ все благополучно, — сказалъ князь какъ-то особенно вкусно и затянувшись.

Усмѣшка, кривившая слегка ротъ, появилась на его лицѣ, какъ всегда, матово-блѣдномъ, подъ загаромъ лагерной стоянки.

— Въ какомъ смыслѣ вы это сказали?—позволилъ себѣ Грубинъ, не поднимая головы, чтобы ничѣмъ не выдать себя.

— Помните,—заговорилъ князь скорѣе, но не возвышая тона,—въ саду у нихъ... я насчетъ этого московскаго милліонщика? Вы согласитесь, что я не могъ же смотрѣть равнодушно на такіе... маневры...

Онъ былъ радъ подвернувшемуся слушателю, вытянулъ ногу и облокотился о нее ладонями.

— Маневры... маменьки?—подсказаль Грубинъ.

— Совершенно вѣрно!.. Вы понимаете... Какъ можетъ порядочный человѣкъ не чувствовать обиды?

Князь обернулся къ Грубину всѣмъ лицомъ, и его грузинскіе длинные глаза ласково оглянули его.

— Мы мало знакомы, monsieur Грубинъ... Но я не вижу причинъ скрывать мое намѣреніе. Оно извѣстно и ея родителямъ.

Онъ говорилъ о „ней“, не считая нужнымъ называть Марусю по имени и отчеству. Излишняя сдержанность была бы съ нимъ неумѣстна.

Но Грубина тутъ только схватило за сердце то, что, вѣдь, грузинъ мѣтитъ въ женихи, что, вѣроятно, онъ уже дѣлалъ предложеніе и Любовь Ѳедоровна проводитъ его, а сама Маруся ведетъ себя такъ, точно это до нея не касается... И теперь онъ, видимо, доволенъ. Стало...

Досказывать свои доводы Грубинъ испугался.

— Вы знаете, кто мнѣ все растолковалъ?—еще веселѣе спросилъ князь.—Старикъ Дынинъ. Онъ, вѣдь, давнымъ-давно знакомъ съ madame Аксамитовой. Генералъ былъ всегда большой ходокъ по женской части. У-у, какой! На женщинъ прожилъ половину состоянія... Не трудно быть опытнымъ насъ въ такіе годы. Онъ мнѣ все и выложилъ, понимаете, какъ въ алгебрѣ: *a плюсъ be*... Madame Аксамитова начала, должно-быть, замѣчать, что Тараевъ уходитъ отъ нея. Она и употребила свой маневръ... Диверсію такую, — князь сдержанно засмѣялся, — не интересуетъ ли онъ ея дочерью?.. Только бы онъ, понимаете, былъ тутъ, не увлекался бы кѣмъ-нибудь на сторонѣ... Это очень тонко, не правда ли?

— Тонко,—подтвердилъ Грубинъ, чувствуя, какъ у него застучало въ вискахъ.

— Но mademoiselle Marie нисколько въ такой диверсіи не участвуетъ. Мнѣ могло показаться, понимаете. И я уже вижу... вотъ сейчасъ у нихъ, за завтракомъ, что все попрежнему... Милліонщикомъ шапашъ опять овладѣла... И пускай ее!..

Князь бросилъ окурокъ и коснулся правою рукою до колѣнъ Грубина.

— Такой барышни, какъ mademoiselle Marie, нѣтъ во всемъ Петербургѣ. Надо заслужить ея... расположеніе,—я это знаю и чувствую. Очень хорошо понимаю, она ум-

нѣе и образованнѣе меня... Такой нѣтъ!—вырвалось у него страстною поткой.

— И вы... надѣетесь?—чуть слышно спросилъ Грубинъ.

— Я былъ обнадеженъ... Матап вела себя очень тонко. Какъ будто ничему не мѣшала... Но, между тѣмъ, она хотѣла выиграть время и навести справки.., посчетъ ихъ средствъ... А теперь она ихъ имѣетъ,—я это вижу... У васъ, русскихъ, есть такіе предрасудки: если князь... изъ Закавказья—значитъ, хвастунъ и голъ, какъ соколъ... Но не всѣ такіе.

Онъ повелъ на особый ладъ шеей и досталъ опять часы.

— Заговорился съ вами... Извините. Повятное дѣло, это все между нами. Но, какъ я вамъ сейчасъ сказалъ, все обстоитъ благополучно. Мы увидимся... тамъ?

Онъ пожалъ Грубину руку крѣпко, но почтительно, сдѣлалъ подъ козырекъ, добѣжалъ до дерева, вскочилъ на велосипедъ съ легкостью джигита и покатилъ къ городу, взбивая небольшія брызги пыли, запекшейся отъ поливанія.

Грубинъ сидѣлъ какъ парализованный и недвижно глядѣлъ ему вслѣдъ.

XXXVI.

Голубецъ стоялъ передъ нимъ посрединѣ своего обширнаго кабинета, обвѣшаннаго плоховатыми картинами и большими фотографіями съ картинъ.

На немъ была домашняя, песочнаго цвѣта, куртка съ шелковыми отворотами и батистовый галстукъ, концы котораго висѣли надъ кожанымъ кушакомъ шароваръ.

Дома онъ позволялъ себѣ одѣваться очень молодежью и съ отбѣнкомъ фривольности.

— Спасибо, другъ, что завернулъ... Садись. Хочешь рюмку марсалы?

Всѣмъ своимъ тономъ Валерій Ивановичъ какъ бы хотѣлъ показать ему, что не въ претензіи на него за неумѣстное пристаиваніе въ Царскомъ насчетъ прошлаго чety Аксамитовыхъ.

Визитъ Грубина онъ приписывалъ желанію загладить это, благодарности за товарищеское поведеніе и признаніе его испытанной порядочности.

Грубинъ поѣхалъ въ Петербургъ, на квартиру Валерія Ивановича, желая во что бы то ни стало узнать что-ни-

будь вѣрное о судьбѣ Маруси, воспользоваться положеніемъ Голубца, какъ своего человѣка у Аксамитовыхъ, и фактически позондировать почву. Если нужно будетъ,— онъ допускалъ и это,— онъ попроситъ его узнать, какъ Любовь Ѳедоровна относится къ нему.

— Такъ рюмку марсалы и бисквитовъ съ солью... по-французски?.. Чайкинъ!—крикнулъ онъ въ дверь носовую длинную нотой,—подай марсалы!

Лакея своего онъ звалъ по фамиліи.

Грубинъ сѣлъ въ глубокое кресло, гдѣ ему сейчасъ же стало очень жарко.

— Ты гдѣ же побывалъ?—спросилъ онъ, чтобы не сразу начинать.

— Гдѣ я не былъ, скажи лучше. До Закавказья доѣзжалъ... Былъ и въ Ростовѣ. И все это въ три недѣли, какъ видишь.

Слово „Закавказье“ вызвало тотчасъ же въ памяти Грубина весь разговоръ съ княземъ Юшадзе.

— Что жъ... ты не встрѣчалъ ли родныхъ... того... претендента на руку Маруси Аксамитовой?—выговорилъ онъ умышленно небрежно.

— И это было,—уклончиво отвѣтилъ Голубецъ.—Онъ, братъ, царской крови.

— Какихъ же царей?

— Мингрельскихъ, что ли, или имеретинскихъ... ужъ не знаю. Но царской крови, несомнѣнно.

Вино и бисквиты внесъ лакей съ наружностью франтоватаго приказчика-апраксинца.

— Поставь сюда, на столикъ, и ступай.

Свои приказанія Валерій Ивановичъ отдавалъ съ особеннымъ разнообразіемъ барскихъ интонацій.

— Отвѣдай ты мнѣ этой марсалы! Единственная во всемъ Петербургѣ... Мнѣ въ подарокъ прислалъ одинъ островитянинъ... Находится въ родствѣ съ домою Ингэмъ. Это первая фирма... тамъ, въ Сициліи.

„Ну, разумѣется, какъ можетъ быть иначе!“ — хотѣлъ вслухъ выговорить Грубинъ и удержался.

Они серьезно чокнулись.

Грубинъ сидѣлъ какъ бы на иголкахъ. Каковъ бы ни былъ этотъ Буффало-Билль, неужели онъ не въ состояніи будетъ понять того, какое въ его товарищѣ заговорило чувство?

Его сдерживала только неловкость передъ нимъ: про-

шелъ всего мѣсяцъ съ ихъ встрѣчи въ Дворцовомъ саду, когда Голубецъ утѣшалъ его, узнавъ про смерть жены, а онъ теперь будетъ разоблачать свою душу, рискуя натолкнуться на что-нибудь безцеремонное, вызвать въ Буффало-Биллѣ пренебрежительную усмѣшку: „такъ-то, молъ, ты носишь свой трауръ!“

Но разговоръ о князѣ Юшадзе придалъ ему бодрости.

— Послушай,—началъ онъ гораздо строже,—что жъ онъ, женихъ, что ли?

— Чей?

— Марьи Орестовны?

— Я не знаю, душа моя... Кажется, ничего еще не рѣшено... Онъ одинъ изъ претендентовъ,—не больше.

— Валерій Ивановичъ!.. Сдѣлай милость, не бери ты со мной такого тона, какъ тогда, у меня, въ Царскомъ. Я сталъ тебя разспрашивать о четѣ Аксамитовыхъ... быть-можетъ, слишкомъ настоятельно... Ты не хотѣлъ быть нескромнымъ. Это твое дѣло, и ты былъ, по-своему, правъ... Но пойми, что тутъ дѣло идетъ о дѣвушкѣ, которая для меня...

Онъ смутился, не докончилъ и сталъ отхлебывать изъ рюмки.

Голубецъ стоялъ передъ нимъ, покачиваясь на носкахъ своихъ туфель.

— Владиміръ Павловичъ... я тебя не понимаю, душа моя.

— Чего жъ тутъ не понимать?

Грубинъ поставилъ рюмку и порывисто всталъ.

— И тогда, любезный другъ, въ Царскомъ, ты долженъ былъ видѣть, что во мнѣ говорило не пошлое любопытство. Я не сплетникъ и копать въ грязи не привыкъ. Ты можешь быть своимъ человѣкомъ въ домѣ... Но когда дѣло идетъ о судьбѣ такой дѣвушки, какъ Марья Орестовна, нечего драпироваться въ джентльменство! Если ты ничего не замѣчаешь, тѣмъ хуже для тебя. Возмутительно видѣть, что должна испытывать такая дѣвушка. Довольно и того, какъ она тайно страдаетъ за своихъ раба и папаша!.. Не можешь ты не видѣть и того, что ее толкаютъ въ замужество, равняющееся продажѣ... Этотъ Тараевъ... Эти маневры матери... Все это такъ гнусно...

На жестъ Голубца Грубинъ крикнулъ:

— Я своихъ словъ назадъ не возьму! И на дуэль съ

тобой за честь Любови Федоровны Аксамитовой и ее супруга выходить не стану,—слышишь?

— Слышу, — повторил Голубецъ, обдернувъ свою ту-
журку съ отворотами.—Но къ чему все это, мой милый?..
Если я тебя понимаю, ты полюбилъ Марусю... Немного
быстро, но чувство не знаетъ сроковъ...

— Уволь меня отъ твоихъ разсуждений! — перебилъ
Грубинъ, и почти упалъ въ кресло.

— Погоди, погоди, — Голубецъ присѣлъ къ нему и по-
ложилъ ладонь на его колѣно.—Къ чему всѣ эти выходы,
Владиміръ Павловичъ?.. Я умѣю цѣнить всякое чувство...
И въ тебѣ оно понятно... Ты осиротѣлъ... потерялъ все.
Въ тебѣ жажда симпатіи... Одиночество... И такая особа,
какъ Марья Орестовна... Если такъ, въ чемъ же дѣло?
Твои намѣренія могутъ быть только серьезныя... Маруся,
кажется... очень къ тебѣ благоволитъ... Я это уже за-
мѣтилъ...

— Замѣтилъ?—вырвалось у Грубина.

— Замѣтилъ. — Голубецъ, повторяя слово, сжалъ губы
на особый ладъ.—Отцу ты очень нравишься, Любовь Фе-
доровна съ интересомъ о тебѣ разспрашиваетъ. Тебя без-
покоятъ тѣ два претендента. Насчетъ Тараева,—онъ тонко
усмѣхнулся,—ты, душа моя, грубо ошибаешься. Это, братъ,
совсѣмъ изъ другого романа... Тотъ, восточникъ, сильно
пылаетъ... Но сама Маруся равнодушна, это ясно, какъ
Божій день... Она изъ тѣхъ дѣвицъ, которымъ нравятся
скорѣе люди нашихъ лѣтъ. Но, признаться, я бы не рѣ-
шился... Я боюсь этихъ загадочныхъ натуръ...

Отъ успокоительныхъ словъ Грубинъ размякнулъ. Его
гнѣвное возбужденіе прошло. Онъ сидѣлъ съ опущенною
головой. Тонъ Голубца дышалъ житейскою банальностью,
но слова его врядъ ли вздоръ, какъ его обычное хвастов-
ство. Развѣ Марусѣ нравится грузинъ? Но не въ ней са-
мой сидитъ зло. Надъ ея волей тяготѣетъ другая воля,—
той сорокалѣтней красавицы съ бархатными глазами и
бархатною властною лапой.

— Марью Орестовну надо спасти!—вполголоса выгово-
рилъ онъ.

— Спаси! Отъ чего? Что ты, Владиміръ Павловичъ?
Точно изъ плохой мелодрамы. Кто же тебѣ мѣшаетъ дѣй-
ствовать, скажи на милость? Разумѣется, надо заручиться
словомъ Любови Федоровны, это такъ. Но почему же тебѣ
дредить? Ты хорошей фамиліи... со средствами... И Лю-

бовъ Ѳедорову я не считаю способною отдать дочь противъ воли за кого бы то ни было.

Голубецъ нагнулся надъ нимъ и, товарищески потрепавъ его по плечу, шепнулъ:

— Хочешь... я сдѣлаю развѣдки около татапа, а?

„Сдѣлай“,—хотѣлъ было шепнуть въ отвѣтъ Грубинъ, но тотчасъ испугался, вскочилъ съ кресла и крикнулъ:

— Не надо, не надо! Никакихъ переговоровъ! Никакого сватовства!

И, не подавъ хозяину руки, Грубинъ выбѣжалъ изъ кабинета, весь охваченный стыдомъ за все это изліяніе Буффало-Биллю.

XXXVII.

Желтая викторія, запряженная одною лошадкою-пони, тихо проѣзжала по широкой липовой аллеѣ Дворцоваго сада.

Сзади сидѣлъ грумъ. Дама, подъ широкою соломенною шляпой, правила. Рядомъ съ нею темнѣла мужская сухощавая спина.

Дама остановила лошадь, поклонилась и сдѣлала кому-то знакъ рукой въ боковую аллею для пѣшеходовъ.

— Здравствуйте!—звонко и ласково пустила она.

На скамьѣ сидѣлъ съ газетою Грубинъ. Онъ поднялъ голову и тотчасъ же всталъ.

Его окликнула Любовь Ѳедоровна. Съ нею катался Тараевъ.

Эту встрѣчу точно кто-то нарочно подготовилъ для него. Со вчерашней поѣздки въ Петербургъ, къ Голубцу, онъ не находилъ себѣ мѣста. Планы дѣйствія, одинъ другого смѣлѣе и невыполнимѣе, чередовались въ его головѣ. Онъ часть ночи писалъ огромное письмо Марусѣ, и на разсвѣтъ разорвалъ его. Объясненіе съ отцомъ представлялось самымъ исполнимымъ и пріятнымъ, но это ни къ чему не поведетъ. Орестъ Юрьевичъ—страдательное лицо... Вызвать Любовь Ѳедоровну на разговоръ онъ рѣшался, но чувствовалъ, что не выдержитъ тона, да и съ чего началъ бы онъ такое объясненіе? Не съ формальной же просьбы о рукѣ ея дочери!

Тогда онъ уподобился бы самому банальному жениху. Не зная, какъ она на него смотритъ, являться претендентомъ... Маруся пожелала сблизиться съ нимъ... Но какъ? Ни одного звука не схватилъ онъ у ней, въ ихъ

задушевныхъ бесѣдахъ, гдѣ бы сказалось чувство, похожее на интересъ къ мужчинѣ... Да и что онъ сдѣлалъ, чтобы привлечь ее? Отъ нея самой должно идти рѣшеніе... Въ ней надо возродить силу для борьбы съ тѣмъ идоломъ, о которомъ она сама говорила... И во имя чего?

Онъ скорымъ шагомъ подходилъ къ викторіи.

— Здравствуйте! — еще разъ окликнула Любовь Федоровна.

Тараевъ приподнялъ шляпу и молча улыбался ему.

— Мечтали? — спросила Аксамитова, когда Грубинъ подалъ ей руку.

— Сидѣлъ съ газетой.

— Тамъ хорошо. Мнѣ захотѣлось въ тѣнь, выйдемте здѣсь... и пройдемъ пѣшкомъ до дворца... А онъ провѣдетъ туда, къ воротамъ.

Она ловко передала вожжи груму. Грубинъ помогъ ей выйти и замѣтилъ, какая у ней молодая и подѣмистая нога, когда она спускала ее на подножку экипажа.

Тараевъ слѣзъ медленно и пожалъ руку Грубину. Онъ еще болѣе горбился; но на блѣдныхъ губахъ играла усмѣшка челоуѣка, хранящаго въ душѣ тихое сознаніе самой крупной удачи. Не милліоны дали это, а другое что-то.

„Онъ опять въ ея когтяхъ, — подумалъ Грубинъ, — и вполне счастливъ“.

— Не хотите ли съ нами во дворецъ? Вотъ Алексѣй Спиридонъчъ, — Аксамитова указала на Тараева, — тащить меня смотрѣть какія-то рѣдкости. У него билетъ.

— Замѣчательныя есть вещи, — серьезно выговорилъ Тараевъ.

Они пошли всѣ трое въ рядъ. Аксамитова посрединѣ ихъ.

— Вы бывали? — спросилъ онъ Грубина.

— Нѣтъ... До сихъ поръ не собрался.

— Какъ же это? Замѣчательныя вещи, — повторилъ онъ. — Я давно собираюсь.

— А меня такъ разбираетъ всегда зѣвота, до истерики, когда я, бывало, ходила по музеямъ... за границей. Теперь уже освободила себя отъ этой службы... Когда Маруся интересуется — ее водить отецъ.

Любовь Федоровна засмѣялась своими глазами-вишнями и обихъ обласкала ими. Она выступала грудью впередъ, въ легкомъ, пестромъ платьѣ и разстегнутой кофточкѣ. Бѣлая, полная шея высилась могучимъ стволонъ, обна-

женная вырѣзомъ платья, безъ воротника. Отъ нея шелъ запахъ духовъ бѣлой сирени, тонкій и освѣжающій.

— Марья Орестовна здорова?—спросилъ Грубинъ.

Ничего другаго у него не вышло.

— Маруся?—такъ же весело окликнула Аксамитова и на ходу немного наклонила къ нему голову.—Они съ отцомъ кутятъ.

— Кутятъ?—переспросилъ Грубинъ.

— Уѣхали въ Петергофъ... тоже изучать. И останутся тамъ цѣлый день. Проѣдутъ въ Красное.

— Въ лагерь?

Голосъ Грубина невольно дрогнулъ.

— Да. Тамъ князь Юшадзе угощаетъ ихъ... въ ресторанѣ, противъ театра, а вечеромъ они смотрятъ какую-то новую, говорятъ, очень смѣшную пьесу и маленький балетъ. Вернутся очень поздно и пріѣдутъ въ Царское въ коляскѣ. Я отказалась отъ всѣхъ этихъ наслажденій.

Смѣхъ, drobный и раскатистый, но сдержанный, вызвалъ на щекахъ ея по дѣямочки, придавшія ей изумительную молоджавость.

— Ну, да,—злобно думалъ Грубинъ,—ты все это отлично устроила, пускай тамъ, въ Красномъ, молодые люди, на свободѣ, объяснятся. Отецъ мѣшать не станетъ. А ты проведешь весь день съ любовникомъ, и часть ночи... Вѣдь тѣ вернутся не раньше, какъ на разсвѣтѣ..."

— Планъ кутежа прекрасный, — выговорилъ онъ, не поднимая на нее головы.

Это показалось ему самому слишкомъ дерзкимъ; но Любовь Федоровна не пожелала принять слова эти въ его смыслѣ.

— Знаете что, Алексѣй Спиридонычъ? — сказала она, когда они подходили къ большому дивану.—Мнѣ, право, не хочется путешествовать съ вами по заламъ. Вотъ Владиміръ Павловичъ посидитъ со мной здѣсь, въ тѣни. Я немножко даже устала. Мой пони ужасно упрямъ и надо его было постоянно держать на мундштукѣ. Извольте отправляться одинъ... А мы подождемъ васъ здѣсь.

— Какъ вамъ угодно... только, право, вы много терпите,—сказалъ Тараевъ безъ всякой тревоги.

Грубинъ почувствовалъ сейчасъ же, что къ нему онъ ревновать не думаетъ.

— Идите, идите!.. Намъ еще нужно побывать въ Ба-
боловѣ.

— Въ Баболовъ?—переспросилъ Грубинъ, и въ его памяти пронеслись минуты, проведенныя имъ послѣ перваго разговора съ Марусей.

Злобность схватила еще сильнѣе за сердце на эту безстыдную женщину: она вѣдь будетъ цѣловаться съ своимъ московскимъ набабомъ на томъ самомъ диванѣ, гдѣ онъ впервые созналъ свою любовь къ Марусѣ.

Объ уколахъ совѣсти, о винѣ своей передъ покойною женой—онъ не хотѣлъ думать.

— Да,—звонко отвѣтила Аксамитова и остановила ихъ обоихъ.—Тамъ премило. Мы тамъ немного побудемъ. Павлинонъ я согласна осмотрѣть, Алексѣй Спиридонъ. А теперь ступайте! Сядьте сюда,—указала она Грубину и сѣла подлѣ.

Тараевъ поклонился все съ тою же тихою усмѣшкой.

— Я васъ найду на этомъ мѣстѣ?—спросилъ онъ.

— Или ближе къ дворцу. Около памятника Екатерины.

— Слушаю-съ.

Тихо, качающеюся походкой, удалился онъ вверхъ по аллеѣ.

Грубина продолжало томить негодующее чувство къ этой женщинѣ. И какъ она наловчилась въ нахальномъ самообладаніи! Нарочно разсказала она ему про поѣздку дочери съ отцомъ въ Петергофъ. Пускай каждый, и онъ въ томъ числѣ, знаютъ, что они проводятъ день вмѣстѣ съ Тараевымъ. А вотъ теперь одна съ нимъ—мужчиной, немного старше ея миллионера. Она—выше всего этого. Ея репутація уже не подлежитъ колебаніямъ, кого бы она ни заставляла платить многотысячную дань за свою благосклонность.

Но онъ не могъ начать съ ней разговоръ въ томъ тонѣ, какой она заслуживала, не потому только, что боязнь потерять навсегда Марусю удерживала его. И вообще не могъ бы, не будь у ней дочери; даже если бъ онъ и самъ искалъ чувственнаго сближенія съ ней, и она дала бы ему право выступить противъ нея со словами негодующей горечи.

Былъ у него товарищъ по гимназіи, пошедшій въ актеры. Въ провинціи онъ себѣ составилъ имя и дебютировалъ въ столицѣ. Тотъ разсказывалъ ему недавно про первую актрису трушны, гдѣ онъ всего больше игралъ. И та обладала секретомъ не допускать никого до другого тона, кромѣ того, какой она установила со всѣми,

отъ антрепренера до театральнаго плотника. Знаешь ее насквозь, презираешь и, все-таки, вездѣ, и на міру, и съ-глазу-на-глазъ, чувствуешь, какъ невидимая сѣтка наброшена на тебя и ты не можешь двинуть ни рукой, ни ногой, и какъ языкъ твой будетъ выговаривать слова въ условномъ, ею установленномъ, тонѣ. Она всегда и вездѣ должна оставаться первою актрисой, на спектаклѣ и на репетиціяхъ, дома и въ толпѣ сановниковъ и придворныхъ.

XXXVIII.

Опять онъ у памятника Екатерины, на томъ самомъ диванѣ, гдѣ мѣсяцъ назадъ сидѣлъ угнетенный своимъ недавнимъ горемъ.

Могъ ли онъ предвидѣть, что выйдетъ изъ встрѣчи съ Голубцомъ, вонъ тамъ, у мостика?

Рядомъ съ нимъ женщина, совсѣмъ чужая ему, но уже врѣзавшаяся въ его жизнь. Отъ нея зависитъ повернуть ее такъ или иначе. Онъ это сознаетъ теперь ясно, безповоротно. Какое бы чувство ни успѣлъ онъ вызвать въ дѣвушкѣ, явившейся передъ нимъ впервые, въ томъ же саду,—безъ участія этой женщины, безъ ея воли и согласія ничего не будетъ.

— Дочь моя,—говорила неторопливо Любовь Федоровна, глядя на него однимъ глазомъ,—не знаетъ никогда, что ей нужно, и никогда не будетъ этого знать.

Съ первыхъ словъ она взяла такой тонъ, какимъ говорятъ съ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытнымъ и понимающимъ, но и только. Не желая ничего подчеркивать, она показывала ему, что его быстрое сближеніе съ дочерью нисколько ее не смущаетъ. Онъ не можетъ завлечь „дѣвочку“, да и для нея нѣтъ никакой опасности. Маруся всегда искала дружбы съ людьми старше ея, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ. Она—добра. Она узнала, что онъ внезапно овдовѣлъ и лишился ребенка. Сначала ей захотѣлось развлечь его, и она нашла въ немъ чело-вѣка, способнаго понять ее, и, навѣрное, начала ему говорить про свои „порыванія и сомнѣнія“.

И, въ то же время, бархатные глаза Любви Федоровны добавляли:

„Мнѣ прекрасно извѣстно, что вы гуляли и сидѣли вдвоемъ, и у насъ въ саду, и здѣсь, и я, опять-таки, нисколько этимъ не смущалась“.

Въ ея голосѣ звучало столько увѣренности въ томъ, что она знаетъ, до послѣднихъ словъ, все, въ чемъ ея дочь могла изливаться ему.

И два раза онъ хотѣлъ прервать ее и рѣзко спросить: „И то знаете, какъ она на васъ смотритъ, какъ она страдаетъ за отца, какъ она старается и васъ, если не оправдать, то хоть понять,—и про это вы знаете?“

У него не доставало мужества, и онъ слушалъ эту женщину, постыдно подавленный ея разительнымъ превосходствомъ, силой сознающаго себя и торжествующаго порока.

— Почему же? — выговорилъ онъ на ея послѣднюю фразу о Марусѣ.

— Почему, Владиміръ Павловичъ? Такая у нея натура. Я не виѣшивалась, не задерживала ее никогда... И не баловала, и ни въ чемъ не лѣстила ей. Можетъ-быть, на душѣ моего мужа есть грѣхъ, онъ всегда былъ влюбленъ въ свою дочь, — и слово „свою“ она чуть замѣтно отѣнила.—Страшное самолюбіе грызетъ всѣхъ такихъ дѣвушекъ... Воображаютъ себя гениями, а выдержки нѣтъ. И въ девятнадцать лѣтъ онѣ—старушки. Нечѣмъ любить...

— Какъ знать?—обронилъ Грубинъ.

— Я знаю,—протянула Аксамитова и повернулась къ нему всѣмъ лицомъ. — Я знаю, — повторила она безъ зазора, съ тихою улыбкой и съ нѣжнымъ румянцемъ на твердыхъ щекахъ.

Грубинъ невольно оглянулъ ее и изумился: вѣдь съ нимъ говоритъ мать взрослой дѣвицы, и сама она такъ „подло-свѣжа“,—выразился онъ мысленно,—съ такимъ блескомъ въ глазахъ, съ этою мраморною шеей и ямочками на блѣдно-розовыхъ щекахъ, чуть-чуть загорѣлыхъ.

— Марусѣ на-дняхъ минуло двадцать, — продолжала она, небрежно выговаривая эту цифру.—Черезъ годъ она уже будетъ дѣвица на возрастѣ. Правда, она мало еще выѣзжала. И это всегда выгодно для дѣвушки. Но ждать ей нечего,—добавила она вдумчивѣе и опустила слегка подведенныя рѣсницы.—Если на нее и налетитъ страсть, то гораздо позднѣе... можетъ-быть, къ тридцати годамъ, если не будетъ дѣтей.

— Стало, надо пристроиться? — вырвалось у Грубина.

— Ея талантамъ я никогда не становилась поперекъ дороги. Кто же мѣшалъ? Будь у ней дарованіе... такое... европейское... Добейся она имени... какъ поэтесса... или

на сценѣ... какъ пѣвица... даже какъ актриса... я бы не стала препятствовать, увѣряю васъ. Но вѣдь на цѣлое столѣтіе всего двѣ женщины-писательницы—Жоржъ Зандъ и Джоржъ Эллиотъ—онѣ только добились славы. И всего одна Патти и одна Сара Бернаръ. Правда? И одна Дузе?..

Грубинъ промолчалъ.

Невидимая сѣтка все еще опутывала его. Не могъ онъ рвануться и сбросить ее. И будь онъ увѣренъ въ томъ, что Маруся способна полюбить его, не захотѣлъ бы онъ и тогда говорить о своемъ чувствѣ съ этою женщиной, не сталъ бы онъ осквернять ихъ любовь прикосновеніемъ къ житейской мудрости этой уравновѣшенной гетеры.

И, въ то же время, онъ распознавалъ въ ея тонѣ заботу о Марусѣ, мягкость и терпимость женщины, думающей и о томъ, какъ бы устроить судьбу своего птенца всего разумнѣе и прочнѣе.

— Вашъ пріятель, Валерій Ивановичъ, очень милый,—сказала Любовь Ѳедоровна, переходя въ нѣсколько иной тонъ.

„Неужели онъ проболтался?“ — съ ужасомъ подумалъ Грубинъ; но тутъ же успокоилъ себя: у того не было времени, да и врядъ ли бы Голубецъ пошелъ на это послѣ ихъ разговора.

— Очень милый... Вы, кажется, смотрите на него такъ... немножко свысока? Онъ, правда, увлекается своими фантазіями... когда говоритъ объ охотѣ. Зато до-нельзя услужливъ и чрезвычайно порядоченъ въ дѣлахъ. Ему можно поручить что угодно.

„Знаю, что онъ твой фактотумъ“,—подумалъ Грубинъ, подавляя въ себѣ желаніе сказать что-нибудь ѣдкое.

Но онъ еще не понималъ, куда она клонить рѣчь.

— Поѣхалъ, по своимъ дѣламъ, на Донъ, и оттуда, чтобы только угодить мнѣ, облетѣлъ чуть не все Закавказье.

— Что жъ... развѣдки дѣлалъ... для концессій?—спросилъ Грубинъ.

— Нѣтъ! Я такими дѣлами не занимаюсь, Владиміръ Павловичъ... Онъ привезъ мнѣ очень обстоятельныя свѣдѣнія...

— О князѣ Юшадзе?

— Вы это знаете?

— Онъ мнѣ говорилъ на-дняхъ, что князь царской крови...

— Да. Это не особенно важно... Они всё тамъ, болѣе и менѣе, царской крови. Но его матеріальное положеніе... У него, въ ближайшемъ будущемъ, права на огромныя владѣнія... Чуть не цѣлое княжество. Однихъ виноградниковъ на десятки верстъ!

Грубинъ съ косою усмѣшкой поглядѣлъ на нее и спросилъ:

— Вамъ было необходимо знать, Любовь Ѳедоровна?

Она немного наклонилась къ нему.

— Вѣдь вы видите, конечно, — заговорила она, точно съ пожилымъ другомъ дома, — какъ этотъ бѣдный князь мучится... И адски ревнуетъ ко всѣмъ... и къ вамъ, пожалуй! Нужды нѣтъ, что онъ молодъ. Но онъ не мальчикъ. Ему двадцать пять лѣтъ. Такой человѣкъ, не очень дальній, но способный на преданность, вѣрный себѣ, выше всего... Это залогъ счастья... Онъ будетъ всегда влюбленъ въ женщину, а не въ ея положеніе, не въ ея богатства. Да Маруся моя и не богата совсѣмъ.

„Ты клеветашь на твою дочь, — клокотало въ груди Грубина. — Она не продастъ себя! Безъ любви она не выйдетъ за этого грузина, хотя бы у него было сто тысячъ овецъ и пятьсотъ десятинъ виноградниковъ“.

Но онъ не перебивалъ ея.

— По службѣ онъ пойдетъ не блестяще, но, навѣрное, ему дадутъ вензеля. Когда состояніе перейдетъ все къ нему, можетъ выйти въ отставку... У Маруси здоровье слабое. Выстроить себѣ два замка... одинъ — въ горахъ, тамъ, у себя, другой — на Ривьерѣ.

Глаза ея мечтательно ушли вдаль. Пышный ротъ былъ полураскрытъ.

— И все это... такъ, безъ малѣйшей любви?

Грубинъ съ усиленіемъ выговаривалъ. Губы его начали вздрагивать.

— Я уже вамъ сказала, что ей пока нечѣмъ любить. Никто ее не захватилъ, да и врядъ ли когда захватить. Я не знаю, что она ему отвѣтитъ, когда онъ станетъ рѣшительно говорить съ ней... Вы не бойтесь, Владиміръ Павловичъ, насильно мы дочь свою не выдадимъ... Отецъ всегда передъ ней на заднихъ лапкахъ, да и я позволяю, въ сущности, все, что ей только придетъ на умъ.

Когда смолкло послѣднее слово Аксамитовой, Грубинъ весъ встрепенулся.

Его стремительно потянуло къ Марусѣ, сейчасъ же: ки-

нуться къ ней, умолять ее, вызвать въ ней откликъ сердцу, гдѣ трепетало влеченіе къ молодому существу, полному тайной и чарующей прелести... Спасти ее!..

Сверху, отъ дворца, приближалась къ нимъ колышущаяся тѣнь Тараева.

XXXIX.

На каменной галлерей, у озера, въ десятомъ часу, видѣлась только одна темная фигура. Кругомъ было совсѣмъ пусто и тихо. Сумерки еще не перешли въ бѣлую ночь. Изъ-за деревьевъ выглядывалъ блѣдный обликъ луны.

Полчаса Грубинъ ходитъ взадъ и впередъ по этой галлерей и взглядываетъ то вправо, то влѣво, ища кого-то глазами на дорожкахъ, ведущихъ къ лѣстницамъ съ обѣихъ сторонъ.

Вчера онъ послалъ письмо Марусѣ съ посыльнымъ желѣзной дороги, не спрашивая себя: попадетъ ли оно прямо ей въ руки? Онъ былъ увѣренъ, что попадетъ, хотя онъ не давалъ никакихъ особенныхъ объясненій посыльному, сказалъ ему только: „письмо—барышнѣ, а не барынѣ“.

И онъ получилъ на него отвѣтъ сегодня днемъ, отвѣтъ въ одну строку: „Буду сегодня, около девяти, у галлерей“.

Онъ самъ умолялъ ее придти къ этому мѣсту Дворцового сада.

Первое письмо, набросанное имъ поздно ночью, онъ уничтожилъ. Оно было въ два полныхъ листа. Въ немъ, впервые, онъ говорилъ ей языкомъ страсти, заклиналъ не губить себя, просилъ, какъ милостыни, свиданія, гдѣ будетъ рѣшена и его судьба. Онъ не смѣлъ произнести слово „люблю“, но каждая строка выдавала его.

Къ разсвѣту онъ заснулъ и когда, утромъ, перечелъ письмо, оно его ужаснуло.

Какъ смѣлъ онъ говорить о своей любви?.. Гдѣ набрался онъ дерзости и самомпѣнія, чтобы вызывать дѣвушку, имѣвшую съ нимъ два-три разговора только о *своей* интимной жизни,—на что?—на рѣшеніе не одной его участи, но и ея собственной?

Въ мелкіе куски разорвалъ онъ письмо и, послѣ долгихъ исканій настоящаго тона, свободнаго отъ всякихъ личныхъ домогательствъ, онъ написалъ другое, короче. Онъ выплакалъ свою скорбь надъ нею, надъ ея душой, обреченной на жизнь, гдѣ все—ложь, хищничество, суетность и продажность. Онъ не употребилъ этого слова, но

она сама уже знаетъ, видить на примѣрѣ матери, какъ легко втянуться въ торговлю собою и какъ, при умѣ и красотѣ, не трудно хоронить концы, держаться на высотѣ блестящаго свѣтскаго положенія.

Что за нужда? Онъ обманывалъ себя, въ немъ самомъ кипѣла страсть, быть-можетъ, запоздалая и гибельная для него! Но предмету этой страсти онъ не лгалъ. Онъ самоотверженно взывалъ къ ея душѣ, предлагалъ всего себя не въ руководители, а въ помощники, въ слуги, въ заговорщики противъ общаго врага.

И вчера, когда онъ запечаталъ и послалъ письмо, и теперь, ходя по галлерей, Грубинъ все такъ же вѣрилъ въ то, что Маруся не можетъ быть, по духу, дочерью Любови Ѳедоровны Аксамитовой. Не хочетъ онъ признавать, что ей „нечѣмъ любить“. По пускай сердце ея молчитъ и долго будетъ молчать, — съ такимъ чувствомъ правды, съ безпощаднымъ анализомъ всего, что вокругъ нея дѣлается, съ такою строгостью къ самой себѣ, она должна быть готовой къ разрыву съ ея теперешнею жизнью.

За границей—въ Англіи, въ Германіи, во Франціи—дѣвушка, будь она и геніальнаго ума, скована тисками быта. Тамъ немыслимо, чтобы великосвѣтская родовитая барышня очутилась въ ряду трудовыхъ дѣвушекъ, порвала со всѣмъ во имя идеи... Одинъ только монастырь мыслимъ для нея.

Но у насъ?

Его память докладывала ему десятки случаевъ... Дочери сановниковъ шли въ народъ, до послѣдняго глотка воздуха, гордо и пылко исповѣдывали свою новую вѣру.

Полчаса прошли для него на галлерей въ лихорадкѣ ожиданія и въ безпрестанномъ замираніи сердца, когда справа и слѣва ему чудилось приближеніе женскаго облика.

Онъ не зналъ, съ чего онъ начнетъ свой разговоръ, какъ оправдаетъ этотъ вызовъ на свиданіе въ вечерній часъ. Вырвется ли у него вопль страсти, или онъ подавитъ его и будетъ умолять только ее не губить себя?

Безпрестанно отгонялъ онъ отъ себя мечту о возможности нѣжнаго чувства къ нему. И, все-таки, внутри его шевелилась надежда на что-то. Онъ зналъ, что эта встрѣча все рѣшить. Иначе не могло быть. Онъ слишкомъ настрадался.

Взглядъ вправо схватилъ колеблющуюся тѣнь. Стройный женскій станъ отдѣлился отъ купы кустовъ.

Ноги дрогнули у Грубина. Онъ долженъ былъ прислониться къ балюстрадѣ, почти сѣсть на нее. У него не достало силы побѣжать навстрѣчу, спуститься по лѣстницѣ.

Маруся немного ускорила шагъ, одѣтая, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ увидалъ ее въ Павловскѣ. Она опиралась на высокую палку зонтика.

Они встрѣтились на самой галлерей.

Отъ скорой ходьбы и подъема по лѣстницѣ она запыхалась.

— Простите!—прошепталъ онъ.

Она пожала ему руку, какъ всегда, очень крѣпко.

Въ глазахъ ея промелькнуло еще небывалое выраженіе.

Маруся поняла, что страсть заставила его писать ей, и взглядомъ своимъ какъ будто хотѣла о чемъ-то предупредить его, въ чемъ-то утѣшить. Такой мягкости въ этихъ умныхъ и глубокихъ глазахъ онъ еще ни разу не подмѣчалъ.

Но это его такъ смутило, что онъ только повторилъ:

— Простите!

Они стали оба, прислонившись къ балюстрадѣ. Кругомъ—садъ былъ все такъ же тихъ и пустъ.

— Вы знаете, какъ я попала сюда?—спросила Маруся, опустивъ глаза, но почти весело. — Наши собрались сегодня на вечеръ... въ Царскомъ... на garden-party. Я передъ обѣдомъ сказала, что мнѣ нездоровится. За обѣдомъ я просила меня не ждать, и если мнѣ будетъ легче, я приду пѣшкомъ, попозднѣе. И все такъ и сдѣлалось... Человѣка я оставила тамъ, у пристани...

Тутъ она подняла на него глаза и посмотрѣла все съ тѣмъ же новымъ выраженіемъ мягкости и успокоенія.

— Мое письмо дошло до васъ прямо?

— Моихъ писемъ никто не касается. Да и никому оно и не могло попасть въ руки.

— Марья Орестовна!.. Не считайте меня безумцемъ,—началъ Грубинъ, и голосъ его вздрагивалъ почти на каждомъ словѣ.

— Почему безумцемъ?

— Вы вѣрите чистотѣ моихъ побужденій?

— Очень. Но вы, кажется, испугались за меня прежде времени. Съ вами говорила мать моя...

— Вы знаете объ этомъ?

— Знаю... О содержаніи разговора догадываюсь... Пойдемте... туда... въ садъ... Мы здѣсь слишкомъ на виду.

Они спустились къ сторонѣ, противоположной той, откуда пришла Маруся.

— Со мною,—сказала Маруся, замедля шагъ,—ничего еще не произошло такого... ужаснаго. — Маруся приостановилась. — Вы боитесь, что меня... какъ это сказать... обойдутъ? Такъ вѣдь говорится по-русски?

— Вы можете шутить...

Грубинъ не досказалъ и повелъ ее дальше. Въ груди его заняла боязнь сразу испортить все. Тревога возростала въ немъ и еще какое-то ѣдкое чувство. Спокойный и полунасмѣшливый тонъ Маруси вызывалъ это.

— Вы думаете, князь Юшадзе сдѣлалъ мнѣ предложение?.. И меня толкаютъ въ его объятія?—выговорила она почти дурачливо. — Онъ очень не рѣчистъ... бѣдный князь... Правда, онъ много разъ начиналъ объясняться... И ему кажется, вѣроятно, что отвѣтъ за мною.

— Не въ князѣ тутъ дѣло, Марья Орестовна,—порывисто перебилъ Грубинъ, болѣе не владѣя собой. — Вы дошли до самаго края...

— Бездны?—все тѣмъ же спокойнымъ и слегка смѣющимся тономъ спросила Маруся.

— Выслушайте меня... Пойдемте... Умоляю васъ...

Онъ взялъ ее подъ руку и увлекать, самъ не зная куда, влѣво, по дорожкѣ, дѣлавшей частые повороты.

XL.

Отъ окружающихъ деревьевъ шла густѣющая тѣнь, и только, съ одного края, бѣлая полоса неба проникала на площадку, гдѣ ропотъ струи, падавшей въ бассейнъ, нарушалъ ночную тишь.

Они сидѣли у источника желѣзистой воды, съ бронзовою статуей дѣвы, разбившей сосудъ.

Раздѣльно звучалъ голосъ Маруси, какъ будто она сдерживала слезы; но слезъ не было на рѣсницахъ. Она низко наклонила голову и шляпа почти скрывала ее лицо.

— Не могу я бороться,—доносились до него ея слова. — Не могу. Куда я пойду?.. Она была права, когда говорила вамъ... Она знаетъ лучше меня самой... Никакой тутъ не было клеветы на меня... Отецъ преклонялся передо мной и до сихъ поръ вѣритъ въ мою гениальность... Простого таланта, но настоящаго — и того во мнѣ нѣтъ! Одна дорога передо мною—все та же!

— Какая? — спросилъ Грубинъ. — Партія? Отдать всю

себя—безъ любви, за титулъ, за состояніе... ничтожному офицеру... грузинскому князьку?.. Марья Орестовна!.. Вы знаете, какъ это называется?..

— Знаю!.. Вы скажете, это—продать себя?.. Слушайте, Грубинъ... Мы съ вами говоримъ въ послѣдній разъ... обо мнѣ, по крайней мѣрѣ. Не надо больше откровенностей. Но слушайте... Я ея дочь, поймите вы меня,—*ея*, настоящая, со всѣми *ея* инстинктами...

— Вы?!..

— Да, да... не перебивайте. Это не глупая выдумка, что теперь вы находите и въ плохихъ романахъ... Это—законъ природы. Свою волю, желѣзный характеръ она мнѣ не передала, но другое, фатальное... Я буду такая, какъ она. Эта мысль преслѣдуетъ меня второй годъ. А кончить съ собою нѣтъ храбрости... Я могла бы сказать кому-нибудь... вамъ, напримѣръ: „застрѣлите меня!“—но я этого не скажу... Ядъ уже вошелъ въ меня... Это не фраза. Я не рисуюсь и не люблю театральныхъ эффектовъ. Ядъ, по наслѣдству, въ родѣ болѣзни... Вѣдь, не всѣ застрѣливаются отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, а мучатся, презираютъ себя—и живутъ. И я буду жить, какъ она жила и живетъ. Много-много денегъ, салонъ въ Парижѣ, вила на Ривьерѣ, рулетка въ Монте-Карло, лошади, брильянты, съ каждымъ годомъ все новыя и новыя фантазіи. Она права, тысячу разъ права: мнѣ надо... поскорѣе начать; а начало—партія... Другого нѣтъ на очереди. Своего набаба она мнѣ не уступить. Онъ ей самой нуженъ, у него слишкомъ много свободныхъ милліоновъ... Да и какое же это имя—*madame* Тараева? Но вы думаете, что я уйду отъ нея, разъ надѣну на себя наолку и буду *княгиней* Юшадзе? Никогда!.. Никогда не уйду. Она будетъ мягко, чуть замѣтно направлять. Ея умъ, адское знаніе людей и жизни, жадный инстинктъ, какъ бы мнѣ выразиться... *la domination de la chair*, — все это въ ней не умретъ до самой смерти... Состарится, потеряетъ красоту; но и тогда сила будетъ въ ея рукахъ. Она меня изъ нихъ не выпуститъ... въ лицѣ своей родной дочери продлить свое дѣло...

Голосъ Маруси оборвался. Она сдѣлала движеніе головой, скорбное, почти отчаянное.

Грубинъ заохолодѣлъ. Слова любви, мольбы о счастьи не сходили съ устъ. Что-то, никогда ему невѣдомое, было у него на сердцѣ, точно онъ стоялъ на краю могильной

ямы и туда бросают безъ пощады, съ ужасающимъ безстыдствомъ, всю святыню его души и плюютъ на нее, плюютъ...

— C'est du cynisme, n'est-ce pas? — громче спросила Маруся, подняла голову и поглядѣла на него. — То, что я вамъ сказала?.. Это—только правда... И вѣрьте, каждая дѣвушка двадцати лѣтъ, изъ того міра, гдѣ я родилась и воспиталась, все знаетъ и видитъ... И если она смотритъ наивностью—она лжетъ; да нынче и нѣтъ такихъ въ нашемъ обществѣ, ни здѣсь, ни за границей. Мы друзья, я и не хотѣла вамъ лгать. Только дружба-то моя... нелѣпая! Я знаю это... Однѣ, какъ я, сознательно идуть... вы сами видите на что; другія — обманываютъ себя и кончаютъ тѣмъ же... И нельзя уйти, нельзя, слышите ли вы?.. Даже любовь, страсть не спасутъ... Придетъ минута... Le coup de foudre... Кого подставить судьба?.. Un bellâtre quelconque!.. Теноръ или торреадоръ... Все, все возможно! А жадность къ высокой жизни—вѣдь, это переводъ словъ high-life? — все будетъ глотать... до самой смерти, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ себѣ... Тѣ, у кого совѣсть совсѣмъ умерла—счастливицы!..

Она откинула голову назадъ и поглядѣла, кажется, въ первый разъ на бронзовую статую дѣвы съ разбитымъ сосудомъ.

— Грубинъ, — обликнула она, — вѣдь, это та статуя... У Пушкина есть на нее стихи. Мнѣ вашъ пріятель Голубецъ говорилъ, что вы всего Пушкина знаете наизусть. Скажите мнѣ какую-нибудь... элегію... Хорошую, очень хорошую, чтобы забыть все... Пожалуйста!

— Элегію?—машинально повторилъ Грубинъ.

И сейчасъ же стихи зазвучали у него въ головѣ. Онъ медленно началъ:

„Для береговъ отчизны дальней,
Ты покидала край чужой...“

— Да, да!.. Это чудесно!—прошептала Маруся.

„Въ часть незабвенный, въ часть печальный,
Я долго плакала надъ тобой!..“

Грубинъ не могъ продолжать. Голосъ оборвался на плачущей нотѣ. Онъ зарыдалъ глухо, жалобно, опустилсѣ на колѣни и голова его упала на складку ея платья.

Маруся протянула къ нему руки. Онъ схватилъ и сталъ порывисто, безъ счету, цѣловать. Его вздрагивающія губы силились выговорить:

— Сжальтесь!.. Простите!.. Потерять вась... Лучше смерть! И себя не губите... Для любви все возможно... Дорогая!

Она не вырывала своихъ рукъ, блѣдная и трепетная.

Когда смолкнулъ новый приступъ глухихъ рыданій Грубина, Маруся проговорила еще рѣже и тише:

— Мнѣ нечѣмъ любить; она права, Грубинъ... Вамъ связать свою судьбу съ моею... это идти на позоръ! Я виновата передъ вами, довела васъ вотъ до чего... Но я не завлекала васъ... Нѣтъ! И все-таки такъ вышло... Оттого, что у меня тамъ, внутри—ея кровь и ея мозгъ... все ея, а не мое собственное... Сядьте, пожалуйста.

Онъ послушно приподнялся и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Прощайте, Грубинъ. Мнѣ давно пора на garden-party... Не провожайте меня... Прошу васъ... Если вамъ непріятно—не бывайте у насъ. Уѣзжайте... вамъ надо было на воды. Встрѣтимся мы черезъ годъ, черезъ два—бѣгите отъ меня. Это похоже на фразу изъ устарѣлаго романа... Пускай! Я знаю, что я права.

Маруся встала, оправила свой туалетъ, протянула руку, дотронулась до его плеча, прошептала: „Прощайте, другъ!“—и пошла неторопливо вверхъ по дорожкѣ.

Ничего не чувствуя и не понимая, сидѣлъ онъ все на томъ же мѣстѣ, — сколько? — можетъ-быть, часъ, можетъ-быть, и больше.

Свѣжесть блѣдной ночи стала ощутительна на его открытомъ лбу. Шляпа лежала на землѣ.

Въ душѣ уже не было острой боли. Онъ какъ бы забылъ о себѣ, о запоздалой страсти, прорвавшейся вотъ сейчасъ, тутъ, у ногъ дѣвушки, ушедшей отъ него на вечеръ, гдѣ ее ожидала какая-то модная „garden-party“.

Изумленіе владѣло имъ, неиспытанное, ужасающе-новое. Неужели это было у себя дома, на родинѣ? Съ нимъ прощалась русская дѣвушка?.. Тѣни Татьяны, Лизы, Елены витали надъ нимъ. Не была ли это грѣза? Или, быть-можетъ, и тѣ чистыя тѣни—только бредъ художниковъ-чародѣевъ?

Слезы, тихія и крупныя, потекли по заолодѣлымъ щекамъ. Онъ оплакивалъ гибель души, обрекающей себя лютому чудовищу, накинущему на все царство женской прелести свои скользкія, но несокрушимыя лапы...

ПРОЪЗДОМЪ.

(повѣсть.)

I.

— Когда поставленъ этотъ памятникъ?—спросилъ баринъ, сильно за сорокъ лѣтъ, въ свѣтломъ пальто, у стоявшаго съ нимъ молоденькаго студента въ сюртукѣ, въ очкахъ, по всѣмъ признакамъ, только что надѣвшаго форму.

— Который?—переспросилъ его студентъ и застѣнчиво оправилъ очки.

— Да вотъ! — и баринъ указалъ на памятникъ Ломоносова черезъ рѣшетку двора новаго университета на Моховой.

— Не могу вамъ сказать.

Студентикъ неловко взялъ вбокъ и удалился торопливою походкой.

„Хорошъ,—подумалъ баринъ,—этого не знаетъ даже“.

Да и памятникъ вызвалъ въ немъ пренебрежительное движеніе тонкихъ, безкровныхъ губъ.

Вадимъ Петровичъ Стагинъ былъ дурень собою: сухое тѣло, сутуловатость при очень большомъ ростѣ, узкое лицо съ извилистымъ длиннымъ носомъ, непомерно долгія руки, шершавая, съ просѣдью, борода и желтоватые глаза, обведенные красными вѣками.

Одѣвался онъ по-заграничному, носилъ высокую цилиндрическую шляпу, бѣлый фуляръ на шеѣ, свѣтлое, англійскаго покроя, пальто и башмаки съ гетрами на

толстыхъ подошвахъ. Онъ упирался на палку съ серебрянымъ матовымъ набалдашникомъ.

Теперь онъ шелъ домой, на Покровку. Сейчасъ заходилъ въ Румянцевскій музей, такъ, отъ бездѣлья, — не отыскалъ ни переулка, ни даже дома, гдѣ, по его соображенію, долженъ былъ проживать его пріятель и товарищъ по университету Лебедянцевъ.

На памятникъ Ломоносова Стягинъ посмотрѣлъ еще, пристально и съ оттянутой книзу губой, — мина, являвшаяся у него часто.

„Это полуштофъ какой-то! — мысленно выговорилъ онъ. — Что за пьедесталь! Настоящій полуштофъ съ пробкой... Точно въ память того, что русскій геній сильно выпивалъ!..“

Недобрая усмѣшка искривила ротъ Стягина, и онъ пошелъ развихленною походкой, гнулся на ходу и началъ вертѣть палкой.

Стоялъ чудесный сентябрьскій день послѣ дождливаго, холоднаго времени, захватившаго Стягина на желѣзной дорогѣ.

Несмотря на погоду, Вадимъ Петровичъ чувствовалъ въ ногахъ какое-то необычное жжение и колотье, которыя мѣшали ему идти скорѣе.

Вообще онъ былъ въ брезгливо-раздражительномъ настроеніи. Эта Москва и сердила, и подавляла его. Онъ попалъ сюда по пути въ деревню изъ-за границы, гдѣ проживалъ — съ рѣдкими возвращеніями въ Россію — почти всю свою жизнь, съ молодыхъ годовъ, съ той эпохи, какъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ.

Никогда еще, попадая сюда, не испытывалъ онъ такого брезгливо-раздраженнаго чувства къ этому городу, ко всему своему, „руссопѣтскому“, какъ онъ выражался и вслухъ, и про себя.

Онъ пріѣхалъ „ликвидировать“, продать свой домъ на Покровкѣ, стоявшій второй годъ безъ жильцовъ, продать имѣніе, въ крайнемъ случаѣ, сдать его въ аренду.

Надо будетъ ѣхать въ имѣніе, если онъ поладитъ съ однимъ изъ арендаторовъ. Все это скучно, несносно и его поддерживаетъ только то, что, такъ или иначе, онъ покончитъ, и тогда всякая связь съ Россіей будетъ порвана, никакого повода возвращаться домой... Надоѣло ему выше всякой мѣры дрожать за паденіе курса русскихъ бумажекъ. Одинъ годъ получишь пятьдесятъ тысячъ фран

ковъ, а другой и сорока не выйдетъ... Свободныя деньги онъ давно перевелъ за границу, купилъ иностранныхъ бумагъ и полегоньку играетъ ими на парижской биржѣ.

Въ Парижѣ у него годовая квартира, особнякъ съ садикомъ, въ Пасси. Онъ держитъ свою кухарку и грума, ѣздитъ верхомъ на собственной лошади, выписанной изъ Россіи, потому что у насъ онъ втрое дешевле.

Онъ не холостой и не женатый, живетъ на два дома; но вотъ, послѣ ликвидаціи своихъ дѣлъ, можно будетъ построить свой собственный коттеджъ въ окрестностяхъ Парижа и зажить домкомъ, покончить съ своею полухолостю жизнью...

Но когда это будетъ?.. Въ Россіи все такъ тянется, кредиту нѣтъ, денегъ нѣтъ, всякія сдѣлки съ ужасными проволочками.

„Отвращеніе!“—вскричалъ Вадимъ Петровичъ, про себя, все сильнѣе раздражаясь на Москву.

Его взглядъ остановился на двухъэтажномъ домѣ около манежа, гдѣ когда-то помѣщался знаменитый студенческій трактиръ „Великобританія“.

Неужели и онъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда изъ подростка-барчонка превратился въ студента, надѣлъ треуголку и воткнулъ въ портупею шпагу, любилъ этотъ городъ, этотъ университетъ, увлекался вѣрой въ „возрожденіе“ своего отечества, ходилъ на сходки, бывавшія въ палисадникѣ позади зданія стараго университета?

Да, все это онъ продѣлывалъ. Участвовалъ даже въ исторіи, въ схваткѣ съ мастеровыми, тамъ, гдѣ-то далеко, около Яузскаго моста, гдѣ стоитъ церковь,—кажется, она во имя архидіакона Стефана?

Прошли года. Порвались и всякія родственныя узы. Родители умерли, родственниковъ онъ не долюбивалъ, сохранилъ только почтительное чувство къ бабушкѣ; она пережила его мать и отца; отъ нея ему достался домъ на Покровкѣ и капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

И вся его связь съ Москвой сводилась къ нѣсколькимъ домамъ изъ дворянскаго общества, да къ товарищу по факультету, Лебедянцеву, чудаку, изъ разночинцевъ, съ которымъ онъ готовился къ экзаменамъ и ходилъ на охоту... Товарищи дворянскаго круга разбрелись. Кое-кто живетъ и въ Москвѣ, но все такъ, на его взглядъ, по-

гзупѣли и одошлѣли, несутъ такой противный патріотическій вздоръ...

Врядъ ли онъ къ кому-нибудь изъ нихъ и поѣдетъ въ этотъ прїѣздъ.

Да вотъ и Лебеяднцева онъ не могъ отыскать. Адресъ онъ затерялъ, думалъ найти на память; изъ-за потери адреса и не предупредилъ его письмомъ изъ Парижа. Надо будетъ посылать въ адресный столъ.

Вадимъ Петровичъ подходилъ къ Охотному ряду и завернулъ книзу по Тверской. Куда онъ ни смотрѣлъ—овсюду металась ему въ глаза московская улично-рыночная сутолока; рѣзкіе цвѣта стѣнъ, церковныя главы, иконы на лавкахъ, вдали Воскресенскія ворота съ голубымъ куполомъ часовни и съ толпой молящихся; протянулись мимо него грязныя, выкрашенныя желтою и красною краской линейки съ пѣвчими и салопниками, ѣхавшими съ какихъ-нибудь похоронъ... Слѣва отъ него—онъ шелъ правѣе по тротуару—провели, посрединѣ, двухъ арестантовъ съ тузами на сѣрыхъ халатахъ, а два конвойные солдата въ обшарханныхъ и пожелтѣлыхъ мундирахъ смотрѣли такъ же похмуро и жалко, какъ и колодники. Извозчики съ покосившимися дрожками, ободранные, на клячахъ, пересѣкали ему дорогу, когда онъ поднимался вдоль Историческаго музея на Красную площадь.

Сверху стѣны Кремля башни, золотыя луковичы соборовъ высились надъ нимъ, какъ нѣчто чуждое, полуварчарское, смѣсь византійщины съ татарскою ордой.

„Это Европа?—спрашивалъ онъ себя.—Это находится въ одной части свѣта съ Парижемъ, Лондономъ, Флоренціей?.. Allons donc! Это—Ташкентъ, Бухара, Средняя Азія!“

И ему не казались банальными его возгласы. Онъ въ этотъ прїѣздъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ въ себѣ западнаго европейца, со всею безпощадною требовательностью челоуѣка, извѣрившагося въ свое отечество, принужденнаго поневолѣ проживать тутъ, въ этой псевдо-Европѣ, не потрудившейся даже хорошенъко принарядиться.

Онъ шелъ мимо полуразрушеннаго Гостиного двора и желѣзныхъ временныхъ лавокъ, и усмѣшка пренебреженія и постоянного недовольства не сходила съ его губъ.

Въ тѣлѣ онъ ощущалъ странное утомленіе, но взять извозчика не хотѣлъ. Ему противно было сѣсть въ гряз-

няя дрожки, толкаться изъ стороны въ сторону по отвратительной мостоной.

Еще схватишь какую-нибудь заразительную болѣзнь. На извозчикахъ перевозятъ тифозныхъ мастеровыхъ и мужиковъ.

— Ну, городъ!—выговорилъ Стягинъ и ускорилъ шагъ по Варваркѣ.

II.

Вадимъ Петровичъ проснулся поздно, съ головною болью и ломомъ въ ногахъ. Онъ спалъ въ обширномъ, нѣсколько низковатомъ кабинетѣ мезонина. Нижній этажъ его дома стоялъ теперь пустой. Въ мезонинѣ долго жилъ даромъ его дальній родственникъ, недавно умершій. Съ тѣхъ поръ мезонинъ не отдавался въ наемъ и служилъ для пріѣздовъ барипа.

Просторный покой смотрѣлъ уютно, полный мебели, астамповъ по стѣнамъ, съ фигурнымъ письменнымъ бюро. Всей мебели было больше тридцати лѣтъ; нѣкоторыя вещи отзывались даже эпохой двадцатыхъ годовъ—изъ красного дерева съ бронзой. Въ кабинетѣ стоялъ и особенный запахъ стараго барскаго помѣщенія, гдѣ жила всегда холостяки. Ничто и въ остальныхъ комнатахъ,—ихъ было еще три и ванная,—не говорило о присутствіи женщины.

Лежа на турецкомъ диванѣ, служившемъ ему постелью, Стягинъ оглядывалъ кабинетъ глазами, помутнѣлыми отъ мигрени и лома въ обоихъ колѣнахъ. Солнечныя полосы весело пересѣкали стѣну, пробиваясь изъ-подъ темныхъ шторъ, но онѣ его не веселили.

Вчера остальной день его прошелъ такъ же безвкусно, какъ и утро. Тотъ господинъ, который велъ съ нимъ переписку по дѣлу аренды, не явился, заставилъ себя прождать. Передъ обѣдомъ зашелъ Стягинъ къ тремъ барынямъ, на Сивцевомъ-Вражкѣ и на Поварской. Двухъ не было еще въ Москвѣ—не возвращались изъ деревни; третья такъ постарѣла, обрюзгла, несла такой претенціозный и н дурно пахнувшій патріотическій вздоръ, что его чуть физически не затошнило. Въ клубѣ онъ приказалъ записать себя на имя одного барина, котораго тоже не оказало тамъ. За обѣдомъ онъ не встрѣтилъ ни души знакомой. Противъ него, за столикомъ, громко жевали какіе-то москвичи непріятнаго для него вида: не то дворяна-

щіеся разночинцы, не то адвокаты, смахивавшіе на артельщиковъ. Ихъ дурная манера ѣсть, ихъ смѣхъ, прибаутки, выраженіе лицъ, — все ему было противно и мѣшало ѣсть. Да и аппетита не было. Онъ находилъ все жирнымъ, тяжелымъ, варварскимъ.

Вечеръ провелъ онъ въ театрѣ, въ одномъ изъ частныхъ театровъ, гдѣ то, что давали на сценѣ, казалось ему тусклою и тягучею повѣстью въ лицахъ, съ неизбѣжнымъ пьянымъ разночинцемъ, говорящимъ грубости во имя какой-то правды. Публика возмущала его еще больше пьесы и актеровъ. Она смѣялась отъ пошлыхъ остротъ и кривляній актеровъ, вызывала безтактно и безцеремонно, послѣ каждаго ухода, своихъ любимцевъ; въ антрактахъ шаталась по фойе, поглощала водку, курила такъ, что изъ буфета дымъ проникалъ въ коридоры и ходилъ густыми волнами. Къ концу спектакля что-то до-нельзя ординарное, грубое и глупое начало душить его. Онъ почти съ ужасомъ спрашивалъ себя въ антрактахъ: „Неужели я могъ бы скоротать свой вѣкъ среди такой культуры, не будь у меня средствъ жить, гдѣ я хочу?“

А вѣдь это могло очень и очень случиться. Вонъ его товарищъ Лебедянцева прокопѣлъ же двадцать слишкомъ лѣтъ въ этой Москвѣ!

И теперь, лежа на турецкомъ диванѣ, подъ своимъ дорожнымъ одѣяломъ, Вадимъ Петровичъ и во рту ощущалъ горечь отъ вчерашняго дня, въ особенности отъ театра съ его фойе, буфетомъ и курилкой. Никогда и нигдѣ публичное мѣсто такъ не оскорбляло его своимъ бытовымъ букетомъ.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, стоявшій на табуретѣ. Ему прислуживалъ дворникъ, добродушный и глуповатый малый, по имени Капитонъ, ходившій неизмѣнно въ пестрой вязаной фуфайкѣ и въ короткомъ пальто, которое онъ совершенно серьезно называлъ „спинжакъ“.

И Стягину это слово казалось символическимъ. Онъ находилъ, что „спинжакъ“ царить по всей этой Москвѣ, да и всюду, по всему его отечеству. Спинжакъ и смазные сапоги, косой воротъ или вязаная фуфайка, гармоника и сороковушка водки, зубоскальство, ругань, безплодное умичанье, нахальное обличенье всего, на что позволено плевать, и никакого серьезнаго отпора, никакого чувства достоинства, желанія и возможности отстоять какое-нибудь свое право.

Красное, круглое лицо Капитона, обросшее на щеках и подбородкѣ скорѣ пухомъ, чѣмъ волосами, показалось въ дверяхъ.

— Тепло на дворѣ?

— Не дуже, Вадимъ Петровичъ, а припекаетъ солнышко.

— Подай мнѣ газеты и завари чай! Я буду пить въ постели.

— Сію минуту.

Отъ смазныхъ сапогъ Капитона пахло ворванью. Этотъ запахъ преслѣдовалъ Стагина повсюду и даже не покидалъ его обонятельныхъ нервовъ тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ сапогъ. Но у Капитона другой обуви не было.

Дворникъ принесъ сначала газеты и сказалъ, кашлянувъ въ руку:

— Левонтій Наумычъ пришли... Когда прикажете позвать?.. Они тамъ, въ передней.

— Пусть подождетъ.

— Слушаю-сь.

Левонтій—старый дворецкій его родителей, бывшій одно время его дядькой. Теперь онъ въ одной изъ московскихъ богадѣленъ, куда Вадимъ Петровичъ помѣстилъ его лѣтъ пять тому назадъ.

Газеты, поданныя Капитономъ, произвели въ Вадимѣ Петровичѣ новый наплывъ раздраженія. Онъ сталъ просматривать пестро напечатанные столбцы одного изъ мѣстныхъ листковъ и на него пахло съ нихъ точно изъ подворотенъ гдѣ-нибудь въ Зарядѣ или на Живодеркѣ. Тонъ полемики, остроуміе, задоръ нечистоплотныхъ сплетенъ, липкая пошлость всего содержимаго вызвали въ немъ тошноту и усилили головную боль.

— Этакая мерзость!—вскричалъ онъ и бросилъ газетный листокъ на коверъ.—Что это за городъ! Что это за люди, что за троглодиты!—громко закончилъ онъ и сильно позвонилъ.

Показались опять красныя щеки Капитона съ бѣлыми подбородками.

— Позови Левонтія.

— Слушаю-сь.

Вадимъ Петровичъ зналъ впередъ, что Левонтій будетъ жаловаться на свое богадѣленное житіе и что ему надо будетъ дать пятирублевую ассигнацію. Когда-то онъ любилъ его говоръ и весь тонъ его рѣчи, отзывавшейся

старымъ бытомъ дворовыхъ; находилъ въ немъ даже извѣстнаго рода личное достоинство, воспоминалъ разные случаи изъ своего дѣтства, когда Левонтій былъ приставленъ къ нему. До сихъ поръ онъ, полусутливо, не иначе зоветъ его, какъ „Левонтій Наумычъ“.

— Батюшка, Вадимъ Петровичъ! — раздался уже шамкающій голосъ Левонтія.

Онъ вошелъ въ дверь неслышными шагами, точно будто на немъ были туфли или валенки. Старикъ, средняго роста, смотрѣлъ еще довольно бодро, брился, но волосы, густые и курчавые, получили желтоватый отливъ большой старости. На немъ просторно сидѣло длинное пальто, въ родѣ халата, опрятное, и шея была повязана бѣлымъ платкомъ.

— Здравствуйте, Левонтій Наумычъ! — привѣтствовалъ его Стягинъ и поднялся съ постели.

— Ручку пожалуйста!

Левонтій скорыми шагами устремился къ рукѣ, но Вадимъ Петровичъ не допустилъ его до этого.

— Какъ поживаете, Левонтій Наумычъ? Книжки божественныя почитываете? Чаекъ попиваете?

Побалагурить со старикомъ попрежнему Вадиму Петровичу не захотѣлось. Левонтій сразу напомнилъ ему, какъ много ушло времени, сколько ему самому лѣтъ и какъ эта Москва полна для него покойниковъ. И безъ того вчера, проходя по Молчановкѣ, онъ насчиталъ цѣлыхъ пять домовъ, для него выморочныхъ. Всѣ въ нихъ перемерли, и теперь живутъ тамъ какіе-нибудь „обыватели“, — слово, принимавшее въ его устахъ особенно презрительную интонацію.

Такъ точно и Левонтій, съ его запахомъ лампаднаго масла, не то отъ волосъ, не то отъ его балахона, обдавалъ его кладбищемъ.

— Надолго ли, батюшка? — шамкалъ Левонтій, наклонясь надъ нимъ.

— Да какъ дѣла. Хочу покончить совсѣмъ.

— Какъ, батюшка?.. Виновать... на одно-то ухо туговать сталъ я.

— Приѣхалъ все продать, — выговорилъ громко Вадимъ Петровичъ, и ему точно захотѣлось нанести старику чувствительную несправедливость, сообщить ему объ этомъ безповоротномъ рѣшеніи — ликвидировать и распрощаться съ родиной.

— Домъ изволите продавать?

Вопросъ Левонтія вылетѣлъ почти съ испуганнымъ вздохомъ.

— И домъ, и деревню, если хорошій покупатель найдется.

— И вотчину?.. Батюшка!.. Какъ же это возможно!..

Глаза старика сразу покраснѣли и двѣ слезы покатались изъ нихъ по розоватой, точно восковой щекѣ.

— Затѣмъ и пріѣхалъ,—все такъ же громко и какъ бы злобно повторилъ Стагинъ.

— Господи!

„Разрѣшится старикашка,—проворчалъ про себя Вадимъ Петровичъ,—и пойдеть причитывать!“

— Нечего дѣлать, Левонтій Наумичъ, такіе у васъ порядки, что зря, безъ всякаго смыслу, только разоряешься... Цѣнъ ни на что нѣтъ, домъ пустой стоитъ, бумажки ваши скоро до четвертака дойдутъ... Слышали объ этомъ?

— Охъ Ты, Господи!.. Это точно, батюшка, все въ умаленіе пришло... Скучость!.. А все-таки... домъ продать... Папенька-маменька... дѣденька-бабенка — всѣ жили... Опять же вотчина... усадьба... ранжереи, ананасницы...

— Вотъ что вспомнилъ!.. Отъ ананасовъ теперь и навоза-то не осталось...

— Вотчина — дѣдина,—продолжалъ старикъ тономъ тихаго причитанья, отъ котораго Стагину дѣбалось еще тошнѣе.

— Мало ли что!—почти гнѣвно вскрикнулъ онъ.

Левонтій отошелъ смиренно къ двери.

III.

Дверь шумно растворилась.

— Лебедянцевъ!.. Ты, братъ?.. — удивленно окликнулъ Вадимъ Петровичъ.

Онъ не столько обрадовался пріятелю, сколько удивился, что тотъ нашелъ его. Послѣ вчерашней неудачи съ отыскиваніемъ его переулка и дома, Стагинъ хотѣлъ сегодня утромъ посылать за справкой въ адресный столъ.

— Небось удивленъ, что я первый тебя нашелъ?.. Хе-хе!

Лебедянцевъ—небольшого роста, блондинъ, съ жидкою порослью на сдавленномъ черепѣ, въ очкахъ, съ носомъ

въ видѣ пуговки и съ окладистою бородой, очень небрежно одѣтый, засмѣлся высокимъ, скрипучимъ смѣхомъ.

— Здравствуйте, Левонтій... какъ, бишь, по батюшкѣ?..— обратился онъ тотчасъ же къ старику.

— Наумычъ, батюшка, Наумычъ... Покорно благодарствую... Скриплю-съ, грѣшнымъ дѣломъ, скриплю-съ.

— Крѣпись, старче, до свадьбы доживешь!.. Ну, ты, Вадимъ Петровичъ, хорошъ... нечего сказать. Чтò бы черкнуть словечко изъ Парижа, или хотъ бы депешу прислать съ дороги!

— Да и адресъ твой затерялъ,—оправдывался съ гримасой Стягинъ.—Ваши московскіе дурачкіе переулки...

— Нечего, братъ!.. Ну, поздороваемся хотъ! Вотъ фижигусть-то! Все кряхтитъ да морщится.

— Позволь, позволь, я еще не умытъ!

— Экая важность!

Пріятель звонко поцѣловалъ его два раза.

— Да какъ же ты-то узналъ о моемъ пріѣздѣ?— все еще полунедовольно спросилъ Стягинъ.

— Видѣлъ тебя вчера издали... Кричу... на Знаменкѣ это было... ты не слышишь, лупишь себѣ внизъ и палкой размахиваешь... Другой такой походочки нѣтъ во всей имперіи... Вотъ я и объявился... Заѣхалъ бы вчера, да занятъ былъ до поздней ночи.

Тотъ Лебедянцева въ этотъ разъ ужасно коробилъ Вадима Петровича.

„Какъ охамился!“—подумалъ онъ и собрался вставать съ постели.

— Левонтій Наумычъ, подождите... тамъ, въ передней.

— Слушаю-съ, батюшка... Да вамъ не угодно ли чего?.. Умыться подать? Я съ моимъ удовольствіемъ...

— Нѣтъ, не надо.

Старикъ тихонько выползъ изъ полуотворенной двери.

— Умываться попрежнему будешь?—задорно и какъ-то прыская носомъ, спрашивалъ Лебедянцева, ходя быстро и угловато передъ глазами Вадима Петровича.

— Послушай, Дмитрій Семелычъ,—остановилъ его Стягинъ,—не арпантируй ты такъ комнату.

— Чтò?

Лебедянцева расхохотался.

— Повтори!.. Какъ ты сказать... арпан... арпант... Это по-каковски?

— По-французски!—сердито крикнулъ Стягинъ.—Са-

дись, пожалуйста, и кури... если желаешь... А мнѣ позволъ умыться.

— Сдѣлайте ваше одолженіе! Вотъ пѣтушится! Все такая же брюзга!

Стягинъ откинулъ совсѣмъ одѣяло, опустилъ ноги съ гримасой, хотѣлъ подняться и вдругъ схватился за одно колѣно.

— Ай!.. — вырвалось у него, и онъ опять поднялся. — Не могу!

— Чего не можешь? — смѣшливо спросилъ Лебедянцевъ.

— Ахъ Ты, Господи! Развѣ ты не видишь? Не могу встать! Колотье!

— Разотри суконкой!

— Суконкой! — почти передразнилъ Стягинъ и началъ тереть себѣ оба колѣна.

Гримаса боли не сходила съ его некрасиваго, въ эту минуту побурѣвшаго лица.

Съ трудомъ всталъ онъ на ноги, потомъ одѣлся въ свой фланелевый заграничный *coin de feu* и,ковыляя, прошелъ черезъ кабинетъ въ темную комнатку, гдѣ стоялъ умывальный столъ.

— Ты ревматизмъ или подагру нажилъ, что ли? — крикнулъ ему вдогонку Лебедянцевъ.

„Типунъ тебѣ на языкъ!“ — выбранился Стягинъ про себя, волоча одну ногу. Ходить было можно, но въ правомъ колѣнѣ боль не стихала, совсѣмъ для него новая. Лебедянцевъ болталъ зря: ни ревматизмомъ, ни подагрой онъ не обзаводился.

Умыться онъ долженъ былъ наскоро. Стоячее положеніе поддерживало боль съ колотьемъ въ самую чашку праваго колѣна. И въ лѣвой ногѣ ныло.

— Этакая гадость! — повторялъ Стягинъ, умываясь.

— Какая погода была по дорогѣ? — крикнулъ ему Лебедянцевъ.

— По какой дорогѣ? — все съ возрастающимъ раздраженіемъ переспросилъ Стягинъ.

— Ну, по Германіи, что ли, до границы?

— Сырая, мерзкая.

— Печось въ спальномъ ѣхалъ?

— Въ *sleeping-car*, — назвалъ Стягинъ по-англійски.

— Поздравляю! Вѣрнѣйшее средство схватить здоровый ревматизмъ. Поздравляю!

— Глупости говоришь! — огрызнулся Стягинъ.

Боль не давала ему покоя. Опъ, черезъ силу, докончилъ свое умыванье и вернулся къ постели хромая.

— Не глупости! — задорно возразилъ Лебедянцева. — Вѣрнѣйшее средство, говорю я тебѣ. Не зѣсь же ты схватилъ эту боль!.. Ты посмотри, какая у насъ погода стоитъ! Что твоя Ницца!

— Въ вашей вонючей Москвѣ, — заговорилъ, все сильнѣе раздражаясь, Стягинъ, — развѣ есть возможность не заразиться чѣмъ-нибудь? Что это за клоака! Такихъ уличныхъ запаховъ я въ Неаполѣ не слыхалъ... И естественно-теплая погода только вызоветъ какую-нибудь эпидемію.

— Сыпной тифъ ужъ есть... и скарлатина!..

— Чему же ты радъ?.. У тебя дѣти есть, а ты хохочешь!.. Это, братъ, Богъ знаетъ, что за...

Вадимъ Петровичъ хотѣлъ кинуть слово „идіотство“, но удержался, да и въ правое колено ужасно сильно кольнуло. Онъ застоналъ и прилегъ на постель.

— За докторомъ пошли, если приспичило.

Лебедянцева опять заходилъ по комнатѣ, скрипѣлъ сапогами и перебиралъ то правымъ, то лѣвымъ плечомъ, съ покачиваніемъ головы.

Стягину захотѣлось крикнуть ему: „Да убирайся ты отъ меня!..“ — но онъ только продолжалъ тихо стонать.

— Мнителенъ ты непомѣрно... Избаловался тамъ у себя, въ Парижѣ...

— Замолчи, пожалуйста! — перебилъ Стягинъ пріятеля и порывисто позвонилъ.

Показалось бритое лицо Левонтія.

— Что прикажете, батюшка? Капитонъ-то отлучился на минутку... Чаю прикажете заварить?

— Въ аптеку надо послать, — простоналъ Стягинъ и добавилъ въ сторону Лебедянцова: — *compresse échauffante* — всего лучше...

Левонтій приблизился къ дивану и заботливо спросилъ:

— Ножки нешто схватило вдругъ?

— Ножки!.. Ха-ха! — прыснулъ Лебедянцева.

— Колотье, батюшка? — продолжалъ спрашивать Левонтій. — Такъ первымъ дѣломъ въ баньку и нашатырнымъ спиртомъ...

— Въ баньку! — опять прыснулъ Лебедянцева.

Пріятель дѣлался просто невыносимымъ. Вадимъ Петровичъ съ усиленіемъ приподнялся и выговорилъ:

— Послушай, Лебедянцева! Въмѣсто того, чтобы глупости говорить, ты бы лучше съѣзди за докторомъ... Есть у тебя знакомый—не мерзавецъ и не дубина?

— Есть. Въ большомъ теперь ходу.

Лебедянцева сказалъ это посерьезнѣе, но тотчасъ же прежнимъ тономъ добавилъ:

— А Левонтій Наумычъ дѣло говорить: въ баньку!.. Чего тутъ лѣчиться!

— Поѣзжай, я тебя прошу.

— Изволь, изволь!.. Вотъ приспичило! Я хотѣлъ толкомъ разспросить тебя...

— Послѣ, послѣ! Заверни, когда освободишься... Ты на службѣ?

— На вольнонаемной.

— Ну, и прекрасно!

Говорить Стягину было тяжело. Онъ съ трудомъ пожалъ руку пріятеля и сейчасъ же схватился за правое колѣно.

Левонтій проводилъ Лебедянцева въ переднюю и вернулся къ барину.

— Раздѣлись бы, батюшка,—шамкалъ онъ.—Позвольте я, чѣмъ ни то, ножки-то разотру... Капитушу и въ аптеку спосылаемъ. Мыльнаго спирту бы, коли нашатыря нежелательно...

Старикъ довольно ловко началъ Вадима Петровича раздѣвать.

Его услуги и старческій разговоръ были гораздо пріятнѣе Стягину, чѣмъ присутствіе Лебедянцева съ прыскающимъ смѣхомъ, рѣзкостями и всѣмъ московскимъ прибаутчнымъ тономъ пріятеля.

Капитона послали въ аптеку за камфарнымъ спиртомъ и клеенкой,—такъ приказалъ самъ Стягинъ,—а Левонтій смастерилъ изъ полотенца и носового платка холодную припарку къ правому колѣну. Онъ же заварилъ и подалъ чай.

Боль не проходила, но Стягинъ старался лежать спокойно. Во всемъ тѣлѣ чувствовалъ онъ жаръ и зудъ; голова болѣла на какой-то особенный, ему непонятный манеръ. Онъ даже не допилъ поданнаго стакана чая.

Старикъ стоялъ у дверей и покашливалъ въ руку.

— Сидьте, сидьте, Левонтій Наумычъ,—сказалъ ему Стягинъ, раскрывъ глаза.

— Постою, батюшка.

— Въ передней... посидите... Я позволю.

Вадима Петровича начинало брать раздраженіе и на бывшего своего дядьку. Страхъ заболѣть серьезно въ этой противной для него Москвѣ началъ охватывать его и дѣлалъ самую боль еще жутче.

IV.

Въ кабинетѣ стоитъ хмурый полусвѣтъ. На дворѣ слякоть, моросить и собирается идти мокрый снѣгъ.

Вадимъ Петровичъ, полуодѣтый, сидитъ на кушеткѣ съ ногами, окутанными тяжелымъ фланелевымъ одѣяломъ.

Четвертый день онъ боленъ, и боленъ не на шутку. Голова свѣжѣе и въ тѣлѣ онъ не ощущаетъ большой слабости, но въ обоихъ колѣнахъ, особенно въ правомъ, образовалась опухоль, да и вся правая нога опухла въ сочлененіяхъ, и боль въ ней не проходила, временами, по ночамъ и днемъ, усиливалась до нестерпимаго нытья и колотья.

Лебединцевъ доставилъ своего пріятеля-доктора—„восходящую звѣзду“, какъ онъ его называлъ. „Звѣзда“ эта Вадиму Петровичу совсѣмъ не понравилась. Онъ нашелъ его грубымъ семинаристомъ, даже просто глупымъ, небрежнымъ, съ ненужными шуточками надъ самой медициной, а, главное, непомерно дорогимъ. Этой „звѣздѣ“ уже платили двадцать пять рублей за визитъ, и Лебединцевъ предупредилъ его, что расчитать его меньше, чѣмъ по двадцати рублей, нельзя.

— Да это возмутительно!—кричалъ Стягинъ.—Даже по нашему отвратительному курсу это выходитъ пятьдесятъ франковъ такому болвану, когда въ Парижѣ Шарко можно дать два золотыхъ!..

— Ничего не подѣлаешь! Въ Москвѣ гонорары купецкіе!

— Все изгажено въ твоей вопючей Москвѣ! Дворяне, чиновники, трудовые люди—всѣ нищіе, а какому-нибудь лѣкарю-оболтусу плати двадцать пять рублей, потому что съ лабазниковъ и чаепродавцевъ можно брать сколько влѣзеть.

И теперь, сидя на кушеткѣ съ опухлыми колѣнами, Вадимъ Петровичъ раздраженно думалъ о докторѣ, о его визитѣ, о бесплодности, быть-можетъ, созывать консилиумъ и платить другимъ „звѣздамъ“ уже не лиловенькія, а радужныя.

Все разстроила эта внезапная болѣзнь, которую его

врачъ до сегодня хорошенько не опредѣлилъ. Не то это острый ревматизмъ сочлененій, въ чистомъ видѣ, не то подагра. Но двинуться нельзя, о поѣздкѣ въ деревню нечего и думать. А сколько придется лежать? Кто это знаетъ?

Осень надвигается, холодная и мокрая. Такого рода болѣзнь, навѣрное, затянется.

Не могъ онъ до сихъ поръ и переговорить съ тѣмъ арендаторомъ, который писалъ ему въ Парижъ и долженъ былъ явиться сегодня. Онъ его не знаетъ, справиться о немъ не у кого было, да болѣзнь и не давала передышки въ эти первые дни. Сегодня въ правой ногѣ жженіе какъ будто поутихло. Надо воспользоваться утреннимъ часомъ, когда вообще бываетъ полегче, и принять этого господина.

Зовутъ его Федоръ Давыдовичъ Граць. Кто онъ—еврей или нѣмецъ, шведъ или просто настоящій русскій, носящій нерусскую фамилію? Вадимъ Петровичъ знаетъ про него только то, что этотъ господинъ арендуетъ имѣнія въ разныхъ уѣздахъ губерніи, а, можетъ, и въ нѣсколькихъ губерніяхъ, рекомендовался въ письмахъ, какъ человѣкъ съ капиталомъ, и просилъ обратиться за справками къ одному генералу и даже къ „свѣтлѣйшему“ князю, у которыхъ арендуетъ имѣнія. Полежаевку, деревню Стягина, онъ зналъ хорошо; это видно было по его письмамъ.

Сегодня надо его принять.

Стягинъ позвонилъ.

Изъ двери высунулось бритое лицо Левонтія.

Изъ богадѣльни онъ временно перебрался къ барину и, несмотря на свои большіе годы, оказался очень полезнымъ. Вадимъ Петровичъ не могъ выносить глупаго голоса и запаха сапогъ дворника Капитона. Тотъ употреблялся только для посылокъ, въ комнаты его не допускали; но у Левонтія хватало ловкости и расторопности дѣлать припарки, укутывать ноги больного, укладывать его въ постель. Лебединцевъ предлагалъ сидѣлку, но больной протестовалъ.

— Русская сидѣлка!.. Потная, грязная... Покорно благодарю!.. Лучше нанять лакея.

Лакея еще не нашлось подходящаго. Левонтій справлялся со всѣмъ одинъ и былъ этимъ чрезвычайно доволенъ.

— Провѣтрить бы воздухъ,—сказалъ ему Стягинъ.

— Форточку, батюшка, опасно открывать. Нешто укусомъ немножко продунить...

— Ну, хоть укусомъ.

Только Левонтій не вызывалъ въ немъ раздраженія. Съ нимъ онъ мирился, какъ съ единственнымъ существомъ, у котораго былъ „стиль“, какъ онъ мысленно выражался, воспитанность стараго двороваго и нелицемѣрное добродушіе.

Левонтій черезъ четверть часа подалъ ему на подносѣ карточку.

Это былъ арендаторъ.

— Проси! — сказалъ Вадимъ Петровичъ, приободрившись, но когда хотѣлъ перемѣнить положеніе правой ноги, то чуть не вскрикнулъ отъ боли.

Вошелъ человѣкъ, еще молодой, рослый, въ родѣ отставнаго военнаго или агента какой-нибудь заграничной фабрики, рыжеватый, съ курчавыми волосами и усами, торчавшими вверхъ, очень старательно одѣтый. Въ булавкѣ его свѣтлаго галстука блестѣлъ брильянтъ. Свѣжесть его щекъ и пріятную округлость бритаго подбородка сейчасъ же замѣтилъ Стягинъ.

— Имѣю честь представиться! — сказалъ арендаторъ, остановившись посерединѣ комнаты, и по-военному раскланялся, стукнувъ сдвинутыми каблуками. — Прошу великодушно извинить — не могъ явиться на той недѣлѣ, принужденъ былъ скоропостижно отлучиться изъ города.

Говорилъ онъ жестко и отчетливо, но не московскимъ говоромъ.

Стягинъ пригласилъ его, ослабѣвшимъ голосомъ, присѣсть къ кушеткѣ и пожаловался на свою внезапную болѣзнь, мѣшающую ему и теперь съѣздить въ усадьбу.

— Да это не существенно, Вадимъ Петровичъ, — замѣтилъ арендаторъ. — Я ваше имѣніе знаю какъ свои пять пальцевъ.

— Однако, — возразилъ Стягинъ, — мнѣ самому нужно бы освѣжить...

Онъ не могъ досказать отъ боли и сдѣлалъ гримасу.

— Вамъ нездоровится? — спросилъ арендаторъ неискреннимъ тономъ.

— Да, вотъ напасть налетѣла въ этой тошной Москвѣ...

— Припадокъ подагры?

— Не знаю-съ, — отвѣтилъ Стягинъ. — И московскій хваленый аскуланъ не сумѣлъ еще опредѣлить...

Боль отошла. Стягинъ воспользовался минутами передышки и приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ.

— Какъ только поправлюсь,—началь онъ,—я побываю въ деревнѣ. Вы будете въ тѣхъ же краяхъ всю осень?

— Обязательно. Уѣзжаю отсюда дня черезъ два, черезъ три.

— Инвентарь вамъ извѣстенъ... Я отдаю и усадьбу въ полное ваше пользованіе.

— У меня четыре помѣщичьихъ дома, — улыбувшись возразилъ арендаторъ.

— Вы можете отдавать на лѣто. Усадьба въ пяти верстахъ отъ желѣзной дороги.

— Какъ случится!

Тонъ господина Града все менѣе и менѣе нравился Вадиму Петровичу. Когда дѣло дошло до опредѣленія суммы, онъ самъ ее не обозначилъ сразу, а спросилъ, съ желаніемъ сдѣлать уступку, какая будетъ рѣшительная цѣна арендатора.

Тотъ покачалъ головой, выпятилъ губы и оправилъ галстукъ.

— Не меньше шести лѣтъ?—спросилъ господинъ Грацъ.

— Хоть десять, хоть двѣнадцать!

— Для меня достаточно и шести.

И, сжавъ губы характернымъ движеніемъ, арендаторъ небрежно посмотрѣлъ вбокъ и выговорилъ съ разстановкой:

— Первые три года—по пяти тысячъ, послѣдніе три—по тысячѣ рублей прибавки: шесть, семь и восемь.

— Пять тысячъ!—почти закричалъ Стягинъ, и отъ этого нервнаго возгласа его боль совсѣмъ стихла; онъ пересталъ чувствовать, что у него распухли колѣна.

— Такъ точно!

— Да вы комикъ!

Онъ не могъ не употребить это безцеремонное выраженіе, и если бы не удержался, то просто крикнулъ бы господину Грацу: „пошли вонъ!“

— Можетъ-быть,—отвѣтилъ тотъ, нисколько не смутившись. — Это прекрасная цѣна. Вамъ извѣстно, что цѣна земель пала чрезвычайно.

— Только не арендная!

— И арендная также. Мужики разбираютъ по хорошей цѣнѣ, но при крупныхъ сдачахъ какая же гарантія и какая будущность самаго имѣнія? Вѣдь это хищническое истощеніе почвы—и больше ничего! Цѣны на хлѣбъ пали до смѣшного. Я второй годъ не продаю ни ржи, ни пшеницы.

— Но вѣдь вы мнѣ предлагаете одну треть того, что я могу получить.

— Сомнѣваюсь. Не получите и десяти, если и сами станете хозяйничать. А вы вѣдь желаете ликвидировать свои дѣла.

— Кто вамъ это сказалъ? — задорно возразилъ Стигинъ.

— Вы, въ одномъ письмѣ изъ Парижа, сами изволили выразить это желаніе.

Вадимъ Петровичъ выбранилъ себя, весь покраснѣлъ и тутъ только опять почувствовалъ въ обоихъ колѣнахъ зудъ и жженіе.

— Все равно! — выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ, — Такая цѣна невозможна!

„А если никто не будетъ давать больше, — спросилъ онъ себя вслѣдъ за тѣмъ, — что ты станешь дѣлать? Продавать за безцѣнокъ имѣніе?“

И онъ успѣлъ отвѣтить себѣ: „лучше продать“.

— Торговаться я не имѣю привычки, — выговорилъ съ усмѣшкой арендаторъ. — Найдете болѣе выгодную аренду — желаю полного успѣха.

— И какова страна! — вскричалъ Вадимъ Петровичъ. — До сихъ поръ нѣтъ ипотеки! Все Европа имѣетъ ипотеки, а мы не додумались. Тамъ на все опредѣленная, извѣстная цѣна. Какъ калачъ купить... А у насъ...

— То Еврона, а то мы! — шутливо сказалъ арендаторъ и положилъ ногу на ногу.

— Это... это...

Возвращеніе сильнѣйшей боли прервало его возгласъ.

V.

Стигину захотѣлось выгнать вонъ господина Граца, выместить на немъ неудачу своей поѣздки, надвигающуюся нелѣпую болѣзнь, безтолочь всѣхъ русскихъ порядковъ, общее безденежье, паденіе кредита, скверную валюту, отсутствіе цѣнъ на хлѣбъ, неимѣнье ипотеки.

Если бъ не приходъ доктора, онъ не могъ бы воздержаться отъ выходки. Самая наружность арендатора дѣлалась ему невыносимой, и его франтоватость, брильянты на галстукѣ, прическа, цвѣтъ и покрой панталонъ.

Докторъ вошелъ въ самую критическую минуту, — грузный, рослый, еще не старый, съ лицомъ приходскаго дьякона и съ такимъ же басовымъ хрипомъ. Двубортный

сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшковато. Во всей фигурѣ было пѣчто увѣренное въ себѣ самомъ и невоспитанное.

— Это вы что выдумали?—заговорилъ опъ тономъ безцеремонной шутки.—Вамъ лежать, батенька, слѣдуетъ, а ноги-то у васъ чортъ знаетъ въ какомъ положеніи...

Онъ подошелъ къ кушеткѣ и положилъ широкую ладонь на колѣни Стигина.

Тотъ закричалъ:

— Осторожниѣ, докторъ!

— Вонъ вы какая недотрога-царевна! Такъ бы и говорили...

Арендаторъ взялся за шляпу и проговорилъ своимъ деревяннымъ голосомъ:

— Мы сегодня во всякомъ случаѣ не покончимъ... Позвольте просить увѣдомить меня, когда вамъ будетъ удобнѣе. Только предупреждаю, что больше четырехъ дней не могу остаться въ Москвѣ.

— Прощайте, прощайте!—кинулъ ему Стигинъ почти такъ же болѣзненно, какъ онъ принялъ доктора.

— Мое почтеніе!—сказалъ арендаторъ, сдѣлавъ общій поклонъ, и опять, по-военному, слегка пристукинулъ каблуками.

Но, оставшись съ докторомъ, Стигинъ почувствовалъ себя безпомощнымъ и подавленнымъ этою плотною семинарскою фигурой. Докторъ былъ ему противнѣе, чѣмъ арендаторъ. Съ тѣмъ можно было прекратить разговоръ и выпроводить, а этого надо выносить, да еще ждать отъ него выздоровленія.

— Сами-то вы не сможете перебраться на диванъ? — спросилъ докторъ.

Стигинъ позвонилъ. Левонтій сталъ у двери, поглядывая разомъ и на доктора, и на барина.

— Ты, старичище, сможешь ли подъ мышки его взять?

Вопросъ доктора рѣзнулъ Стигина по нервамъ. Слово „его“ въ особенности показалось ему безцеремоннымъ.

„Этакое грубое животное!“ — выбранился про себя Вадимъ Петровичъ и съ оханьемъ сталъ подниматься самъ съ кушетки.

— Подъ мышки! Подъ мышки бери! — приказывалъ Стигинъ.

Но руки Левонтія задрожали отъ натуги; онъ взялъ барина подъ мышки, потянулъ къ себѣ, но Стигинъ сдѣлалъ неловкое движеніе, и старикъ выпустилъ его.

Раздался острый крикъ. Въ правомъ колѣнѣ нестерпимо зажгло.

— Вонъ какъ заголосилъ! Ну, такъ оставайтесь тутъ, коли такъ...

— Оставьте меня въ покоѣ!—продолжалъ гнѣвно кричать Стягинъ.

— Я бы съ моимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ все такъ же безцеремонно докторъ,—не у меня лихая болѣсть приключилась, а у васъ...

— И вы ее даже опредѣлить не можете! — крикнулъ Стягинъ, переставшій церемониться съ докторомъ.

Онъ его сравнивалъ съ парижскими извѣстностями, къ которымъ обращался нѣсколько разъ. Тѣ, быть-можетъ, и шарлатаны, и деньгу любятъ, но формы у нихъ есть, декорумъ, уваженіе къ своей наукѣ и къ страданіямъ пациентовъ. А у этого кутейника ничего, кромѣ грубости и зубоскальства не только надъ больнымъ, но даже и надъ своею наукой, которую онъ ни въ грошъ не ставитъ, рисуется этимъ и цинически хапаетъ деньги за визиты и консилиумы.

— А вамъ легче отъ этого станетъ? Съ діагнозомъ вотъ такъ голосить будете или безъ діагноза—одна сласть!

Докторъ говорилъ это, сидя на краю кушетки и раскрывая ноги Вадима Петровича, укутанныя фланелевымъ одѣяломъ.

— Пожалуйста, осторожниѣ!.. У васъ руки холодныя!..

На этотъ возгласъ больного докторъ не обратилъ вниманія и только скосилъ свой широкій ротъ въ усмѣшку полного пренебреженія къ привередливости заѣзжаго барина.

Онъ осмотрѣлъ обѣ ноги, и его толстые, жесткіе пальцы начали ощупывать опухоль колѣна. Вадимъ Петровичъ крѣпился, когда докторъ трогалъ колѣно лѣвой ноги, но прикосновеніе къ правому заставило его крикнуть и схватить за руку доктора.

— Будьте осторожниѣ! У васъ не руки, а лапы! — закричалъ онъ, не сдерживая себя. — Вамъ четвероногихъ лѣзчить, а не порядочныхъ людей!..

Въ глазахъ доктора блеснуло желаніе оборвать привередника, но онъ только всталъ, широко развелъ руками и отошелъ къ столу, гдѣ положилъ передъ тѣмъ свою котиковую шапку.

— Этакъ, баринъ, неистовствовать нельзя-съ, — глухо

выговорилъ онъ. — Въ Парижѣ, небось, прыгаете передъ каждымъ штукаремъ-шарлатанишкой, а здѣсь ругаться изволите!.. Имѣю честь кланяться!

Въ эту минуту вошелъ Лебедянцева. Левонтій, впустившій его, заглянулъ опять въ дверь, испуганный крикомъ Вадима Петровича.

— А, дружище! — встрѣтилъ докторъ Лебедянцева. — Вашъ пріятель изволилъ меня сейчасъ коноваломъ обозвать... Я къ такимъ фасонамъ не привыкъ! Мы въ Москвѣ хоть и лыкомъ шитые, однако, и у насъ есть своя амбиція...

— Что такое, что такое? — тревожно пожимаясь, спрашивалъ Лебедянцева, переходя отъ доктора къ больному.

— Левонтій! — крикнулъ Стагинъ, — укутай мнѣ ноги! Что это за варварство... все разворотить и оставить меня такъ.

Хныкающіе звуки голоса показывали, что Стагина совсемъ уже забирала болѣзнь.

Левонтій бросился укутывать ему ноги. Лебедянцева задержалъ доктора у дверей и шопотомъ сталъ упрашивать его не сердиться на больного.

— Видите, какъ приспичило!.. Поневолѣ бѣлугой запоешь! — говорилъ онъ, прерывая себя короткимъ смѣхомъ, который доходилъ до слуха Стагина и еще болѣе гнѣвилъ его.

— Мало ли что!.. Посылайте за кѣмъ хотите! Я не буду ѣздить, — отрѣзалъ докторъ и шумно взялся за ручку двери.

И въ передней Лебедянцева продолжалъ упрашивать его прислать кого-нибудь изъ своихъ ординаторовъ.

— Нѣтъ, батенька, — доносился до Стагина хриплый басъ, — посылайте за кѣмъ хотите. Надо этихъ парижскихъ-то мусьяковъ учить.

И скрипучіе, тяжелые шаги слышались внизъ по старой деревянной лѣстницѣ.

— Что же это, Вадимъ Петровичъ? Постыдись, братецъ! Изъ-за своего бабьяго нервничанья лишился такого врача!

Стагинъ не далъ пріятелю докончить.

— Молчи! — крикнулъ онъ на него. — Этого кутейника я видѣть не могу! Только у васъ въ Москвѣ могутъ терпѣть подобныхъ неотесанныхъ дубинъ!

— Ну, и валяйся!

— И буду валяться. Не трогай! — крикнулъ онъ на Ле-

вонтія.—Не умѣешь! Господи! сидѣлку мнѣ надо, больше никого!.. И той не найти въ этомъ ужасномъ городѣ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что не найти? — обидчиво возразилъ Лебедянцевъ. — Ты не просилъ достать. Да и сидѣлка ни одна не вытерпитъ, — такъ ты дуришь!..

— Послушай, Лебедянцевъ, — больной выпрямился и сидѣлъ блѣдный, обливаясь потомъ, пересиливая боль, — послушай! Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ этого костоправа, подлѣкаря? Развѣ можно выносить его тонъ? И ты его пріятель!.. Онъ тебѣ говоритъ: дружище! Это твои пріятель!.. Вотъ до чего ты опустился!.. Ты миришься со всею этою грубостью, со всѣмъ этимъ доморощеннымъ свинствомъ!

— Не ругайся, — перебилъ его Лебедянцевъ. — Приѣхалъ сюда, такъ надо ладить съ нами. Небось, вотъ съ острымъ ревматизмомъ въ Парижъ не перелетишь!

— Молчи, молчи! Вы здѣсь меня уморите; смотрѣть на васъ, слушать васъ — мочи нѣтъ!

И опять вся неудача его поѣздки въ Москву, арендаторъ, трудность ликвидировать свои дѣла, внезапная болѣзнь, перспектива долгаго лежанья наполнили его горечью и злостью.

— Дуришь! Точно истерическая бабенка! Противно и мнѣ слушать, — выговорилъ Лебедянцевъ и спросилъ вслѣдъ за тѣмъ: — На диванъ тебя перенести, что ли?

Вадимъ Петровичъ хотѣлъ что-то гнѣвное отвѣтить, но отъ боли закричалъ благимъ матомъ и впалъ въ обморокъ.

Левонтій ахнулъ и отъ испуга заметался. Лебедянцевъ заставилъ его перенести больного на постель, и оба начали приводить его въ чувство.

— Вотъ такъ натура, вотъ такъ натура! — повторялъ Лебедянцевъ, тыча ему въ носъ склянку съ какимъ-то спиртомъ.

VI.

Вторую недѣлю лежитъ Вадимъ Петровичъ, уже не на диванѣ, а на кровати, за пирмами. Его болѣзнь, послѣ острыхъ припадковъ, длившихся нѣсколько дней, перешла въ періодъ менѣе мучительный, но съ разными новыми осложненіями.

Лѣчитъ его другой докторъ, Павелъ Степановичъ. Онъ знаетъ его только по имени и отчеству; узнать фамилію

не полюбостествовалъ. Павелъ Степановичъ ладить съ нимъ. У него добродушное, улыбающееся лицо коренного москвича, веселые глаза, ласковая рѣчь, въ манерахъ мягкость и порядочность. Онъ умѣетъ успокоить и лѣчить, не кидаясь изъ стороны въ сторону, любитъ объяснять ходъ болѣзни, но дѣлаетъ это такъ, чтобы больной, слушая такіа объясненія, не смущался, а набирался бодрости духа.

Бодрости еще очень мало въ душѣ Вадима Петровича. Всего больше удручаетъ его постоянное лежанье. Въ груди онъ тоже сталъ ощущать боль и смертельно боится, что у него не ревматизмъ, а подагра, которая подбирается къ сердцу,—и тогда конецъ.

Но не столько о смерти думаетъ онъ, сколько рвется вонъ изъ Москвы, изъ Россіи, и какъ только ему получше и онъ можетъ собираться съ мыслями, онъ шепчетъ: „Ликвидация!“

Ликвидировать свои дѣла! Но какъ это сдѣлать? Арендатора онъ упустилъ. Другихъ жди. Покупщиковъ на домъ тоже надо подыскать, не продешевить. Домъ не заложенъ нигдѣ, что, по теперешнему времени, большая рѣдкость. Заложить и бросить, чтобы онъ стоялъ безъ дохода и только отягощалъ его бюджетъ ежегодными платежами процентовъ?

Болѣзнь затягивается такъ отъ погоды — кислой, безъ солища, чисто-петербургской; а потомъ пойдутъ морозы, нельзя будетъ носу показать на улицу, чтобы не схватить рецидива. Пошлютъ на югъ. Вся зима пропадетъ даромъ и надо будетъ опять пріѣзжать сюда, ѣхать въ имѣніе, искать арендатора, искать покупателей на домъ.

Сегодня Вадимъ Петровичъ проснулся, попробовалъ вытянуть правую ногу, испугался боли отъ малѣйшаго пеловкаго движенія и застылъ въ неподвижномъ положеніи.

Въ комнатѣ игралъ уже свѣтъ на изразцовой печкѣ. Верхъ ея виденъ ему изъ-подъ ширмы. Свѣтъ пробился въ боковую скважину между шторой и краемъ рамы. Но больному захотѣлось, чтобы штору подняли. Онъ позволилъ слабою, сильно похудѣвшею рукой.

Теперь за нимъ, кромѣ Левонтія, ходилъ еще мальчикъ, Митя, отысканный дворникомъ, изъ какихъ-то учениковъ, смысленный и опрятный. Старикъ такъ и остался при больномъ баринѣ, раздражалъ его своею медленностью и

шамканьемъ, но, минути, трогалъ своею преданностью.

Вошелъ Митя, черноволосый паренекъ лѣтъ четырнадцати, въ короткомъ пиджакѣ. Опъ, по распоряженію Левонтія, носилъ темныя валенки, чтобы не издавать никакого шума. Стягинъ велѣлъ ему приподнять штору въ среднемъ окнѣ и подать себѣ умыться. Онъ долженъ былъ умываться въ постели, обтиралъ себѣ лицо и руки полотенцемъ, смоченнымъ въ водѣ съ уксусомъ. Митя упрямлялся около него ловко, и больной ни разу на него еще не закричалъ.

— Вѣра Ивановна пришла? — спросилъ мальчика Стягинъ, послѣ того, какъ онъ, съ его помощью, перебрался на диванъ, куда ему Левонтій подавалъ чай. Это передвиженіе онъ могъ себѣ позволить не каждый день.

— Никакъ нѣтъ, еще не приходили.

Лебедянцевъ нашелъ ему чтицу, Вѣру Ивановну Федюкову. Она дня два исполняла и обязанность сидѣлки, когда, ночью, дѣлались съ нимъ припадки и надо было часто мѣнять компрессы и безпрестанно давать лѣкарство. Теперь она приходитъ по утрамъ и остается цѣлый день.

Вадимъ Петровичъ не сразу согласился на приглашеніе этой „дѣвы“, какъ онъ называлъ ее про себя; требовалъ простую сидѣлку. Лебедянцевъ долго убѣждалъ его, говоря, что Вѣра Ивановна будетъ вдвойнѣ полезна, что она ходила за больными, дѣвушка простая и безъ малѣйшихъ претензій, да, вдобавокъ, хорошая чтица на трехъ языкахъ.

— По-французски, ужъ извини, парижскаго акцента у ней не окажется, — говорилъ Лебедянцевъ, — а читаетъ прилично и толково.

Лебедянцевъ съ Вадимомъ Петровичемъ ни въ какіе споры не вступалъ, больше не говорилъ ему съ хихиканьемъ: „вотъ натура!“ — и находилъ, что лѣченіе идетъ успѣшно.

По утрамъ, во время питья чаю, — кофе докторъ не позволялъ больному, — Вадимъ Петровичъ слушалъ чтеніе газетъ.

Ровно въ десять приходила его чтица.

— Который часъ? — спросилъ Стягинъ мальчика.

— Безъ четверти десять.

— Чаю!..

На диванѣ ему пріятнѣ лежать, чѣмъ на кровати, гдѣ столько пришлось выстрадать и столько приходило це-

чальныхъ мыслей. Сегодня ему гораздо лучше, нѣтъ женья и колотья въ полости сердца, и правою ногой онъ можетъ полегоньку двигать.

Вадимъ Петровичъ оправилъ свой домашній костюмъ, причесался передъ ручнымъ овальнымъ зеркаломъ и завязалъ на шеѣ бѣлый фуляръ.

Чтица, въ первые два дня, стѣсняла его. Онъ совсѣмъ отвыкъ отъ русскихъ женщинъ, особенно отъ такихъ, какъ эта Вѣра Ивановна. Гораздо лучше было бы ему имѣть дѣло просто съ грамотною сидѣлкой, а эта—изъ „интеллигентныхъ“—такъ отрекомендовала ее Лебедянцева. Онъ и теперь еще не нашелъ съ ней настоящаго тона и ни о чемъ ее не спрашиваетъ. Ему какъ будто досадно за то, что она ухаживала за нимъ двѣ ночи, что онъ при ней нервничалъ, плохо выносилъ приступы боли. Той интимности, какая устанавливается между больнымъ и женщиной, ухаживающею за нимъ, онъ не искалъ. Но она такъ себя держитъ, что ему нечего особенно стѣсняться, читаетъ не тихо и не громко, грамотно, выговариваетъ очень пріятно. Во всемъ существѣ этой чтицы есть что-то мягкое, непритязательное и порядочное, на особый ладъ.

Вчера Вадимъ Петровичъ невольно сравнивалъ ее съ француженками. Двадцать слишкомъ лѣтъ провелъ онъ въ обществѣ совсѣмъ другихъ женщинъ. Тѣ до сихъ поръ кажутся ему единственными существами женскаго пола, въ которыхъ есть хоть что-нибудь интересное, способное вызывать въ мужчинѣ хоть минутный интересъ.

И какъ эта Вѣра Ивановна не похожа на ту парижанку, что осталась тамъ, въ Парижѣ, дожидать его возвращенія изъ Москвы! Она желала ѣхать съ нимъ въ Россію, но онъ отклонилъ это. Ей просто захотѣлось имѣть надъ нимъ контроль на случай ликвидаціи его дѣлъ.

Связь ихъ длится около десяти лѣтъ. Онъ чувствуетъ, что ему не избѣжать отправленія въ мерію, какъ только минуетъ срокъ для нея, послѣ развода съ первымъ мужемъ, вступить въ новый бракъ. Во Франціи раньше трехъ лѣтъ кельзя; но въ Россіи онъ могъ бы обвиняться съ нею, въ крайнемъ случаѣ, и теперь.

Недѣлю тому назадъ, когда болѣзнь схватила его такъ внезапно и сильно, Лебедянцева телеграфировала ей отъ его имени, и она дала отвѣтную депешу, что выѣзжаетъ немедленно. Вадимъ Петровичъ послалъ вчера новую те-

леграмму—удержалъ ее отъ поѣздки, извѣщалъ, что чувствуетъ себя лучше и общалъ въ письмѣ подробно разсказать ей ходъ болѣзни.

Эту вторую депешу онъ послалъ опять черезъ Лебединцева. Тому извѣстна была его связь; но они о ней никогда не переписывались, да и здѣсь не говорили.

Сегодня надо было продиктовать письмо въ Парижъ. Самъ онъ еще не владѣлъ настолько правой рукой, — въ сочлененіяхъ была еще опухоль, — чтобы написать большое письмо. Лебединцевъ французскимъ языкомъ владѣлъ плохо и врядъ ли когда ему приходилось написать десять строкъ подъ диктовку.

Надо попросить Вѣру Ивановну. Она должна правильно писать, судя по тому, какъ она читаетъ. Вадима Петровича затруднялъ не вопросъ о ея знаніи французскаго языка. Ему не хотѣлось вводить эту дѣвушку въ свою интимную жизнь. Положимъ, можно употреблять вездѣ мѣстоименіе „вы“ и называть свою сожительницу „шопаміе“, что онъ и дѣлаетъ при постороннихъ въ разговорѣ. Но, все-таки, онъ испытывалъ нѣкоторую неловкость.

Письмо слѣдуетъ продиктовать сегодня же. Необходимо въ-время предупредить Леонтину и настоять на томъ, чтобы она не пріѣзжала сюда. Онъ жалѣлъ и о томъ, что первая его депеша была такая малодушная. Дѣло идетъ, кажется, къ лучшему, да если бъ и явилось осложненіе, теперь за нимъ есть хорошій уходъ.

VII.

Чтица и добровольная сидѣлка Вадима Петровича и на этотъ разъ пришла ровно въ десять часовъ, хотя жила въ Плетешкахъ, на Разгуляѣ.

Ея рослая фигура, когда она отворяла половинку дверей, въ неизмѣнномъ темномъ платьѣ, показалаась Стягину гораздо стройнѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни. Ея густые, золотистые волосы были красиво причесаны. Лицо, нѣсколько полное, съ пріятнымъ оваломъ, короткимъ носомъ и большими сѣрыми глазами, тихо улыбалось, какъ бы безъ словъ говорило привѣтствіе больному.

Вадимъ Петровичъ подумалъ:

„Почему я ее находилъ неуклюжею и некрасивою?.. Она очень видная особа...“

Федюкова держала подъ мышкой двѣ газеты. Она ихъ покупала по дорогѣ.

— Доброго здоровья, Вадимъ Петровичъ,—выговорила она низкимъ, слегка вздрагивающимъ голосомъ. — Я съ холода, позвольте мнѣ здѣсь посидѣть, я отсюда и читать могу.

— Чаю хотите? — спросилъ Стягинъ, какъ дѣлалъ это каждый разъ.

Этотъ вопросъ о чаѣ начиналъ ихъ утро. Съ такими обязательными фразами Стягину было ловчѣе. Вѣра Ивановна не говорила ничего лишняго и какъ бы дожидалась всегда вопроса, но тонъ ея отвѣтовъ онъ находилъ очень порядочнымъ и звукъ ея голоса не раздражалъ его.

Онъ зналъ, что она ему скажетъ, входя: „добраго здоровья, Вадимъ Петровичъ“, и уходя: „всего хорошаго“ — чисто-московскую поговорку, которую, еще въ его студенческіе годы, употребляли многіе изъ товарищей.

Левонтій самъ подавалъ Федюковой чай, всякій разъ кланялся ей на особый манеръ и тихо выговаривалъ:

— Здравствуйте, матушка-барышня!

Онъ съ нею ладилъ. При ней онъ становился расторопнѣе, даже ночью. Въ ту ночь, когда Стягину было особенно тяжело, Вѣра Ивановна показала, какъ она умѣетъ ходить за больнымъ, какой у ней ровный характеръ и сколько находчивости.

— Барышня первый сортъ!—доложилъ о ней Левонтій барину, улучивъ минуту. — Даромъ, что изъ нынѣшнихъ. Одначе не стрижется и вокругъ себя опрятна, и души отнѣнной... это сейчасъ, батюшка, видно.

Левонтій подалъ Федюковой чай. Она развернула одинъ изъ газетныхъ листовъ, принесенныхъ съ собою.

— Вѣра Ивановна, — окликнулъ Стягинъ и поправилъ на шеѣ фуляръ.

— Что угодно?

Голосъ ея положительно нравился ему, и сдержанно-мягкая манера говорить. Онъ думалъ въ эту минуту о своей парижской подругѣ и необходимости продиктовать письмо къ ней, и ея голосъ—картавый, вѣчно хриплый—послышался ему очень отчетливо. И какъ могъ онъ выносить его больше десяти лѣтъ?

Этотъ вопросъ заставилъ его гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ говорилъ, отвѣтить чтичѣ:

— Вы потрудитесь прочитать мнѣ однѣ депеши... Остального текста пока не надо!

— Очень хорошо, Вадимъ Петровичъ.

И звукъ, какимъ она произносила его имя, правилъ ему сегодня больше, чѣмъ въ предыдущіе дни.

Депеши были скоро прочитаны и показались крайне неинтересными: все больше про какія-то безвкусныя пренія въ венгерскомъ сеймѣ и о предстоящихъ поѣздкахъ какихъ-то коронованныхъ особъ.

— Вѣра Ивановна, — остановилъ чтиду Стягинъ, — у меня къ вамъ есть просьба...

— Что прикажете?

— Васъ не затруднитъ написать письмо подъ мою диктовку?

— Съ удовольствіемъ.

Она взглянула на него съ выраженіемъ полной готовности; но въ ея взглядѣ не было ничего заискивающего. Въ этой дѣвушкѣ чувствовалось большое внутреннее достоинство.

— Только это... по-французски, — сказалъ онъ осторожно.

— По-французски, — повторила она и немного задумалась. — Боюсь, будутъ ошибки...

— Это не важно!

— Письмо не офиціальное?

— Нѣтъ, нисколько!.. Чисто-дружеское...

Вадимъ Петровичъ немного запнулся...

— Попробую... Вы не взыщите...

— Почеркъ у васъ разборчивый?

— Кажется.

— Это главное.

И мысленно онъ добавилъ:

„Можно такъ продиктовать, что она не догадается, къ кому обращено — къ мужчине или къ женщинѣ, а потому я карандашомъ выведу въ началѣ письма: „Ma chère amie“.

Вѣра Ивановна сѣла къ письменному столу и открыла дорожный бюроаръ Стягина, гдѣ лежали листки матовой бумаги и конверты съ его монограммой.

— Я готова, Вадимъ Петровичъ, — выговорила она и обмакнула перо.

Стягинъ весь подобрался и немного даже покраснѣлъ. Онъ искалъ первую фразу письма.

— Je vous annonce, chère amie, — началъ онъ и тотчасъ прервалъ себя.

Слова „chère amie“ вылетѣли непроизвольно, и это сильно раздосадовало его. Онъ ихъ произнесъ съ чисто-французскою отчетливостью — протянулъ послѣдній слогъ въ словѣ „amie“, съ удареніемъ на „е“. Ясно стало, что онъ пишетъ женщинѣ.

— Chère amie, — повторила Вѣра Ивановна. — Я написала...

Было уже бесполезно искать какихъ-нибудь уловокъ. Это его успокоило, и онъ продолжалъ диктовать. Федюкова, конечно, могла подумать, что онъ пишетъ своей возлюбленной и сожительницѣ, — она знала, что онъ не женатъ, — но въ тонѣ его письма ничего не было такого, чего бы нельзя написать близкой знакомой или родственницѣ.

Вадимъ Петровичъ нѣсколько разъ повторилъ въ письмѣ, что ѣхать ей въ Россію нѣтъ теперь надобности, что ему лучше, и онъ надѣется, черезъ двѣ-три недѣли, быть въ Парижѣ. Диктовалъ онъ съ умышленною медленностью, и Федюкова нѣсколько разъ говорила, поворачивая голову въ его сторону:

— Есть!

Когда письмо было кончено, Вадимъ Петровичъ сказалъ чтицѣ:

— Адресъ послѣ...

Ему не хотѣлось, чтобы она узнала имя, фамилію и адресъ той женщины.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ онъ съ удареніемъ и весь вытянулся.

Въ ногахъ онъ чувствовалъ маленькую неловкость, но общимъ своимъ состояніемъ былъ сегодня особенно доволенъ.

— Теперь читаемъ еще немного, если вы не устали, Вѣра Ивановна.

— Нисколько!

Она взяла опять газету. Стягивъ опустилъ голову на подушку и закрылъ глаза. Русское чтеніе вслухъ, отъ котораго онъ отвыкъ, вызывало въ немъ дремоту, не достаточно будило его мозгъ.

— Вѣра Ивановна! — остановилъ онъ ее. — А если бы вы читали мнѣ по-французски?

— Охотно, Вадимъ Петровичъ, да не знаю, какъ вамъ нравится мое произношеніе. Вы — парижанинъ, и я такъ не сумѣю произносить, какъ вы.

Она тихо разсмѣялась.

— Вы хорошо читаете!.. Вонъ тамъ, на столѣ, книжка въ зеленоватой обложкѣ... Извините, что это будетъ для васъ суховато немножко.

— Вотъ эта?—спросила Федюкова и показала ему, съ мѣста, книжку въ зеленоватой обложкѣ.

И, поглядѣвъ на заглавіе, она выговорила, какъ бы про себя:

— По психологiи... Это очень интересно...

— Имя автора вамъ извѣстно? — спросилъ осторожно Стягинъ.

— Да... Я читала его другія вещи... въ такомъ же родѣ...

Федюкова выговорила это съ опущенными рѣсницами, серьезно, безъ всякой рисовки.

— Вы интересуетесь психологiей? — спросилъ Стягинъ оживленно.

— Очень. Только новыя книги трудно доставать, а покупать... для меня дорого... Вы позволите начать?

— Сдѣлайте одолженіе!

Выговоръ ея былъ слишкомъ мягкій, но приличный. Она дѣлала ошибки въ выговариваніи гласныхъ, и звукъ фразъ выходилъ русскій. Но въ общемъ онъ оставался доволенъ и очень былъ радъ тому, что она владѣетъ французскимъ языкомъ гораздо больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

Нѣкоторые термины заставляли Федюкову останавливаться, и она спрашивала ихъ объясненія, но это случилось рѣдко.

И послѣ каждаго объясненія, которое нисколько не утомляло его, Вадимъ Петровичъ обращался мысленно къ той, кому онъ продиктовалъ письмо.

Та до сихъ поръ чужда всякаго научнаго интереса. Для нея серьезная книга только „un bouquin“. Она находитъ пустымъ занятіемъ чтеніе всякихъ такихъ „bouquins“ и смотритъ на него, какъ на лѣнтяя, не знающаго, какъ занять свои досуги. Когда ему случалось заболѣвать въ Парижѣ, она еле-еле способна была прочитать ему нѣсколько столбцовъ изъ „Figaro“, и ея чтенія—картаваго, трескучаго и малограмотнаго—онъ почти не выносилъ, даромъ что у ней парижскій акцентъ.

И опять онъ подолгу останавливался, смотря вкось, на фигурѣ Вѣры Ивановны, ея бюстѣ, свѣжести лица, прекрасныхъ волосахъ.

„Уже не дѣвочка, зрѣлая дѣвица, а какъ свѣжа!“
Та, кому онъ сейчасъ диктовалъ, давно уже красится на разные лады. Да онъ и не помнить, чтобы она когда-нибудь была свѣжа и не подкрашена. И волосы у ней не свои. И дупшится она нестерпимо сильно. Войди она сейчасъ сюда—онъ совсѣмъ бы не обрадовался; сейчасъ между ними пошли бы раздраженные разговоры, и онъ, навѣрное, провалился бы больше, лишившись своего тепершняго покоя.

VIII.

Визитовъ доктора Вадимъ Петровичъ дожидался съ удовольствіемъ.

Вотъ и сегодня, когда Вѣра Ивановна ушла, по его порученію, на Кузнецкій—купить книгу у Готье и еще чего-то у Швабе,—онъ привѣтливо поздоровался съ Павломъ Степановичемъ Яхонтовымъ.

— Добропорядочно ведете себя, — говорилъ докторъ, присаживаясь на край кушетки, — добропорядочно. Если такъ пойдетъ—черезъ недѣлю на выписку можете.

— А морозы?—спросилъ Стигинъ и указалъ движеніемъ головы на окно.

— Морозы?—ничего! Въ каретѣ будете ѣздить.

— Да, по Москвѣ... А если понадобится отправляться въ деревню?

— Увидимъ, увидимъ!.. Большихъ морозовъ еще не будетъ, Богъ дастъ!.. А пока надо о ближайшемъ думать, впередъ труса не праздновать. Теперь за вами образцовый уходъ... Барышня-то у васъ, Вѣра-то Ивановна—золото... Пріятель вашъ чистое вамъ благодѣліе оказать.

— Вы ее знали и прежде? — спросилъ съ интересомъ Стигинъ.

— Какъ же... черезъ Лебедянцева. Особа достойнѣйшая. Вся семья ею держится... Мать почти слѣпая. Сестренка въ гимназін, братъ—студентъ. Вотъ она при васъ почти цѣлый день, а успѣваетъ еще урокъ дать и по ночамъ работаетъ.

— И какъ свѣжа!

— Хотя питаніе, навѣрное, было всегда плохое... Крѣпышъ!.. Выносливая, героическая натура... Хорошаго бы мужа... Всякаго очастливить. Да нынѣшніе молодые люди на женитьбу туги.

— Она ужъ не очень юна? — тономъ вопроса выговорилъ Стигинъ.

— Їтъ двадцать семь-восемь — не меньше.

— А-а, — протянулъ Стигинъ и ему стало почему-то прїятно, что Вѣръ Ивановнѣ подѣ тридцать, при такой свѣжести, красивомъ, молодомъ лицѣ и видномъ станѣ.

Ему захотѣлось даже успокоить доктора насчетъ того, какъ Вѣра Ивановна теперь питается у него. Онъ оставилъ ее и обѣдать. Леонтій нашелъ старика-повара, ходившаго къ нему въ богадѣльню, умѣющаго отлично готовить для больныхъ; но Вѣра Ивановна получала полный обѣдъ.

— Да, рѣдкая дѣвушка! — выговорилъ докторъ и погладилъ себя по крутому лбу.

Въ первый разъ Стигину такъ легко было вести разговоръ съ москвичемъ, испытывать на себѣ его добродушіе и славянскую мягкость, и сочувственно думать о женщинѣ, которая такъ умѣло и прїятно ходитъ за нимъ.

Какъ разъ въ эту минуту тихо отворилась дверь, и въ комнату вошла Федюкова.

— А! Вѣра Ивановна! — шумно встрѣтилъ ее докторъ, всталъ и крѣпко потрясъ ея руку.

И Стигинъ протянулъ было ей свою, но она сказала ему:

— Я съ холоду, Вадимъ Петровичъ.

— Откуда Богъ несетъ? Изъ дому? — спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, я ѣздила на Кузнецкій, а оттуда завернула на минуту къ Лебеяднцевымъ...

Лицо Вѣры Ивановны затуманилось. Стигинъ это тотчасъ же замѣтилъ.

— Почему онъ пропалъ? Глазъ не кажетъ?

На этотъ возгласъ Стигина Федюкова, обращаясь больше къ доктору, потише выговорила:

— У нихъ опять большая бѣда...

— Что такое? — вскричалъ Стигинъ. — Отчего же онъ мнѣ не дастъ знать?.. Вотъ чудакъ!..

— Съ Марьей Захаровной не ладно? — увѣренно спросилъ докторъ.

— Да, Павелъ Степановичъ... припадки сильнѣе прежнихъ и такъ неожиданно.

— Кто же позванъ?

— Я не знаю, какъ его фамилія.

— Большая ирритація, значитъ?

— Большая... Я послала сестру Соню къ нимъ... При дѣтихъ бонна такая неумѣлая. Дмитрій Семенычъ не знаетъ, какъ ему и разорваться.

— И мнѣ ничего не далъ знать!—вырвалось у Стигина, и онъ завозился на кушеткѣ.

Ему стало досадно на пріятеля за такую скрытность и какъ бы немного совѣстно передъ Федюковой за то, что онъ ничего не знаетъ про бѣду, случившуюся съ Лебедянцевымъ.

— Вы не заѣдете ли, Павелъ Степановичъ? — тономъ полувопроса выговорила Федюкова.

Стигинъ гладѣлъ на ея немного поблѣднѣвшее лицо и на выраженіе большихъ глазъ. Она сдерживала волненіе. И видъ ея душевнаго разстройства трогалъ его.

— Какъ же, какъ же, — зачастилъ докторъ, — сейчасъ поѣду. Если пригласили Коровина — она въ хорошихъ рукахъ.

— Кажется, я не знаю навѣрное.

— Пожалуйста, докторъ, — остановилъ его Стигинъ, — скажите Лебедянцеву, чтобы онъ далъ мнѣ знать, что у него, и завернулъ бы когда можно будетъ.

— Ладно, ладно... А вы — молодцомъ! Никакими новыми лѣкарствами пичкать васъ не слѣдуетъ... Наружныя средства только... Завтра я не буду. Никакого осложненія не предвидится. Только лежите помирнѣе и не сердитесь на то, что попали въ ловушку!..

Веселый смѣхъ доктора разнесся по комнатѣ.

Его проводила въ переднюю Федюкова, тамъ о чемъ-то тихо поговорила съ нимъ и тотчасъ же вернулась.

Любопытство Стигина было возбуждено, — именно любопытство, а не сердечное участіе къ пріятелю. Онъ продолжалъ досадовать на Лебедянцева и ему какъ бы непріятно сдѣлалось отъ того, что Федюкова съ такимъ разстроеннымъ лицомъ говорить о бѣдѣ, постигшей его пріятеля.

— Что такое у Дмитрія Семеныча?—спросилъ онъ, какъ только Федюкова показала въ дверяхъ.

Она не сразу отвѣтила, сѣла у стола и тихо опустила руки по колѣнямъ.

— Вы развѣ совсѣмъ не знаете Марью Захаровну?

— Жену Лебедянцева?

— Да.

— Видѣлъ... очень мало...

— Давно?

— Не помню, въ одинъ изъ моихъ прїѣздовъ въ Москву, лѣтъ больше пяти тому назадъ... Онъ только что женился тогда...

Вспомнилась ему, когда онъ говорилъ эти слова, тѣсная квартира Лебедянцева гдѣ-то на Садовой. Жена показалась ему „кухаркой“, онъ нашелъ, что у ней ужасный тонъ и что жениться на такой некрасивой и скучной женщинѣ—совершенная нелѣпость. Потомъ онъ никогда о ней не думалъ и въ рѣдкихъ письмахъ къ пріятелю ни разу не передавалъ ей даже поклона.

— Это—превосходная женщина!—начала Федюкова и оправила рукой волосы жестомъ, который Стягинъ находилъ очень красивымъ.

— Очень ужъ, кажется, незанимательна.

— На чей взглядъ, Вадимъ Петровичъ. Чудесной души и вѣрный товарищъ мужа... Вѣдь у нихъ четверо дѣтей!

— Зачѣмъ столько?.. Разводить нищихъ!..

Федюкова поглядѣла на него съ недоумѣніемъ, и взглядъ ея сѣрыхъ, вдумчивыхъ глазъ смутилъ его.

— Вы возмутились тѣмъ, что я сказалъ?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Какъ же быть?—выговорила она.

Эта фраза звучала странно въ устахъ дѣвицы, но Вѣра Ивановна выговорила ее спокойно и цѣломудренно.

— Положимъ!—поспѣшилъ онъ оговориться. —Такъ что жъ съ ней? Какіе припадки?

— Когда она... въ такомъ положеніи,—и это Федюкова выговорила совершенно просто,—на нее находитъ психопатическое состояніе.

— Съ ума сходить?—рѣзко спросилъ Стягинъ.

— Временно... Иногда припадки неопасны, тихое разстройство... Она хохочетъ, валяется по полу, какъ маленький ребенокъ. А на этотъ разъ... гораздо сильнѣе... Вчера, говорятъ, былъ ужасный припадокъ... Такъ жаль!

И она смолкла. Въ голосѣ слышались слезы.

Стягина начало разбирать какое-то жуткое чувство. Ему впервые дѣлалось стыдно за себя передъ московскимъ пріателемъ. Никогда онъ не спросилъ его про жену, не зналъ даже, сколько у него дѣтей, двое или четверо, какъ-то приходится ему выносить тяготу трудовой жизни съ большимъ семействомъ.

— Жаль и Дмитрія Семеныча!—продолжала Федюко-

ва.—Онъ все смѣется и балагурить, а какую выдержку надо имѣть! И такого честнаго, знающаго человѣка выгнали со службы!

— Когда?

— Въ прошломъ году.

— Да, вѣдь, онъ мнѣ говорилъ, что служить гдѣ-то.

— Въ одномъ частномъ обществѣ... И долженъ мириться съ ролью... конторщика.

По бѣлому и красивому лбу Вѣры Ивановны прошла тѣнь.

И по этой части Стягинъ оставался совершенно равнодушнымъ: хорошенько не разспросилъ пріятеля, сколько онъ получаетъ жалованья, хватаетъ ли ему на жизнь, или онъ принужденъ перебиваться.

„Вѣдь я же заболѣлъ! — поспѣшилъ оправдаться про себя Стягинъ.—Когда же мнѣ было вступать съ нимъ въ интимные разговоры?.. И бѣлугой вопилъ въ первые дни“.

Но онъ сообразилъ вслѣдъ за тѣмъ, что Вѣра Ивановна могла многое въ его отношеніяхъ къ пріятелю и товарищу найти слишкомъ черствымъ и брезгливо-барскимъ.

Ему стало не по себѣ, и онъ замолчалъ, не зная, какъ ему начать себя оправдывать.

Протянулася пауза.

— Дешеша, батюшка!

Левонцій внесъ депешу на поднось, какъ дворовый, знающій хорошіе порядки.

— Барышня, на расписочкѣ расписаться надо, говорить телеграфистъ.

— Откуда?—тревожно спросилъ Стягинъ, когда Левонцій ушелъ съ распиской.

Она подала ему нераспечатанную депешу.

— Вы увидите наверху... Угодно, я прочту?

— Нѣтъ, я самъ могу...

У него засаднило на сердцѣ. Ничего пріятнаго онъ не ждалъ.

Дешеша была изъ Берлина. Въ ней онъ прочелъ:

„Arrive Moscou dans deux jours.—Embrasse. Léontine“.

— Ахъ Ты, Господи!—не воздержался онъ и даже всплеснулъ руками.

Пріѣздъ его подруги, вмѣсто радости, приносилъ съ собою очень явственную досаду.

IX.

Сутки протекли для Вадима Петровича не очень спокойно. Лебеяднцевъ не пришелъ, а его-то и нужно было. Съ нимъ онъ могъ перетолковать о прїѣздѣ своей подруги, посоветоваться, гдѣ и какъ ее устроить.

Первая мысль была помѣстить ее въ гостиницѣ, но поблизости никакихъ отелей онъ не зналъ. Да она врядъ ли бы и согласилась на это. Вѣроятно, она привезетъ съ собой горничную; для той тоже нужна комната. Наверху, въ мезонинѣ, гдѣ онъ лежалъ, можно было ихъ кое-какъ помѣстить, но не хватало кроватей и постельнаго бѣлья.

Онъ распорядился, однако, чтобы тѣ комнаты протопили и почистили. Левонтій какъ будто о чемъ-то догадывался, и когда Вадимъ Петровичъ спрашивалъ его насчетъ кроватей, старикъ развелъ руками и выговорилъ:

— Ежели для барыни какой, такъ тамъ, изволите знать, нѣтъ никакого приспособленія.

Съ Вѣрой Ивановной Стягинъ какъ бы избѣгалъ разговора и тотчасъ же послѣ обѣда предложилъ ей поѣхать къ Лебеяднцеву, узнать, въ какомъ состояніи его жена, и попросить его побывать на другой день, хоть на минутку. Онъ отправилъ свою чтицу, чувствуя, что если она останется весь вечеръ, то, въ антрактахъ между чтеніемъ, онъ непременно долженъ будетъ предупредить ее о прїѣздѣ Леонтины, а, можетъ-быть, не удержится и скажетъ что-нибудь лишнее.

Этотъ прїѣздъ рѣшительно смущалъ его и даже пугалъ. Устройство въ томъ же мезонинѣ двухъ парижанокъ перевернетъ все вверхъ дномъ. И Леонтина, и ея горничная будутъ шумѣть, переговариваться, изъ одной комнаты въ другую, своими картавыми, рѣзкими голосами. Ни та, ни другая не понимаютъ ни одного слова по-русски и за каждымъ вздоромъ будутъ бѣгать къ нему. Единственнымъ средствомъ наладить все это являлась Вѣра Ивановна, но захочетъ ли она остаться? Во всякомъ случаѣ, съ ней необходимо поговорить откровеннѣе, чѣмъ бы онъ желалъ.

Вечеръ протянулся для него съ несноснымъ чувствомъ одиночества. И чѣмъ больше онъ думалъ о томъ, какъ устроить здѣсь Леонтину, тѣмъ яснѣе дѣлалось для него, до какой степени онъ мало радуется свиданію съ ней. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ они сошлись, но никогда не

жили подъ одною кровлей. Даже и на водахъ, на морскихъ купаньяхъ, куда ѣзжали довольно часто, они останавливались всегда въ разныхъ отеляхъ. Въ сущности, только этимъ путемъ и могли они кое-какъ ладить. Обыкновенно они или завтракали вмѣстѣ, или обѣдали. И очень часто, по крайней мѣрѣ, черезъ день, выходили у нихъ мелкія и крупныя ссоры. Въ ея присутствіи имъ овладало даже постоянно тайное раздраженіе; всего больше отъ ея тона и привычки обо всемъ говорить увѣренно, готовыми фразами, какъ будто она преисполнена всевозможныхъ познаній. А между тѣмъ, она совершенно невѣжественна и всѣ ея умственные потребности сводятся къ чтенію, по утрамъ, „Petit Journal“. Потомъ, не могъ онъ выносить ея пренебрежительнаго, доходящаго до цинизма, отношенія къ мужчинамъ вообще. Сколько разъ возвращался онъ отъ нея до-нельзя взбѣшенный ея манерой третировать его. Кромѣ вульгарности натуры, въ этомъ было и еще нѣчто, общее французенкамъ: точно будто она вымещала на немъ все то, что ей приводилось терпѣть отъ другихъ мужчинъ.

Длинный рядъ мѣсяцевъ и годовъ проходилъ передъ нимъ, и почти ни одного проблеска свѣта и радости, теплаго сочувствія или страстной вспышки. Она ему нравилась своимъ тѣломъ, туалетами, условнымъ кокетствомъ въ первое время ихъ связи, и очень скоро онъ затянулся въ самую обыкновенную привычку. Разрывать не было повода, потому что онъ не встрѣтилъ ничего болѣе привлекательнаго. Она была не первая встрѣтившаяся кокетка, а нѣчто въ родѣ дамы, не живущей съ мужемъ, развѣхавшейся съ нимъ по опредѣленію суда. Подробности этого процесса онъ не провѣрялъ по газетамъ. Разумѣется, по ея рассказамъ выходило, что мужъ былъ ужаснѣйшее животное, проѣлъ ея приданое, развратничалъ, и ей ничего не стоило выиграть процессъ. Стягинъ никогда не спрашивалъ себя: „полно, такъ ли все это?“—и былъ доволенъ тѣмъ, что мужъ больше не появлялся и никакихъ не всплывало осложнений, въ видѣ дѣтей.

Ревности онъ къ ней не чувствовалъ. Помнится ему, что года черезъ полтора послѣ ихъ сближенія сталъ онъ замѣчать, что она сдѣлалась гораздо мягче, чаще выходила со двора, очень молодилась. Быть-можетъ, она его обманывала и тогда, и позднѣе, но онъ не хотѣлъ возобновляться изъ-за этого. Съ годами сожительство приняло

характеръ чего-то обязательнаго и, послѣ формальнаго развода по новому закону, она, видимо, начала готовиться къ вступленію съ нимъ въ бракъ.

Сюда она явится какъ жена. Здѣсь ей не передъ кѣмъ скрываться. Если болѣзнь его затянется, она этимъ не премѣнно воспользуется.

И на другой день утромъ Вадимъ Петровичъ перебиралъ все тѣ же воспоминанія, переживая свою чтицу. Она пришла съ извѣстіемъ, что жену Лебедянцева должны были перевезти въ лѣчебницу, а самъ онъ заѣдетъ какъ только немножко управится дома.

— Вы очень разстроены, Вѣра Ивановна, — сказалъ ей Стягинъ. — Васъ, можетъ-быть, тянетъ туда? Дѣти остались безъ присмотра матери... А вы, кажется, принимаете въ нихъ такое участіе?

— Мнѣ очень ихъ жалко, — отвѣтила она сдержанно.

— Такъ вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь. Я могу и поскучать... Теперь мнѣ легче...

— Я буду навѣщать ихъ, Вадимъ Петровичъ, съ утра, по дорогѣ къ вамъ.

— Знаете что, Вѣра Ивановна, чтобы васъ немножко разсѣять, позвольте дать вамъ маленькое хозяйственное порученіе?

— Очень рада...

— Да вы со мною все какъ-то церемонитесь; вѣроятно, считаете меня великимъ эгоистомъ. А я, право, готовъ принять участіе въ бѣдѣ Лебедянцева.

Она промолчала и немного исподлобья взглянула на него.

— Сколько же онъ долженъ будетъ платить за жену?

— Не меньше ста рублей въ мѣсяцъ.

— А жалованье у него какое?

— Врядъ ли онъ зарабатываетъ болѣе двухсотъ рублей.

— Только онъ чудакъ! Ничего не напишетъ!

— Дмитрій Семеновичъ очень гордъ... Вы развѣ его не знаете?

Этотъ вопросъ вызвалъ въ Стягинѣ совершенно новое для него желаніе: защитить себя немного въ глазахъ этой дѣвушки, вслухъ разобрать свои отношенія къ московскому другу.

— Видите, Вѣра Ивановна, — заговорилъ онъ особенно мягко, — главное между людьми — найти настоящій тонъ. Вотъ я васъ знаю всего какую-нибудь недѣлю, а намъ,

кажется, совсѣмъ не трудно ладить другъ съ другомъ. Признаюсь, когда Лебедянцева предложилъ мнѣ ваши услуги, я боялся, что мнѣ это будетъ очень стѣснительно... Знаете, я отсталъ отъ русскихъ женщинъ и не совсѣмъ одобряю теперешній жанръ нашихъ дѣвицъ. Однако, мы съ вами ладимъ. А Лебедянцева, хотя и товарищъ мой по университету, но, живя здѣсь, въ Москвѣ, выработалъ себѣ невозможный какой-то тонъ, такъ что у меня не выходитъ съ нимъ никогда хорошаго товарищескаго разговора. Онъ меня ежесекундно шокируетъ своимъ хохотомъ, прысканьемъ, прибаутками.

— Можетъ-быть, онъ васъ оттого и раздражаетъ, Вадимъ Петровичъ, что вы отъ нашей московской жизни отстали.

Она тихо усмѣхнулась.

— Можетъ-быть,—повторилъ Стагинъ.—Я понимаю, что и Лебедянцева отсталъ отъ меня и стѣсняется говорить со мною о своихъ дѣлахъ. Вотъ вы бы и помогли мнѣ.

— Я готова, Вадимъ Петровичъ...

— Вы такая милая,—и онъ протянулъ ей руку,—что я васъ попрошу еще объ одномъ одолженіи. Видите ли, я ожидаю пріѣзда изъ Парижа той особы, въ которой еще третьяго дня диктовалъ вамъ письмо... Она должна быть здѣсь послѣзавтра. Въ отель устроиться ей неудобно: она не знаетъ языка, да и отсюда далеко...

— Конечно,—тихо выговорила Федюкова.

Онъ былъ очень радъ, что такъ ловко обошелъ необходимость выяснить, кто такая эта особа. Вѣра Ивановна и тутъ показала, что въ ней много такта, не позволила себѣ никакого лишняго вопроса и всѣмъ своимъ тономъ дала почувствовать, что онъ можетъ съ ней говорить все равно какъ бы съ пріятелемъ-мужчиной.

— Лишняя комната здѣсь есть, но недостаетъ кое-чего: кроватей, напимѣръ, умывальныхъ столиковъ...

— А сколько кроватей нужно?—спросила Вѣра Ивановна.

— Двѣ: одну для этой дамы, другую—для ея горничной.

Онъ могъ бы, вмѣсто словъ: „этой дамы“, сказать: „для моей невесты“ или что-нибудь въ этомъ родѣ, но не чувствовалъ уже надобности въ такомъ обманѣ, хотя тутъ не было бы большого обмана: Леонтина считала себя его невестой и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

— Я съ удовольствіемъ, Вадимъ Петровичъ.

— И вы можете это все закупить въ одинъ день?

— Зачѣмъ же покупать? — возразила она. — Можно

будетъ достать напрокатъ гдѣ-нибудь на Срѣтенкѣ или въ городѣ.

Она что-то такое соображала, и выраженіе ея лица въ эту минуту очень ему нравилось.

„Славная дѣвушка,—думалъ онъ,—дѣльная и кроткая!“

Дѣльная и кроткая! Два свойства, которыхъ онъ совсѣмъ не видалъ въ своей подругѣ. Его француженка была жадна на деньги, экономничала въ пустякахъ, но тратила зря на туалеты, не спросясь его, покупала часто плохія процентныя бумаги и глупо играла ими на биржѣ. И отъ впечатлѣнія кротости въ женскомъ существѣ онъ совсѣмъ отсталъ, живя въ Парижѣ; не замѣчалъ его рѣшительно ни гдѣ, развѣ на сценѣ, въ пьесахъ, въ игрѣ сладковатыхъ и манерныхъ наивностей.

— Сколько же вамъ на это нужно денегъ, Вѣра Ивановна?—весело спросилъ онъ.

— Сразу я не могу сказать, Вадимъ Петровичъ... Позвольте мнѣ сѣздить, узнать... Вамъ на много времени?

— Да какъ это сказать? Если мое лѣченіе пойдетъ хорошо... докторъ общаетъ, что черезъ двѣ недѣли я буду совсѣмъ на ногахъ... Во всякомъ случаѣ, надо на мѣсяцъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! Поживете у насъ, — сказала Федюкова и ласково поглядѣла на него.

— Но у меня есть еще другая къ вамъ просьба... Если она вамъ не понравится, вы откажите.

— Что такое?—съ живостью спросила она.

— Лебедянцевъ теперь такъ разстроены, что на него рассчитывать я не могу... Не будете ли вы такъ любезны встрѣтить прїѣзжихъ на вокзалѣ? Вы говорите по-французски... А то онѣ совсѣмъ потеряются.

— Я съ удовольствіемъ...

Вадиму Петровичу во время разговора пришла эта комбинація: послать Федюкову навстрѣчу Леонтинѣ, такъ, чтобы она сразу сдѣлалась ей необходима. Это отведетъ всякія подозрѣнія и устранить на первыхъ же порахъ ненужные разговоры. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покажетъ этимъ, что особу, ѣдущую изъ Парижа, принимаетъ онъ какъ порядочную женщину, а потомъ все уладится.

И когда Вѣра Ивановна, почтавши ему съ полчаса, отправилась по его порученію, ему было пріятно сознавать, что онъ не одинъ въ Москвѣ, что около него есть молодое существо, на которое можно будетъ опереться въ неизбежной борьбѣ съ парижскою подругой.

Х.

Было уже около одиннадцати часовъ утра. Вадимъ Петровичъ сидѣлъ на кушеткѣ съ ногами, укутанными толстымъ пледомъ. По комнатѣ вдоль и поперекъ ходилъ Лебедянцева. Черезъ полчаса должна была вернуться съ желѣзной дороги карета, въ которой поѣхала встрѣчать Леонтину Вѣра Ивановна.

Посѣщенію пріятеля Стягинъ обрадовался, расспрашивалъ его о болѣзни жены, попенялъ за то, что тотъ съ нимъ перемонится, предложилъ ему занять у него.

— Все обойдется,—говорилъ Лебедянцева, прихлебывая чай,—докторъ обнадеживаетъ...

Но онъ больше уже не хихикалъ. Видно было только, что ему не хочется говорить о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

— Однако,—почти обиженнымъ тономъ возразилъ ему Стягинъ,—пора тебѣ подумать о болѣе прочномъ положеніи. Я, братецъ, ничего не знаю хорошенько ни про твою службу, ни про то, что ты получаешь.

— Какой же толкъ будетъ, если я начну тебѣ изливаться?—заговорилъ опять обычнымъ шутливымъ тономъ Лебедянцева.—Моей судьбы ты устроить не можешь; связей у тебя въ Россіи нѣтъ, да и я не гожусь въ чиновники. Пріѣхалъ ты сюда, чтобы ликвидировать; стало-быть, вотъ поправишься, все скрутишь и—поминай какъ звали! Больше мы съ тобой на этомъ свѣтѣ и не увидимся! Въ Парижъ мнѣ не рука ѣхать...

— Ликвидировать, ликвидировать!—повторилъ Стягинъ, и это слово почему-то ему не понравилось. — Еще не такъ скоро это сдѣлается. Во всякомъ случаѣ, тебѣ стыдно со мною церемониться. Все, что могу...

— Объ этомъ послѣ,—перебилъ его Лебедянцева и присѣлъ къ столику, стоявшему около кушетки.—А ты вотъ что мнѣ скажи... Только уговоръ лучше денегъ: коли это щекотливый вопросъ, такъ и не нужно...

— Что такое?—оживленно спросилъ Стягинъ.

— Эта барыня, что сейчасъ пріѣдетъ... Я, вѣдь, не знаю, ты со мной переписки не вѣдь... Она на какомъ положеніи?

Стягинъ немножко поморщился и выговорилъ суховато:

— Хочешь французское слово?

— Говори, коли по-русски нѣтъ подходящаго.

— Это то, что французы называют un collage.

— Понимаю... И длится давненько?

— Да, уже лѣтъ десять.

— Стало-быть, подходите другъ къ другу... Вотъ и въ Россію поскакала... это, все-таки, доказательство привязанности.

— Не знаю,—протянулъ Стягинъ.

— Неужели одинъ расчетъ?.. А я, было, признаюсь, думалъ, что ты и ликвидировать-то хочешь, чтобы конецъ положить... и законнымъ бракомъ.

— Она не откажется. Только ей во Франціи еще нельзя, какъ разведенной женѣ, вступать въ новый бракъ раньше трехъ лѣтъ.

— Такъ вотъ оно что!.. Да, вѣдь, если ты на ней женился бы по французскому закону здѣсь, въ Россіи,—это будетъ недействительно. Тогда и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ ликвидировать, все обратить въ деньги. А жаль, любезный другъ, что ты такъ торопишься... безбожно продешевивъ все. Имѣніе прекрасное. И домъ этотъ, если за него взяться, передѣлать на нѣсколько квартиръ и на дворѣ выстроить большой жилой флигель,—доходъ хорошій!

— Объ этомъ мы потолкуемъ,—сказалъ Стягинъ. — Я, въ самомъ дѣлѣ, кажется, слишкомъ заторопился. Вотъ и съ тобой толкомъ не посоветовался, а вѣдь у тебя должна быть масса практическихъ свѣдѣній. Ты и по городскому хозяйству служилъ...

Стягинъ не договорилъ и, повернувшись лицомъ къ пріятелю, спросилъ его:

— Ты за Вѣру Ивановну на меня не въ претензіи?

— По какому поводу?

— Да вотъ что я послалъ ее встрѣтить Леонтину? Она, кажется, дѣвушка безъ предразсудковъ. Я далъ ей понять, что жду женщину, близкую мнѣ... какъ бы это сказать?..

— На правахъ жены, что ли?—подсказалъ Лебединцевъ.

— Пожалуй.

— Этакъ бы лучше и назвалъ. Какое кому дѣло здѣсь-то добираться—законная она жена или нѣтъ? Если хочешь, я Вѣрѣ Ивановнѣ такъ и представлю дѣло... Она дѣйствительно безъ предразсудковъ...

— И, все-таки, какъ бы не обидѣлась! — съ видимою тревогой выговорилъ Стягинъ.—Боюсь, что выйдетъ путаница: вѣдь онѣ другъ друга не знаютъ... Я ей показалъ портретъ, описалъ фигуру и лицо горничной...

— Вѣра Ивановна узнаетъ ихъ... Только какъ же ты, Вадимъ Петровичъ, думаешь оставить ее при себѣ въ чтицахъ?

— Я бы очень желалъ.

— А твоя... сожительница какъ на это взглянетъ? — спросилъ Лебеданцевъ и тихо разсмѣялся.

— Я не знаю! Но ей самой присутствіе такой дѣвушки полезно... если Вѣра Ивановна будетъ такъ любезна — поѣздить съ нею по городу; да и мнѣ, пока у меня еще въ рукахъ ревматическая опухоль, всего пріятнѣе было бы воспользоваться ея услугами.

— У тебя теперь будетъ даровая чтица.

— Кто? Леонтина? Меня ея манера читать раздражаетъ.

Стягинъ посмотрѣлъ на часы, стоявшіе около его изголовья, и позвонилъ.

— Левонтій Наумчъ, — сказалъ онъ вошедшему старику, — все ли теперь готово къ приему барыни?

Слово „барыни“ Стягинъ выговорилъ безъ запинки.

— Все, батюшка, Вадимъ Петровичъ. И дѣвушка здѣсь находится съ ранняго утра.

Наумчъ нанялъ наканунѣ горничную для исполненія черной работы. Самъ онъ принарядился и, вмѣсто долгополаго пальто, надѣлъ сюртукъ, хранившійся у него въ сундукѣ, старательно причесалъ волосы и лишній разъ выбрился. Онъ догадывался, что баринъ ждетъ не жену, а просто „сударушку“, но говорилъ о ней, какъ о настоящей барынѣ.

— Столъ накрытъ, тамъ, въ большой комнатѣ? — спросилъ Стягинъ. — И къ завтраку все готово?

— Какъ же, батюшка. Кофей, масло, яйца всмятку, котлеты жарятся. Все въ аккуратѣ. Да, вотъ, никакъ, и онѣ пожаловали...

Левонтій, хоть и жаловался, что тугъ на одно ухо, однако, разсмѣивалъ звукъ колесъ по подмерзлой мостовой. Санний путь еще не сталъ и на дворѣ была рѣзкая, сиверкая, очень холодная погода.

— Ну, иди встрѣчать! — крикнулъ Левонтію Стягинъ, и самъ пришелъ въ нѣкоторое возбужденіе.

— Прямо сюда привести ихъ? — спросилъ его Лебеданцевъ, обдергивая свой сѣрый пиджакъ.

— Только бы онѣ холоду не напустили сразу... Шени Вѣрѣ Ивановнѣ, чтобы она сейчасъ не уходила; мнѣ

нужно съ ней условиться насчетъ завтрашняго дня,—послалъ Стигинъ вдогонку Лебедянцеву, дошедшему до двери на площадку.

На лѣстницѣ уже раздавались знакомые Вадиму Петровичу голоса. Хриплый голосъ Леонтины и высокій, жидкій фальцетъ ея горничной Марьеты—особы для него довольно ненавистной. Это была уже пожилая дѣвушка, лукавая, жившая больше пятнадцати лѣтъ у своей госпожи; она знала всю подноготную въ ея прошедшемъ, держала ее въ рукахъ, дерзила Стигину и давала ему очень часто понять, что онъ не стоить ласки ея госпожи, что ему давно слѣдовало бы помѣстить ихъ обѣихъ въ своемъ завѣщаніи—*„les coucher dans son testament“*, что онъ не желаетъ *„faire largement les choses“* и совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ, въ ея воображеніи, долженъ быть *„un boyard russe“*.

Дверь широко распахнулась, и Стигинъ увидалъ свою парижскую подругу, за ней ея служительницу: Лебедянцева и Вѣра Ивановна остались въ передней, куда дворникъ Капитонъ, мальчикъ Митя, извозчикъ и еще кто-то начали вносить одинъ за другимъ баулы, сундуки, мѣшки и картонки, всего до четырнадцати мѣстъ. Перевезти ихъ понадобилось на трехъ извозчикахъ, кромѣ четырехмѣстной кареты.

— *Bonjour, mon ami!* — раздался окликъ Леонтины, и она скорымъ шагомъ подошла къ кушеткѣ, укутанная въ боа, но въ очень легкой заграничной шубкѣ и въ шляпкѣ съ цвѣтами.

Отъ нея пахло на больного морознымъ воздухомъ, и онъ сдѣлалъ инстинктивное движеніе руками, какъ бы желая оттолкнуть ее.

Это была сорокалѣтняя, толстѣющая женщина, съ помятымъ лицомъ, короткимъ носомъ и большими зеленоватыми глазами. Въ вагонѣ она не успѣла подправить себѣ щеки и остальные части своего лица, а только напудрилась, и запахъ пудры сейчасъ же перенесъ Стигина въ Парижъ, въ ея квартиру, всю пропитанную этимъ запахомъ.

— *Mais tu vas bien!* — вскричала она, повернулась къ своей горничной, одѣтой такъ же легко, и затараторила насчетъ своего багажа, перебивая себя и безпрестанно выдая вопросы Стигину.

Онъ все морщился. Ему хотѣлось сказать, чтобы онѣ

поскорѣе обѣ ушли изъ его комнаты и сняли съ себя шубы, отъ которыхъ шла морозная свѣжесть. И сразу ему вступило въ оба виска отъ этого трещанья, которое онъ, однако, выносилъ цѣлый десятокъ лѣтъ.

— *Bonjour, monsieur!* — непочтительно крикнула ему Марьята. — *Est ce ici la chambre de madame?*

Онъ, не скрывая своего недовольства шумнымъ вторженіемъ обѣихъ женщинъ, услабъ Марьету, сказавши ей, что спальня ея госпожи по той сторонѣ площадки.

Леонтина присѣла на кушетку, объявила, прежде всего, что ей страшно хочется ѣсть, а потомъ нагнулась и потише спросила, кто блондинка, пріѣхавшая встрѣтить ее? Она повела своими широкими, потрясавшимися въ дорогѣ губами и прищурила одинъ глазъ.

— *Ça me paraît louche!* — сказала она.

Стигинъ объяснилъ ей, что „*mademoiselle Véra*“ — образованная дѣвушка, изъ очень почтенной семьи, согласившаяся быть его чтицей, что она провела даже двое сутокъ сряду въ качествѣ его сидѣлки.

Это сообщеніе не очень тронуло Леонтину. Она только щелкнула языкомъ, быстро встала, вся потянулася и крикнула:

— *Mon Dieu! Quel sal pays que votre sainte Russie!*

Возгласъ парижанки, вылетѣвшій неожиданно, разсердилъ Стигина. Онъ даже покраснѣлъ и готовъ былъ сказать ей что-нибудь очень непріятное; но въ эту минуту вошли Лебедянцева и Вѣра Ивановна.

Съ Лебедянцевымъ Леонтина уже говорила на площадкѣ. Она знала, что онъ пріятель Стигина, и обошлась съ нимъ ласково; по его французскому языку тотчасъ сообразила, что онъ человѣкъ не свѣтскій, по платью приняла за бѣдняка, котораго нужно привлечь къ себѣ на всякій случай.

На вокзалѣ Вѣра Ивановна сейчасъ же узнала ее и подала карточку Вадима Петровича. Леонтина всю дорогу говорила съ ней, какъ говорятъ съ гидами, присланными изъ отеля.

— Вѣра Ивановна, благодарю васъ, — привѣтствовалъ Стигинъ Федюкову и протянулъ ей правую руку, которую онъ свободнѣе владѣлъ. — Еще разъ простите за безпокойство.

— *Madame*, — пригласилъ Леонтину Лебедянцева, выговаривая ужасно по-французски, — *en zettъ servi!*

— Не угодно ли и вамъ откушать? — пригласилъ Федюкову Стагинъ, продолжая говорить съ ней по-русски.

— Благодарю васъ, — отвѣтила Вѣра Ивановна своимъ сдержаннымъ тономъ. — Позвольте мнѣ удалиться. Теперь моя роль покончена.

— Полноте, я на это не согласенъ! — съ живостью вскричалъ Стагинъ. — Пожалуйста, завтра, хоть между завтракомъ и обѣдомъ, придите почитать мнѣ газеты. И цѣлая книжка журнала лежитъ неразрѣзанной.

Леонтина вдругъ прервала его:

— *Mademoiselle parle français. Pourquoi se charabia?*

Вышла неловкая пауза. Стагинъ сказалъ Леонтинѣ, что завтракъ ее ждетъ, еще разъ протянулъ руку Вѣрѣ Ивановнѣ и, когда она уходила, крикнулъ ей:

— Пожалуйста, завтра. Не забудьте!

Леонтина пожала плечами и, уходя, въ присутствіи Лебедянцева, кинула:

— *Ça, c'est du propre!*

XI.

Часу во второмъ ночи Вадимъ Петровичъ проснулся съ болью въ правомъ колѣнѣ. Ноги его стали было совсѣмъ поправляться, но съ приѣзда Леонтины онъ чувствовалъ себя гораздо тревожнѣе и боялся рецидива. Боль была не сильная, и онъ проснулся не отъ нея. Черезъ полуотворенную дверь до него доходилъ довольно громкій разговоръ обѣихъ французовъ. Онъ не могъ схватывать ухомъ цѣлыя фразы, но тотчасъ же сообразилъ, что рѣчь идетъ о немъ. Вѣроятно, Леонтина лежала уже въ постели, а ея камеристка стояла или сидѣла гдѣ-нибудь по-сю сторону ширмъ, отдѣлявшихъ кровать отъ остальной комнаты.

„Навѣрное, про меня“, — подумалъ Вадимъ Петровичъ, и голосъ служанки былъ ему еще непріятнѣе, чѣмъ прежде, въ Парижѣ.

Онъ догадался, въ чемъ Марьета убѣждаетъ свою госпожу. Завтра Леонтина сдѣлаетъ ему сцену, будетъ жаловаться на свое двойственное положеніе, говорить о необходимости обезпечить ее, а, можетъ-быть, даже и обвѣнчаться въ русской церкви.

Эти двѣ француженки уже овладѣли его домомъ. Не дальше какъ третьяго дня, когда Вѣра Ивановна сидѣла и читала ему газеты, Леонтина обошла съ нею такъ,

что онъ долженъ былъ извиняться передъ Федюковой. Эта умная и добрая дѣвушка все поняла и стала его же успокаивать; но она въ правѣ была считать себя обиженной и прекратить свои посѣщенія.

— Вы, пожалуйста, не думайте, что я на васъ въ претензіи, Вадимъ Петровичъ, — говорила она, уходя. — Мое присутствіе здѣсь неловко. Зачѣмъ же вамъ-то разстраиваться?

И онъ былъ такъ слабъ, что не разнесъ Леонтину, не настоялъ на томъ, чтобы Федюкова продолжала приходить читать ему. Онъ ограничился только глупыми извиненіями и увѣреніями, отъ которыхъ ему самому сдѣлалось тошно.

Безъ Федюковой онъ почувствовалъ себя одинокимъ, почти безпомощнымъ. Леонтина два дня рыскала по городу и заставляла сопровождать себя Лебедянцева, накупила мѣховыхъ вещей, заказала себѣ шубу, ѣздила осматривать Кремль, возвращалась поздно, и все, что она говорила, казалось Стягину дерзкимъ и нахальнымъ. Еще недавно онъ самъ такъ презрительно относился къ Москвѣ, но когда Леонтина начала, по-парижски, благировать все, что она видѣла въ соборахъ, въ Грановитой палатѣ, онъ морщился и потому только не спорилъ съ нею, что боялся разсердиться и физически разстронть себя.

Чтенія вслухъ онъ былъ лишенъ уже два дня, ходить по комнатѣ онъ еще не могъ и дѣлыми часами томился въ бездѣйствіи. Марьета появлялась къ нему безъ зову, и онъ каждый разъ высылалъ ее.

И теперь, прислушиваясь къ разговору въ спальнѣ Леонтины, онъ отдавался забродившему въ немъ страху связать свою судьбу съ парижскою подругой. Его болѣзнь и пріѣздъ ея сюда показали, что между ними не было и подобія привязанности, изъ-за которой стѣбать налагать на себя брачныя узы. Она стара, вульгарна, безъ всякаго образованія, не чувствуетъ къ нему даже простой жалости, пріѣхала сюда только изъ хищническаго расчета, да еще начала ревновать, а онъ позволилъ ей безнаказанно обидѣть хорошую дѣвушку, сдѣлавшуюся для него необходимой.

Гулъ разговора Леонтины съ Марьетой не прекращался. Стягинъ порывисто позвонилъ. Голоса смолкли.

Онъ крикнулъ имъ, что онѣ мѣшаютъ ему спать.

Минуты черезъ двѣ со свѣчей въ рукахъ вошла Леонтина въ пеньюарѣ.

Онъ пожаловался ей на недостатокъ тишины. Она ему рѣзко отвѣтила: онъ капризничаетъ, вымещаетъ на ней досаду за то, что она не позволила ему начать интригу подъ ея носомъ.

— Avec cette grosse dinon!

Она говорила все это, наклонившись надъ кроватью.

Ея дряблѣе лицо съ остатками пудры, дерзкій ротъ и злые глаза дразнили его нестерпимо-нахально. Онъ поднялся въ постели, схватилъ ее своими еще опухшими отъ ревматизма руками, точно хотѣлъ пригнуть ее и поставить на колѣни.

Она крикнула и рванулась. Прибѣжала Мариета, и обѣ женщины начали разомъ криливо болтать. Но онъ покрылъ ихъ голоса и выгналъ обѣихъ гнѣвнымъ окрикомъ.

— Il va vous battre, madame!—донесся до него съ площадки возгласъ камеристки.

На этотъ шумъ поднялся Левонтій, спавшій въ чуланчикѣ, около передней, и неслышными шагами проникъ въ комнату барина.

— Батюшка, Вадимъ Петровичъ,—шепталъ онъ въ полутемнотѣ обширной комнаты, гдѣ горѣлъ ночникъ,—никакъ обижаютъ васъ?

Вопросъ старика тотчасъ же смягчилъ настроеніе Стягина. Онъ почувствовалъ себя такъ близко къ этому отставному дворовому и бывшему дядкѣ. Въ тонѣ Левонтія было столько умной заботы и, вѣстѣ съ тѣмъ, обиды за барина, что съ нимъ могутъ такъ воевать какія-то „французенки“, которыхъ онъ, про себя, называлъ „халдами“.

А французенки не думали еще униматься, и трескотня ихъ возмущенныхъ голосовъ доносилась еще рѣзче.

— Позвольте, батюшка, имъ сказать, чтобы онѣ такъ не галдѣли, — выговорилъ старикъ, — или, по крайности, дверь бы затворили.

Левонтій, волоча ноги, пошелъ затворять двери, и Стягинъ услышалъ, какъ онъ довольно громко сказалъ по-русски, обращаясь къ Леонтинѣ:

— Потише, сударыня!

Вернувшись, Левонтій въ дверь спросилъ барина: не нужно ли чего, не сходить ли въ аптеку или не послать ли за докторомъ. Стягинъ его успокоилъ и отправилъ спать.

Но сонъ долго не возвращался къ Вадиму Петровичу. Онъ сидѣлъ въ постели со сложенными на груди руками и мысленно задалъ себѣ нѣсколько вопросовъ.

Прежде всего, почему онъ не обращался съ этою своею подругой такъ, какъ она заслуживаетъ, то-есть почему не билъ ее? Вѣдь, каждая французка бита кѣмъ-нибудь—не мужемъ, такъ любовникомъ. Онѣ не понимаютъ мужского авторитета иначе, какъ этимъ способомъ. И ему стали припоминаться сцены изъ романовъ и пьесъ, гдѣ мужчина поднимаетъ оба кулака характернымъ французскимъ жестомъ, вскрикиваетъ: „Misérable!“, а женщина падаетъ на колѣни и защищаетъ свой загривокъ.

Неужели онъ не переселить ее завтра же въ отель? Сосѣдство этихъ женщинъ невыносимо для него, просто опасно, припадки гнѣва вызовутъ непременно серьезный рецидивъ. У него и безъ того пошаливаетъ сердце. Надо сдѣлать это завтра же. Но, вѣдь, Леонтина можетъ упереться? Она теперь въ его домѣ, подъ одною кровлей съ нимъ; это ей даетъ новыя права.

Есть одно хорошее средство: обратиться къ Вѣрѣ Ивановнѣ, съ полною искренностью выразить ей, какъ она ему нужна своею поддержкой, просить ее стать выше всякихъ щекотливостей, и пускай выйдетъ что-нибудь рѣшительное!..

Писать ей большое письмо онъ еще не въ состояніи. Завтра общался у него быть Лебедянцева; онъ, съ своей стороны, поспособствуетъ...

И пріятель, казавшійся ему такимъ угловатымъ и раздражающимъ, и чтица, вмѣстѣ со старикомъ Левонтіемъ, докторомъ, мальчикомъ Митей и даже дворникомъ Капитономъ составляли одно цѣлое, несомнѣнно свое. На него и надо опереться, иначе не разорвешь съ прошедшимъ.

На женской половинѣ всѣ еще спали на другой день, когда явился Лебедянцева, за которымъ рано утромъ послали дворника.

Вадиму Петровичу не стоило никакого усилія говорить съ пріятелемъ въ тонѣ исповѣди.

— Ты и Вѣра Ивановна,—сказалъ онъ ему,—должны мнѣ помочь. Одному мнѣ не справиться вотъ съ этимъ нашествіемъ.

И онъ указалъ рукою по направленію къ двери.

Онъ началъ просить Лебедянцева передать Федюковой, до какой степени онъ до сихъ поръ возмущенъ выходкой

Леонтины, и какое одолженіе она ему оказала бы, если бы согласилась опять приходить къ нему. А для этого надо переселить Леонтину въ отель, и безъ всякаго промедленія.

— И ты возлагаешь это на меня?—спросилъ Лебедянцевъ, глядя на него пристально.

— Да, на тебя, и не одно это, а вообще ликвидацію моего прошедшаго съ Леонтиной.

— Вотъ оно что!

Возгласъ Лебедянцева не смутилъ Стягина.

— Никогда не поздно покончить во-время!—заговорилъ Стягинъ, охваченный желаніемъ показать Лебедянцеву, что онъ не дѣлаетъ никакой гадости, а просто защищаетъ себя и считаетъ такую защиту законной.

— Да ты ей обѣщевался?—спросилъ Лебедянцевъ, впадая въ свой шутливый тонъ.

— Ты хочешь сказать: обѣщаль ли я ей бракъ? Нѣтъ, не обѣщаль, но она сама добивается его, и тамъ, въ Парижѣ, мнѣ отъ него бы не уйти.

— Чудакъ! отчего же раньше было не разорвать?

— Отчего! Привычка стараго холостяка, и тамъ мы не жили никогда въ одной квартирѣ. Я только теперь, здѣсь, въ какихъ-нибудь три дня, распозналъ, до какой степени мнѣ эта женщина чужда послѣ десятилѣтняго сожителства. И она меня не любитъ, а сюда прилетѣла, испугавшись, что я умру, похлопотать о завѣщаніи или обвѣнчаться со мной „devant un pope russe“!

— Ха-ха-ха!..—тихо разсмѣялся Лебедянцевъ. —Извѣстное дѣло...

— И я убѣжденъ, что она уже тебя настраивала, когда вы ѣздили по магазинамъ и осматривали Кремль. Ну, скажи, вѣдь дѣлала подходы?

— Дѣлала.

— И, конечно, жаловалась?

— Больше насчетъ благородныхъ чувствъ прохаживалась, говорила мнѣ, что я, какъ порядочный человѣкъ, долженъ способствовать устройству ея судьбы... Да развѣ это тебя возмущаетъ? И всякая другая на ея мѣстѣ, француженка ли, русская ли, стремилась бы къ тому же самому. Ты на что же теперь идешь? Добромъ она отсюда не уйдетъ. Тутъ нужно отступное...

Объ „отступномъ“ они и стали говорить вполголоса, и когда Лебедянцевъ собрался уходить, Стягинъ громко вздохнулъ и сказалъ ему:

— Смотри, Дмитрій Семеновичъ, я тебѣ далъ *carte blanche*; если ты пойдешь на попятный дворъ, я самъ рвану и покончу такъ или иначе.

XII.

— Ушелъ французъ, — выговорилъ Левонтій Наумычъ и вдохнулъ въ себя воздухъ вмѣстѣ съ глоткомъ горячаго чая.

Онъ сидѣлъ съ дворникомъ Капитономъ въ своей каморкѣ. Баринъ сегодня проснулся рано, могъ перейти съ кровати въ кресло и послѣ чая читаетъ газету. Докторъ будетъ около полудня. Въ домѣ стоитъ опять тишина, со вчерашняго дня, когда французенокъ перевезли въ гостиницу.

— Ушелъ, — повторилъ Капитонъ, дую на блюдечко, и глазки его весело подмигивали.

— Кабы не Дмитрій Семенычъ, — продолжалъ старикъ полушопотомъ, — да не докторъ, баринъ бы съ ними не сладилъ.

— Докторъ, значить, пожелалъ?

— Докторъ... Онъ бы его совсѣмъ уморили.

И въ третій разъ Левонтій сталъ рассказывать дворнику, — совсѣмъ уже шопотомъ, — какъ онъ прибѣжалъ ночью къ барину, и что засталъ, и какъ „французенки“ раскудахтались.

— И сдается мнѣ, Капитонъ Иваннычъ, — говорилъ Левонтій, широко улыбаясь, — что баринъ, хоть и силы у него въ рукахъ еще не было, какъ слѣдуетъ стукнуть ее.

Это предположеніе обомъ очень понравилось.

— Докторъ, — продолжалъ Левонтій все такъ же тихо, — живою рукой скрутилъ. Потому какъ же возможно больному быть рядомъ съ такими оглашенными?

— А упиралась главная-то мадамъ?

— Извѣстное дѣло, побурлила... Безъ этого какъ же возможно... Она, небось, чувствуетъ, что ея царству конецъ подошелъ.

Оба засмѣялись и переглянулись. Капитонъ разстегнулъ пиджакъ и обтеръ лобъ бумажнымъ платкомъ.

— Значить, она съ подходцемъ пріѣхала... Пожалуй, поди... насчетъ законнаго брака?

— А то какъ же... Еще слава Богу, что все это здѣсь приключилось. Да и барину-то легчало... Захвати она

его здѣсь, — чего Боже сохрани, — въ полномъ разстройствѣ... пугать бы начала и добилась бы своего...

— Имѣнье бы все записалъ...

— И очень.

Они помолчали.

— А теперь, — спросилъ Капитонъ, принимаясь за новую чашку, — нешто она такъ удалится?.. Все, небось, сдеретъ?

— Сдеретъ, — повторилъ Левонтій. — Однако, Дмитрій Семенычъ за это дѣло ваялся... Онъ человѣкъ бывалый и къ барину большую привязку имѣеть...

— И теперича, Левонтій Наумычъ, — началъ дворникъ, — ежели ее спустятъ обратно, откуда она пожаловала, особливо коли кушъ она сдеретъ, изъ чего же Вадиму Петровичу туда ѣхать?

— Извѣстное дѣло, не изъ чего, — подтвердилъ старикъ.

Онъ уже замѣчалъ съ нѣкоторыхъ поръ, что баринъ совсѣмъ не то говорить, не сердится, походя, на Москву, на свое, русское, разспрашиваетъ его про разные разности и не произноситъ слово „ликвидация“, которое Левонтій хорошо выучилъ. Замѣтилъ онъ, что Вѣра Ивановна ему по душѣ пришлась, и что онъ объ ней скучаетъ.

Но объ ней онъ первый не заговорилъ съ Капитономъ. Въ этихъ дѣлахъ онъ былъ очень деликатный человѣкъ.

— И барышню французенка же выкурила? — спросилъ Капитонъ.

Левонтій не сразу отвѣтилъ.

— Съ этого и началось... Приревновала. Вѣра Ивановна дѣвушка умнѣйшая... и виду не подала, а ходить перестала. И взять теперь, какъ она ухаживала за баринкомъ, когда онъ ночи напролетъ мучился, и какое отъ этихъ, съ позволенія сказать, халдѣ успокоеніе вышло.

Внизу, съ параднаго крыльца, раздался звонокъ.

— Это, навѣрняка, докторъ, — замѣтилъ Капитонъ.

— Докторъ... А Митька-то тамъ ли?

— Долженъ быть тамъ.

Они разомъ встали, и Капитонъ поблагодарилъ старика за „чай-сахаръ“.

Имъ обоимъ стало на душѣ свѣтлѣе отъ всего того, о чемъ они переговаривали. Барину гораздо лучше, доха продавать зря не будетъ, быть-можетъ, и займуетъ здѣсь а, главное, прогурили „французенковъ“

По лѣстницѣ, дѣйствительно, поднимался докторъ; ступеньки поскрипывали подъ его легкими шагами. Полное, добродушное лицо его съ мороза зарумянилось, онъ смотрѣлъ по-праздничному, какъ практикантъ, заранѣе довольный тѣмъ, что онъ найдетъ у больного.

Въ дверяхъ онъ остановился, увидавъ Стягина въ креслѣ, съ газетой въ рукахъ, и крикнулъ:

— Вотъ мы какъ! Превосходно! Сами газету читаемъ!.. Поздравляю, Вадимъ Петровичъ! Теперь мы не по днямъ, а по часамъ будемъ поправляться!

Стягинъ сидѣлъ въ креслѣ еще съ укутанными ногами, но уже одѣтый, въ накрахмаленной рубашкѣ; глаза смотрѣли ласково и вопросительно на доктора.

— Павелъ Степановичъ!—отеликнулся онъ, протягивая обѣ руки доктору.—Вы не только исцѣлитель моего тѣла, но и души... Вамъ я обязанъ тѣмъ, что могу теперь спокойно ждать выздоровленія.

— Это мой прямой долгъ, Вадимъ Петровичъ.

Доктору онъ былъ дѣйствительно обязанъ освобожденіемъ своего дома отъ „француза“, какъ выражался Леонтиѣ. Вчера Леонтина со своею Марьетою была перевезена въ „Славянской Базаръ“ по настоянію добрѣйшаго Павла Степановича. Онъ напустилъ даже на себя небывалую строгость, когда говорилъ Леонтиѣ о томъ, что не можетъ ручаться за исходъ болѣзни, если больного будетъ тревожить сосѣдство двухъ женщинъ, не привыкшихъ къ тишинѣ.

Леонтина объявила ему въ отвѣтъ, что она сама не желаетъ оставаться „dans cette sale boite“.

Вадимъ Петровичъ чувствовалъ себя такъ, точно будто его избавили отъ какого-нибудь большого горя, хотя онъ зналъ, что переѣздъ Леонтины въ гостиницу ничего еще не разрѣшаетъ, что она можетъ пожаловать сюда, что начнутся объясненія и счеты, какихъ еще не бывало и въ Парижѣ.

Тамъ онъ не набрался бы такой смѣлости, какъ здѣсь. Да и не было у него тамъ такихъ помощниковъ, какъ докторъ и Лебедянцева, трогательно преданный ему.

На доктора Стягинъ продолжалъ глядѣть довѣрчивыми глазами. Въ его взглядахъ было выраженіе благодарности и еще чего-то... Они понимали другъ друга, какъ участники въ одномъ и томъ же трудномъ дѣлѣ.

— Поджидаете Дмитрія Семеновича? — спросилъ док-

торъ послѣ того, какъ ощупаль ноги Стагина, измѣрилъ температуру и посмотрѣлъ языкъ.

Онъ зналъ, что Лебедянцева долженъ сегодня привезти какой-нибудь „ультиматумъ“ изъ „Славянскаго Базара“. Стагинъ такъ же откровенно говорилъ съ нимъ наканунѣ, какъ и со своимъ университетскимъ товарищемъ. Докторъ настаивалъ на томъ, чтобы до полнаго выздоровленія Вадима Петровича ни подъ какимъ видомъ не пускать къ нему Леонтины. И онъ, и Лебедянцева, точно по уговору, дѣйствовали такъ энергично, что Стагину оставалось только ждать и не волноваться попустому.

Доктору подали кофе. Левонтій пришелъ съ подносомъ, улыбающійся, какъ онъ улыбался только въ Свѣтлый праздникъ, елейный, съ низкими поклонами и особенно ласковыми привѣтствіями.

Когда онъ удалился, Стагинъ сказалъ доктору совершенно пріятельскимъ тономъ:

— Вы меня не осуждаете, докторъ?

— За что же?

— Да, можетъ-быть, мое поведеніе не совсѣмъ... какъ бы это сказать... безусловно, что ли?

— Это почему? — оживленно возразилъ докторъ. — Вы больной, ваша защита тутъ вполне законна, да если бы вы даже хотѣли и обрѣзать... разъ навсегда, я васъ осуждать за это не буду...

— Однако...

Стагину нужно было услышать отъ такого человѣка, какъ докторъ, нѣсколько доводовъ въ свою защиту.

— Я не циникъ, Вадимъ Петровичъ, но въ борьбѣ съ женщиной я признаю законность психо-физиологическаго притяженія, — разумѣется, когда нѣтъ нравственныхъ стимуловъ, въ видѣ дѣтей. А тутъ происходитъ явное нападеніе на васъ... *in extremis*, или въ родѣ того. Воображаю, какъ бы вамъ пришлось, если бы вы дѣйствительно лежали на одрѣ смерти.

Докторъ громко разсмѣялся.

Точно масло пролили его слова на душу Вадима Петровича.

— Да, вотъ подите, докторъ, не случись со мной здѣсь болѣзни, я бы черезъ годъ подписывалъ съ госпожой Леонтиной Дюпаркъ брачный контрактъ. А тутъ въ одну недѣлю я прозрѣлъ и несъ самообманъ открылся передо мною, вся страшная глупость, на которую я шелъ... такъ, по малодушію и холостой, неопрытной привычкѣ...

— И знаете еще отъ чего? Отъ того, что зажились за границей, оторвали себя отъ почвы... Я употребилъ это слово—почва; но я не славянофилъ, даже не пародникъ. Но безъ бытовой и безъ расовой физиологической связи не проживешь. Отчего васъ затянула первая попавшаяся связь? Отъ бѣдности выбора. Вы тамъ иностранецъ, въ семейные дома входить тамъ труднѣе, легкость нравствъ извѣстнаго класса женщинъ балуетъ, но отвлекаетъ отъ нормы. Вотъ и очутишься во власти одной изъ тамошнихъ хищницъ!

— Да, да, — повторилъ Стягинъ, — начинать лишаться воли... Здѣсь я ушелъ въ себя и почувствовалъ, какъ бы сказать...

— Бариномъ себя почувствовали, Вадимъ Петровичъ, чловѣкомъ почвы, домовладѣльцемъ, помѣщикомъ, возобновили связь съ нашею Москвой, съ такимъ товарищемъ, какъ Дмитрій Семеновичъ, и не захотѣли отдавать себя на съѣденье, во имя Богъ знаетъ чего!.. Вы еще вонъ какой жилистый! Сто лѣтъ проживете! Вамъ еще не поздно и о продолженіи вашего рода подумать...

— Куда ужъ!

Этотъ возгласъ Стягина вызвалъ въ немъ вдругъ мысль о Вѣрѣ Ивановнѣ. Ея стройная фигура, умная и красивая голова съ густыми волосами всплыли передъ нимъ, и ему ужасно захотѣлось ее видѣть. Захотѣлось и заговорить о ней съ докторомъ, но онъ застыдился этого.

— Все будетъ, Вадимъ Петровичъ, — продолжалъ свои доводы докторъ, — только оправьтесь хорошенько, проведите у насъ зиму, надо вамъ снова привыкнуть къ зимѣ въ теплыхъ комнатахъ, посадимъ васъ на гидротерапію... А тамъ подойдетъ весна—въ усадьбѣ поживете. Кто знаетъ, быть-можетъ, и останетесь.

Стягинъ не возражалъ. Парижъ не тянулъ его. Ъхать туда—это значить опять сойтись съ Леонтиной или ждать отъ нея разныхъ гадостей. Она его даромъ не упуститъ и лучше здѣсь покончить съ ней, хотя бы дорогою цѣной. Представилась ему и зима въ Парижѣ—мокрая или съ сухими морозами, съ зябкимъ сидѣньемъ у камина, съ нескончаемыми насморками и гриппами, къ которымъ онъ былъ такъ склоненъ. Прямо въ Парижъ онъ ни въ какомъ случаѣ не вернется отсюда. И перспектива русской зимы не пугала его. Это его немного удивило, но не огорчило.

— А вотъ и Дмитрій Семеновичъ жалуетъ!—воскликнулъ докторъ, вставая.—Слышу его шаги по лѣстницѣ. Стягинъ весь встрепенулся.

— Вы куда же, докторъ?—спросилъ онъ, видя, что тотъ берется за шапку.—Вѣдь у меня секретовъ отъ васъ нѣтъ... Я уже сказалъ, что вы врачъ тѣла и души.

— Я тороплюсь... Только пожму руку Дмитрію Семеновичу и надо бѣжать. А вы, кажется, въ волненіи... Не бойтесь... Мы васъ не выдадимъ... Москвичи—народъ вѣрный, даромъ что у нихъ репутація лукавыхъ собирателей земли Русской.

XIII.

Маленькій, краснѣющій носъ Лебедянцева улыбался и глаза игриво переходили отъ одного пріятеля къ другому, когда онъ протягивалъ имъ руку.

— Извини, братъ,—сказалъ онъ Стягину,—тебѣ руки не слѣдуетъ подавать... У тебя еще въ суставахъ опухоль...

— Ничего, ничего,—успокоилъ его Стягинъ.—Ты что-то веселъ. Твоей женѣ лучше?

Докторъ съ интересомъ повторилъ тотъ же вопросъ.

— Лучше, лучше,—затараторилъ Лебедянецъ, пожимая плечами и обдергивая свой сѣрый пиджакъ.—Все налаживается... Педѣльку-другую побудеть въ лѣчебницѣ, а у меня гоститъ Вѣра Ивановна.

— Вѣра Ивановна?—переспросилъ Стягинъ и возбужденно поднялъ голову.

— Да, возится съ ребятишками... учить ихъ, гулять водить,—бонна заболѣла тоже, да и не управилась бы.

— Вотъ и прекрасно!..—вскричалъ докторъ.—Я напому изреченіе вольтеровскаго Памплова. А теперь имѣю честь кланяться. Къ вамъ, Вадимъ Петровичъ, я не заѣду до воскресенья... Продолжайте ту же діету...

— Это по части тѣла, а по части души?—остановилъ его Стягинъ.

— Лебедянецъ, навѣрное, привезъ вамъ добрыя вѣсти... Онъ мнѣ разскажетъ послѣ.

Первымъ вопросомъ Стягина по уходѣ доктора было:

— Такъ Вѣра Ивановна у тебя будетъ жить?

Онъ не могъ сдержатъ чувства не то радости, не то досады на то, что вотъ лишенъ ея общества и услугъ, а

Лебедянцеву она замѣняетъ и больную жену, и гувернантку.

— Чего же лучше, братецъ!

— Этакъ весь ея день будетъ уходить на твою семью... Она совсѣмъ ко мнѣ не покажется.

— Почему?.. Бонна выздоровѣетъ. У ней легкая простуда... Да и дай срокъ. Вѣра Ивановна — дѣвушка съ амбиціей, большая умница... Сюда не пойдетъ, пока у тебя идетъ еще война... Ха-ха!.. А ты что жъ меня не спросишь, съ чѣмъ я къ тебѣ сегодня пожаловалъ?

Стигинъ точно совсѣмъ забылъ про Леонтину, про все то, самое существенное для него, съ чѣмъ могъ явиться Лебедянецъ со своей дипломатической миссіи въ „Славянскій Базаръ“.

— Да, да! Какъ стоять переговоры?

Но онъ спросилъ это почти спокойно.

— Чудакъ ты! — прыснулъ Лебедянецъ. — Вѣдь тутъ, братъ, надо будетъ принимать экстраординарныя мѣры.

— Какія еще?

— Ты не волнуйся безъ толку. Первымъ дѣломъ, — Лебедянецъ присѣлъ къ нему и закурилъ, — твою особу надо оградить отъ вторженія этой дамы. Она порывалась и даже грозила произвести эскандръ! Я долженъ былъ припугнуть ее.

— Чѣмъ?

— Извѣстно чѣмъ — полиціей!

— Этого еще недоставало! Пожалуйста, безъ вмѣшательства квартальнаго... Ничего этого я не желаю!

Прежняя брезгливая усмѣшка съ оттянутою нижнею губой явилась на лицѣ Вадима Петровича: онъ — европеецъ, либераль, презирающій всякую сдѣлку съ произволомъ — не можетъ, хотя бы и косвенно, обращаться къ полиціи, прибѣгать къ произволу.

— Безъ этого нельзя!.. — продолжалъ Лебедянецъ. — Припугнуть необходимо, иначе она сюда вторгнется, ты струсилъ...

— Никогда! — энергично вскричалъ Стигинъ.

— Ну, побьешь ее!.. Допускаю. Ты получишь опять острый рецидивъ и сдѣлаешься калѣкой.

Стигинъ смолкъ.

— Она теперь, послушай, какъ поговариваетъ... Можетъ кинуться къ здѣшнимъ властямъ... Положимъ, у ней

никакихъ правъ нѣтъ, но скандалъ разнесется. Тебя здѣсь знаютъ, въ дворянскихъ палестинахъ... Пойдутъ сплетни...

— Очень мнѣ нужно! Я давно разорвалъ связи со всѣми этими Сивцевыми Вражками и Поварскими!

— Это такъ тебѣ только кажется... А, небось, не вкусно будетъ, если какой-нибудь членъ англійскаго клуба возьметъ да и спроситъ въ упоръ: а правда ли, молъ, что вы съ французскою гражданкой Леонтиной Дюпаркъ сдѣлали гадость?

Стигинъ морщился и его этотъ оборотъ разговора корбилъ. Не то что онъ трусилъ, а ему противна была мысль о дразгахъ; онъ не желалъ, ни подъ какимъ видомъ, попадать въ исторію здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ никто, даже Лебедянцевъ, не зналъ доподлинно его прошедшаго съ этою женщиной, принималъ въ немъ участіе по товарищескому чувству, но въ глубинѣ души, быть-можетъ, осуждалъ его.

— Чего же она требуетъ?

— Чего! Мало ли чего! Законнаго брака или, по крайней мѣрѣ, обезпеченія до конца живота своего... какъ у нихъ тамъ водится... чтобы все нотаріальнымъ порядкомъ... Говорить, что ты ей общалъ торжественно...

— Ложь! — крикнулъ Стигинъ и хотѣлъ-было встать, но Лебедянцевъ удержалъ его. — Гнусная ложь!.. Наша связь могла кончиться бракомъ... Но я никогда ей его не общалъ... Вѣришь ты мнѣ или нѣтъ?

— Вѣрю!

— И насчетъ духовной или уступки ей части моей собственности я также не давалъ ей общанія!

— Да нечего меня увѣрять! Ты брызга, но никогда не лгалъ, и слова своего держался. Но мы вѣдь рѣшили съ тобой, что тутъ безъ отступного не обойдется.

— Отступное! Отступное! Все это пахнетъ Богъ знаетъ чѣмъ... какою-то гадостью!.. Дѣло простое и ясное... Связь тянулась десять лѣтъ... Самый обыкновенный парижскій collage... Здѣсь Леонтина показала свои карты. Здѣсь же я не пожелалъ дѣлать глупости — вѣнчаться съ нею или оставлять ей, по завѣщанію, все, что я имѣю. Я ее не люблю!.. Да никогда какъ слѣдуетъ не любилъ, а она меня еще меньше! Сейчасъ мы говорили съ докторомъ, и онъ совершенно меня оправдываетъ.

— А кто тебѣ сказалъ, что я тебя обвиняю? Я безмѣрно радъ!.. Надо ее спустить честно-благородно—вотъ и все!

— Я не отказываюсь удѣлить ей часть моихъ средствъ.

— Въ этомъ весь вопросъ. Но она хочетъ произвести усиленное давленіе... Она желаетъ быть русской барыней. Она хоть и фыркаетъ на Москву, однако, раскусила, что у тебя и свѣй отель — она такъ называетъ этотъ домъ — и un château — это на ея жаргонѣ усадьба, и всѣмъ этимъ она мнитъ владѣть, какъ помѣщица и дворянка. И ничего этого она не получитъ, если ты не будешь труса праздновать и не бросишь всякія твои неумѣстныя деликатности!.. Я, братъ, никогда ретроградомъ не былъ... Доносить на нее не стану, ни хлопотать о ея высылкѣ за границу... Но припугнуть слѣдуетъ... и ты мнѣ скажешь великое спасибо за одну комбинацію... На нее меня сама судьба натолкнула...

— Что еще? — все еще разстроеннымъ голосомъ окликнулъ Стягинъ.

— А вотъ что... Поднимаюсь я по лѣстницѣ „Славянскаго Базара“ — ко мнѣ навстрѣчу господинъ въ бачкахъ, щупленькій, въ бекешѣ, по-петербургски, въ цилиндрѣ, носъ острый, очки. Что-то знакомое... Какъ бы ты думалъ, кто?

— Кто?

— Бедровъ. Забылъ? Юристъ!.. Одного выпуска съ нами. Да ты, никакъ, съ нимъ на ты былъ... Онъ сынъ барина здѣшняго... чуть не сенатора... У нихъ и домъ былъ гдѣ-то на Собачьей площадкѣ.

— Помню, помню!

— Вѣдь онъ теперь — особа! Ты его совсѣмъ изъ вида пустилъ?

— Какое же отношеніе все это имѣетъ ко мнѣ и къ Леонтину?

— А ты не брыкайся! Я сейчасъ сообразилъ нѣчто, остановилъ его, онъ очень обрадовался, совсѣмъ не важничаетъ; когда о тебѣ узналъ, даже точно масломъ ему петербургское-то обличье его обдало... хотѣлъ быть у тебя непремѣнно... Здѣсь онъ проживетъ больше недѣли. Онъ-то и будетъ главнымъ пугаломъ для французской гражданки Леонтины Дюпаркъ... Я все такъ подстрою, что она увидитъ въ немъ *deus ex machina*. А ты, въ свою очередь, откройся ему по-душѣ. Онъ будетъ польщенъ. Я его помню, у него хорошая чувствительность была. Я о немъ много слышала. Онъ хоть и карьеру свою дѣлалъ, однако, остался вѣренъ идеямъ нашего времени... И даже

тутъ успѣлъ мнѣ кое-что такое сказать... Вдобавокъ, онъ законовѣдъ и по-французски долженъ говорить — дворянское дитя, и съ его поддержкой я тебѣ обещаю, что черезъ недѣлю отъ всей гражданки Дюпаркъ и духу не будетъ... Пудрери ея — и тотъ испарится. И все — честно-благородно, не разорительно, — на франки обойдется, а не на рубли золотомъ.

И Лебедянцевъ разсмѣялся такъ подмывательно, что и Стягинъ улыбнулся, вытянулъ ноги, въ которыхъ не было уже никакой боли, и спросилъ:

— Когда же Бедровъ хотѣлъ заѣхать?

— Завтра непременно будетъ. За сутки я ручаюсь насчетъ вторженія сюда гражданки Дюпаркъ... То-то, небось! Повеселѣлъ? Всѣ за тебя работаемъ. И Вѣра Ивановна приказала тебѣ сказать, что желаетъ тебѣ полного успокоенія... Какъ только докторъ позволитъ тебѣ выѣхать, пріѣзжай поблагодарить ее. А теперь прощай!

Лебедянцевъ потрепалъ его по плечу и выбѣжалъ.

XIV.

Изъ кабинета Вадима Петровича вынесли кровать и ширмы. Нѣтъ уже въ немъ запаха лѣкарствъ, все прибрано и вычищено.

Только тонкія полосы дыма хорошихъ сигаръ расходились по просторной комнатѣ, куда зимнее солнце вошло съ утра и весело играло на изразцахъ печки.

Другъ противъ друга сидѣли, въ креслахъ, Стягинъ и Викентій Ильичъ Бедровъ — уже тайный совѣтникъ и „на линіи сановника“, какъ опредѣлили его Лебедянцевъ, — сухощавый, лысенькій, съ маленькими бакенбардами брюнетъ, хорошо выбритый, въ черномъ сюртукѣ и сѣрыхъ панталонахъ солиднаго покроя, съ манерами свѣтскаго чиновника, въ золотыхъ очкахъ.

Стягинъ смотрѣлъ на него сквозь легкое облачко сигарнаго дыма, и ему еще какъ-то не вѣрилось, что вотъ этотъ самый тайный совѣтникъ, про существованіе котораго онъ и забылъ, сдѣлался вдругъ посредникомъ въ его холостыхъ парижскихъ „итогахъ“, и въ нѣсколько дней оформилъ все прилично и благородно... Леоптина уже на пути къ Берлину, она получила свое „отступное“ въ видѣ капитала въ процентныхъ бумагахъ и всю парижскую обстановку его квартиры, кромѣ библіотеки, вмѣстѣ съ платой, по контракту, за пять лѣтъ впередъ

Но устроилось это такъ скоро и складно потому, что гражданка Дюпаркъ поняла, кого имѣть передъ собою. Въ глазахъ ея Бедровъ былъ „magistrat“—и передъ этимъ званіемъ она смирилась; сообразила и то, что у Стагина такой вліятельный и высокопоставленный товарищъ,—не чета обдерганному Лебедянцеву, котораго она съ Марьетою назвала: „l'âme damnée de l'autre“, а подъ именемъ „l'autre“ подразумѣвала Вадима Петровича.

Бедровъ ничѣмъ не пугалъ Леонтину, но повелъ переговоры такъ, что въ два какихъ-нибудь дня все было улажено и Стагинъ получилъ отъ нея письмо, гдѣ она его благодарила, увѣряла въ неимѣніи какихъ-либо другихъ притязаній, была тронута передачей ей даровой квартиры со всею обстановкой и просила позволенія пріѣхать проститься съ нимъ.

Прощанье происходило на этомъ же мѣстѣ, вчера, въ присутствіи Лебедянцева, который отвезъ ее вчера же на Смоленскій вокзалъ.

— И вы опять туда, *dahin, wo die Citronen blühen?*—спросилъ Стагина его гость, поглядывая на него умными, немного усталыми карими глазами.

Они были студентами на *ты*, но имъ ловчѣе сдѣлалось говорить другъ другу *вы* при встрѣчѣ въ Москвѣ.

— *Dahin?*—повторилъ Стагинъ.—Я, право, и не знаю куда. Въ Парижъ рѣшительно не тянетъ. У меня тамъ и гнѣзда больше не будетъ...

— А здѣсь?.. Гнѣздо готовое!

Стагинъ промолчалъ. Ему дѣлалось завидно глядѣть на такого же холостяка, какъ онъ, на петербургскаго служаку, котораго онъ въ другое время обозвалъ бы презрительнымъ словомъ „чинушъ“. Этотъ чинушъ, воть сейчасъ, говорилъ съ нимъ о себѣ, своей службѣ, ея тягостяхъ, холостомъ одиночествѣ, набросалъ ему невеселую картину того, что дѣлается въ Петербургѣ и въ провинціи, вверху и внизу, какимъ людямъ дають ходъ, какой духъ господствуетъ, на что надѣяться и чего ждать.

— Не сладко, очень не сладко,—выговорилъ Бедровъ,—потому-то и нужно быть на своемъ посту. Нельзя дезертировать, нельзя!.. Какъ бы ни было плѣнительно подъ голубымъ небомъ, гдѣ зрѣютъ апельсины... Абсентеистомъ нашему брату уже поздно быть!

— Вы меня осуждаете за то, что я такъ долго находился въ бѣгахъ?

— Не осуждаю, а скорблю...

— Не на службу же поступать!—вырвалось у Стягина.

— А почему же нѣтъ? Можно и безъ вицмундира быть на службѣ. И здѣсь, въ городѣ, и въ деревнѣ каждый не опустившійся человѣкъ пріобрѣтаетъ тройную цѣну... Хамъ торжествуетъ. И вы, господа, добровольно уступаете ему мѣсто. Въ уѣздѣ можно и въ сословной должности дѣлать массу добра!

Не разъ слыхалъ Стягинъ точно такія же рѣчи и былъ къ нимъ глухъ. Онъ оправдывалъ свое нежеланіе оставаться дома—бесплодностью единичныхъ усилій и благихъ намѣреній, не хотѣлъ мириться съ неурядицей, дичью, скукой и прѣснотой деревенской жизни; въ Москвѣ не умѣлъ выбрать себѣ дѣла, находилъ дворянское общество невыносимымъ, городскіе интересы—низменными, культурные порядки—неизлѣчимо-варварскими.

Но въ лицѣ Бедрова сидѣлъ передъ нимъ какъ разъ тотъ человѣкъ, котораго судьба послала точно нарочно за тѣмъ, чтобы освободить его отъ единственной житейской привязки къ Парижу, гдѣ у него нѣтъ никакихъ другихъ связей.

Вѣдь онъ и тамъ совсѣмъ чужой до сихъ поръ. Съ русскими онъ не знается, въ свѣтъ не ѣздитъ, ученыхъ и литературныхъ интересовъ у него нѣтъ, не нажилъ даже никакого дилетантства, въ клубахъ не бываетъ, не любить ни картъ, ни спорта, за исключеніемъ прогулокъ, утроемъ, верхомъ. Театръ давно утомляетъ его, да ему изъ Пасси и неудобно поздно возвращаться домой. Два-три случайныхъ знакомства съ французами, да чтеніе газетъ и книжекъ, да заботы о своемъ пищевареніи, поѣздки на воды, на морскія купанья, перебранки съ Леонтиной, скучная переписка по хозяйству, по дому въ Москвѣ, жалобы на плохой курсъ, хандра, ожиданіе старости и смерти.

Стягинъ поникъ головой и больше уже не курилъ.

— Только тѣмъ и красна жизнь,—сказалъ Бедровъ, вставая,—что стоишь на своемъ посту.

— Пожалуй,—чуть слышно выговорилъ Стягинъ.

Гость взялся за шляпу.

— Вы развѣ не зайдете еще?—спросилъ его хозяинъ.

— Сегодня вечеромъ ѣду.

— Да я васъ, мой другъ, не успѣлъ хорошенько и поблагодарить за ваше участіе. Право, это все такъ сдѣлалось, точно по щучьему велѣнію.

— Не будете на меня пенять, — сказалъ съ усмѣшкой Бедровъ, — за такую быстроту развязки?

— Что вы!

И Вадимъ Петровичъ поднялъ даже обѣ руки.

— А все бы лучше, если вы дѣйствительно разорвали, не рисковать возвращеніемъ въ Парижъ...

— Да я и не поѣду туда...

— Поручите кому-нибудь вашъ раздѣлъ вещей, книгъ...

— Найдется!

— Наложите-ка на себя, collega, маленький искусь... Проживите до весны, побывайте у себя въ усадьбѣ... Можно вѣдь и домкомъ зажить... Это вотъ я, вицмундирный человѣкъ, обрекъ себя на celibatъ... А вы еще наверстаете...

— Куда ужъ!

Опять у него вылетѣло то же выраженіе, и опять онъ подумалъ о стройной и красивой дѣвушкѣ, еще такъ недавно сидѣвшей около стола съ газетой въ рукахъ.

Она теперь у Лебедянцева въ роли матери. Ребятишки льнуть къ ней. Какія рослая и здоровая дѣти пойдутъ отъ такой женщины!

— Задумались? — тихо спросилъ Бедровъ, подавая ему руку.

— Спасибо, спасибо, — повторилъ Стягинъ, всталъ и свободно прошелъ съ гостемъ до двери.

— Сидите, сидите! Въ передней для васъ свѣжо!

Посредины комнаты Вадимъ Петровичъ постоялъ еще нѣсколько минутъ. Ему хотѣлось сѣсть въ сани и поѣхать къ Лебедянцеву, но докторъ не разрѣшилъ ему выѣздъ. Можно простудиться и опять слечь. Эта мысль не испугала его... Не умереть! Съ такими припадками ревматизма еще можно помириться. А заболѣй онъ — Лебедянцева пришлетъ Вѣру Ивановну.

Большое раздумье сошло въ душу Вадима Петровича. Онъ опустился на кушетку, закрылъ глаза и долго лежалъ такъ, не двигаясь ни однимъ членомъ. Онъ не хотѣлъ ничѣмъ тревожиться, думать о томъ, что его ждетъ, останется онъ здѣсь или очутится въ Ниццѣ или Каирѣ... Ему было легко... Какая-то пріятность впервые овладѣвала имъ въ этомъ мезонинѣ собственнаго дома. Никуда не нужно спѣшить. Ни передъ кѣмъ не нужно прыгать, ни съ какимъ шумнымъ вздоромъ возиться. Нечего и глодать себя тѣмъ, что живешь скучающимъ иностран-

цемъ и теряешь на бумажкахъ тридцать процентовъ и болѣе.

Силы еще есть. Средства хорошия. „Отступное“ Леонтиѣ не разстроило его дѣлъ. Съ домогъ, съ имѣньемъ все можно повернуть, какъ онъ того хочетъ... Вотъ она—почва, о которой говорилъ докторъ.

И неизвѣданная жалость ко всему этому добру, заброшенному изъ-за брюзжанья, а потомъ и ко всей родинѣ начала проникать въ него.

— Хамъ торжествуетъ!—вдругъ выговорилъ онъ вслухъ и раскрылъ глаза.

А кто позволилъ ему торжествовать?.. Вотъ такіе, какъ онъ, Вадимъ Петровичъ, абсентеистъ и скучающій русскій дворянинъ, добровольно обрекавшій себя на роль бесполезнаго и фыркающаго брюзги, чтобы кончить законнымъ бракомъ съ гражданкой Леонтиной Дюпаркъ!

XV.

Надъ террасой, спускающейся отъ храма Спасителя, стояла зимняя зоря. Замоскворѣчье утопало въ сизо-розовой дымкѣ; кое-гдѣ по небу загорались звѣзды. Золоченныя главы храма тоже розовѣли. Величавымъ просторомъ дышала вся картина.

Электрическіе фонари разомъ зажглись, и ихъ розоватый свѣтъ смѣшался съ общимъ тономъ освѣщенія. Свѣжій снѣгъ лежалъ на дорожкахъ цвѣтника, на ступенькахъ террасы, на крышахъ домовъ. Мраморныя стѣны храма отливали желтоватостью слоновой кости.

Тишина нарушалась только тихими волнами загудѣвшаго колокола.

По ступенькамъ поднялся Вадимъ Петровичъ, въ бешкетѣ, въ котиковой шапкѣ, довольно легкою походкой, изрѣдка опираясь о палку. Онъ изъ дому прошелъ пѣшкомъ до Кремля, спустился Тайницкими воротами и набережной направился къ храму Спасителя.

На верхней площадкѣ онъ остановился и долго глядѣлъ. Картина захватила его. Грудь дышала привольно, глаза покоились на очертаніяхъ Замоскворѣчья, ища дальняго края, гдѣ сизо-розовая дымка переходила въ густѣвшую синь свода.

Старинная маленькая церковь приткнулась сбоку мраморной громады, и кресты ея фигурныхъ главокъ искрились въ послѣднемъ отблескѣ зари.

Стягинъ искренно любовался. Волны мѣднаго гула, шедшаго сверху, настраивали его особенно. Онъ оглянулся на ту сторону храма, гдѣ главныя двери. Народъ понемногу собирався къ службѣ, почти только простой людъ—мѣщанки въ бѣлыхъ шелковыхъ платкахъ, чуйки мастеровыхъ, кое-когда купеческая хорьковая шуба.

Тихо, все еще любуясь картиной, прошелъ Стягинъ къ паперти, поднялся на нее и еще разъ постоялъ, глядя на уходящія въ полумракъ улицы Остоженку и Пречистенку и конецъ бульвара.

Такъ онъ себя еще не чувствовалъ въ Москвѣ. Осенью все его раздражало и бѣсило. Теперь все покоило взглядъ и тишина зимы убаюкивала нервы. Сколько живописныхъ пунктовъ было по его пути, когда онъ спускался отъ Покровки къ городу, а потомъ Кремлемъ и вдоль Москвырѣчки! Ничто ему не мѣшало цѣнить своеобразную красоту панорамы. Нѣчто подобное переживалъ онъ только въ Италіи, въ такихъ старыхъ городахъ, какъ Флоренція. „Ужасная“ Москва заново привлекала его, и онъ не пугался такого чувства.

То же продолжалъ онъ испытывать, стоя на обширной паперти храма Спасителя.

Вслѣдъ за какою-то старушкой съ подвязаннымъ подбородкомъ, въ короткомъ стеганомъ салопцѣ, и онъ проникъ въ боковой ходъ. Сюда попадалъ онъ въ первый разъ въ жизни. Когда Стягинъ былъ студентомъ, храмъ строился, и строился долго-долго. Никогда его не интересовали работы внутри церкви. Наружный ея видъ находилъ онъ всегда тяжелымъ, лишеннымъ всякаго стиля, съ безвкусною золотою шапкой.

Внутренность храма, когда Вадимъ Петровичъ остановился недалеко отъ среднихъ большихъ дверей противъ мраморнаго шатра, покрывавшаго алтарь, полная живописной полумглы, ширилась въ грандіозныхъ очертаніяхъ сводовъ и стѣнъ; сполы маленькихъ огоньковъ на паникадилахъ мерцали въ глубинѣ, чуть-чуть освѣщая лики иконъ. Сверху ряды золоченыхъ перилъ на хорахъ отливали блескомъ округлыхъ линій.

Чѣмъ-то совѣмъ европейскимъ и грандіознымъ пахнуло на Вадима Петровича подъ куполомъ храма: пышная роскошь украшеній, истовость всего тона, простота и ласкающая гармонія цѣлаго. Ему не захотѣлось ни къ чему придирааться. Онъ отдавался общему впечатлѣнію и,

уходя, далъ себѣ слово придти сюда утромъ изучить все въ деталяхъ.

Сходя съ паперти, онъ вспомнилъ вдругъ восклицаніе Леонтины, когда она вернулась съ Лебедянцевымъ послѣ осмотра московскихъ церквей.

— *C'est crâne!* — выразилась она про храмъ Спасителя и воздержалась отъ всякой парижской бляги.

— *C'est crâne!* — повторилъ и онъ вслухъ, но тотчасъ же стряхнулъ съ себя воспоминаніе о пріѣздѣ Леонтины, не хотѣлъ примѣшивать къ своимъ сегодняшнимъ впечатлѣніямъ память о ея невѣжественной сорочьей болтовнѣ.

Онъ пошелъ пѣшкомъ обѣдать къ Лебедянцеву, и этотъ конецъ, — даже и по-московски не маленький, — не утомлялъ его. Онъ бодрымъ шагомъ спустился къ Пречистенкѣ. Зима принесла съ собой полное освобожденіе отъ ревматическихъ болей, чего онъ никакъ не ожидалъ. Сухой холодъ выносилъ онъ прекрасно.

Къ Лебедянцеву его тянуло. Вѣру Ивановну онъ видѣлъ у себя всего разъ. Она пришла не одна, — привела старшую дѣвочку, посидѣла съ четверть часа, на разспросы отвѣчала мягко, но чрезвычайно сдержанно... Дѣтей она любила, за выздоровленіе жены Лебедянцева не боялась.

Но ему хотѣлось и въ тотъ разъ поговорить съ ней о ея личной судьбѣ. Неужели она такъ и проживетъ въ этой невзрачной долѣ, довольствуясь дешевыми уроками, случайнымъ мѣстомъ чтицы, чуть не сидѣлки? Онъ непремѣнно поговорить съ ней, и сегодня же, и, прежде всего, покажетъ ей, что онъ уже не тотъ Стягинъ, за которымъ она такъ умно ухаживала, не фыркающій брюзга, малодушно носившій иго парижской нечистоплотной связи. Она пойметъ и оцѣнитъ.

Сегодня впервые познакомится онъ и съ житьемъ-бытьемъ своего товарища, въ которомъ нашелъ такого испытаннаго друга.

И чѣмъ ближе онъ подходилъ къ квартирѣ Лебедянцева, тѣмъ явственнѣе сознавалъ въ себѣ пріятное щемленіе въ груди. Какъ будто онъ смущенъ и, въ то же время, на душѣ ясно сознаніе прочности своего положенія и рѣшимость пустить корни здѣсь, въ этой „ужасной“ Москвѣ, даже тамъ, у себя въ усадьбѣ, гдѣ столько земли,

лѣса и разныхъ угодій томятся такъ долго безъ призора, какъ нѣчто лишнее и чужое.

Съ Пречистенки Вадимъ Петровичъ повернулъ въ одинъ изъ переулковъ, пошедшій ломаною линіей куда-то въ глубь, совсѣмъ не туда, куда бы ему слѣдовало идти. Но эти зигзаги не сердили его. Онъ зналъ, что найдетъ то, что ему нужно, на третьемъ поворотѣ войдетъ на просторный дворъ, возьметъ влѣво и увидитъ домикъ съ мезониномъ, подробно описанный ему Лебеяднцевымъ, и поднимется на крылечко.

Такъ все это и вышло. Вотъ и ворота; въ сгустившихся сумеркахъ свѣжій снѣгъ бѣлѣетъ точно въ полѣ; гдѣ-то въ копури брякнула цѣпь собаки и раздался глухой лай. Окна домика привѣтливо освѣщены и внизу, и въ мезонинѣ. Крылечко чистое, съ навѣсомъ.

Стягинъ позвонилъ. Ему отворила пожилая горничная, въ головкѣ, какъ носили нянюшки въ его дѣтство.

— Пожалуйте, батюшка, Дмитрій Семенычъ сейчасъ вернулись.

Тонъ горничной напомнилъ ему Левонтія Наумыча, котораго онъ отблагодарилъ вчера, предлагалъ ему поселиться у него въ домѣ, но старикъ не пожелалъ покинуть богадѣльню, гдѣ умирать „расчудесно“.

Въ маленькую переднюю выбѣжала собачка-коротконожка, на кривыхъ лапахъ, и стала ласкаться къ Стягину. За ней показался мальчикъ лѣтъ трехъ, съ большою головою, въ опрятной блузѣ, и улыбался гостю большими, круглыми глазами.

— Неужели пѣшкомъ? — раздался голосъ Лебеяднцева.

— Пѣшкомъ, — весело отвѣтилъ Вадимъ Петровичъ, — отъ самаго дома.

Лебеяднцевъ расхохотался и крикнулъ на собаку.

— Дружокъ! Не приставай!.. Колька, — приказалъ онъ сыну, — бѣги наверхъ и скажи Вѣрѣ Ивановнѣ, что пора кончать урокъ. Каковъ у меня бутузъ? — спросилъ Лебеяднцевъ Стягина, когда они проходили зальце, гдѣ столъ былъ чистенько накрытъ къ обѣду. — Ты, братъ, лишенъ родительскаго нерва. Пойдемъ въ кабинетъ, отдохни... Не очень ли ты уже попадѣлся на себя? Вѣдь, это страшный конецъ!

То, что Лебеяднцевъ звалъ своимъ кабинетомъ, была узенькая комнатка, въ одно окно, съ кушеткой и старенькимъ письменнымъ столомъ.

— Прилягъ, прилягъ сюда!

Стягинъ прилегъ на кушетку и оглядѣлъ голыя стѣны комнатки. Ему стало совѣстно за бѣдность своего товарища, за эту выносливую и приличную бѣдность.

— Скоро вернется жена твоя?—тихо спросилъ онъ искреннею нотой.

— Она совсѣмъ наладилась... если только не будетъ рецидива.

— Да, вѣдь, это проходить съ беременностью?

— Проходить.

— И которое счетомъ чадо будете вы ожидать?

— Пятое!.. Да одно умерло.

— И тебя не страшитъ такая цифра?..

Вадимъ Петровичъ не договорилъ.

„Нечего умничать,—поправилъ онъ себя мысленно,— лучше войти въ ихъ положеніе...“

Гдѣ-то, сверху, заскрипѣли ступеньки лѣстницы; онъ узналъ шаги Вѣры Ивановны и тотчасъ же вскочилъ съ кушетки.

XVI.

Въ угловой комнатѣ съ занавѣской — она служила и спальней, и гостиной—Стягинъ и Вѣра Ивановна сидѣли у круглаго стола.

Она вышивала. Онъ перелистывалъ иллюстрированный журналъ. Дешевая лампа съ темнымъ абажуромъ роняла свѣтъ на руки и часть лица дѣвушки и оставляла комнату совсѣмъ темной.

Въ домѣ все стихло. Дѣтей уложили. Лебедянцева часу въ восьмомъ собрался на засѣданіе какого-то общества и приглашалъ Стягина съ собой, но тотъ не поѣхалъ, попросилъ у Вѣры Ивановны позволенія посидѣть еще немного.

Оставшись съ ней наединѣ, онъ началъ испытывать неопредѣленную тревогу. За обѣдомъ она занималась больше дѣтми и рѣдко вставляла слово въ общій разговоръ. Ея разспросы про его здоровье звучали искренно; но онъ желалъ видѣть въ ней еще что-то, ту степень близости, какая установилась у нихъ тамъ, на Покровкѣ.

Но и ему самому целовко было взять другой тонъ. Нѣсколько фразъ перебиралъ онъ мысленно, которыя бы сейчасъ повели къ задушевной бесѣдѣ. Онъ боялся по-

казаться безцеремоннымъ, играть роль богатаго барина, желающаго обласкать свою бывшую чтицу.

И это колебаніе увеличивало его тревогу.

— Вѣра Ивановна,—выговорилъ онъ, глядя не на нее, а на рисунокъ журнала,— у меня есть планъ насчетъ Лебедянцева... Одобрите ли вы его?

— Какой, Вадимъ Петровичъ?

— Я въ первый разъ здѣсь, и благодаря вамъ...

Она промолчала.

— Вы вызвали во мнѣ совсѣмъ другое отношеніе къ Лебедянцеву и его житейской долѣ. Надо его обезпечить. Онъ мнѣ далъ мысль иначе распорядиться моею городскою собственностью. Я ему предложу быть моимъ компаньономъ по этой части, вести постройки. У него будетъ даровая квартира и доля въ доходахъ.

Умные и пытливые глаза дѣвушки остановились на немъ. Но въ нихъ онъ чувствовалъ еще какую-то особенную сдержанность.

Тихонько протянулъ онъ руку и прикоснулся концами пальцевъ къ ея вышиванью.

— Послушайте,—продолжалъ онъ пониженнымъ звукомъ,—вы точно на меня въ претензіи за что-то...

— Я, Вадимъ Петровичъ?

Щеки ея слегка порозовѣли. Онъ глядѣлъ на нее вбокъ. Голова ея, съ густыми, волнистыми волосами и бѣлымъ значительнымъ лбомъ, немного откинулась назадъ. Рѣсницы она опустила.

Тревога Стягина возрастала. Эта дѣвушка привлекала не одною своею свѣжестью, бюстомъ и красивымъ профилемъ. Никогда онъ не имѣлъ къ женщинѣ такого почти-тельнаго чувства, смѣшаннаго со страхомъ, что вотъ она совсѣмъ уйдетъ отъ него, что онъ передъ ней неисправимо провинился.

— Неужели вы не простили той сцены... у меня, когда прѣзжая изъ Парижа особа такъ глупо повела себя? Я, конечно, былъ кругомъ виноватъ въ томъ, что ввелъ васъ въ интимныя подробности моей жизни...

— Полноте, Вадимъ Петровичъ,—остановила она его и положила работу на столъ.—Мнѣ уже подъ тридцать лѣтъ... И такой щекотливости во мнѣ нѣтъ... Вы со мной были очень деликатны. Только мнѣ неприятно стало, что такъ вышло...

Она затруднялась выразить вполнѣ свою мысль.

— А вышло очень хорошо! — вдруг заговорил Стягинъ съ неожиданнымъ для него напывомъ смѣлости. — И вотъ я вольный казакъ! И этимъ я обязанъ, прежде всего, знаете кому?

— Нѣтъ, не знаю, Вадимъ Петровичъ.

Она опять опустила голову надъ работой.

— Вамъ, Вѣра Ивановна.

Ему показалось, что ея рѣсницы нервно вздрогнули:

— Съ какой стати?

— Вамъ, — повторилъ онъ и взялъ ее за руку около локтя.

Она отдернула руку.

— Полноте, — выговорила она, и въ голосѣ ея слышались тѣ строгія ноты, которыхъ онъ ждалъ и боялся.

— Почему же мнѣ не говорить правды? — возбужденно возразилъ онъ, испытывая уже болѣе пріятную тревогу. — Разумѣется, вамъ. Пріѣхала та женщина, — онъ не хотѣлъ называть ее по имени, — приревновала къ вамъ, показала всѣ свои карты, и вотъ ей больше нѣтъ въ моей жизни!

— И вы говорите это съ такою радостью, Вадимъ Петровичъ?

Вопросъ звучалъ укоризной.

— А то какъ же?

— И вамъ ни чуточки не жаль этой женщины... или своего прошлаго?.. Все-таки, у васъ была же...

— Дурная привычка!

Онъ опять сталъ бояться того, что она его осуждаетъ, что въ ея глазахъ онъ бездушный развратникъ, прогнавшій отъ себя женщину, съ которой жилъ десять лѣтъ. Вѣдь, это, по толкованію русской дѣвушки съ новыми взглядами, выходитъ „гражданскій бракъ“... Онъ порывисто сталъ оправдываться... Не то одно его оттолкнуло, что въ парижской „подругѣ“ слишкомъ уже скюзило желаніе воспользоваться его болѣзнью и женить на себѣ, но онъ самъ испугался пошлости и лжи такого конца, и говоритъ это прямо, говоритъ ей, Вѣрѣ Ивановнѣ, дѣвушкѣ, на судъ которой хочетъ отдать свое поведеніе.

Въ жару своей оправдательной рѣчи Вадимъ Петровичъ взялъ ее руку и не выпускалъ изъ своей. Вѣра Ивановна уже не отдергивала ее.

— Я вамъ вѣрю, Вадимъ Петровичъ, — сказала она и выпрямилась. — Довѣріе ваше очень цѣнно. Много ли вы меня знаете? Какъ простые люди говорятъ, безъ году

недѣля... Ваша болѣзнь сблизила насъ, это точно... Я къ вамъ, втихомолку, присматривалась... Вы для меня стали понятны... довольно скоро. Вамъ не хорошо жилось тамъ, въ Парижѣ. Сухо, матеріально. А, между тѣмъ, въ васъ сидитъ совсѣмъ не такой...

— Брюзга,—задушевымъ звукомъ подсказалъ онъ.

Она тихо разсмѣялась.

— Да, если хотите... А шутка—двадцать лѣтъ прошли у васъ въ этой заграничной суши...

„И ты—почти старикъ“,—подсказалъ онъ себѣ и ему стало вдругъ жутко, до слезъ обидно и смѣшно за себя. Пятый десятокъ пошелъ, а онъ вотъ ищетъ женскаго отклика на свою холостую хандру.

— Неужели и отходную себѣ читать?—спросилъ онъ и взглянулъ на нее грустно, почти просительно.

— Зачѣмъ? Развѣ я это говорю, Вадимъ Петровичъ?

Голосъ ея приласкалъ его. Ему стало легче. Чувство давно неиспытанной стыдливости начало овладѣвать имъ. Хотѣлось надѣяться и не страшно было отъ возможности другого конца, согрѣтаго любовью такой дѣвушки.

Но надо ее вызвать!.. Она не Леонтина; ее не купишь... Бѣдность и трудъ не страшны ей...

Съ тѣми же мыслями вышелъ Стягинъ и изъ маленькаго домика полчасъ спустя.

На дворѣ стояла лунная ночь. Онъ прошелся немного пѣшкомъ, на Пречистенкѣ взялъ извозчика и приказалъ ему ѣхать по Покровку Кремлемъ.

На аспланадѣ, противъ дворца, онъ остановилъ извозчика, вышелъ и долго стоялъ у перилъ, любясь несравненной ночью картиной. Онъ не боялся холода, не мечталъ о новомъ побѣгѣ въ чужіе края, никуда его не тянуло, ничего брезгливаго противъ Москвы не поднималось въ его душѣ.

Городъ, которому онъ такъ долго измѣнялъ, владѣлъ имъ въ эту минуту. Все ему сдѣлалось близко, понятно и дорого. Изъ маленькаго домика ушелъ онъ смущенный и тронутый; надежда на хорошій конецъ не стихала. Вся исторія его болѣзни, поддержка товарища, освобожденіе отъ Леонтины, роль красивой и умной чтицы могли бы представиться ему совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ... Его ловко обошли. Лебеядицевъ поживится около него и жепить на дѣвушкѣ, преданной себѣ...

Такъ бы и сталъ ему представлять дѣло любой пари-

жанинъ. И онъ можетъ точно такъ же все объяснить, но не хочетъ. Жить онъ хочетъ по-другому,—это онъ зналъ и чувствовалъ, не смущаясь тѣмъ, что ему пошелъ сорокъ пятый годъ...

На него лились съ неба серебристые лучи, на него и на бѣлыя стѣны соборовъ, и на розоватую громаду дворца, на матовое золото церковныхъ главъ.

Что-то бодрящее, никогда не испытанное наполняло его... Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ докторомъ о „почвѣ“—и ему стало еще отраднѣе...

По дорогѣ домой онъ по-дѣтски закрылъ глаза и въ полудремѣ ѣхалъ такъ по улицамъ, подставляя лицо подъ легкій морозный вѣтерокъ.

ВТОРАЯ ОТЪ ВОДЫ.

I.

— Отвѣчай же, Витя!

— Извольте, мамочка, только вы не отчетливо спрашиваете.

— Ладно. Все ты финтишь. Говори сначала: *Cartaganienses...* Ну?

— *Cartaganienses cum minos...*

— Нѣтъ *minus*, а не *minos*.

— Ахъ, позвольте!.. Ну, разумѣется, *minus*.

— А потомъ что? Вотъ и прильпé!

— Не прильпе-съ, а знаю!

И мальчикъ духомъ выпустилъ всю тираду:

— *Cum minus eo die exspectarent...*

— Постой!.. Ты знаешь ли, какая это форма: *exspectarent*?

— Какъ же не знать? Это подготовишкѣ совѣстно задавать такіе вопросы. Вотъ и опять сбили! Я дальше пойду...

— Сдѣлай милость.

— Ну, да, у меня твердо въ промежуткѣ; а потомъ такъ: *hostes aut pugnab e navibus...*

— Вотъ еще какія тонкости: *e...* А по-моему бы просто: *ex*.

— Кто же это скажетъ *ex*, мамочка? *E navibus egressi partim per agros errabant, partim in tabernaculis quiescebant!*

Гимназистикъ такъ и выпалилъ, въ оба раза, слово „partim“, смакуя его, а къ концу предложенія звучно перевелъ дыханіе.

— Такъ, небось?

— Недурно!

Въ опрятной, небольшой столовой, подъ висячею лампой сидѣли за столомъ, покрытымъ скатертью изъ сѣраго толстаго сукна, молодая еще женщина и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

Ей было подъ тридцать. Очень небольшого роста, она казалась подросткомъ за этимъ обѣденнымъ столомъ: голову она нагнула низко надъ тетрадкой и облокачивалась на оба локтя. Темное мериновое платье ловко сидѣло на ней безъ морщинки и по корсету. И прическа черныхъ волосъ показывала привычку заниматься своею головой. Но лицо уже отцвѣтало. Щеки потеряли румянецъ; по обѣимъ сторонамъ довольно крупнаго носа легли двѣ складки; добродушный ротъ съ толстоватою нижнею губой показывалъ зубы не совсѣмъ ровные. Въ глазахъ, длинныхъ, сѣрыхъ, красивыхъ, улыбка перемежалась съ притворно-строгимъ выраженіемъ, когда густыя брови придвигались концами къ переносицѣ.

Мальчикъ, въ блузѣ гимназиста, откинулся на спинку дубоваго рѣзного стула и держалъ голову такъ, какъ держать ее, когда хотятъ хорошенько и поскорѣе все вспомнить. Онъ положилъ на столъ одну только правую руку. Тоненькіе пальцы ея перебирали обрѣзъ учебника, случившагося тутъ. Голова мальчика, съ выпуклымъ лбомъ и стрижкой подъ гребенку дымчатыхъ волосъ, закруглялась въ свѣтѣ лампы; блѣлая кожа лба, румянецъ дѣтскихъ щекъ, узенькіе каріе глаза и по двѣ ямочки на каждой щекѣ пышили здоровою возбужденностью. Въ голосѣ его уже звучали альтовыя ноты.

— А еще есть письменныя упражненія, Витя?

— На завтра — все; больше нѣтъ. Теперь только изъ русскаго.

— Давай.

— Я и одинъ. Что же вамъ трудиться?

Мальчикъ протянулъ къ ней ласково свободную кисть руки.

— Какъ знаешь: я не устала. Что жъ, чай будемъ пить?

— Я готовъ... Сдѣлаю передышечку.

Онъ вскочилъ со стула, быстро собралъ тетрадки и книжки. Та, которую онъ звалъ „мамочкой“, потянулась, сдержала зѣвоту и позвонила. Подъ лампой висѣла каучуковая груша воздушнаго звонка.

— Хочешь, чтобъ я сама заварила?—спросила она Витю.

— Веселѣе будетъ!

Мальчикъ уже стоялъ въ дверяхъ, на пути въ свою комнатку.

— Сказать Марьѣ?—звонко крикнулъ онъ.

— Да, скажи, что я звонила — столъ накрыть и самоваръ.

— Хорошо, мамочка.

Витя убѣжалъ. Столовая сразу сдѣлалась скучнѣе и просторнѣе. Ее не наполняли больше говоръ латинской репетиціи, переливы звонкаго, вздрагивающаго голоса.

Марина Игнатьевна, наконецъ, встала, перевела плечами, точно хотѣла стряхнуть съ себя одеревянѣлость членовъ. Но въ ея большихъ глазахъ появился тотчасъ же налетъ тоски и безпокойства. Она пожалѣла, про себя, о томъ, что репетиція такъ скоро кончилась. Ужъ не обманулъ ли ее немножко Витя? Съ нимъ забавно. Какъ онъ выпаливалъ „partim“ и онять „partim“, и такъ вкусно выговаривалъ звучное слово „tabernaculis“.

И ей не страшны теперь ни латинскія слова, ни спряженія, ни „суппны“, ни „герундіи“, ни „творительный самостоятельный“, ни дательный — тоже „самостоятельный“. Въ два какихъ-нибудь года она настолько выучилась сначала самоучкой, потомъ у студента, что можетъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, подучивать Витю.

Латинская грамматика и — балетъ, школа, гдѣ столько годовъ она носила цвѣтное платье съ бѣлою пелеринкой и фартукомъ и каждое утро выстраивалась въ залѣ, вдоль стѣнъ и оконъ, въ ожиданіи учителя! И звукъ скрипки у ней, только что она зажмурится, сейчасъ начинается чуть слышно раздаваться, какъ комаръ... Въ старыя мелодіи старыхъ, классическихъ па... Да и потомъ, уже на службѣ, сколько лѣтъ продолжала она ѣздить въ ту же школу, мечтала объ успѣхахъ, добилась повышенія, была старательнѣе почти всѣхъ своихъ товаровъ и нагрудила ногу, въ щиколкѣ, потеряла гибкость, много отъ этого плакала и спустилась до званія корифейки... Почти что до „второй отъ воды“.

Много стало у ней свободнаго времени. Вотъ тутъ и

занятія съ Витей пришлось очень кстати. И „русскимъ предметахъ“ учили ее плохо. Надо было многое заново протвердить. А потомъ и латинскій языкъ не испугалъ; хотѣла даже и по-гречески начать, да греческій Витѣ, почему-то, давался гораздо больше, чѣмъ латынь.

Каждый вечеръ, послѣ урока, почти однѣ и тѣ же мысли приходятъ ей. И все они вдвоемъ съ Витей. Послѣ чая онъ еще позубрить немножко у себя, въ началѣ одиннадцатаго ляжетъ спать, а она читаетъ, читаетъ — до тѣхъ поръ, пока глаза не начнутъ слипаться.

Прежде ждала звонка; теперь не ждетъ больше. Тогда въ спальнѣ стояли двѣ кровати; теперь только одна — вотъ уже прошло четыре мѣсяца, какъ заведенъ такой порядокъ. И онъ уже не будетъ измѣненъ.

— Мама! что же самоваръ?

Марина Игнатьевна окликнула горничную непроизвольно. Ей нужно было выйти изъ этого неизбежнаго обдумыванья все однихъ и тѣхъ же фактовъ, одного и того же положенія.

— Позовите Витю пить чай! — сказала она горничной, когда самоваръ былъ поставленъ и все остальное, что нужно къ чаю.

Его мурлыканье она любила, да и вообще въ столовой менѣе жутко, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ.

II.

Витя пилъ чай основательно, изъ большого стакана, съ подстаканникомъ, подареннымъ ему при переходѣ во второй классъ. Мальчикъ любитъ чай не очень сладкій, но чтобы покрѣпче. Съ чаемъ съѣдаетъ плюшку; масла не любитъ и сухарей также, — у него въ горлѣ „стрекочетъ“ отъ нихъ.

Между первымъ и вторымъ стаканами — иногда и третій попросить — онъ дѣлалъ передышку, и тутъ всегда у нихъ происходитъ разговоръ. Витя рассказываетъ про классы, уроки, отѣтки, товарищей и учителей; разсуждаетъ вслухъ о жизни „вообще“ и тѣкаетъ своей „мамочкѣ“ разные вопросы.

Съ ней онъ сжился. Онъ знаетъ, но только съ поступленія въ гимназію, что Марина Игнатьевна — не родная мать ему, что онъ осиротѣлъ во второмъ году; но представить себѣ какую-нибудь другую женщину въ роли его матери онъ никакъ не можетъ. Портретъ его „настоящей“ мамы ему подарили, тоже около того времени, какъ онъ во-

ступилъ въ гимназію; другой ея портретъ виситъ у отца, въ кабинетѣ, надъ кушеткой. Она была, какъ и эта „мамочка“, въ балетѣ. Вити произноситъ „танцовщица“, съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ, хотя и отецъ, и Марина Игнатьевна отучали его много разъ отъ такого ударенія. Но въ гимназіи такъ произносили, а все, что гимназія, было для Вити почти закономъ умѣнья жить и высшей грамотности.

Съ Мариной Игнатьевной у него всегда лады; онъ ее любитъ и внутренно жалѣетъ; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ говорить, постоянно говорилъ ей „вы“. Отцу—„ты“. Смутно понималъ онъ и то, что „мамочка“ не всегда была для отца женой; что онъ сначала жилъ съ отцомъ на другой квартирѣ, и туда она пріѣзжала часто и оставалась подолгу. Потомъ всѣ трое стали жить на одной квартирѣ; но только уже позднѣе они разъ поѣхали въ церковь, и на мамочкѣ было бѣлое платье съ бѣлыми же цвѣтами на головѣ, и дома ихъ поздравляли, съ бокалами шампанскаго. Онъ тогда еще хорошенько не зналъ, кто у него была настоящая мать. Первая, Марина Игнатьевна стала ему говорить, что покойная его „мама“ приходилась ей родственницей и жили онѣ въ большой дружбѣ, и учились вмѣстѣ, вмѣстѣ ихъ и выпустили „на службу“.

По двѣнадцатаму году, послѣ разныхъ разговоровъ въ гимназіи, Витя многое сообразилъ. И сталъ, даже и передъ самимъ собой, какъ бы скрывать то, что его родная мама не была женой отца, а также и то, что теперешняя „мамочка“ не сразу ею сдѣлалась; онъ старался объ этомъ позабыть, что ему не всегда удавалось. Онъ ее очень „уважалъ“ и уваженіе это росло въ немъ. Не хотѣлось ему думать что-нибудь дурное про отца; но онъ не могъ ни приласкаться къ нему, ни поговорить съ нимъ хорошенько. Отца никогда почти не было дома въ тѣ часы, когда Витя возвращался изъ гимназіи. Кое-когда отецъ остается обѣдать, спросить его о чемъ-нибудь, но не серьезно, а такъ, чтобы подцѣпить, или выругаетъ кухарку за плохую ѣду; съ „мамочкой“ перекинется двумя-тремя словами, больше посвистываетъ или читаетъ газету между кушаньями и курить со второго блюда.

Витя чувствовалъ, что у нихъ въ домѣ неладно. Ему много разъ хотѣлось прильнуть къ своей мамихѣ, положить ей голову на колѣни или на плечо, поцѣловать ее въ щеку и спросить: „какъ ей живется“. Но онъ стыд-

ливъ. Ему это кажется слабостью, смѣшной сентиментальностью. Ему всегда хочется быть „мужиной“. И, кромѣ того, онъ не желаетъ становиться между отцомъ и „мамочкой“. Кого-нибудь да надо будетъ осудить. Такъ всегда бываетъ въ жизни. Не могутъ быть оба правы!.. Мамочкину жизнь онъ знаетъ, какъ на ладонѣ, а отцовскую—ни чуточки. Непремѣнно придется кого-нибудь обвинять.

Но въ этотъ вечеръ Витя не выдержалъ. Онъ подмѣтилъ въ лицѣ Марины Игнатьевны что-то новое.

— Мамочка-съ!.. — началъ онъ и откинулъ сейчасъ же голову.

По этому оклику она ожидала какого-нибудь вопроса поучительнаго свойства. Она рада была давать на нихъ отвѣты, но у ней не всегда доставало знаній. Иногда ей приводилось говорить ему:

— Я, право, не знаю, Витя. Меня плохо учили.

И ей было каждый разъ совѣстно за то, что она „такая дубишка“.

— Мамочка-съ,—повторилъ Витя.

Онъ не рѣшался спросить сразу.

„Вотъ опять что-нибудь мудреное спросить“,—подумала Марина Игнатьевна.

— Скажите, пожалуйста, — продолжалъ Витя,—у папы развѣ такая тяжелая служба?

Она взглянула на него изъ-за блюдечка.

Марина Игнатьевна пила обыкновенно въ прикуску или въ „пригрызку“, какъ она выражалась.

— Какъ тебѣ сказать... Не думаю, чтобы очень.

„Зачѣмъ это ему?“—спросила она себя, не чувствуя еще, куда ея пасынокъ желаетъ придти. Она до сихъ поръ не позволяла себѣ, глазъ-на-глазъ съ нимъ, хоть что-нибудь высказать объ отцѣ неодобрительное, хоть слегка пожаловаться.

Такой „гадости“ она никогда себѣ не позволить.

— Вечеромъ папа бываетъ ли въ своемъ департаментѣ?

— Не знаю, право, Витя.

— Какъ же это вы, мамочка, никогда не полюбопытствовали?.. Я думаю, что у него не очень много дѣла... по службѣ. Навѣрное, меньше, чѣмъ у насъ, напримѣръ, въ гимназій.

— Какъ же ты себя сравниваешь? Ты еще маленький.

— Такъ что, что маленький? Вотъ перейду въ старшіе классы, тамъ еще тяжелѣе будетъ. Небось, не даромъ нынче

ездѣ въ газетахъ пишутъ, что нашего брата переутомляютъ непосильными занятіями. Это такое новое слово есть—переутомленіе; не я его, мамочка, выдумалъ.

— Я знаю! Такъ какъ же быть, коли иначе нельзя, чтобы въ студенты попасть?—спросила Марина Игнатьевна, обрадованная поворотомъ разговора. Витя—не особенный охотникъ жаловаться на трудность уроковъ; но гимназія и гимназисты—его конекъ, и онъ, навѣрное, будетъ объ этомъ и дальше говорить.

Но Витя повернулъ опять къ отцу.

— Вѣдь, папа пишетъ въ газетахъ?

— Какъ же.

— О театрахъ?

— Да, Витя.

— Гдѣ же онъ обыкновенно свои статьи пишетъ? Не у себя же дома,—его никогда дома не бываетъ?

— Какъ же ты можешь это знать, — ты въ девятомъ часу уходишь?

— Да, вѣдь, это правда, мамочка. Зачѣмъ же скрывать? Я знаю хорошо, что папа очень поздно встаетъ, и въ будни не раньше, чѣмъ въ воскресенье, часу въ двѣнадцатомъ. Въ первомъ въ департаментъ поѣдетъ... Тамъ его и слѣдъ простыл!

Мальчикъ весело разсмѣялся. Онъ не хотѣлъ осуждать отца, и ему его разспросы казались просто необходимыми, чтобы многое выяснить. Замѣтилъ онъ уже давно, что „мамочка“ очень жмется, на провизію даетъ мало, съ кухаркой часто у ней идутъ перекоры, горничная жалуется,—онъ это слышитъ черезъ перегородку,—на барыню кухаркѣ, своимъ чередомъ, и все на то, что „каждую копейку учитывать начала“. И одѣвается она все въ черномъ, одно „платишко“ (Витя такъ называетъ про себя) и въ праздникъ, и въ будни, извозчика рѣдко возьметъ, а въ каретѣ ѣздитъ только въ казенной, когда пріѣдутъ за ней на репетицію или на спектакль.

— И много папа зарабатываетъ въ обоихъ мѣстахъ?—спросилъ онъ, принимая отъ Марины Игнатьевны второй стаканъ чаю.

— Въ какихъ обоихъ?—переспросила она, почти вехотя.

Направленіе разговора ей не нравилось. Она могла бы прикрикнуть, сказать ему, что онъ задаетъ ей пустые вопросы и слишкомъ еще малъ, чтобы во все носъ совать. Но она не хотѣла его огорчать. Витя—мальчикъ послуш-

ный, покладливый, очень умненькій. Если его оборвать, онъ, конечно, замолчитъ, но тотчасъ же пойметъ, что мамочка не желаетъ быть откровенной въ самыхъ простыхъ вещахъ. Такимъ путемъ онъ скорѣе можетъ начать подозрѣвать что-нибудь.

— Василій Федорычъ получаетъ хорошее жалованье.

— Тысячу или больше?

— Больше. Какое же нынче жалованье тысячу рублей? Это только я-вотъ на пятидесяти рубляхъ въ мѣсяцъ сижу.

Витя знаетъ, что она получаетъ каждый мѣсяцъ жалованье въ Театральной улицѣ, и это очень поднимало въ его глазахъ значеніе его мамины, какъ личности.

— Что жъ вы себя обижаете?—съ большою живостью возразилъ онъ.—Вы бы теперь тысячи получали, и бенефисъ, и все прочее, если бъ не случилась съ вами бѣда. Зато пенсія у васъ будетъ, мамочка, вѣдь будетъ?

Если бъ она сказала: „не будетъ“, это сильно огорчило бы его.

— Если не прогонять, пожалуй,—съ замѣтною грустью вымолвила Марина Игнатьевна.

— Ну, ужъ это позвольте!—задорно вскрикнулъ онъ.— Кто же такую подлость сдѣлаетъ?

Когда Витя поставилъ стаканъ на поднось и утерся салфеткой, онъ перевелъ свои узенькіе глаза на Марину Игнатьевну, и въ этихъ карихъ глазкахъ засвѣтилось опять упорное преслѣдованіе все той же мысли. Она сейчасъ же поняла, что онъ вернется къ занятіямъ и жалованью отца.

— И въ газетѣ ему хорошо платятъ? Вѣдь да, мамочка?

— Кажется.

— Я навѣрное знаю. Сарапуловъ, товарищъ одинъ, онъ сынъ конторщика въ той редакціи, мнѣ какъ-то говоритъ этакъ, въ пережѣну: „Твой отецъ здорово получаетъ. Ему по двѣнадцати копеекъ платятъ за театральные отчеты“. Онъ зря не скажетъ,—прибавилъ Витя и даже немного нахмурилъ свои такіе же густые, какъ у мамины, и красивые брови.

— Да, конечно,—проговорила Марина Игнатьевна и ее началъ разбирать страхъ: вдругъ какъ она не выдержитъ и расплачется?

А въ головѣ мальчика шла упорная логическая работа. Если папа въ обоихъ мѣстахъ получаетъ много, — клади тысячь пять, а то, быть-можетъ, и больше, да „ма-

мочка“ своихъ имѣтъ шестьсотъ, — куда же идти всѣ эти деньги?

Ему было извѣстно, что за квартиру платятъ семьсотъ рублей, кухарка получаетъ всего восемь рублей, горничная семь, на обѣдъ выдается два рубля. И на себя „мамочка“ тратитъ такъ мало, такъ мало... Онъ стоитъ не больше какъ рублей четыреста и съ ученіемъ. Эта цифра показалась ему очень большой. Ужъ не идетъ ли на его ученье, обмундировку и книги все, что составляетъ ея жалованье?

Этотъ вопросъ заставилъ его еще больше смутиться.

— Мамочка!—окликнулъ онъ ее, точно высвобождаясь изъ напряженной головной работы надъ трудною задачей.—Вѣдь папа въ карты не играетъ, въ большую?

— Да онъ ни въ какую, кажется, не играетъ, — отвѣтила Марина Игнатьевна и стала перемывать стаканъ Вити.

Онъ тихонько спустился со стула, обошелъ позади ея сидѣнья, взялъ ее за голову и припалъ своею головою къ ея плечу.

— А вы все одиѣ—со мной, да съ латынью!

Ему хотѣлось все высказать: и то, какъ она учитываетъ каждую копейку, и какъ бѣдно одѣвается, и все остальное.

Марина Игнатьевна поняла своего пасынка, поцѣловала его въ лобъ и даже пожала его руку.

— Я не одна, Витя... Мы съ тобой—друзья.

III.

Бьетъ въ столовой два часа ночи. Марина Игнатьевна давно уже погасила свѣчу. Въ спальнѣ горитъ ночникъ. Она не можетъ отъ него отвыкнуть. Ей было бы страшно, до сихъ поръ, какъ маленькой. Вся квартира спитъ: Витя, горничная, кухарка. Горничная не раздѣвается. Надо будетъ идти отворить барину, когда онъ вернется. И она же позвонитъ горничной, отъ себя: у той сонъ такой крѣпкій, что звонокъ съ лѣстницы въ кухню не разбудитъ ее.

Василій Ѳеодоровичъ не вернется раньше четырехъ. Скоро настанетъ такая ночь, когда онъ и совсѣмъ не придетъ, или къ утру, а потомъ и съѣдетъ. Сегодня ей эта возможность явилась впервые совершенно ясно.

Что же удержитъ его? То, что она его законная жена? Развѣ нынче бракъ что-нибудь значитъ, да еще въ та-

комъ обществѣ, гдѣ они встрѣтились, у всѣхъ этихъ любителей балета, ухаживателей и содержателей? Вѣдь она еще дѣвочкой, по четырнадцатому году, отлично понимала все. Были и между ея товарками такія, что постоянно мечтали о замужствѣ. И она сама говорила, что пристроиться прямо изъ школы, хотя бы и за хорошаго человѣка, все-таки, жить въ грѣхѣ, приравнять себя къ содержанкамъ. Однако, кругомъ мало кто выходилъ замужъ, хотя многія держались долго. Держатся или такія, что въ талантъ свой вѣрятъ, хотятъ выбиться, славу получить, и тогда уже, лѣтъ тридцати, выйти замужъ съ расчетомъ, или за человѣка, который передъ ними на заднихъ лапкахъ, а то такъ тѣ, что не красивы, не бойки, манеръ нѣтъ, говорить не умѣютъ, хотятъ чѣмъ-нибудь себя отличить во множествѣ такихъ же.

Она не была ни красавицей, ни даже очень хорошенькой, но ее замѣчали, любили съ ней болтать, сложеніемъ брала, со всѣми умѣла пошутить, ни съ кѣмъ не ссорилась и между простыми фигурантками. И вотъ случилось же, что, на двадцатомъ году съ небольшимъ, стала „жить“, и съ кѣмъ же?! — съ бывшимъ пріятелемъ своей покойной подруги. Глупа была, тщеславна, ей льстило то, что онъ про нее въ газетахъ напишетъ, кое-когда фамилію ея упомянетъ. И тогда уже онъ обращался съ ней свысока, давалъ ей чувствовать, что если бъ онъ за ней и сталъ ухаживать, то, все-таки, она никогда не замѣнитъ для него „Онечки“. Кто изъ товаровъ желалъ ей добра, отговаривали ее не только чтобы жить съ нимъ „такъ“, а даже и отъ выхода замужъ.

— Онъ все равно, что вдовецъ, — говорили онѣ, — у него ребенокъ есть. У тебя свои могутъ пойти — нянчись съ чужимъ, тоже вѣдь незаконнымъ.

Но ребенокъ-то и сдѣлалъ все, она заѣхала разъ и Витю привели. Держали его небрежно. Сразу стало ей жаль этого мальчика.

Съ тѣхъ поръ и пошло быстрое сближеніе. О женитбѣ и не заикались. Безъ всякой церемоніи, съ постоянными насмѣшками и прибаутками, отвергалъ отецъ Вити всякій законный бракъ и доказывалъ, что артистка — на какой угодно сценѣ — „не смѣетъ“ выходить замужъ, даже если она только полезность, а не крупный талантъ. Замужнихъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы гнать со службы, какъ подающихъ дурной примѣръ. Въ такихъ-то разговорахъ

они и сблизилась. Она тогда все еще продолжала смотреть на него снизу вверх, считать его „авторитетом“, человеком совсемъ другой породы, гордилась его вниманіемъ, насчетъ „искусства“ пила каждое его слово.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ ей отдѣлалъ квартиру и туда же перевезъ мальчика. Она мечтала быть матерью, нужды нѣтъ, и незаконнаго ребенка; но матерью она не стала, и это ей было объявлено докторомъ съ первыхъ же мѣсяцевъ ихъ сожителства. Тѣмъ сильнѣе начала она привыкать къ Витѣ. Можетъ-быть, онъ и повелъ къ замужству, или въ ней, скорѣе чѣмъ она думала, начался внутренній разборъ своего сожителя. Она никогда не хитрила съ нимъ, но на судьбу мальчика указывала и просила похлопотать о томъ, чтобъ ему даны были права. Изъ самолюбія, должно-быть, отецъ пошелъ на это. Когда Витя получилъ имя — и ея положеніе сдѣлалось какъ-то другимъ. Она не приставала: „женись!“ — и очутилась женой. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, начинаетъ она догадываться, почему оно такъ случилось.

И тогда уже ее не любили, охладѣли и къ ласкамъ, да и посѣщенія стали рѣже. Общей квартиры еще не было, но онъ увлекался — тоже все въ балетѣ — и наскокилъ на полный отказъ, только онъ усиленно скрывалъ свое ухаживанье. Появились послѣ похвалъ ругательныя статьи. И это не подѣйствовало.

Вотъ тогда на ней и женились изъ досады, чтобы показать другой, что ничего серьезнаго въ томъ новомъ ухаживаньи нѣтъ и не можетъ быть. Гдѣ уже было отказываться отъ такого счастья!.. Она еще любила его, еще надѣялась на то, что онъ не всегда будетъ такимъ. Наконецъ, она должна была сдѣлать это для Вити. Ребенокъ выросъ на ея рукахъ, вѣрилъ еще тогда, что она его „мамочка“, что другой матери у него и не бывало никогда. Да и къ памяти Онечки она не охладѣла. Та и „съ того свѣта“ скажетъ ей спасибо за то, что она не отказалась отъ брака, не ушла отъ ея ребенка, стала для него настоящею матерью.

И все это уже грузомъ лежитъ на ея еще молодыхъ плечахъ, отняло раннше времени и свѣжесть, и почти всякую радость жизни.

Она немножко забылась.

Не сонъ овладѣлъ ею, а грѣзы въ видѣ картинъ. Въ нихъ была связь. Она увидала себя подросткомъ лѣтъ че-

тырнадцати. Тогда она была не по лѣтамъ мала, но полненькая, съ бѣлыми наливными ручками и большими глазами — совсѣмъ уже женщина въ миниатюрѣ. Давали какую-то оперу Верди, и она была „занята“ въ группахъ. Въ антрактѣ сидитъ она на полу, готовится принять позу, выученную подъ муштровку балетмейстера: чтобы правую ногу вытянуть носкомъ кнаружи, лѣвую слегка согнуть въ колѣнѣ, лѣвою рукой подпереть подбородокъ, правую держать пальмовую вѣтвь, а глаза повернуть къ публикѣ.

Кругомъ сидѣли и лежали ея одноклассницы, тоже подростки, и вполголоса болтали. Около нихъ сновалъ народъ: плотники, бутафоры, большія танцовщицы, фигуранты; бѣгалъ, какъ угорѣлый, помощникъ режиссера. Стали показываться и пѣвцы. Одинъ изъ нихъ, теноръ, не самый первый, а изъ хорошихъ — итальянецъ со свѣтлыми кудрявыми волосами и длинною бородкой, въ богатомъ расшитомъ испанскомъ костюмѣ, шелъ подъ-руку съ капельмейстеромъ. Они остановились передъ группой, гдѣ лежала Мариша.

Теноръ поглядѣлъ на нее и улыбнулся. Ему, должно быть, показалась забавною ея поза, или глаза понравились, или голенькій согнутый локоть... Онъ сдѣлалъ ей ручкой. И капельмейстеръ, въ бѣломъ галстукѣ, кивнулъ ей головой. Оба прошли за кулисы и что-то между собой часто-часто заговорили по-итальянски. Капельмейстеръ ей казался „противнымъ“: носъ у него былъ съ горбомъ и хрящавый, и борода шершавая, и лысина.

А у тенора мягкіе глаза и ротъ съ бѣлыми-бѣлыми зубами. Маришѣ сейчасъ шепнула ея подруга Васяткина 2-я:

— Онъ тобой интересуется!

Онъ уже очень много занимались „этимъ“ и съ учениками, и съ фигурантами, и съ посторонними, кто навѣщалъ подругъ.

— Вотъ еще глупости! — отвѣтила она, но подъ румянами покраснѣла.

Во время дѣйствія теноръ зашелъ въ кулису, сдѣлалъ ей опять ручкой и показалъ коробку конфетъ.

— Ну, какъ же не интересуется? — шепнула ей Васяткина, и какъ разъ въ такую минуту, когда надо было хорошенько держаться, не дрогнуть, не опустить какъ-нибудь правой руки съ вѣтвью.

Все, что она перечувствовала въ эти три-четыре минуты,

всплыло теперь, точно сейчас случилось: и на конфеты тенора тянетъ поглядѣть, и надо напряженно держаться въ позѣ, — боишься режиссера и учителя. Вся красная, лежала она, изломанная своею „аттитудой“.

Теноръ все стоялъ у кулисы, улыбался ей и глазами указывалъ на коробку конфетъ. Наконецъ-то кончились танцы. Она вскочила, оправила юбочки и остановилась на ходу, не сразу побѣжала за другими. Идти ей надо мимо той кулисы, гдѣ стоялъ теноръ, или въ проходъ рядомъ.

— Что жъ ты? — окликнула ее Васяткина. — Мариша, иди же!

Она опустила рѣсницы — у ней уже и тогда онѣ росли густыя — и пошла не очень скоро, правою рукой отряхивая тюники.

— Bonsoir, petite! — окликнулъ ее теноръ.

Она остановилась и присѣла. Теноръ сунулъ ей коробку. Кругомъ не было никакого начальства; подружки подхватили ее, и конфеты были сейчасъ же съѣдены въ уборной.

Послѣ того началось ухаживанье итальянца. Всю зиму, и въ этой оперѣ, и еще въ другой, и какъ только она занята въ балетъ — онъ непременно на сценѣ, подойдетъ, по-французски говорить, — она уже и тогда болтала немножко, — держать себя съ нею почти какъ съ маленькою, даже раза два за подбородокъ бралъ, по-иностранному, но она хорошо понимала, что у него къ ней „интересъ“.

Такъ прошла зима; постомъ итальянцы разъѣхались. Мариша получила отъ какого-то француза, въ началѣ весны, большую коробку конфетъ и альбомъ съ карточками разныхъ оперныхъ и балетныхъ артистовъ, гдѣ „ея“ теноръ былъ въ цѣлыхъ пяти роляхъ. Иностранецъ объяснилъ ей, что „ея другъ“ посылаетъ ей это къ Пасхѣ, какъ красное личко. И большое шоколадное яйцо лежало въ коробкѣ конфетъ.

Въ классѣ уже всѣ знали, что у Мариши есть „предметъ“, и она только изъ „гордости“ скрываетъ, что это ей пріятно.

По тенорѣ она соскучилась за весну и лѣто; очень развилась въ тѣлѣ, выросла почти такъ, какая она теперь — подъ тридцать лѣтъ. Она уже считала себя большою. Только что открылся сезонъ, теноръ опять передъ ней, вездѣ, на спектакляхъ и репетиціяхъ, а ее стали часто занимать; она мечтала быть выпущенной первою солисткой. Уже не однѣ конфеты получала она отъ него въ подарокъ... По-

други прожужжали ей уши про то, какъ онъ „врѣзался“.

— Онъ старъ!.. У него ужъ порѣдѣли волосы, — отвѣчала всегда Мариша.

— Глупая ты!—стыдили ее.—У него жалованья одного двѣнадцатъ тысячъ за пять мѣсяцевъ.

И въ самомъ дѣлѣ, итальянецъ сильно увлекся ею, даже по-русски сталъ учиться. Къ ея выходу онъ познакомился съ ея семьей—мать была еще жива и старшій братъ—и самъ заговорилъ о женитьбѣ.

Узнали, что онъ женатъ, а онъ уже считался своимъ человѣкомъ, хотя слова она ему не давала. Онъ не отперся, но готовъ былъ хлопотать о разводѣ. Оказалось, что и дѣти у него есть.

Она отказала. Тогда уже она познакомилась съ тѣмъ, кто теперь собирается бросить ее.

Итальянецъ развелся бы и былъ бы ей вѣренъ, и жили бы они припѣваючи. Слышно, онъ и теперь еще поетъ, и на хорошихъ сценахъ. Говорилъ кто-то, что вила у него на Комскомъ озерѣ и давно онъ овдовѣлъ.

Марина Игнатьевна чуть-чуть забылась. Ее разбудилъ сильный звонокъ.

Горничная спала. Звонъ повторили сердитою рукой.

„Ни за что она не проснется! Надо отпереть“.

Въ пеньюарѣ, накинутомъ наскоро, пошла она отворить наружную дверь. Она была почему-то довольна тѣмъ, что очутится съ-глазу-на-глазъ съ мужемъ въ этотъ поздній часъ.

IV.

Ея мужъ вошелъ въ переднюю и тотчасъ сталъ отряхивать мерлушковую шапку, покрытую мокрымъ снѣгомъ. И бобровый воротникъ его зимней шинели былъ также мокрымъ.

— Этакая мерзость!—повторялъ онъ, морщился и ёжил-ся весь.

— Дай я встряхну...—предложила она.

— Не надо! А что же та, принцесса, спать?—спросилъ онъ, недовольный тѣмъ, что жена вышла къ нему. — Съ какой стати ты не спишь еще?

— Не спалось.

Онъ былъ во фракѣ, черный галстукъ сидѣлъ небрежно; одна пуговица жилета растегнута. Она быстро замѣтила все это.

Навѣрное, онъ отъ „той“.

Лампа передней освѣщала всего отчетливѣе гримасу его сморщенного, уже потертаго, краснаго лица. На темной бородачѣ блестѣли капли растаявшихъ свѣжинокъ. Тутъ же онъ началъ зѣвать во весь ротъ.

— Прощай! Спать пора!

Онъ потянулся и заломилъ руки кверху.

— Я посмотрю, все ли Маша приготовила какъ надо.

Марина Игнатьевна пріотворила дверь въ кабинетъ, гдѣ ему стлали на широкомъ турецкомъ диванѣ. Въ рукѣ она держала свѣчу.

Какъ будто она колебалась немного, войти или нѣтъ, но вошла, зажгла обѣ свѣчи на письменномъ столѣ, въ то время какъ онъ, еще на ходу, стаскивалъ уже съ себя фракъ.

Фракъ онъ бросилъ на стулъ и опустился на диванъ, въ ногахъ.

— Василий Ѳеодорычъ!..—окликнула она его.

Такъ она его звала часто по имени-отчеству, продолжая быть съ нимъ на „ты.“

— Что нужно?—отозвался онъ, не поворачивая головы въ ея сторону, и опять сталъ ужасно зѣвать, потягиваться и переводить плечами.

— Да перестань такъ зѣвать! — не могла она его не остановить.

Глаза ея оглядывали съ особеннымъ выраженіемъ эту зѣвающую, перекошенную отъ утомленія или ѣды за ужиномъ мужскую фигуру. Онъ не былъ пьянъ, но, навѣрное, пилъ не мало и еще больше того ѣлъ... Весь онъ дышалъ пресыщеніемъ послѣ ночного визита къ своей любовницѣ, или ужина съ нею въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана. Какъ ни старалась она не думать о его поведеніи съ нею, она не могла же не видѣть тутъ, передъ собою, этой безцеремонной измѣны.

И неужели, —она все еще вглядывалась въ его лицо и голову, —неужели она могла когда-нибудь увлечься имъ?.. Да, вѣдь, у него наружность дворника или, много, разносчика, —не изъ тѣхъ, у кого хорошія, народныя лица, а изъ пьющихъ мороженщиковъ, грубыхъ, нахальныхъ, плутоватыхъ, —что-то до-нельзя циническое во всемъ его существѣ. Для такого человѣка нѣтъ и не можетъ быть ничего внѣ самодовольства, дерзкой наянливости, ѣды, питья, женщинъ, важничанья тѣмъ, что его знаютъ и боятся, что онъ можетъ всѣхъ „продернуть“. Ей стало вдругъ такъ

гадко на него смотрѣть, что она оставила было свою мысль—вызвать его на объясненіе.

— Что же ты торчишь?—спросилъ онъ и началъ сдерживать съ себя жилетъ.

Окрикъ вывелъ ее изъ себя.

Она осталась и сѣла въ кресло.

— Послушай, Василий Ѳеодорычъ,—начала она,—тебя, вѣдь, не увидишь днемъ... и обѣдать ты пересталъ дома.

— Что такое?—съ гримасой перебилъ онъ.—Дайте мнѣ спать.

— Успѣешь, — отвѣтила она, и насмѣшливая улыбка прошла по ея доброму и крупному рту.

И то, какъ она сѣла въ кресло, показывало ему, что она не уйдетъ, пока не скажетъ своего.

Онъ сидѣлъ безъ жилета, съ галстукомъ, свернутымъ на сторону. Зѣвота продолжала поводить его.

— Такъ дальше нельзя!—заговорила она тише, видимо сдерживая себя.—И къ тебѣ приставать не стану, но и душой я быть не хочу. Я знаю, ты меня обманываешь, и съ кѣмъ—тоже знаю. Лучше теперь покончить, чѣмъ дожидаться, что ты самъ сбѣжишь. Имѣй настолько смѣлости, скажи лучше прямо.

— Я не желаю въ пятомъ часу ночи объясняться!—почти крикнулъ онъ и вытянулъ правую ногу.

— Не кричи!.. Витя проснется. Желаешь ты или не желаешь, а я тебѣ вотъ что пришла сказать: ты меня разлюбилъ или, лучше, никогда не любилъ меня, напелъ теперь новый предметъ. Ты ей квартиру отдѣлалъ. Такъ лучше переѣзжай къ ней совсѣмъ. Я насильно тебя удерживать не стану. А мнѣ моя жизнь, въ этихъ условіяхъ, опостылѣла, я считаю ее унизительною. Да и сынъ твой скоро все понимать станетъ. Онъ уже сегодня началъ мнѣ задавать вопросы, очень для тебя невыгодные. Лгать ему все не будешь.

— Куда же вы придти хотите? Говорите!

Зѣвота проходила. Онъ что-то уже соображалъ.

— Куда я хочу придти, спрашиваешь ты? Я могу требовать отъ тебя содержанія, если меня окончательно бросишь, но я этого не хочу. Проживу и одна. Но мальчику твой ко мнѣ привязался, и я его люблю. Ты имъ занимайся не будешь. Ты никого не любишь, у тебя вотъ тутъ, — она указала на сердце, — пустушка. Оставь его при мнѣ, — ну, давай что-нибудь на ученіе. Упрешься,

такъ и этого не нужно. Какъ-нибудь и безъ тебя справимся.

— Чѣмъ же это? На пятьдесятъ-то рублей жалованья?

Онъ засмѣялся такимъ смѣхомъ, что она вся покраснѣла.

— Молчи!—почти крикнула она.—Не твое дѣло.

Ея тонъ изумлялъ его. Съ какого это времени она вдругъ набралась смѣлости? Забавно! Все была безгласная или повторяла то, что онъ ей скажетъ, а тутъ,—извольте думать!—приходить и предъявляетъ ультиматумъ въ пятомъ часу ночи.

Но онъ понялъ сразу, что она не шутитъ, что это ея рѣшительныя слова, и что онъ для нея потерялъ прежнее обаяніе. Она сама способна уйти отъ него.

„Скатертью дорога!“ — мысленно проговорилъ онъ, но надо было, все-таки, поломаться, поддержать свой авторитетъ.

— Все это распрекрасно,—онъ зѣвнулъ звонко и даже до слезинокъ на узкихъ, плутовато-дерзкихъ глазахъ,—только дайте мнѣ спать, повторяю я, а завтра мы обсудимъ дѣло. Въ своемъ поведеніи я никому отчета давать не намѣренъ, но и насильно держать никого не желаю.

— Мальчика-то нечего при себѣ оставлять,—быстро выговорила она.—Когда захотите,—она перешла на *вы*,—вы можете его видѣть. Разумѣется, лучше у меня, чѣмъ у васъ.

— Ну, ужъ это я самъ разсужу! И, главное, оставьте меня въ покоѣ. Кабы зналъ, лучше бы совсѣмъ не возвращался.

У ней дрогнуло въ груди. Вотъ какъ кончилась ея любовь, ея замужество! Вѣдь онъ, хоть и не отецъ ея ребенка, но отецъ Вити, да и у ней не было другой связи, и никогда другой привязанности не было.

— Покойной ночи,—сказала она глухо, чтобы сдержать рыданія, подступившія къ горлу.

Онъ даже ничего не отвѣтилъ ей, а упалъ на подушки полураздѣтый, продолжая зѣвать и потягиваться. Дверь затворилась за нею тихо, и она чуть слышными шагами прошла по продолговатой площадке, куда выходила и дверь въ комнату Вити. Передъ этою дверью она пріостановилась и стала слушать.

Изъ комнатки не доходило дыханіе мальчика въ полурастворенную дверь.

„Спать“, — подумала Марина Игнатьевна, и ей стало тепло отъ мысли, что она уведетъ мальчика съ собой, что не будетъ онъ такъ рано презирать отца.

И такъ же беззвучно прошла она въ свою комнату. Она знала теперь навѣрное, что разлука съ мужемъ не убьетъ ее. Уваженія къ ней нѣтъ, ласки отъ него нѣтъ, простой доброты или порядочности — и того нѣтъ въ немъ. А ея брачная постель — давно холостая, холодная. Да это и не глодало ее, — давно уже она стала смотрѣть на себя, какъ на старуху. Теперь надо одной прожить, — вотъ что важно, и мальчика не бросать.

Успокоеніе сошло на нее. Она сняла съ себя пенъюаръ, повѣсила его аккуратно, поправила ночникъ, затушила свѣчу, укуталась и подложила подъ лѣвую щеку маленькую подушечку.

Ея мысль опять остановилась на пасынкѣ. Она сумѣетъ съ нимъ переговорить. Онъ не уйдетъ отъ нея, а если Василий Ѳеодоровичъ за ночь приготовить какую-нибудь „каверзу“, она не испугается, — и на него есть начальство. Скандалы онъ другимъ любить устраивать и глумиться въ печати, а самъ какъ огня боится всякаго обличенія.

Съ „такимъ“ надо и за угрозу взяться. Она знаетъ ходы. И всѣ его ненавидятъ. Каждый будетъ радъ удружить ему.

Изъ кабинета долетѣлъ послѣдній припадокъ зѣвоты

V.

— Карета пріѣхала! — доложила горничная.

Марина Игнатьевна была у себя въ спальнѣ и приготовляла свою корзину.

За ней пріѣхала театральная карета. Она нарочно съ Витей пообѣдала раньше обыкновеннаго. Онъ теперь сидитъ у себя въ комнатѣ. Отецъ его не обѣдалъ дома. Цѣлый день не видала его она; когда онъ проснулся, въ первомъ часу, Марина Игнатьевна была на репетиціи. Ее „заняли“ въ одномъ возобновленномъ балетѣ.

Теперь она собиралась въ театръ весело. Хорошо, что ее не совѣмъ тамъ забываютъ. Разумѣется, въ корифеи на высшій окладъ ее не переведутъ, но, значитъ, и не выгонятъ. Режиссеромъ назначили другого: этотъ добрѣе, помнить ее по школѣ, всегда балагурить. По поводу ре-

петицій она станетъ почаще бывать и въ школѣ, на утреннихъ упражненіяхъ.

Въ головѣ ея еще вчера сложился цѣлый планъ. Если она, послѣ болѣзни ноги, не можетъ уже отойти далеко „отъ воды“, то „теоріей“ она не переставала интересоваться. Никто не мѣшаетъ ей попристальнѣе приглядываться къ тому, какъ балетмейстеръ учитъ, какія новыя па придумываетъ. Старая она всѣ прекрасно помнитъ и даже сыграетъ сейчасъ музыку на фортепіано, по слуху.

Корзина готова. Марина Игнатьевна отдала ее горничной и забѣжала проститься съ Витей.

Мальчикъ сидѣлъ спиной къ двери, у стола, при лампѣ. Она его окликнула.

Онъ обернулъ къ ней лицо и наполовину привсталъ.

Сейчасъ догадалась она, что Витя не работалъ, а „думалъ“, и даже то, что онъ думалъ о чемъ-нибудь семейномъ. Сегодня утромъ онъ ушелъ, не повидавшись съ нею, не хотѣлъ ее будить; за обѣдомъ что-то у него было особенное въ глазахъ. На него нашла молчаливость. Точно онъ приготовился заговорить о чемъ-то и не рѣшался, только два раза спросилъ:

— Папа не будетъ, значитъ, обѣдать?

И въ этомъ „значитъ“ прозвучала еще неслыханная ею нота.

Больше такъ ничего и не сказалъ за обѣдомъ.

— Прощай, Витя!

— Вы поздно вернетесь, мамочка?

— Да, часу въ первомъ; ты ложись спать.

— А чаю вамъ?

— Не надо... Я тамъ, въ уборной, напьюсь.

Она имѣла обыкновеніе крестить его на ночь, и тутъ сдѣлала то же. Витя взялъ ея руку и поцѣловалъ.

И поцѣлуй этотъ былъ не такой, какъ всегда.

— Ну, какъ же прошло,—спросила она, согрѣтая лаской пасынка,—изъ латыни?

— Пять.

— Какъ, бишь, повтори: *partim*?

— *Per agros errabant...*

— Ха-ха-ха!..

Ей сдѣлалось весело. Съ такимъ мальчуганомъ она не разстанется.

— Мамочка!—остановилъ ее Витя, когда она дошла до двери,—папа будетъ почевать сегодня?

— А то какъ же?

Вопросъ удивилъ ее и даже смутилъ.

Витя сѣлъ опять къ столу.

Когда Марина Игнатьевна сходила съ лѣстницы,—горничная неслѣ позади корзину,—ей опять пришло на умъ, что Витя о чемъ-то догадывается, что-то знаетъ и про что-то все собирается говорить съ ней.

„Какой нравный мальчуганъ!“ — подумала она въ каретѣ. Но это „нравный“ употребила она скорѣе въ похвалу.

Въ каретѣ уже сидѣла одна кордебалетная. Онѣ поклонились и поздоровались другъ съ другомъ сухо вато. Та была гораздо моложе ея и ужъ совсѣмъ изъ плохенькихъ. Обидѣть кордебалетную она не хотѣла, выказать ей пренебреженіе, только не знала о чемъ съ ней заговорить; и фамилію ея не могла припомнить. Навѣрное, кто-нибудь изъ экстерновъ. Въ ея время такихъ экстерновъ еще не было.

— Вы въ которомъ актѣ заняты? — спросила ее Марина Игнатьевна, чтобы выказать ей вниманіе.

— Въ первомъ, — отвѣтила кордебалетная молодымъ, звонкимъ голоскомъ.

И у ней былъ когда-то такой звонкій голосокъ, а теперь сталъ низкій, почти мужской, отъ частыхъ простудъ горла. Теперь по голосу каждый даетъ ей сильно за тридцать. Въ темнотѣ кареты, въ капорѣ, та дѣвочка, навѣрное, считаетъ ее сорокалѣтней, пожалуй, думаетъ, что она на второй службѣ, пенсію получаетъ, у молодыхъ кусокъ хлѣба изо рта выхватываетъ.

Ей до пенсіи еще пять лѣтъ слишкомъ. Да и дослужится ли? Могутъ и расчесть, такъ — „здорово живешь“, при новыхъ порядкахъ и сокращеніи штатовъ.

Карета четырехмѣстная, но иногда набиваютъ и шесть человѣкъ. Она спросила у кучера, „во сколько мѣстъ еще заѣзжать“. Онъ сказалъ: „въ три“. Стало-быть, виатеромъ; но все будутъ женщины. Стекло съ ея стороны опущено. Свѣжій, но не холодный воздухъ входитъ внутрь казеннаго „рыдвана“ и пощипываетъ щеки. Съ утра стало морозить.

Лошади плетутся, но ей не скучно и не страшно. Она совсѣмъ забыла про вчерашній разговоръ съ мужемъ. Ни къ чему она не готовится. Ей пріятно ѣхать въ каретѣ и чувствовать себя, попрежнему, „на службѣ“. Легко такъ,

бодро, связанъ съ чѣмъ-то большимъ, съ такимъ дѣломъ, которое будетъ долго-долго стоять, переживетъ и ее, и всѣхъ, кто теперь имъ кормится.

Сколько разъ ѣздила она все въ томъ же направленіи; только заѣзжала въ разные улицы и переулки. Карета везла ее сначала по Загородному. Тамъ посадили одну корифейку, моложе ея, и опять изъ экстерновъ. Съ этой онѣ немного „покумили“. Про новые оклады пошла рѣчь и про то, какъ Мальчугина незамѣтно овладѣла двумя новыми ролями, — не номерами танцевъ, а, шутка сказать! — ролями, хотя и въ старыхъ балетахъ.

— Очень понятно, — сыпала дробью корифейка, — при такихъ милліонахъ, хоть и съ лѣвой руки...

Все то же дѣйствуетъ, что и десять, и пятнадцать лѣтъ назадъ: протекція, богатый покровитель, ужины, обѣды, а также и ловкость умѣть ухватить то, что плохо лежитъ. Но это ее не возмущало.

„Всѣ люди — всѣ челонѣки“, — думала она.

Давно ушла она отъ всѣхъ этихъ балетныхъ „грѣховъ“, стала теперь репетиторшей пасыпка, и по-латыни подзубриваетъ. Ну, есть такія счастливицы, да много ли ихъ? Пять, много десять, пятнадцать, а сколько перебивается? Не одна сотня. Хорошо еще, что вся эта мелюзга чувствуетъ себя „на службѣ“, держится за свой заработокъ.

Еще не такъ давно, когда она разсталась съ мечтой выбиться впередъ изъ корифеекъ, на нее напало почти презрѣніе къ своему „глупому“ дѣлу. Прыгать, ломаться, улыбки строить, одни и тѣ же па выдѣлывать сотни разъ... Тогда все это казалось унижительнымъ. Себя она находила такою невѣждой, дубишкой, что ей совѣстно становилось передъ Витей. И въ разгаръ ея обученія латынью она всего пренебрежительнѣе смотрѣла на балетъ и балетныхъ.

Теперь это отошло. Латыль не мѣшаетъ ей чувствовать себя питомицей училища, винтомъ огромной танцевальной машины. Развѣ не все равно, какъ и въ какой специальности добывать кусокъ хлѣба? Пускай еще увеличатъ оклады. Тогда больше будетъ честныхъ дѣвушекъ. Соблазны и теперь уже не тѣ, что прежде. А искусство не умреть! Нужды нѣтъ, что на него смотреть свысока и въ литературѣ, и въ обществѣ невѣждъ, — безъ таланта ничего нельзя создать и ногами. Кто предназначенъ для миміи и танцевъ, тотъ ничего другого такъ же хорошо не

будетъ дѣлать. Прежде все кричали, что балетъ—тепличное растеніе, что безъ казенныхъ денегъ онъ умретъ. А теперь на загородныхъ лѣтнихъ сценахъ онъ процвѣтаетъ. Частные антрепренеры выписываютъ первоклассныхъ европейскихъ балеринъ.

И объ этомъ поговорила Марина Игнатьевна съ корифейкой. Та стала обижаться за казенный балетъ. Слышно, хотятъ пригласить какую-то выписную, прямо изъ кафешантана. Виданное ли это дѣло, чтобы прямо съ „Острововъ“ взять какую-то „акробатку“ и поставить ее первую танцовщицей?

Марина Игнатьевна съ этимъ не согласилась. Что жъ такое? Не мѣсто человѣка красить; а если у этой акробатки есть что-нибудь особенное, пускай ее обновить нашихъ-то, поддастъ имъ огня и блеску. Можно держаться классической школы, но не надо впадать въ „казенщину“.

Онѣ немножко поспорили. Корифейка не сдавалась. Но этотъ разговоръ о балетѣ на частныхъ сценахъ подкрѣпилъ ту мысль, съ которой Марина Игнатьевна ѣхала въ театръ.

— Вы увидите,—сказала она, какъ бы думая вслухъ,— вы увидите, что теперь многіе начнутъ учиться танцамъ съ воли, готовить себя на сцену.

Та промолчала.

Въ каретѣ былъ уже полный комплектъ. Еще двѣ фигурантки сѣли, гдѣ-то на канавѣ, и потянулась набережная, вплоть до поворота, такъ знакомаго Маринѣ Игнатьевнѣ. Сейчас замигаютъ огни обоихъ театровъ и площадь откроется взгляду, рядъ каретъ и училищные фургоны направо—и труба печки для кучеровъ и извозчиковъ, а дальше, за мостомъ, Коломна, гдѣ когда-то жила она, еще до знакомства съ мужемъ.

Она первая выскочила, поддерживаемая дежурнымъ капельдинеромъ въ фуражкѣ и шинели. На этотъ разъ и подъѣздъ съ кучерами вдоль лавокъ, и сѣни съ обтертою лѣстницей, дѣлающей нѣсколько поворотовъ, были ей близки, подбодряли ее. Она весело поздоровалась съ однимъ изъ помощниковъ режиссера и стала подниматься въ уборную. Ходьба, бѣготня, оклики, смѣхъ и крики плотниковъ поднимали въ ней прежнія ощущенія, тѣ, что она имѣла десять лѣтъ назадъ.

Въ уборной набилось больше обыкновеннаго. Одѣвались еще не всѣ изъ ея партіи. Нѣкоторые сидѣли въ плать-

яхъ; двѣ-три въ бѣльѣ, съ папиросами, другія натягивали трико или румянились передъ зеркалами, въ рѣзкомъ и горячемъ свѣтѣ отъ газовыхъ цилиндровъ.

Черезъ одну дверь одѣвалась Марѣуша Недозоркина, та, что будетъ на-дняхъ госпожой Травниковой съ лѣвой стороны, сожительницей Василя Ѳеодоровича, ея мужа.

Она не полюбопытствовала узнать, пріѣхала та или нѣтъ. Нѣкоторыя дѣлали уже въ ея присутствіи очень прозрачныя намеки. Кому-то она еще не такъ давно сказала:

— Пожалуйста, душечка, не старайтесь уколоть меня: Василій Ѳеодорычъ ухаживаетъ за Марѣушей. Это его дѣло.

Въ послѣднее время къ ней не приставали, хотя за спиной и самыя-то дрянныя считали ее „дурой“ и „разной“. Она и это знала.

Внизу раздался продолжительный и раскатистый звонъ. Въ уборной стали одѣваться менѣе лѣниво. Трико было уже на всѣхъ и нижніе тюники всѣ, сколько полагается для классическихъ танцевъ.

Всѣми полегоньку овладѣло строевое чувство, дожидющееся перваго звука оркестра, чтобы сейчасъ же вспомнить все, что заучено, и приготовиться занять свое мѣсто.

У ней по правую и по лѣвую руку были двѣ сестры Желѣзновы, моложе ея; одна полная и тяжеловатая, безобидная и ужасно занятая своею работой. Она знала, что больше ей ходу нѣтъ, и это ее огорчало ежеминутно. Тотъ же червякъ грызъ когда-то и Марину Игнатьевну. Теперь она нисколько не тяготится тѣмъ, что должна еще до пенсіи прыгать рядомъ съ сестрами Желѣзновыми.

По узкой лѣстницѣ спускались онѣ изъ уборныхъ, одна за другой, особеннымъ шагомъ танцовщицъ, съ опущенною головой, ступали башмаками безъ каблукъ и колебались всѣмъ тѣломъ.

Внизу все уже было готово. Электрическій свѣтъ поливалъ блесоватою матовостью декораціи, лица, трико, костюмы. Въ воздухѣ замѣчалось вздрагиваніе струй свѣта. Черныя фраки и сюртуки служащихъ двигались среди цѣлыхъ кучъ изъ женскихъ торсовъ, ногъ, газовыхъ юбокъ.

Что-то показывалъ одной изъ солистокъ французъ-балетмейстеръ, немного въ глубинѣ сцены, и его отчетливый голосъ проникалъ сквозь гулъ разговоровъ въ группахъ женщинъ. Изъ-за занавѣса слышались звуки полупустой залы; инструменты перекликались въ оркестрѣ.

VI.

Въ первомъ антрактѣ она въ платьѣ, безъ костюма, — ей приходилось танцовать въ третьемъ дѣйствіи, — перешла черезъ сцену, остававшуюся довольно свободною, и припала глазомъ къ круглому отверстию занавѣса съ правой стороны. Она узнала, когда спускалась по сценѣ, спину и ноги своей „разлучницы“, какъ она назвала въ шутку, про себя, теперешнюю подругу Василя Федоровича. Марина Игнатьевна бросила на нее взглядъ, прежде чѣмъ припасть къ отверстию занавѣса. Та, навѣрное, переглядывается съ нимъ.

Зала представлялась ей полуосвѣщенной. У барьера первого ряда стояло, лицомъ къ ломамъ, нѣсколько чело-вѣкъ мужчинъ, военныхъ и штатскихъ. И сейчасъ же передъ нею мелькнуло скомканное, дерзко улыбающееся, красное лицо ея мужа. Онъ облокотился о барьеръ и смотрѣлъ на занавѣсъ къ тому мѣсту, гдѣ съ нимъ переглядывались.

Это ее не заставило вздрогнуть отъ обиды. Она даже посмѣялась внутренно. Значить, очень ужъ любятъ другъ друга, если такими забавами занимаются въ антрактахъ. Ей некому мигать въ кресла изъ театральной дырки. И это ее не печалитъ. Ее наполнило дѣловое чувство. Она начала опитъ жить тѣмъ, что дѣлается серьезнаго здѣсь, по сю сторону рампы, гдѣ служатъ искусству, какъ бы кто на него пренебрежительно ни смотрѣлъ.

Кто-то заговорилъ съ ея мужемъ. Онъ повернулся и сталъ отвѣчать громко, на весь театръ, такъ что до нея долетѣли звуки его тѣвкающаго голоса:

— Выдра! Колѣни внутрь, спины нѣтъ, груди нѣтъ!

„Разносить!“ — подумала она, и въ нее вошло новое, еще неизвѣданное ею чувство чистѣйшаго презрѣнія къ этому безстыдному ругателю. Только тутъ поняла она, какая у него душа, до чего онъ неисправимъ въ своемъ нахальствѣ.

„Хоть бы кто-нибудь хорошенько проучилъ его тутъ, при всѣхъ, въ залѣ, ослабилъ бы навѣкъ! — думала она, блѣднѣя.— Да нѣтъ, его ничто не исправить. Онъ и тогда будетъ все такъ же гнусаво кричать на весь театръ, унижать, говорить объ артисткахъ, точно о какихъ четвероногихъ, ругать или одобрять свысока, не давая никому слова вымолвить“.

Ей сталъ просто невыносимъ звукъ его голоса, все еще проникавшій, какъ ей казалось, сквозь щели занавѣса.

Она отошла. Поскорѣ захотѣлось ей сбросить съ себя обузу, — да, обузу, и постыдную, — считаться „супругой“ Василя Ѳедоровича, передъ которымъ прыгаютъ и первыя танцовщицы.

Марѳуша еще смотрѣла однимъ глазомъ въ дырочку.

Она ее окликнула.

— А, это ты!.. Здравствуй!

Пухлыя плечики Марѳуши, чуть посыпанныя пудрой, вздрогнули. Глаза, сильно подведенные, вскинули своими тонкими рѣсницами и насмѣшливо улыбнулись.

Отъ нея пахнуло опопонаксомъ.

— Вотъ что, Марѳуша, — заговорила Марина Игнатьевна и заслонила ее собою такъ, что виденъ былъ только ея шиньонъ, — я хочу тебѣ предложить одну сдѣлку.

— Какую? Скажи, сдѣлай милость!

— Прибери ты отъ меня Василя Ѳедоровича.

Та вспыхнула.

— Какъ это прибери? Точно вещь онъ!..

— Ну, да! Возьми совсѣмъ. Что жъ такъ тянуть? Онъ съ тобой живетъ.

Марѳуша хотѣла перебить.

— Пожалуйста, оставь свои фасоны. Всѣ это знаютъ и я нахожу, что надо перейти теперь къ послѣднему дѣйствию. Вы созданы одинъ для другого. Я не помѣха. Владѣй Василемъ Ѳедоровичемъ, и чѣмъ скорѣе онъ съ тобой устроится, тѣмъ лучше будетъ.

Глаза Марѳуши тревожно мигнули. Она побаивалась Марины Игнатьевны. На слова она не была бойка, а та считается умною и, пожалуй, сейчасъ же высмѣетъ ее, если ужъ на нее нашла такая „отчаянность“.

— Ты все шутишь! — сумѣла она сказать.

Лицо Марины Игнатьевны стало еще серьезнѣе. Марѳуша замѣтила его нервность. Она трусила все больше и больше.

— Поди сюда! — пригласила ее Марина Игнатьевна къ сторонѣ, въ промежутокъ двухъ первыхъ кулисъ.

Та повиновалась.

— Такъ и скажи сегодня Василю Ѳедоровичу. Вѣдь онъ домой или совсѣмъ не вернется, или на зарѣ. Скажи ему, что я завтра желаю покончить. Пускай остается въ

той же квартирѣ. Я возьму съ собой только мебель спаль-
ной, да мои кое-какія вещи. А насчетъ мальчика...

— Какого?—просто вато спросила Мареуша.

— Его сына... Насчетъ него мы поговоримъ съ нимъ
особо... Вѣдь тебѣ, Мареуша, я думаю, не очень лестно
быть мачихой. А мы съ мальчикомъ ладимъ... Ну, прощай;
я пойду одѣваться. Не думай только, пожалуйста, что я
шипѣть на тебя стану. Разумѣется, если ты будешь отво-
рачиваться, я тебѣ первая кланяться не обязана.

И онѣ разстались.

Мареуша поправила сзади, своими пухлыми пальчиками,
верхніе тюники и пошла въ-перевалочку, подергивала
плечами и показывала длинный вырѣзь спины, почти
вровень съ седьмымъ ребромъ. Марина Игнатьевна пере-
бѣжала сцену, хотѣла подняться въ уборную, но что-то
сообразила.

— Пискуновъ одѣтъ?—спросила она у одного изъ бу-
тафоровъ.

— Вотъ тутъ-съ.

— Есть кто-нибудь?

— Одни... чай пьютъ.

Пискуновъ былъ изъ хорошихъ танцовщиковъ, уже не
молодой, переходилъ, полегоньку, на характерныя роли
пантомимной игры. И дѣвочкой, и позднѣе она всегда
базагурила съ нимъ и называла почему-то „крестнымъ“,
хотя онъ и не думалъ крестить ее.

— Иванъ Кузьмичъ!—окликнула она его въ дверяхъ
уборной.

— Ась?—откликнулся онъ и вышелъ въ проходъ между
кулисами.

Бѣлокурые его волосы были завиты „въ крутую“, бритое
лицо, вблизи со множествомъ морщинъ, еще сохраняло
условную молодость. Веселые сѣрые глаза улыбались ей.

— Миѣ съ вами, Иванъ Кузьмичъ, надо имѣть обшир-
ный разговоръ.

— Сейчасъ?

— Нѣтъ! У меня. Или къ вамъ я приѣду. Кстати,
давно вашей жены не видала.

— Вы ее извините, она все хворааетъ.

— Знаю.

— А что такое?—съ участіемъ спросилъ танцовщикъ

Въ труппѣ уже говорили про ея „незавидное“
супружество, и всѣ, кто получилъ, жалѣли о ней.

— Да ничего! Вы не думайте, что я про себя вамъ изливаться хочу. А идея у меня.

Она выговорила слово „идея“ съ забавною миной.

— Вотъ какъ!.. Отлично!

— Такъ послѣзавтра, часовъ около трехъ, къ вамъ можно?

— Милости прошу, какъ разъ передъ обѣдомъ.

— А уроковъ у васъ все такъ же много?

— Да, Господь не обидѣлъ.

— До свиданія!..

Послѣ крѣпкаго рукопожатія она поднялась быстро по лѣстницѣ.

„Идея“ заѣла въ ея головѣ крѣпко. Пискуновъ—танцовщикъ отличной школы, съ удивительною памятью, и если бъ онъ попалъ въ балетмейстеры, онъ, навѣрное, выказалъ бы талантъ по части выдумки новыхъ фигуръ. Цѣлые дни занять онъ уроками.

Но какіе это уроки! Уроки балльных танцевъ въ заведеніяхъ и у себя дома барышнямъ, гимназистамъ изъ купеческихъ и чиновничьихъ семействъ. Не то у ней въ головѣ! Недаромъ она такъ горячо заспорила съ корифейкой въ каретѣ. Время идетъ къ новому расцвѣту искусства. Понадобятся артистки для частныхъ сценъ. Вотъ что нужно взять въ свои руки. И такой Иванъ Кузьмичъ лучше всякаго другого сумѣетъ вести высшій классъ, а она будетъ съ „подготовишками“... Это слово ея пасынка Вити пришло ей на умъ и какъ-то весело ободрило ее. Надо только подтолкнуть Пискунова.

Расходовъ нѣтъ никакихъ, риску еще меньше. Онъ же черезъ годъ будетъ пенсіонеръ. Нечего ему и за службу тогда особенно держаться.

— Мѣнялина! что жъ вы опоздали?—окликнули изъ ея уборной.

„По театру“ она носила свое дѣвичье имя.

VII.

Вити ушелъ въ гимназію опять не поздоровавшись съ Мариной Игнатьевной, а она не спала. Онъ слышалъ, какъ она умывалась. Обыкновенно, онъ если и не входилъ къ ней, то въ приотворенную дверь прощался.

На лицѣ его опять озабоченность. Уроки свои онъ готовилъ вчера вечеромъ, одинъ—не плохо, но и не особенно хорошо. Изъ латинскаго врядъ ли получилъ пять.

Все это не важно. Онъ занятъ другимъ. Объ этомъ „другомъ“ онъ не переставалъ думать и въ классѣ, былъ разсѣянъ, отвѣчалъ не бойко, изъ одного предмета получилъ даже тройку. Но это его не огорчило.

Домой онъ возвращался медленно, опустилъ голову, точно онъ чего-то искалъ на тротуарѣ. Онъ шелъ такъ тихо, что Марина Игнатьевна, отворяя ему дверь, спросила:

— Что такъ поздно, Витя?

— Ничего, мамочка, замѣшкался по дорогѣ.

Вошелъ молча, снялъ ранецъ и пальто.

— Проголодался?

— Не особенно.

„За что-то онъ на меня дуется“, — подумала Марина Игнатьевна.

Она не могла понять, что дѣлается въ душѣ мальчика. Чѣмъ онъ огорченъ или озабоченъ?

За столомъ, — они обѣдали втроемъ, — Витя сначала молчалъ; потомъ взглянулъ раза два на отца, и эти взгляды подмѣтила Марина Игнатьевна. Она плохо понимала и то, зачѣмъ мужъ ея вернулся къ обѣду. Новаго объясненія у нихъ не было. Онъ только что пріѣхалъ и у себя въ кабинетѣ переодѣлся. Но по его минѣ она догадалась, что Мареуша успѣла наканунѣ передать все, о чемъ у нихъ съ нею было переговорено.

Онъ ѣлъ супъ, глядя прямо въ стѣну, на то мѣсто, гдѣ висѣли часы, глоталъ его ложка за ложкой, безъ хлѣба и слегка причмокивая. Такую манеру считалъ онъ чрезвычайно порядочной. Заговорить первому ему не хотѣлось. И прежде бывало, что половина обѣда пройдетъ въ молчаніи.

Витя, послѣ супа, положилъ ложку въ тарелку, утерся основательно и поглядѣлъ на мать.

— Что жъ ты хлѣба не ѣшь? — спросилъ его отецъ.

— Да вѣдь и ты не ѣшь, папа! — выговорилъ мальчикъ и улыбнулся.

— То я, а то — ты.

Мальчикъ промолчалъ, только нагнулъ голову съ такимъ выраженіемъ, что онъ знаетъ, какъ ему поступить и когда надо начинать дѣйствовать.

— Чего тамъ тянуть! — съ гримасой крикнулъ отецъ.

Второе кушанье опоздало минуты на двѣ. Это былъ лзыкъ съ картофельнымъ пюре. Мальчикъ слѣдилъ глазами за отцомъ, какъ тотъ понюхалъ блюдо, взялъ вил-

кой кусокъ языка, положилъ на тарелку немного пюре, еще разъ понюхалъ и тогда уже сталъ ѣсть.

— Какая мерзость!—вырвалось у него.

— Мы не знали, что ты будешь обѣдать, — спокойно замѣтила Марина Игнатьевна.

Мужъ оставилъ это замѣчаніе безъ отвѣта, закурилъ папироску и началъ не то посвистывать, не то напѣвать.

Къ такой манерѣ обѣдать Витя уже присмотрѣлся, но сегодня его чуть замѣтно подергивало въ лицѣ. Щеки стали очень блѣдны.

— Больше ничего, кромѣ блинцовъ съ вареньемъ, не будетъ, — сказала Марина Игнатьевна.

Тонъ ея оставался такой же спокойный.

Мужъ ея всталъ и крикнулъ у дверей:

— Кофею мнѣ—въ кабинетъ.

Мачиха и пасынокъ остались доѣдать обѣдъ.

Витя, по уходѣ отца, выпрямился и нервно перевелъ ногами подъ столомъ. Блѣдность его проходила. Онъ положилъ себѣ, послѣ Марины Игнатьевны, два блинчика и немного варенья и не сразу сталъ ѣсть ихъ.

— Мапочка!—чуть слышно окликнулъ онъ.

— Что, милый?

— Вы мнѣ позволите у васъ заняться послѣ обѣда?

— Почему такъ?

— Да я не буду вамъ мѣшать...

И глаза его, — такъ ей показалось, — договорили точно: „укладываться“.

— Хорошо.

Кофей они не пили, доѣли пирожное и вышли изъ столовой.

Въ комнатѣ Марины Игнатьевны Витя присѣлъ на кушетку, помолчалъ немножко и все такъ же тихо выговорилъ:

— Мапочка, вы не разсердитесь, если я васъ кое-чемъ спрошу?

— Говори.

— Нѣтъ, вы даете мнѣ слово?

— Какія глупости, Витя!

— Я не хочу съ вами ссориться, я спрашиваю, потому что...

Онъ зашнурлся.

Ему хотѣлось сказать: „потому что я васъ люблю“, но онъ застыдился и не договорилъ.

Но она, по его внезапному румянцу, поняла причину волнения, подошла къ нему, сѣла рядомъ, положила ему руку на плечо и сама задала ему вопросъ:

— Ты лгать не будешь со мной, Витя?

— Никогда!

Онъ даже тряхнулъ головой.

— Ну, такъ скажи мнѣ правду: ты третьяго дня проснулся, когда отецъ пріѣхалъ, слышалъ ты что-нибудь изъ нашего разговора?

Витя еще больше покраснѣлъ.

— Не хочу лгать—слышалъ.

— И это такъ тебя перевернуло, что ты второй день самъ не свой?

— Коли всю правду говорить—это.

— Надѣюсь, ты не подслушивалъ?

— Ей-Богу, нѣтъ, мамочка!

Витя вскочилъ, схватилъ ее за руку и заговорилъ тихими звуками, но порывисто:

— Ей-Богу, нѣтъ! Я сначала одѣломъ укрылся, но все у меня, какъ пролито!.. Дверь не была заперта, а встать, затворить вплотную—я побоялся. Честное, благородное слово, мамочка!

— Вѣрю тебѣ. Только, Витя, если ты что и понялъ, тебѣ нельзя между отцомъ и матерью становиться, судить ихъ, ты пойми!

— Извѣстно, нельзя.

— Въ томъ-то и дѣло! Ты еще маленькій. Мало ли какіе разговоры и объясненія могутъ быть!

На лбу мальчика образовалась продольная складка.

— Извѣстное дѣло, — повторилъ онъ, — но я хотѣлъ вамъ сказать, мамочка, что папѣ насъ съ вами совсѣмъ не надо.

— Ты не можешь судить.

— Почему же это? Я ужъ не такой маленький. Я вотъ второй день все думаю. И такъ, и этакъ. Долженъ же я и свое сужденіе составить? Отца я не стану осуждать,— Богъ съ нимъ! Но вѣдь это правда, мамочка, мы ему не нужны. Это всякій скажетъ. Если теперь Машу или хоть бы кухарку привести, и онѣ точно то же скажутъ, а я не глупѣе ихъ.

Убѣжденность Вити была такъ искренна и забавна, что Марина Игнатьевна тихо разсмѣялась. Но она чувствовала, что ея мальчикъ работаетъ всѣмъ своимъ существомъ.

— Хорошо, Витя, только это уже между нами.

— Я не выйшиваюсь. Хотѣлъ только показать вамъ, какъ я понимаю.

Ей вдругъ пришелъ вопросъ. Она немного колебалась задать его.

— Витя... вѣдь ты не мой родной сынъ. Отецъ всё права на тебя имѣетъ.

Это было косвеннымъ вопросомъ, на который мальчикъ уже отвѣтилъ ей своимъ признаніемъ.

— Насильно милъ не будешь, мамочка. Мы передъ нимъ ни въ чемъ, кажется, не провинились; а онъ—самъ по себѣ, развѣ это не такъ?

Любъ Витя опять наморщилъ, и глаза повторили послѣдній вопросъ упорно и строго.

— Когда нужно будетъ, мы еще потолкуемъ,—выговорила Марина Игнатьевна.

Ей стало какъ бы совѣстно; она не желала ничѣмъ возстановлять мальчика противъ родного отца.

— Мамочка!.. Я—отъ всей души!

Слезы брызнули, и Витя припалъ къ ней.

Марина Игнатьевна была очень тронута. Витя, такой сдержанный и даже суховатый на видъ, второй разъ согрѣвалъ ее.

— Спасибо, Витя, спасибо!

Она сама глотала слезы.

— Барыня!—окликнула горничная у дверей, — Василій Федоровичъ васъ просятъ.

Витя вскочилъ опять, взялъ руку мачихи, пожалъ ее, какъ взрослый, и довольно громко сказалъ:

— Я за васъ, мамочка, и теперь, и всегда!

VIII.

Мужъ Марины Игнатьевны лежалъ на диванѣ, съ папирской во рту. Чашка кофе помѣщалась около, на низкомъ столикѣ.

Къ лицу его еще сильнѣе прилило. Толстыя губы его стягивались потолстѣвшими щеками въ такую мину, какъ будто онъ понюхалъ что-нибудь отвратительное. Положеніе его тѣла съ задранными ногами,—одною онъ нервно трясъ,—разстегнутый воротъ рубашки, небрежность въ остальной части туалета заставили ее подтянуться, слѣдить за собою, чтобы не вышло ничего рѣзкаго, не выдать своего чувства.

— Вы меня звали?

Онъ не тотчасъ откликнулся на ея вопросъ.

— Я сяду,—выговорила она точно про себя и сѣла въ кресло, около письменнаго стола.

— Вы въ серьезъ говорили вчера... тамъ, на сценѣ?

Онъ не называлъ Мареуши ни по имени, ни по фамиліи.

— А то какъ же?

Она сохраняла такой же тонъ, какъ за обѣдомъ.

— Что же вамъ угодно?

Ей хотѣлось крикнуть ему, чтобы онъ хоть привсталъ, принялъ бы хоть болѣе приличную позу, но она сдержала себя.

— Совершенно понятно все то, что я вчера сказала Мареушѣ. Вы съ ней живете, и живите,—чего же больше и вамъ, и ей желать отъ меня? Живите съ ней совсѣмъ, какъ мужъ съ женой.

— Въ такое ваше великодушіе я не очень-то вѣрю.

Онъ отхлебнулъ изъ чашки.

— Какъ вамъ угодно.

— Всякіе благородные порывы кончаются обыкновенно какою-нибудь сдѣлкой.

Она покраснѣла и поднялась съ кресла.

— Василій Федорычъ, нельзя ли покороче? Вы, кромѣ низости, ни въ комъ ничего признавать не можете. Это при васъ и останется.

— Чѣмъ же вы жить будете?

Въ вопросѣ не звучало ни капли участія. Обиднѣе нельзя было спросить.

— Проживу.

— Ха-ха!.. на пятьдесятъ рублей! Смѣху подобно! Ужъ вы лучше скажите теперь, не доводя дѣло до окружнаго суда... Нынче вѣдь наша хваленая юстиція очень падка содержаніе женамъ назначать выше всякой мѣры.

„А, ты вотъ какъ!“—воскликнула она про себя и дальше не могла вытерпѣть.

— Послушай,—глухо заговорила она, пододвинувшись къ дивану,—не ломайся ради Бога... Если я захочу, и тебя поймаю не нынче—завтра, и свидѣтелей найду, и заставляю тебя давать мнѣ содержаніе. Небось, ты суда испугаешься! Согласись, голубчикъ, что я могла бы давно это устроить! Ты со мною не церемонился, поэтому чувствуй, когда съ тобой порядочно и честно поступаютъ.

— Скажите, пожалуйста!

— Не доводи меня до...

— До чего?

— А до того, что я тебя изъ этой квартиры заставлю выѣхать.

— Какъ это?

— Очень просто!.. Ты забылъ, что квартира до сихъ поръ значится на мое имя. Я ея хозяйка, а ты—жильецъ. И нѣтъ такого закона, чтобы ты насильно у меня жилъ, если я этого не хочу.

— Ловко!

Этотъ возгласъ былъ такъ пошлъ, что она не могла не разсмѣяться.

— Вотъ это тебѣ нравится? И напрасно я такъ не поступила мѣсяцъ и больше тому назадъ. А я вотъ, видишь, такая наивная, что прошу тебя честию, перевози сюда свою Марѳушу, владѣй всею обстановкой. Я себѣ возьму только то, что перевезла сюда еще тогда, отъ себя... да Витины вещи.

— А, ты мальчика желаешь приобрѣсти, въ видѣ заложника! Ну, это еще мы посмотримъ—на какихъ правахъ.

Онъ приподнялся и остался въ полулежачей позѣ, со свѣщенными ногами.

— Я у тебя его съ бою брать не хочу; такъ и Марѳушѣ вчера сказала, да и тебѣ повторю: зачѣмъ тебѣ сына держать при себѣ? Дома—скандально; мальчикъ все понимаетъ. Хочешь знать, онъ самъ мнѣ вдругъ говоритъ: „насъ съ вами, мамочка, папѣ совсѣмъ не надо“.

— Все это чудесно, но я его отецъ, и я его до малолѣтства буду вести. Отдать вамъ, а вы, небось, будете въ одиночествѣ обрѣтаться? Не вѣрю я; разумѣется, тутъ есть кто-нибудь, какой-нибудь „Лѹи“, какъ итальянцы говорятъ. Такъ чѣмъ же это чистоплотнѣе будетъ, позвольте спросить, ежели мальчикъ въ этотъ возрастъ останется въ нашей новой семьѣ?

Опа была близка къ припадку слезъ. Всѣ свои силы напрягла она, чтобы выдержать до конца.

— Какъ же это я, Василий Ѳедоровичъ, съ вами-то жила въ послѣдніе два года? Что жъ, у меня интриги были? Ужъ если отъ васъ не завела никого, то одна, любя мальчика, какъ я привязалась... только вамъ и могло придти такое гадкое подозрѣніе.

— Расчудесно! И, все-таки, правъ у васъ никакихъ

нѣтъ на него; отдать вамъ — стало-быть, давай и содержаніе? Я буду на него работать, а вы педагогіей заниматься... Ха-ха-ха!..

— Ничего я отъ васъ не требую для себя. Если вамъ жалко давать на содержаніе мальчика—не давайте.

— Чтобъ онъ тюрей питался и въ лохмотьяхъ ходилъ?

— Мнѣ тяжело будетъ на первыхъ порахъ, но это уже мое дѣло. Василій Федоровичъ... — голосъ ея дрогнулъ,— къ чему вы ломаетесь? Вы не можете же не знать и не видѣть, что я на сына вашего смотрю, какъ на родного. Соблюсти приличіе, скрыть отъ него, на меня все свалить — вамъ не удастся. Мальчикъ все отлично понималъ, хотя я, передъ Богомъ, никогда передъ нимъ ни однимъ словомъ васъ не выдала.

Въ головѣ ея мужа уже давно сложился выводъ: спустить обоихъ—сына и жену—и остаться безъ этой обузы. Выгоднѣе будетъ платить за мальчика пятьдесятъ рублей, чѣмъ жить на два дома.

Но онъ не могъ сказать просто: „согласенъ“—безъ ломанья. Всѣ его извѣстныя выходы противъ женщинъ, ихъ дрянности и пригодности только для утѣхи мужчины, его защита безусловныхъ правъ мужа заставляли его тянуть. Еще два-три горькихъ слова жены, и онъ крикнулъ бы, что онъ ничего знать не хочетъ, что все пойдеть, какъ оно стоитъ теперь, въ его семейной жизни, что она обязана терпѣть, что она съ сыномъ будетъ сидѣть въ этой квартирѣ тихо и смирно, пока ему такъ хочется.

Дверь въ кабинетъ немного скрипнула.

Марина Игнатьевна первая обернулась.

Въ полуотворенную половину она увидѣла стриженую голову Вити.

— Сейчасъ приду!—крикнула она ему.

Но голова не исчезла. Половинка двери распахнулась, Витя вошелъ въ комнату такимъ шагомъ, точно его кликали.

— Ты зачѣмъ?—рѣзко и полунасмѣшливо далъ на него окрикъ отецъ.

Витя подошелъ близко и сталъ между мачихой и отцомъ.

— Папа,—началъ онъ и не опустилъ рѣсницъ, а глядѣлъ отцу прямо въ глаза,—ты мамочку обижаешь.

— Это еще что?.. Ступай вонъ!

— Я пойду... — губы Вити побѣлѣли и вздрогнули. —

Вы жить виѣстѣ не будете. Мамочка уходитъ отъ насъ. Ты имѣешь на меня права; только вотъ что, папа: насильно меня никто не заставитъ оставаться здѣсь. Я тебя любилъ и не хотѣлъ никогда дурно о тебѣ думать, но я не могу. Будешь держать силой — я въ первый же день изъ гимназіи не приду, и никто меня не осудитъ!

Слезъ не было въ послѣднемъ возгласѣ мальчика.

Отецъ его не нашелся въ первую минуту. Онъ бы вытолкалъ его двумя минутами позднѣе. Марина Игнатьевна взяла Витю за шею и поцѣловала.

— Таблѣ! Если это только не подстроено!

И гнусавый хохотъ разнесся по всей квартирѣ.

— Мамочка, — сказалъ Витя, отвернувшись отъ отца и держа ее за талію, — уйдемъ отсюда! Уйдемъ... Больше тутъ нечего говорить.

И онъ угалъ мачиху. Ему тоже захотѣлось плакать, но онъ не заплакалъ.

— Съ Богомъ! — раздалось имъ вслѣдъ. — Скатертью дорога!

Въ коридорѣ Витя пожалъ руку Маринѣ Игнатьевнѣ и почти весело проговорилъ:

— Ничего, не пропадемъ!

Она разсмѣялась и поцѣловала его въ темя.

— Пора и за латынь, Витя, а тамъ и укладываться будемъ.

ВЪ ОТЪѢЗДЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Въ буфетѣ небольшой деревянной станціи тѣснилось у стойки нѣсколько человѣкъ. Второй звонокъ уже протянулся надтреснутымъ звукомъ. Поездъ стоялъ тутъ не болѣе десяти минутъ. Но и передъ третьимъ звонкомъ зада не опустѣла съ уходомъ мужчинъ, пившихъ водку.

Остались пассажиры, а у двери, на заднемъ дворикѣ станціи, кучкой ждали извозчики: двое евреевъ въ длинныхъ лоснящихся чуйкахъ и человѣкъ три бѣлоруссовъ; свѣтлое сукно ихъ свить и кудельные волосы, торчавшіе изъ-подъ шапокъ, рѣзко отличали ихъ отъ евреевъ.

Съ этой станціи пассажиры нанимали брички и телѣги въ мѣстечко, лежавшее по ту сторону полотна желѣзной дороги — верстъ больше пятнадцати, песками и лѣсомъ. Тамъ были минеральныя воды.

Изъ пассажировъ выдавались: барыня, не старая, неопратно и пестро одѣтая, рыхлая; худой, сѣдѣющій господинъ, въ парусинномъ пальто и форменной фуражкѣ — петербуржецъ; широкоплечій, среднихъ лѣтъ, въ золотыхъ очкахъ, блондинъ въ соломенной шляпѣ; два мѣстныхъ помѣщика, бритые, усатые, оба въ высокихъ сапогахъ и тирольскихъ охотничьихъ курткахъ; еще двѣ-три фигуры попроще.

Пододалъ неторопливо пила кофе молодая особа, съ обликомъ дѣвушки — это сейчасъ можно было узнать по

ясности взгляда и по цвѣту щекъ, твердыхъ, нетронутыхъ никакими чувственными затратами. Овалъ лица былъ закругленный, чрезвычайно правильный, брови на бѣломъ лбу точно вырисованы кистью, рѣсницы падали тѣнью на изсѣра-синіе глаза, разрѣзанные съ загибами къ вискамъ и носу, что придавало ихъ контуру горделивое изящество. На лбу ни чолки, ни вихровъ. Двѣ пряди темныхъ, почти черныхъ волосъ гладко лежали по обѣ стороны пробора, причесанныя по-старинному.

Немного вбокъ надѣта была шапочка, въ родѣ венгерской, изъ черной соломы, съ простенькой бархатной отдѣлкой. Она шла къ дѣвушкамъ. Черепъ былъ такихъ же чистыхъ очертаній, какъ и лицо. Коса, заплетенная въ короткій жгутъ, лежала на шеѣ свободно и красиво, и дѣлала шею еще бѣлѣе.

Темная кофточка съ стоячимъ воротникомъ сидѣла просторно и не показывала роскошныхъ формъ. За столомъ дѣвушка слегка гнулась, и это ее старило. Но свѣжесть щекъ и ясность всего облика говорили, что ей не больше двадцати двухъ лѣтъ.

Въ буфетной залѣ все еще было довольно шумно. Рыхлая барыня въ полосатой длинной накидкѣ продолжала спрашивать у буфетчика, у сторожа и даже у начальника станціи: „не присланъ ли за ней экипажъ отъ полковницы Зедергольмъ“. Но такого экипажа не нашлось. Двѣ не-тычанки дожидались мѣстныхъ дворянъ въ усахъ и тирольскихъ курткахъ. Ихъ кучера вынесли ручной багажъ, помѣщики выпили бутылку пива и вышли вмѣстѣ.

— Это Богъ знаетъ что такое!—нараспѣвъ повторяла барыня и съ перевальцемъ ходила между двумя длинными столами—обѣденнымъ и чайнымъ.

— Да я вамъ докладывалъ—фаэтонъ, тройка лошадей, будете довольны, ваше превосходительство!

Экипажъ предлагалъ еврей. Его красныя, воспаленныя вѣки безпрестанно закрывались, а глаза слезились.

— Да ты заломишь, я знаю!

— Всего пять рублей, съ вашей милости.

— Пя-ять?—жалобно протянула барыня. — Это разбой! За десять верстѣ?

— Ахъ, какъ же это можно такъ говорить! — вскрикнулъ еврей, точно его ужалило въ ногу. — Восемнадцать верстѣ—по росписанію! Одинъ песокъ! Боже мой!

Онъ произносилъ довольно чисто по-русски и слово „по росписанію“ придумалъ самъ, въ жару разговора.

— Ни за что!

Возгласъ барыни заставилъ дѣвушку у чайнаго стола чуть замѣтно усмѣхнуться.

Она подумала:

„А почему бы мнѣ не предложить себя въ попутчицы? Дешевле будетъ!“

Но она этого не сдѣлала. Барыня ей не нравилась. Всю дорогу въ вагонѣ она, то и дѣло, заявляла всякія претензіи, не позволяла открыть окно, ужасно курила.

Ѣхать съ ней въ фаятонѣ обошлось бы не дешевле, да и не хотѣлось вступать съ ней въ продолжительную бесѣду, отвѣчать на неизбѣжные разспросы.

Однако, надо было подумать о томъ, какъ добраться до мѣстечка. Съ барыней—она не поѣдетъ. Изъ пассажировъ-мужчинъ никто не предлагалъ себя въ попутчики, да она врядъ ли бы и согласилась. Долгій чиновникъ въ форменной фуражкѣ сговорился съ господиномъ въ соломенной шляпѣ. Бѣлоруссъ повезъ ихъ въ телѣжкѣ, на дрогахъ... Больше рессорныхъ экипажей не стояло у задняго крыльца станціи. Барыня, послѣ продолжительнаго торга, рѣшилась ѣхать въ фаятонѣ еврея за четыре рубля.

Дѣвушка не торопилась. Она хотѣла выпить хорошенько кофею и чего-нибудь закусить. Она видѣла, что трое извозчиковъ осталось безъ сѣдоковъ. У одного было что-то въ родѣ таранасика, на дрогахъ. Она не боялась тряски и надѣялась, что ее довезутъ за дешевую цѣну. И безъ того она истратилась. Дорожные деньги, высланные ей, подходили къ концу.

Напилась она кофею, съѣла кусокъ холодной телятины и тогда только спросила, чей таранасикъ, у кучки извозчиковъ, все еще стоявшихъ около задней двери.

Отдѣлился огромнаго роста малый, въ свѣтло-сѣрой короткой свитѣ. Его загорѣлое, веснушчатое лицо, скуластое и широкое, показалось ей мало внушающимъ довѣріе.

„Да онъ меня ограбить лѣсомъ“, — быстро подумала она, и тутъ же назвала себя „трусихой“. Развѣ она не ѣздила одна, ночью, въ окрестностяхъ Петербурга, и лѣтомъ, и зимой, и съ первымъ попавшимъ извозчикомъ?

— Ваша телѣжка? — спросила она груднымъ, немного тусклымъ голосомъ и поглядѣла на него вопросительно.

— Моя, — отвѣтилъ онъ съ трудно уловимымъ акцентомъ.

Но видно было, что онъ уже обрусѣлый мужикъ и не мало водился съ прїѣзжими господами. И торговаться сталъ онъ довольно бойко, говорилъ прїятнымъ теноркомъ, который совсѣмъ не шелъ къ его росту и скуластому лицу.

Они поладили на двухъ рубляхъ.

Больше никто не поѣхалъ со станціи. Двое извозчиковъ остались безъ работы. И они, и сторожъ принялись таскать, класть въ тарантасикъ и увязывать багажъ одинокой пассажирки. Багажъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ мѣшечковъ, большого узла съ подушкой и довольно помѣстительнаго чемодана. Укладываніе заняло не мало времени. Бѣлоруссы-извозчики и станціонный сторожъ долго возились, прилаживая чемоданъ къ задку дрогъ. Работа не спорилась. Выплылъ откуда-то простоволосый еврейчикъ въ нанковомъ балахонѣ и сталъ помогать имъ шумно и размахисто, но оказался толковѣе всѣхъ. Онъ сумѣлъ поставить чемоданъ ребромъ такъ, что онъ свободно умѣстился на задкѣ. И мѣшечкамъ нашлось мѣсто; только громоздкій узелъ немного придавливалъ пассажирку, когда ее посадили въ тарантасикъ, очень узкій и валкій въ корпусѣ.

Всѣ принимавшіе участіе въ укладкѣ обступили убогій экипажъ, кто былъ въ шапкѣ—обнажили головы и начали просить на водку. Дѣвушка покраснѣла. Мелочи у ней осталось очень мало, да и не могла она давать всѣмъ, хотя бы только по гривеннику. Она не просила ихъ помогать. Уложить багажъ долженъ извозчикъ. Но ей сдѣлалось очень неловко. И въ мелочахъ она привыкла поступать безукоризненно, возмущалась малѣйшей несправедливостью и скарედность считала гнуснымъ порокомъ. Привычка слѣдить за собой постоянно, какъ за постороннимъ лицомъ, вѣлала въ нее, какъ самое прочное изъ ея душевныхъ движеній.

Она достала портмоне, прищурилась, чтобы рассмотреть, что въ немъ лежало, увидала тамъ три двугривенныхъ, одинъ изъ нихъ вынула и, подавая сторожу, сказала:

— Извините... васъ много... Вотъ двадцать копеекъ... Напейтесь чаю.

Сказать „на водку“—было бы для нея непріятно. Она

считала это выраженіе слишкомъ барски-пренебрежительнымъ.

Тарантасикъ, запряженный парой плохенькихъ буланыхъ лошадокъ, двинулся и сразу покачнулся такъ, что пассажирка слегка вскрикнула.

II.

На полпути лѣсомъ выдалась широко расплывшаяся песчаная колодобина.

Они ѣхали уже добрыхъ полчаса. Жаръ прибывалъ. По сторонамъ запыленные и почти голыя сосны высились въ недвижномъ душномъ воздухѣ и не давали никакой тѣни.

Пассажирка уже натерпѣлась на первыхъ верстахъ, до вѣзда въ лѣсъ, отъ тряски тарантасика и въ двухъ мѣстахъ еле не вылетѣла изъ валкаго кузова. Извозчикъ не заговаривалъ съ нею, и она молчала; только въ одномъ мѣстѣ она вскрикнула:

— Ахъ, какъ трясеть! Это ужасно!

Бѣлоруссъ повернулъ къ ней свое скуластое, загорѣлое лицо и вымолвилъ:

— Это точно.

Это лицо все больше и больше казалось ей звѣрскимъ.

Когда она поѣхала со станціи, она ничего не боялась. Ей хотѣлось заговорить съ этимъ парнемъ, но она не умѣла говорить съ народомъ даже и въ Петербургѣ, гдѣ протекла почти вся ея жизнь. У ней—она сама это замѣчала—все выходило сухо, не тѣми словами, отзывалось книжкой. Извозчикъ выговаривалъ по-русски довольно чисто, но врядъ ли могъ вполне понимать ее.

Заговорить съ нимъ по-польски удерживало ее сложное чувство. Она знала этотъ языкъ—языкъ ея отца,—но выражалась на немъ не очень бойко, почти какъ на языкѣ иностранномъ.

По своему происхожденію она полу-полька, полу-русская. Имя у ней настоящее русское, данное матерью въ память героини Пушкина—Татьяна, но по отчеству она Казимировна, фамилія—Круковская. Мать повліяла на нее гораздо больше отца. Онъ бывалъ, по службѣ, въ частныхъ и продолжительныхъ отлучкахъ, а мать всегда при ней. По-польски выучилась она у отца и кузины, съ которой ходила въ гимназію. Но по религіи, тону, воспитанію, идеямъ—она сложилась въ петербургскую развитую,

трудовую дѣвушку, къ тому времени, когда осталась сиротой.

Ей всегда бывало непріятно, если кто-нибудь рѣзко или пренебрежительно говорилъ о націи, откуда вышелъ ея отецъ; но и за польку она не хотѣла слыть, особенно не искала польскаго общества, даже въ средѣ своихъ товарищекъ по гимназій и курсамъ, куда она поступила восемнадцати лѣтъ и гдѣ просидѣла цѣлыхъ пять лѣтъ, побывавъ на обоихъ отдѣленіяхъ. Кончила она курсъ второй, на словесномъ отдѣленіи.

Эта двойственность расы придавала ея душевному складу оттънокъ, не сразу уловимый, но уже залегшій въ основу ея характера. Она не могла отрѣшиться отъ чувства своеобразной неловкости, туго сближалась, какъ бы боялась, что кто-нибудь задѣнетъ въ ней фибръ расовой щекотливости.

По-русски она говорила съ петербургскимъ произношеніемъ; но звукъ голоса имѣлъ въ себѣ что-то несовсѣмъ русское, и это она знала.

Такъ она и не заговорила съ извозчикомъ по-польски, даже не спросила его—понимаетъ ли онъ этотъ языкъ, что было болѣе чѣмъ вѣроятно.

До лѣса она не думала ни о чемъ, кромѣ того, что ждать ее въ томъ мѣстечкѣ, куда она поѣхала такъ неожиданно для себя.

Но на этой песчаной колодобинѣ, среди унылыхъ, обнаженныхъ сосенъ, на нее стало находить безпокойство. Спина ямщика, пряди его желтыхъ волосъ, торчавшихъ изъ-подъ шапки, шея, побурѣлая отъ загара, запахъ отъ свиты и смазныхъ сапогъ,—все это начало ее тревожить. Она распознала, что это — чувство женской боязни, и не одного того, что извозчикъ ограбитъ и зарѣжетъ ее, а еще чего-то.

Онъ раза два оборачивался, когда они ѣхали по узкой дорогѣ—минуть съ десять до того—и его взглядъ почему-то казался ей подозрительнымъ.

Трусихой Татьяна Казиміровна себя не считала. Но страхъ совсѣмъ другого рода заползъ въ нее.

Она была по натурѣ и всей своей житейской выправкѣ чрезвычайно цѣломудренна и воображеніемъ чище, чѣмъ любая изъ ея подругъ. Она любила разговоры о чувствахъ, но отвлеченные, съ анализомъ нравственныхъ вопросовъ и положеній, навѣянныхъ литературой, психическими

подробностями изъ того или иного произведенія, съ отыскиваніемъ высшаго моральнаго идеала. Любовь, ни въ видѣ страсти, ни въ видѣ кокетства, почти не коснулась ея. Но она не могла не знать, что судьба дала ей наружность, передъ которой рѣдкій мужчина не останавливался. Прежде, лѣтъ пять назадъ, это раздражало ее и поддерживало въ ней чувство, сходное съ тѣмъ, какое испытываетъ дѣвушка, родившаяся съ явнымъ уродствомъ или большимъ физическимъ недостаткомъ.

Къ тону ухаживанія она была безпощадна, — съ семнадцати лѣтъ не позволяла говорить себѣ самыхъ обыкновенныхъ любезностей; но не бѣгала мужчинъ, охотно вступала въ долгія бесѣды и не отдавала себѣ отчета въ томъ, что ея лицо, глаза, брови, волосы производили всегда особое дѣйствіе на ея собесѣдниковъ, совсѣмъ не отвѣчавшее содержанію разговоровъ.

Не обращала она вниманія и на то, что во время спора, — а спорить она любила, — ея руки выставляютъ еще ярче свою красоту. Руки у ней были удивительнаго изящества: крупныя, съ удлиненными пальцами и розовато-мраморнымъ окрашиваніемъ. На нихъ всѣ заглядывались, кромѣ нея самой.

И вотъ разъ одинъ изъ ея собесѣдниковъ, студентъ, вдругъ зарыдалъ, сидя рядомъ съ нею, и сталъ цѣловать ея колѣна. Она вся затряслась отъ испуга и негодованія, а потомъ ей стало смѣшно. Студентъ больше не встрѣчался съ нею... Узнала она позднѣе, что онъ покончилъ съ собою: отъ несчастной ли страсти — она не знала; но послѣ того она стала вырабатывать себѣ суховатый тонъ съ мужчинами, всякими, и молодыми, и пожилыми, и въ ней нѣтъ-нѣтъ да просыпалась тревога, когда она оставалась наединѣ съ мужчиной, кто бы онъ ни былъ, боясь вызвать въ немъ порывъ романтическаго ли чувства, или звѣрскаго инстинкта.

Вдругъ, извозчикъ крикнулъ на лошадей. Онѣ остановились. Онъ слѣзъ съ козелъ... Татьяна Казиміровна закрыла глаза и почувствовала тотчасъ же, что блѣднѣетъ.

— Что такое? — стремительно спросила она и раскрыла глаза, готовая прыгнуть съ противоположной стороны и броситься бѣжать.

Бѣлорусъ глуповато улынулся во весь ротъ, поправилъ шапку и сталъ что-то поправлять у передняго колеса.

— Сломалось?

— Никакъ нѣтъ... тяжъ...

Остальное она не дослушала.

Извозчикъ вскочилъ опять на козлы. Она, успокоенная, постыдила себя и вступила съ нимъ въ разговоръ.

— Вы многихъ знаете... кто дачи имѣеть? — спросила она, держась неуклонно правила говорить всѣмъ „вы“, даже извозчикамъ изъ крестьянъ.

— Кого знаемъ?

— Про господина Гарбуза не слыжали?

— Никакъ нѣтъ!.. Чья дача?

— Кажется, собственная.

— Про этого господина не слыжали.

Извозчикъ, обернувшись, опять широко раскрылъ огромный скуластый ротъ и спросилъ:

— А ваша милость на воды?

— Нѣтъ; я не больная.

Она знала, что въ мѣстечкѣ воды, но не затѣмъ туда ѣхала.

То, что извозчикъ не зналъ дачи Гарбуза, какъ бы смутило ее.

Какая странная и смѣшная фамилія „Гарбузъ“. Разумѣется, этотъ господинъ не чисто-русскаго происхожденія: или малороссъ, или изъ мѣстныхъ обывателей, можетъ-быть, полякъ... Все это не совсѣмъ пріятно звучало.

Тарантасикъ въѣхалъ въ чашу лѣса; несокъ пошелъ еще сыпучѣе, колеса выкивались въ него по спицы, оводы кусали лошадей, жаръ становился все томительнѣе, тонкая пыль забиралась подъ вуалетку и ѣла глаза.

Татьянѣ Казиміровнѣ было очень не по себѣ.

III.

— Куда же въѣхать, барышня? — спросилъ бѣлоруссъ, когда они въѣхали на поляну, спускавшуюся пологимъ волокомъ къ мѣстечку.

— Куда въѣхать? — повторила она. — Да въ гостиницу... Есть вѣдь гостиница?

Въѣхать прямо къ „господину Гарбузу“ ей не хотѣлось. Она это рѣшила еще въ Петербургѣ, на вокзалѣ, когда шла въ вагонъ, вслѣдъ за артельщикомъ, несшимъ ся вещи.

Что-то удержало ее отъ послышки депеши на имя Льва

Игнатьевича Гарбуза, хотя онъ и просилъ ее объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ.

Да и вся-то ея поѣздка случилась такъ неожиданно для нея самой.

Дорогой она много думала о томъ, какой главный мотивъ двинулъ ее, почему она такъ стремительно воспользовалась первымъ попавшимся приглашеніемъ „въ отъѣздъ“, на мѣсто гувернантки,—она, Татьяна Казиміровна Круковская, блистательно сдавшая всѣ свои экзамены на курсахъ, считавшаяся украшеніемъ выпуска... не по одной только наружности!

Ей не легко было сознаться, когда она углубилась въ себя и разобрала клубокъ душевныхъ нитей, что главнымъ толчкомъ надо признать: затаенное чувство обиды, женскую суетность, хотя снаружи ничего подобнаго и не проявилось и никто не заподозрилъ ее.

Жила она въ одной квартирѣ съ своей кузиной Жозей и маленькимъ братомъ—гимназистомъ. Обѣ оканчивали курсъ. Она давала много уроковъ и этимъ содержала и себя, и брата Колю—рѣзваго мальчика съ музыкальными способностями. Большой дружбы съ кузиной у ней не было. Кузина старше ея года на два, вовсе не красива, маленькаго роста, вертлявая, шумная, но очень боящаяся разговоровъ, всегда окруженная мужчинами. Училась она не плохо; но серьезной любви къ знанію не имѣла... Во многомъ онѣ, по взглядамъ, привычкамъ и правиламъ, не спѣлись, хотя и не доходило у нихъ никогда до ссоръ. Легкій, покладливый характеръ кузины не доводилъ до нихъ.

Въ предпослѣднюю зиму сталъ ходить къ нимъ одинъ инженеръ, сынъ товарища ея отца, довольно красивый, умный, дѣльный, на дорогѣ къ профессорству. Онъ, съ первыхъ же дней знакомства, началъ выказывать преклоненіе передъ ея личностью, не передъ одной красотой, а передъ всѣмъ ея нравственнымъ складомъ. Это не особенно льстило ей, но она все-таки привыкла къ тону его изліяній, гдѣ сквозило чувство, которое не могло же обижать ее.

Такъ прошелъ цѣлый петербургскій сезонъ. Инженеръ получилъ блестящее мѣсто по работамъ на югъ Россіи, уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ, писалъ ей оттуда восторженные письма, говорилъ, что нуждается въ ея поддержкѣ, чтобы не увлечься дѣлечествомъ, вернуться къ

наукѣ и профессурѣ. Она отвѣчала ему, но довольно сдержанно, не хотѣла ни подъ какимъ видомъ переступить черты простаго пріятельскаго знакомства, отъ руководящей роли отказывалась, предоставляла его испытанію: если въ немъ сидитъ дѣлецъ—онъ очутится въ станѣ пріобрѣтателей, а сидятъ въ немъ порядочные инстинкты—войдетъ на каѳедру.

Ея письма не удовлетворяли его, приводили въ смущеніе и, подъ конецъ, стали даже задѣвать его, чего она, конечно, не хотѣла. И когда онъ вернулся въ Петербургъ и пришелъ къ нимъ, то передъ ней былъ уже „подрядчикъ“, взятый въ компанію извѣстнымъ строителемъ, человекъ, окончательно разставшійся со всякой мечтой о дорогѣ „скромнаго труженика“.

Это ее огорчило и укололо. Она перемѣнила съ нимъ тонъ, они часто пикировались: онъ, полущутя, доказывалъ, что въ его дѣлечествѣ надо винить ее, а она повторяла, что дѣлецъ сидѣлъ въ немъ и долженъ былъ, рано или поздно, всплыть наверхъ.

И черезъ два-три мѣсяца вертлявая, болтливая Жозя, ея кузина, сдѣлалась его невѣстой, и до свадьбы она должна была очень часто присутствовать при ихъ нѣжностяхъ. Она взяла съ нимъ простой, родственныи тонъ; но ранка, незамѣтная и для нея самой, не переставала сочиться. Жозя собиралась стать женой человека, уже получавшаго большіе деньги, кое-какъ сдала экзамены, отдалась шумнымъ и довольно хвастливымъ заботамъ о наймѣ и отдѣлкѣ тысячной квартиры. Въ ея тонѣ съ кузиной зазвучали ноты покровительства.

— Когда вернемся изъ-за границы,—говорила Жозя,—ты можешь провести конецъ лѣта у насъ на дачѣ... И даже съ Колей.

Все это сильно корбило ее. Гостить у нихъ она ни въ какомъ случаѣ не желала. А на лѣто надо было дѣлаться куда-нибудь. Жить въ Петербургѣ, безъ уроковъ, она не могла. Семейства, гдѣ она ихъ давала, почти всѣ разбѣхались. Колю, брата, она отправила въ деревню, къ товарищу, и сама осталась одна, безъ мѣста, о которомъ зимой мало думала.

Вотъ тогда-то и пропечаталась она въ газетахъ, въ расчетѣ прожить лѣто въ провинціи, немного стряхнуть съ себя петербургское утомленіе отъ экзаменовъ и бѣготни по городу на уроки, присмотрѣться къ русской

жизни—въ усадьбѣ, узнать крестьянскій бытъ. Тогда эта программа очень манила ее. А то, что составляло главный импульсъ—нежеланіе гостить у кузины и ея мужа, она хоронила отъ самой себя. Теперь же это ей ясно, лежитъ какъ на ладони.

Предложеній, на письмахъ; она получила, до мая, всего четыре... И самое подходящее было отъ какого-то Льва Игнатьевича Гарбуза.

Онъ предлагалъ ей жалованье въ семьдесятъ пять рублей, на всемъ готовомъ, съ проѣздомъ на его счетъ, дѣтей у него только двое—двѣ дѣвочки-подростки, лѣто проведетъ она съ семействомъ, не очень далеко отъ Петербурга, на водахъ, а зиму—въ губернскомъ городѣ, еще ближе къ Петербургу. Упоминалось и о томъ, что жена его слабаго здоровья, сама дѣтьми заниматься не можетъ, чтò, скорѣе, понравилось Татьянѣ Казимировнѣ.

Тогда у ней не было никакихъ колебаній, и она тотчасъ согласилась. Теперь ей такое скорое рѣшеніе казалось почти „безуміемъ“.

Ни у кого объ этомъ помѣщикъ—она считала его дворяниномъ-землевладѣльцемъ—она не могла справиться, да и не рассказывала никому про свою „кондицію“; ничего не говорила и кузинѣ, когда та уѣзжала послѣ свадьбы, за границу, и только недѣлю спустя написала ей въ Римъ, что она ѣдетъ въ провинцію на мѣсто, и даже не дала своего адреса.

И зачѣмъ она не подождала какихъ-нибудь два-три мѣсяца? Наняла бы комнатку гдѣ-нибудь, у чухонъ, на взморьѣ, за десять рублей. Ей хватило бы того, что она наработала за зиму. Съ ея дипломомъ, съ ея познаніями есть возможность получить мѣсто учительницы гимназіи, не въ столицѣ, такъ въ провинціи.

Да, но высшіе курсы никакихъ положительныхъ правъ не даютъ. Она—не „педагогичка“. Добиваться мѣста гимназической учительницы—не такъ-то легко. Даже и городскую школу въ Петербургѣ сразу не получишь, хотя въ эту сторону у ней нашлась бы и рука.

Но ее гнало изъ Петербурга. Ей не хотѣлось, должно-быть, оставаться, на зиму, въ одномъ городѣ со своей кузиной, ходить къ ней въ гости, встрѣчаться съ ея мужемъ, присутствовать при зрѣлищѣ ихъ грубоватыхъ ласкъ, слушать ихъ разговоры, видѣть ихъ крикливую дѣлческую обстановку, принимать отъ нихъ, точно по-

дачку, приглашенія на обѣдъ, въ ложу, въ концертъ, на катанья и пикники. Рѣзко разойтись — „изъ-за принциповъ“ — она тоже не хотѣла: это отзывалось бы уже черезчуръ книжкой.

Но настоящая причина того, что она трясется въ эту минуту въ телѣжкѣ, по колеямъ проселка — найлена.

Щеки Татьяны Казиміровны все краснѣли — не отъ одной жары, а отъ обиды за самое себя: неужели и она не свободна отъ такихъ жалкихъ женскихъ свойствъ?

Отвѣчать было трудно.

Лошадки пошли бойкой рысцой. И дорога стала лучше... Въѣхали они въ мѣстечко, расплывшееся по обоимъ берегамъ рѣчки. Низменная часть была самая заселенная. На другомъ, крутомъ берегу бѣлѣло нѣсколько красивыхъ дачъ.

Миновали площадь, въ видѣ луговины.

— Тамъ телеграфъ! — провелъ рукой извозчикъ, показывая вправо. — Въ гостиницу, значить, вашей милости?

— Да, да! — нервно крикнула дѣвушка, и выпрямилась на жесткомъ сидѣнн.

Ничего похожего на то, что она соединяла съ представленіемъ о „курортѣ“, кругомъ не было. Тихое, безлюдное село, съ чистыми домиками и широкими улицами, дремало на полуденномъ солнцѣ.

IV.

Гостиница стояла на углу двухъ проѣздовъ. Крыльцо приходилось на ту улицу, по которой подвезли Татьяну Казиміровну.

Кругомъ та же тишина, что и въ улицахъ, гдѣ они проѣзжали. Извозчикъ слѣзъ съ козелъ и облокнувшись въ полумертвенную стеклянную дверь:

— Кто тамъ есть? Барышню привезъ!

Слово „барышня“ заставило ее улыбнуться. Можетъ-быть, въ послѣдній разъ ее такъ называли. Она не любила этого слова, но оно все-таки лучше, чѣмъ „мамзель“, какъ ее будутъ теперь звать прислуга, съ поступленія ея въ домъ гугернанткой.

На крыльцо вышелъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ свѣтлыхъ пижамѣ и рубашкѣ съ косымъ воротомъ. Олагодобразный паренекъ великорусскаго типа: бѣлокурые волосы въ вѣжало, серьга въ одномъ ухѣ, большіе сапоги.

Онъ бойко сбѣжалъ со ступенекъ и началъ высаживать приѣзжую.

— Пожалуйста, пожалуйста,—заговорилъ онъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Номеръ есть и вверху, и внизу. Я сейчасъ доложу управительницѣ.

И въ выгрузкѣ багажа онъ помогъ извозчику.

Въ коридорѣ ее встрѣтила управительница, болѣзненная особа съ повязанной щекой, нѣчто въ родѣ компаньонки, еще не старая, въ бурнусѣ изъ сѣраго люстрина и небрежно причесанная.

— На какую вамъ цѣну?—жалобно спросила она.—Вы на цѣлый мѣсяцъ или больше?

Татьяна Казиміровна объяснила ей, что желаетъ взять комнату посуточно—и самую дешевую.

— Наверху есть... въ рубль... Дешевле нѣтъ.

И все это управительница выговаривала такимъ тономъ, точно ее сейчасъ стошнить, и съ мѣстнымъ акцентомъ. Къ такому акценту Татьяна Казиміровна была чувствительна; ей всегда казалось, что и ея русскій выговоръ въ родѣ этого.

— Эленка!—крикнула управительница вверхъ по деревянной лѣстницѣ и прибавила по-польски: — покажи номеръ тринадцатый.

„Номеръ тринадцатый,—подумала Круковская.—Не къ добру“.

У ней не было обычныхъ предрасудковъ, ни русскихъ, ни польскихъ; по крайней мѣрѣ, она усиленно боролась съ ними. Но двѣ примѣты и ей были неприятны: число тринадцать и встрѣча со священникомъ.

Номеръ показала ей горничная, совсѣмъ уже мѣстнаго вида: босая, въ черныхъ косахъ, въ пестрой юбкѣ и ситцевой кофтѣ, очень полная, съ добрѣйшимъ выраженіемъ раскосыхъ глазъ.

Онѣ сейчасъ же заговорили по-польски. Эленка бросилась таскать вещи вмѣстѣ съ мальчикомъ и раза два уже приложилась къ плечу Татьяны Казиміровны.

Мальчикъ, когда извозчикъ былъ отпущенъ и вещи все внесены въ номеръ, откашлянувъ въ руку и сладко-сладко выговорилъ:

— Пачпортъ соблаговолите?

— Сейчасъ же?

Она не долюбивала никакихъ полицейскихъ подробностей.

дачку, приглашенія на обѣдъ, въ ложу, въ концертъ, на катанья и пикники. Рѣзко разойтись — „изъ-за принциповъ“ — она тоже не хотѣла; это отзывалось бы уже черезчуръ книжкой.

Но настоящая причина того, что она трясется въ эту минуту въ телѣжкѣ, по колеямъ проселка — найдена.

Щеки Татьяны Казиміровны все краснѣли — не отъ одной жары, а отъ обиды за самое себя: неужели и она не свободна отъ такихъ жалкихъ женскихъ свойствъ?

Отвѣчать было трудно.

Лошадки пошли бойкой рысцой. И дорога стала лучше... Въѣхали они въ мѣстечко, расплывшееся по обоимъ берегамъ рѣчки. Низменная часть была самая заселенная. На другомъ, крутомъ берегу бѣлѣло нѣсколько красивыхъ дачъ.

Миновали площадь, въ видѣ луговины.

— Тамъ телеграфъ! — провелъ рукой извозчикъ, показывая вправо. — Въ гостиницу, значить, вашей милости?

— Да, да! — нервно крикнула дѣвушка, и выпрямилась на жесткомъ сидѣннѣ.

Ничего похожего на то, что она соединяла съ представленіемъ о „курортѣ“, кругомъ не было. Тихое, безлюдное село, съ чистыми домиками и широкими улицами, дремало на полуденномъ солнцѣ.

IV.

Гостиница стояла на углу двухъ проѣздовъ. Крыльцо приходилось на ту улицу, по которой подвезли Татьяну Казиміровну.

Кругомъ та же тишина, что и въ улицахъ, гдѣ они проѣзжали. Извозчикъ слѣзъ съ козелъ и окликнулъ въ полуотворенную стеклянную дверь:

— Кто тамъ есть? Барышню привезъ!

Слово „барышня“ заставило ее улыбнуться. Можетъ-быть, въ послѣдній разъ ее такъ называютъ. Она не любила этого слова, но оно все-таки лучше, чѣмъ „мамзель“, какъ ее будеть теперь звать прислуга, съ поступленія ея въ домъ гувернанткой.

На крыльцо вышелъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ свѣтломъ пиджакѣ и рубашкѣ съ косымъ воротомъ, благообразный паренекъ великорусскаго типа: бѣлокурые волосы въ кружало, серъга въ одномъ ухѣ, большіе сапоги.

Онъ бойко сбѣжалъ со ступенекъ и началъ высаживать приѣзжую.

— Пожалуйте, пожалуйста,—заговорилъ онъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Номеръ есть и вверху, и внизу. Я сейчасъ доложу управительницѣ.

И въ выгрузкѣ багажа онъ помогъ извозчику.

Въ коридорѣ ее встрѣтила управительница, болѣзненная особа съ повязанной щекой, нѣчто въ родѣ компаньонки, еще не старая, въ бурнусѣ изъ сѣраго люстрина и небрежно причесанная.

— На какую вамъ цѣну?—жалобно спросила она.—Вы на цѣлый мѣсяцъ или больше?

Татьяна Казиміровна объяснила ей, что желаетъ взять комнату посуточно—и самую дешевую.

— Наверху есть... въ рубль... Дешевле нѣтъ.

И все это управительница выговаривала такимъ тономъ, точно ее сейчасъ стошнить, и съ мѣстнымъ акцентомъ. Къ такому акценту Татьяна Казиміровна была чувствительна; ей всегда казалось, что и ея русскій выговоръ въ родѣ этого.

— Эленка!—крикнула управительница вверхъ по деревянной лѣстницѣ и прибавила по-польски: — покажи номеръ тринадцатый.

„Номеръ тринадцатый,—подумала Круковская.—Не къ добру“.

У ней не было обычныхъ предразсудковъ, ни русскихъ, ни польскихъ; по крайней мѣрѣ, она усиленно боролась съ ними. Но двѣ примѣты и ей были непріятны: число тринадцать и встрѣча со священникомъ.

Номеръ показала ей горничная, совсѣмъ уже мѣстнаго вида: босая, въ черныхъ косахъ, въ пестрой юбкѣ и ситцевой кофтѣ, очень полная, съ добрейшимъ выраженіемъ раскосыхъ глазъ.

Онѣ сейчасъ же заговорили по-польски. Эленка бросилась таскать вещи вмѣстѣ съ мальчикомъ и раза два уже приложила къ плечу Татьяны Казиміровны.

Мальчикъ, когда извозчикъ былъ отпущенъ и вещи всѣ внесены въ номеръ, откашлянулъ въ руку и сладко-сладко выговорилъ:

— Пачпортъ соблаговолите?

— Сейчасъ же?

Она не долюбивала никакихъ полицейскихъ подробностей.

— У насъ строго... по этой части.

Его языкъ отзывался такъ большимъ русскимъ городомъ, что она спросила его:

— Вы сами здѣшній?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я петербургскій. Меня арендатели привезли.

— Какіе арендаторы?

— Которые содержатъ гостиницу и вокзалъ-съ... Господа наши.

Она достала свой видъ и отдала ему.

— Больше ничего не прикажете?—спросилъ мальчикъ и сталъ у дверей въ выжидательной позѣ.

„Какой ученый“,—подумала она и спросила:

— Васъ какъ звать?

— Владиміръ... Володей здѣсь всѣ зовутъ, — немного стыдливо выговорилъ онъ.

— Вотъ что, Володя... Вы здѣсь должны всѣхъ знать...

— Которыхъ знаю... Есть вѣдь не мало обывателей... дачи свои имѣютъ... тѣхъ мало видишь.

— Гдѣ живетъ здѣсь господинъ Гарбузь... Левъ Игнатьевичъ?

— Гарбузь?—переспросилъ Володя, и наморщилъ загорѣлый красивый лобъ. — Что-то про такого не слыхалъ. Да онъ изъ обывателей?.. Помѣщикъ? Здѣшній?

— Не знаю... Живетъ здѣсь. Кажется, своя дача.

— Да позвольте узнать, изъ себя онъ какой будетъ?

— Не знаю... я его не видала.

— Позвольте справиться... А вамъ послать нужно письмо?.. Такъ я могу-съ...

— Нѣтъ, письма не будетъ. Я сама пойду. Вы узнайте, пожалуйста.

— Я мигомъ-съ... Больше еще ничего не прикажете?

— Теплой воды... поскорѣе.

— Слушаю-съ.

Черезъ двѣ минуты, разбираясь въ своемъ дорожномъ мѣшкѣ, она услышала звонкій, раскатистый окликъ Эленки въ нижнемъ коридорѣ:

— Паненка вола на мужъ! (Барышня кличетъ наверху).

Воду принесла ей другая женщина, въ крестьянской свитѣ. Эленка уже подмывала полъ и не могла сейчасъ явиться.

Да ей и не нужно было услугъ. Она привыкла все дѣлать сама. Раскладывать чемоданъ она не хотѣла. Можно

остаться въ тѣхъ же юбкѣ и кофтѣ, только почиститься, переменить воротничокъ, надѣть другія перчатки и взять зонтикъ.

Платье, всѣ свои туалетныя вещи держала она въ большой чистотѣ, но не была франтихой, любила темныя цвѣта и не тратила на вздоръ ни одного лишняго рубля. Да и держалась она совсѣмъ не эффектно: гнулась и на ходу, и когда сидѣла, отчего казалась меньше ростомъ. Худошавая грудь отнимала у ней величавость; но это ее не смущало, и даже таліей—тонкой и гибкой—занималась она мало, носила просторныя корсеты.

Въ четверть часа она была уже готова. Сходя, она встрѣтила Володю, поднимавшагося навверхъ.

— Узнали?—ласково спросила она.

— Бѣгалъ на вокзалъ... у сторожа справлялся... Онъ говоритъ—это, должно-быть, на обрывѣ... надъ Сливницей... Рѣчка такъ у насъ называется, въ оврагѣ. И крутой берегъ... по ту сторону. Тамъ точно есть, на самомъ обрывѣ, дача... Только я думалъ, она пустая стоитъ. И окна съ одной-то стороны, видать, закрыты ставнями.

Они сошли вмѣстѣ.

— Я васъ провожу-съ, вызвался Володя.

— Покажите мнѣ дорогу до вокзала, и я сама узнаю все.

— Да это рядомъ... вотъ вправо возьмете, мимо конторы водъ... и сейчасъ увидите крыльцо... тамъ и сторожъ. Я провожу васъ.

— Благодарствуйте. Я одна.

Ей хотѣлось идти одной. Она могла бы, конечно, послать этого шустрого паренька съ письмомъ и дожидаться визита господина Гарбуза. Но что-то ее безпокоило, и неопредѣленное по мотиву, и весьма отчетливое—по ощущенію. Лучше она отыщетъ сама дачу, не предупредивъ никого. То, что она найдетъ тамъ врасплохъ, дастъ ей болѣе вѣрную ноту, чѣмъ если бы она явилась послѣ письма.

Шла она медленно, подъ зонтикомъ, по высохшей землѣ дорожки, заглянула въ садъ и прошлась до террасы вокзала. Все это показалось ей довольно мизернымъ. Она не бывала за границей, но привыкла, въ Петербургѣ, къ другимъ размѣрамъ загородныхъ вокзаловъ и прогулокъ.

Въ саду было совершенно пусто. Передъ эстрадой тянулись ряды пыльных скамеекъ. Боковая аллея привела

ее къ главному подъѣзду, со стороны широкаго проѣзда, такого же песчанаго, какъ и дорога лѣсомъ.

Нашла она и сторожа, отставнаго унтера, старика. Онъ уже слышалъ въ чемъ дѣло.

— Этого барина мы не знаемъ, по фамиліи... А видать видали... Изъ себя черноватый... Не такъ ужъ, чтобы очень молодой.

— И семейство его видали?

— Семейство? Нѣтъ... что-то не приводилось... Да вамъ лучше всего, сударыня, въ почтовую контору... Тамъ, навѣрно, укажутъ. У нихъ каждый обыватель на знати.

Но она не пошла въ почтовую контору, а попросила только растолковать ей, какъ подняться къ дачѣ на обрывѣ рѣчки Сливницы.

Сторожъ объяснилъ ей все очень толково.

Она спустилась и попала прямо въ отрадную тѣнь густой поросли орѣшника, шедшей вдоль извилистой рѣчки густой аллеей. Такъ ей стало вдругъ привольно, что она остановилась и въ углубленіи пригорка сѣла на скамью.

Противъ нея, черезъ рѣчку, тоже весь въ орѣховой поросли, высился крутой берегъ. Ей видны были, вправо, и пѣшеходный мостикъ, съ жердями по бокамъ, и дорога вверхъ, по узкой балкѣ. Вода рѣчки искрилась, между вѣтвями, подъ лучами знойнаго солнца, издавая тихій рокотъ.

— Какая прелесть!—вырвалось у Татьяны Казиміровны.

Она никакъ не ожидала, что будетъ жить надъ такимъ чудеснымъ мѣстомъ.

V.

Ей не хотѣлось выходить изъ тѣнистой прохлады... Замедленнымъ шагомъ дошла она до мостика. Солнце опять стало припекать сквозь шелковый темный зонтикъ. Сейчасъ же начинался подъемъ въ гору.

Справа изъ-за того обрыва и забора не видать болѣе никакого зданія. Тѣмъ спускалась къ берегу луговина и по ней, саженьяхъ въ пятидесяти, цѣлая усадьба съ садомъ. Зеленая крыша мезонина и башенка яркимъ пятномъ лежали на фонѣ полуденнаго неба.

„Повернуть направо“, — выговорила мысленно Татьяна Казиміровна, когда поднялась совсѣмъ наверхъ. Дорожка вела къ небольшой дачѣ, съ галлереей, стоявшей къ полю заднимъ своимъ фасомъ. Съ этой стороны она была всего

въ одинъ этажъ, а со стороны обрыва—въ два. Калитка и—дальше—ворота стояли запертыми.

Полная тишина и даже мертвенность вокругъ этого дома. Онъ казался нежилымъ. Это ее немного смутило, но она все-таки пошла по дорожкѣ твердымъ шагомъ и достигла калитки.

Прислушалась она, когда стояла уже въ двухъ шагахъ отъ калитки, ни малѣйшаго звука на дворѣ, ни шаговъ, ни лая собаки, ни голосовъ.

На задній фась дома выходило всего два настоящихъ окна. Ихъ закрывали ставни; остальные два были фальшивыя, съ квадратами, выведенными черной краской.

Она пожалѣла, что не взяла съ собой мальчика Володю. По крайней мѣрѣ, онъ узналъ бы все. Приходилось стучаться. Можетъ-быть, собаки есть—кинутся. Собакъ она побаивалась, хотя и скрывала это.

Калитку отворили изнутри. Показалась пожилая женщина, въ родѣ кухарки, съ головой, покрытой свѣтлымъ ситцевымъ платкомъ и въ затасканной розовой кофтѣ... Она подалась назадъ, увидавъ Татьяну Казиміровну.

— Вы къ кому? — спросила она и сейчасъ же приставила ладонь ко лбу, защищаясь отъ солнца.

— Господинъ Гарбузъ... Левъ Игнатьевичъ, у себя? — выговорила Крюковская, стараясь произносить какъ можно отчетливѣе.

— Да вы кто будете?

Говорила она безъ мѣстнаго акцента.

— Меня ждуть ваши господа... Я наставница... гувернантка, — прибавила она, слово это было ей непріятно.

— А-а!..

Баба круто повернулась на своихъ толстыхъ ногахъ, обутыхъ въ стоптанные опорки мужскихъ сапоговъ, и скрылась за калиткой, не пригласивъ ее войти.

„Что же это, однако?“ — съ сдержанной досадой спросила себя дѣвушка и закусилла губу. Ей было очень жутко стоять тутъ, на припекѣ, около этой калитки, которую такъ негостепримно заперли у ней подъ носомъ.

Прошло не меньше пяти минутъ! Никто не показывался... Хоть назадъ иди... Баба ничего не выговорила, кромѣ „а-а“, не сказала даже, тутъ ли живетъ Гарбузъ, или нѣтъ.

Но вотъ послышались быстрые шаги, калитку отворили

сильнымъ движеніемъ руки, и изъ нея вынырнула мужская фигура.

Быстро и чрезвычайно отчетливо схватила она наружность этого человѣка: хорошаго роста, плечистый, немного сутуловатый, рѣзкій брюнетъ, съ большими синими бѣлками глазъ, загорѣлый, обросшій волосами бороды очень высоко, не то армянскаго, не то греческаго типа, что-то двойственное въ усмѣшкѣ толстыхъ губъ, носъ съ утолщеннымъ концомъ, курчавые, подстриженные волосы, слегка посыпанные сѣдиной.

Онъ былъ съ открытой головой, въ парусинной домашней парѣ, довольно опрятной, только безъ галстука, въ рубашкѣ съ малороссійскимъ шитьемъ. На ногахъ въязаны туфли.

— Мадемуазель Круковская? Татьяна... Татьяна...

— Казиміровна,—подсказала она.

Взглядъ его изжелта-карихъ глазъ прошелся по ея лицу, и точно искры пошли изъ зрачковъ: она почувствовала вдругъ, какъ этотъ человѣкъ пораженъ ея красотой, и особаго рода неловкость разлилась по ней. Она отвела свои глаза немного въ сторону и медлила протянуть ему руку.

— Пожалуйста! Пожалуйста!—заговорилъ онъ, ретируясь къ калиткѣ, которую онъ надавилъ своимъ туловищемъ.—Какъ же это такъ!.. Не дали знать!.. Я бы выслалъ экипажъ.

Договорилъ онъ уже на дворикѣ, куда она вошла за нимъ, все тѣмъ же задержаннымъ шагомъ, оглядываясь и тихо-тихо переводя дыханіе.

Дворикъ шелъ къ обрыву, гдѣ начинался садикъ, съ густой листвою орѣшника и нѣсколькихъ дубковъ. Вдоль всей стѣны тянулась галлерейка. Слева родъ сарайчика, крашеный флигелекъ, гдѣ, вѣроятно, помѣщалась кухня, и навѣсъ. Больше она не успѣла разглядѣть.

— Такъ вотъ какъ... вы пожаловали!..

Двѣ жилистыя, покрытыя волосами руки протянулись къ ней. Она должна была отвѣтить на рукопожатіе.

— Только какъ же это вы, барышня, не дали мнѣ знать? Денешкой бы! Или прямо бы вѣхали! Ай-ай!.. Такъ, экспромптомъ!

Онъ говорилъ отрывисто, встряхивалъ часто головой и заглядывалъ въ лицо. По выговору онъ могъ быть южно-

руссъ. Помѣщикомъ онъ не смотрѣлъ, а скорѣе управителемъ, и вообще разночинцемъ.

Встрѣтъ она его въ Петербургѣ, хоть въ пекарнѣ Исакова, куда часто захаживала закусить между двумя уроками, она могла бы принять его и за какого-нибудь восточнаго человѣка, торгующаго кахетинскимъ, и, пожалуй, за сыщика.

Это первое впечатлѣніе не проходило.

Онъ повелъ ее на галерею, продолжая говорить отрывочными, маленькими фразами.

— Пожалуйста!.. Сюда!.. Въ тѣнь... Вотъ какой сюрпризъ! Присядьте... вотъ на стульчикъ.

Они сѣли на галлерейкѣ, одинъ противъ другого. По его губамъ продолжала скользить та же сладковатая улыбка, и зрачки глазъ искрились на особый ладъ.

— Я не хотѣла... беспокоить васъ... вѣхатъ прямо, — выговорила Круковская болѣе строгимъ тономъ, чѣмъ какой она желала взять съ нимъ.

— Не были увѣрены?.. А?.. Увѣрены не были? Думали — пуфъ?..

— Вовсе нѣтъ.

— Очень ужъ поделikatничали, барышня... Что жъ... Это хорошо!.. Показываетъ, что вы имѣете благородную душу.

Его языкъ отзывался чѣмъ-то и провинціальнымъ, и лично-пошловатымъ; но ей не хотѣлось придирааться къ нему.

— Значить, вы въ гостиницѣ остановились?

— Да, въ гостиницѣ.

— Напрасно! Только лишній расходъ! Небось, рублика полтора за номеръ содрали?.. Мы сейчасъ распорядимся. Эй!.. Катерина!

Онъ захопалъ въ ладони. Изъ-за угла галлерейки показалась баба.

— Вотъ ихъ вещи въ гостиницѣ остались. Такъ ихъ надо сюда, сейчасъ же. Тамъ кого найми привезти или въ тачкѣ... А вамъ слѣдуетъ всего рубль отдать. Можно бы и полтинникъ... Ты поторгуйся. Да, нѣтъ... ты все напутаешь. Вы, барышня, пожалуйста мнѣ вашу карточку. Имѣется при васъ?

— Какъ же.

— Ну, вотъ и прекрасно!..

Онъ уже бралъ изъ ея рукъ карточку, которую она

приготовила для него же, думая, что попадетъ на крыльцо съ подъѣзда и отдастъ ее горничной или лакею.

Но тотчасъ же всплылъ въ головѣ ея вопросъ:

„Но гдѣ же семейство? жена? дочь, ея будущая ученица?“

— Вы здѣсь и живете?—недоумѣвающимъ тономъ спросила она.

— Временно, временно!.. Вы вѣдь съ той стороны пожаловали! Ходъ-то тамъ, съ садика. Снизу... Лѣсенка такая ведетъ... оттуда, съ рѣчки... Вы, должно-быть, не примѣтили.

Онъ засуетился.

— Не угодно ли вамъ въ гостиную пожаловать? Я мигомъ схожу и привезу вещи. А старуха глупая... Остальная прислуга еще не пріѣзжала.

Катерина уже скрылась во флигелькѣ.

— Пожалуйте!

На поворотѣ галлерей къ нимъ выбѣжалъ огромный сенъ-бернаръ. Татьяна Казиміровна пугливо отшатнулась.

— Ничего! Не тронетъ! Днемъ онъ теленокъ, ну, а ночью никого не пустить! И цѣпной собаки не нужно.

На галлерей фасада, со ступенями въ садикъ, выходила стеклянная дверь гостиной. Она стояла въ полутемнотѣ отъ навѣса, забраннаго сверху рѣшетчатымъ переборомъ!

— Отдохните... на диванчикѣ... Собаки не бойтесь... Кличка ему „Бой“. Я мигомъ. И какъ это жаль, что вы не пустили мнѣ депешки! Ахъ, милая барышня!

Онъ скоро-скоро повернулъ за уголъ галлерей и оставилъ ее въ дверяхъ гостиной.

Ей вдругъ захотѣлось крикнуть: „Позвольте! Я сама!“

Сейчасъ бы распрощалась она съ этимъ страннымъ домомъ, но у ней не хватило рѣшимости.

VI.

Ночь давно спустилась, звѣздная и благоуханная.

Въ комнатѣ мезонина, куда ее помѣстили, Татьяна Казиміровна долго сидѣла у низкаго и широкаго окна, не зажигала свѣчи и не раздѣвалась.

Она привыкла, передъ тѣмъ какъ идти ко сну, перебирать все пережитое въ теченіе дня.

Этотъ день она прожила совсѣмъ не такъ, какъ долгій рядъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ встала на свои ноги, начала еще въ гимназіи прокармливать себя.

Она не могла хорошенько распознаться въ своей новой роли и въ обстановкѣ того дома, куда попала.

Ее выписали, чтобы быть учительницей дѣвочки - подростка. Но ни этой дѣвочки, ни ея матери она не нашла.

Господинъ Гарбузь, смахивающій не то на торговца кахетинскимъ, не то на сыщика, только усилилъ къ концу дня ея сомнѣнія и жуткое чувство, отъ котораго она не могла отрѣшиться и теперь, когда осталась одна въ своей комнатѣ.

Зачѣмъ она, какъ наивная и глупая дѣвочка, позволила ему отправиться, съ ея карточкой, за ея вещами!

До сихъ поръ она считала себя чрезвычайно осмотрительной и дѣльной. Но это былъ нелѣпый промахъ! Слѣдовало сразу, какъ только она увидала, что никакого семейства нѣтъ, сказать ему:

— Извините, я вѣхаться къ вамъ не могу, пока ваше семейство не пріѣдетъ.

У ней достало бы смѣлости. Сколько разъ, въ щекотливыхъ положеніяхъ, она выказывала всегда и присутствіе духа, и тактъ. Для такихъ случаевъ она пускала въ ходъ особый тонъ, твердый и внушительный.

Значить, былъ какой-нибудь другой мотивъ. Ей, должно-быть, показалось мелочнымъ и трусливымъ, черезчуръ отзывающимся „барышней“, — а это для нея самая высшая обида, — проявить такую осторожность. Вѣдь она выработала себѣ смѣлость, передовыя идеи.

Но при чемъ тутъ „идеи“? Самое простое чувство опрятности должно бы ее заставить сразу занять выжидательную позицію.

Первый глупый шагъ сдѣланъ и теперь уже нѣтъ повода уѣхать изъ этого дома. Развѣ окажется что-нибудь явно подозрительное или скандальное.

Онъ повторилъ ей раза два-три:

— Мои позамѣшкались... у родныхъ. Но я ихъ потоплю... А вы пока, милая барышня, отдохните здѣсь.

Слова „милая барышня“ все больше коробятъ ее. Въ тонѣ Льва Игнатьевича есть что-то безцеремонное и слащавое, чего она не можетъ переносить и должна будетъ дать ему это почувствовать.

Когда онъ ушелъ и оставилъ ее одну въ гостиной, она осмотрѣлась и нашла обѣ двери во внутреннія комнаты запертыми, что ей показалось страннымъ и даже обиднымъ.

Что это за „господинъ“, который отпираетъ гостьѣ, болѣе того, наставницѣ собственной дочери, только одну комнату? Точно онъ боится, что она что-нибудь украдетъ и сбѣжитъ.

И она замѣтила, что Катерина помѣстилась на крылечкѣ флигелька, съ какой-то работой, но, то и дѣло, глядѣла въ сторону балкона.

Изъ гостиной и унести-то нечего было. Скучная, дачная меблировка въ чехлахъ, на окнахъ ни одного горшка съ цвѣтами, и какъ рѣзкій контрастъ: дорогіе бронзовые часы, подъ стекломъ, массивные, на мраморной тумбѣ.

И потомъ, по возвращеніи Льва Игнатьевича, каждая подробность обстановки, тонъ его, разговоръ не переставали смущать ее, вызывать въ ней недовольство, смѣшанное съ досадой, на свое, слишкомъ быстрое рѣшеніе взять мѣсто въ отъѣздѣ.

Когда привезли ея багажъ, надо было отворить двери и въ другія комнаты. Заднее крыльцо стояло заколоченымъ, и вещи понесли наверхъ, въ мезонинъ, черезъ террасу и гостиную. Видъ комнаты, гдѣ жилъ хозяинъ,—она приходилась рядомъ съ гостиной,—привелъ ее также въ недоумѣніе. Въ ней нагромождено было множество всякихъ вещей: бронзы, картинъ, шкатулокъ, цѣнной посуды въ шкапчикахъ.

Кровать, желѣзная и довольно неопрятная, помѣщалась въ проходной темной каморкѣ.

И другого хода не было, въ коридорчикъ и на площадку, какъ черезъ эти двѣ комнаты, что ей совсѣмъ уже не понравилось.

— Развѣ на заднее крыльцо нѣтъ хода?—спросила она его позднѣе, когда сошла внизъ.

— Для безопасности заколотилъ я его... для безопасности. Вотъ мои пріѣдутъ... тогда и прислуги больше будетъ. А если вамъ неудобно, есть вѣдь дверка на террасу, изъ коридора. Можно пройти террасой.

— А остальные комнаты? — спросила она уже настойчивѣе.

— Тамъ еще три... Я ихъ, до пріѣзда моихъ, не открываю.

Обиліе цѣнныхъ предметовъ въ его кабинетѣ—тамъ она замѣтила и письменный столъ—отзывалось чѣмъ-то ростовщическимъ.

Должно-быть, ея удивленный взглядъ, когда они проходили черезъ эту комнату, не укрылся отъ него.

За обѣдомъ, сытнымъ, но грубо приготовленнымъ, онъ заговорилъ какъ разъ объ этомъ.

— У меня тутъ,—они обѣдали въ гостиной,—въ кабинетѣ... складочный магазинъ... знаете. На зиму мы собираемся переѣхать въ другой городъ,—онъ называлъ известный городъ одной изъ западныхъ губерній,—и надо было все перевезти временно сюда. Вотъ и нельзя оставлять заднее-то крыльцо безъ запора. Хе-хе!

Отъ его смѣха ее поводило. И никакъ она не могла себя настроить такъ, чтобы начать разговоръ о предстоящихъ ей обязанностяхъ, разспросить объ его дочери, какого она характера, съ кѣмъ занималась, что родители хотятъ изъ нея сдѣлать: свѣтскую или болѣе серьезную трудовую дѣвушку.

А онъ, за тѣмъ же обѣдомъ, не мало узналъ отъ нея про ея прошедшее. Ей непріятно было отвѣчать на его довольно наянливые, хотя и слащавые вопросы. Но она не могла же отдѣлываться односложными: „да“, „нѣтъ“.

И опять, сидя теперь у открытаго окна и всматриваясь въ темноту іюньской ночи, она обвиняла себя: зачѣмъ допускала эти разспросы.

Все это тщеславіе, желаніе выставить себя образцовой личностью, ученой дѣвицей, которая не только себя самоё поддержала на курсахъ, но и стала воспитывать, на свои заработки, брата.

— Такъ, такъ,—повторялъ господинъ Гарбузь и его синіе бѣлки непріятно мелькали передъ ея глазами,—вонъ вы какая. Ахъ, милая барышня! Съ вашей-то... такой наружностью. И сами себя въ жертву приносили.

И зрачки его глазъ искрились, и толстыя губы какъ-то особенно прищмокивали.

Подъ конецъ ей стало просто тошно отъ этихъ выспрашиваній, и она, вставая изъ-за стола, сказала уже совсѣмъ не мягко:

— Обо мнѣ довольно, Левъ Игнатьевичъ, я бы желала знать что-нибудь про семейство ваше и мою будущую ученицу.

— Это успѣется! Это успѣется! Хе-хе! Поотдохните. Погуляйте. Воздухъ у насъ чудесный и прогулки кругомъ. Я къ вашимъ услугамъ... Я вѣдь ничѣмъ здѣсь не занимаюсь. Хотѣлъ-было пить воды; да это все одна глу-

постъ... Только докторамъ за совѣты зелененькія бумажки совать.

Такъ она ничего и не узнала, за цѣлый день, кто въ сущности такой этотъ „господинъ Гарбузъ“, какой расы и происхожденія, отставной чиновникъ, помѣщикъ или купецъ, гдѣ учился, и учился ли гдѣ-нибудь.

Въ разговорѣ онъ ни на чемъ не выказалъ безграмотства, говорилъ тономъ бывалаго провинціала, но о себѣ очень уклончиво, почти исключительно о ней. Развитого университетски она въ немъ не чуяла, но не могла утверждать, что онъ разночинецъ, даже и по образованію.

Въ послѣдніе годы сложился въ Петербургѣ, и вѣроятно и повсюду, средній пошловатый тонъ, покрывающій всякое прошедшее. И студентовъ, учителей, даже профессоровъ знавала она съ очень не блестящей манерой говорить, часто совсѣмъ простоватыхъ. Но въ немъ не было никакой простоватости. Она не любила вульгарныхъ выраженій, а не могла не назвать его мысленно „жохомъ“.

На музыку, къ вокзалу, онъ не предложилъ ей идти, говоря, что играютъ дрянно, что она еще успѣетъ тамъ побывать.

— Лучше пойдите въ дубовую рощу, по той сторонѣ рѣчки! Чудесное мѣсто!

Тамъ они гуляли и сидѣли на травѣ, почти до сумерекъ.

Опять онъ довелъ ее до разсказовъ про себя и незамѣтно придалъ бесѣдѣ отгѣнокъ отечески интимный, повелъ рѣчь о томъ, какъ трудно такой „красавицѣ“, какъ она, „соблюсти себя“, въ бѣдности.

Это заставило ее рѣзко прекратить разговоръ, подѣлать предлогомъ, что темнѣетъ и пора домой.

Все давно смолкло. Татьяна Казиміровна прислушивалась... Подъ нею, въ спальнѣ хозяина, какъ будто кто ходилъ.

Раза два проворчала собака на террасѣ.

Надо было ложиться...

„Утро вечера мудренѣ!“—энергически подумала дѣвушка, зажгла свѣчу, заперлась на крючокъ и стала раздѣваться.

Откуда-то, съ луговины, доносилось фырканье лошадей, выпущенныхъ въ ночное.

VII.

Недѣля подвигалась къ концу. Четвертый день живетъ Татьяна Казиміровна на дачѣ господина Гарбуза.

Ей и тоскливо, и неловко. Время проходитъ глупо. Она распаковала свои книги, но не читается что-то. Утромъ проснется она рано и не знаетъ, что ей дѣлать.

Идти гулять? Внизу еще тишина. Хозяинъ спитъ. Спускаться по лѣсенкѣ и проходить по галлерей мимо его комнатъ ей не хочется, а заднее крыльцо такъ и осталось заколоченнымъ. Она лежитъ на кровати въ тревожномъ настроеніи.

Цѣлый день должна она проводить въ разговорахъ и прогулкахъ со своимъ „принципаломъ“, какъ она его, про себя, называетъ. Раза два ходила она одна на музыку. Ей было бы еще непріятнѣе въ публикѣ съ этимъ человѣкомъ... Публика показалась ей такой же невзрачной, какъ и всѣ воды; познакомиться съ кѣмъ-нибудь не являлось никакого желанія.

Ее замѣтили. Какой-то блондинъ въ бѣломъ картузѣ, вѣроятно, изъ мѣстныхъ обывателей, провожалъ ее до самой рѣчки, шагахъ въ двадцати. Она присѣла на скамейку и такъ строго на него взглянула, что онъ дольше не сталъ ее преслѣдовать.

Видѣла она впередъ, что лѣто пройдетъ у ней совсѣмъ не такъ, какъ ей хотѣлось бы... Кто могла быть супруга господина Гарбуза? А вдругъ какая-нибудь ревнивая кулушка, грубая и вздорная? И жизнь въ этомъ мѣстечкѣ потечетъ однообразная и пошловатая, хуже, чѣмъ въ деревнѣ. Тамъ она, по крайней мѣрѣ, видѣла бы крестьянъ.

Она, въ Петербургѣ, мечтала о настоящей великорусской деревнѣ, хотѣла провѣрить свои чисто теоретическіе взгляды на мужика, узнать его бытъ, отрѣшиться отъ чего-то напускного, что она сама подмѣчала въ своихъ идеяхъ и въ своемъ языкѣ, когда рѣчь заходила о народѣ, а заходила она очень часто.

Здѣсь же ничего этого нѣтъ. Окрестные крестьяне, изъ-за большой рѣки, приходятъ сюда; но въ деревни ихъ она не попадетъ. Мимо же ихъ дачи и дороги-то нѣтъ. Это отчужденіе давило и смущало ее.

Два вечера прошло въ чтеніи вслухъ газетъ. Господинъ Гарбузъ самъ предложилъ почитать ихъ, жалѣясь на сла-

бость глазъ, чему она съ трудомъ повѣрила, но рада была хоть чѣмъ-нибудь наполнить время.

Это житье съ-глазу-на-глазъ съ нестарымъ еще мужчиной, неизвѣстно въ какомъ качествѣ, поднимало въ ней съ утра неиспытанное никогда нудное чувство. Съ ночи, засыпая, она говорила себѣ:

„Да что жъ я волнуюсь?.. Дѣло самое простое... Ну, прїѣдетъ его семейство на будущей недѣлѣ. А если это обманъ, пуфъ,—она минутами начинала это допускать,—ну, я положу предѣломъ недѣлю—и тогда уѣду“...

Но уѣхать такъ, ни съ того, ни съ сего, было также не очень-то исполнимо. Онъ могъ и не пустить ее. Она получила отъ него и деньги на проѣздъ. Еще вчера, послѣ ужина, онъ взялъ ее за руку и сладко, отеческимъ тономъ, сказалъ:

— Если вамъ угодно впередъ, за мѣсяцъ... Можетъ, кому послать... брату или бѣдной подругѣ?.. Я къ вашимъ услугамъ.

И при этомъ началъ восхищаться ея „ангельской“ душой, приводить факты изъ ея жизни, выспрошенные у нея же. Эти похвалы были ей довольно противны, и она, лишній разъ, выбрала себя за то, что пускалась въ разговоры о своемъ прошломъ, точно напрашивалась на лестивыя одобренія пошловатаго женолюбца.

А женолюба она начала въ немъ чутъ со второго же дня. И то, что онъ самъ предложилъ ей мѣсячное жалованье впередъ, показалось ей подозрительнымъ. Уже понятно, не изъ сердечной доброты сдѣлалъ онъ это. Въ немъ она распознавала характерныя черты, если не скряги, то хищника: напряженность линій лица, складка чувственного рта, звуки, какіе прорывались у него, когда онъ говорилъ про деньги. Онъ употреблялъ уменьшительное „рубличъ“ и цифру „сто рубличковъ“ выговаривалъ съ какой-то своеобразной нѣжностью. И вся обстановка дачи указывала на скопидомство; такъ скудно не были бы отдѣланы комнаты помѣщика или вообще человека съ достаткомъ. Прислуга его сводилась къ одной Катеринѣ, туповатой, забитой бабѣ, исправлявшей всѣ должности: ни мальчика, ни водовоза. Провизию покупалъ онъ самъ и ужасно торговался съ бабами изъ-за каждой полшки.

Наконецъ, эта комната, переполненная всякимъ цѣннымъ добромъ, она все больше и больше убѣждала ее,

что хозяинъ—ростовщикъ или что-нибудь въ родѣ того.

И съ такимъ-то кореннымъ свойствомъ своей натуры—онъ дѣлался чрезвычайно сладкимъ подъ вечеръ; въ передышкахъ между чтеніемъ передовой статьи, телеграммъ и фельетона, онъ подсаживался къ ней, бралъ ее за руку—она каждый разъ отдергивала—и начиналъ восторгаться ея душевными качествами, а подъ конецъ и наружностью, и пускать фразы, въ родѣ такихъ:

— Скажите мнѣ, милая барышня, неужели вы такъ и хотите всю свою жизнь положить на обученіе дѣтей? Вѣдь это просто—преступленіе. Ужъ лучше бы вамъ подыскать что-нибудь... знаете, проавантажиѣ. По-моему, право, ужъ лучше чтицей быть... у стоящаго человѣка.

И сегодня вечеромъ онъ повелъ рѣчь о томъ же.

Она сначала промолчала, а потомъ сказала съ удареніемъ:

— Мою профессію я люблю...

Однако, онъ не унялся и, когда газетный номеръ былъ весь прочитанъ и она встала, говоря, что ужинать не будетъ, господинъ Гарбузъ удержалъ ее за руку и почти силой посадилъ на стулъ.

Разговоръ происходилъ на террасѣ, при лампѣ.

— Ахъ, красавица моя, — заговорилъ онъ вполголоса, глаза его искрились и онъ поводилъ синими бѣлками, особенно ей непріятными, — вы, я вижу, очень ужъ въ большой суровости жили. Книжки, да книжки, лекціи, умные разговоры... Съ такой-то наружностью! А настоящаго-то смака жизни и не знали. Все, вѣдь, это ужъ, позвольте вамъ сказать, по-старому, все это выспренность. Теперь молодежь за умъ взялась, ни отъ чего не отрещивается, хе-хе!.. Дѣло—дѣломъ, а утѣха—утѣхой. Такъ-то! И барышни, которые стриженные ходили, въ мужскихъ шапкахъ и чуть не сапогахъ, — теперь какъ себя обряжаютъ! Любо-дорого смотрѣть!

Ей захотѣлось прервать его возгласомъ:

„Съ какой стати вы мнѣ все это говорите?“

Но она предпочла сдѣлать видъ, что не понимаетъ его и сидѣла съ неопредѣленной, блуждающей усмѣшкой:

— Вы, вѣдь, тоже, я замѣчаю, не имѣете этой фанатеріи—насчетъ стрижки волосъ и прочаго. Только... очень ужъ вы держитесь, какъ бы это сказать, скромницей большой... Хе-хе!.. Мало ужъ очень обращаете вниманія на свою собственную особу...

Въ словахъ его не было ничего особенно дерзкаго, но тонъ и игра лица договаривали остальное.

Татьяна Казиміровна встала и отдернула руку, которую онъ удерживалъ въ своихъ обѣихъ, влажныхъ и обросшихъ рыжеватыми волосами.

— Куда же такъ скоро?

— Поздно... пора спать.

— А ночь-то какая! Вся въ звѣздахъ. Мѣсяцъ скоро взойдетъ. Погулять бы теперь, къ рѣчкѣ спуститься.

— Мнѣ не хочется,—сухо вымолвила она.

— Вы, стало-быть, не любите, такъ сказать, поэзію?

Онъ выговаривалъ „паезію“—и слово выходило у него совсѣмъ по-лакейски.

— Люблю.

— А не хотите пользоваться... Кто это сказалъ... Лови моментъ? Какой писатель?

— Я не знаю,—отвѣтила Татьяна Казиміровна съ нахмуренными бровями и повернула къ углу террасы, мимо котораго она возвращалась къ себѣ, въ мезонинъ.

— Богъ съ вами!.. Вонъ вы какая строгая... Или, быть-можетъ, утомились, раскисли... отъ воздуха?.. Хе-хе!

Онъ пошелъ-было проводить ее, но она обернулась и сказала все такъ же сухо и значительно:

— Покойной ночи! Я знаю дорогу.

— А посвѣтить вамъ?.. Лѣсенка крутая.

— Не надо.

Быстрыми шагами дошла она до дверки.

VIII.

Луна выплывала медленно изъ-за деревьевъ. Ночь, все такая же теплая и слегка влажная, входила въ комнату мезонина, гдѣ Татьяна Казиміровна опять сидѣла у окна.

У ней было настолько свѣтло, что она, безъ свѣчи, переодѣла туалетъ, надѣла блузу изъ легкаго кретона. Въ платьѣ ей сдѣлалось жарко въ этой душной комнаткѣ...

Она сидѣла, облокотясь обѣими руками о подоконникъ, выставила голову въ окно, ища прохлады, и усиленно думала.

Дольше завтрашняго утра она не останется тутъ, въ этомъ подозрительномъ домѣ, одна съ мужчиной, отъ котораго вѣетъ самыми хищными инстинктами. Все ея дѣ-

вичье существо было насторожѣ. Нервы напряжены; боязнь, смѣшанная съ брезгливымъ чувствомъ къ мужчине вообще, къ его плотоядности, наполняла ее. Она вся испытывала то состояніе, когда молодая, чистая въ помыслахъ и здоровая женщина, не знавшая ни знойной страсти, ни спокойныхъ чувственныхъ отношеній, сознаетъ себя предметомъ плохо скрываемого влеченія.

И прежде, когда ей случалось вызывать взрывы страсти, она или возмущалась, или уходила въ себя, замыкалась, и всегда это вело за собою жуткое, почти болѣзненное ощущеніе, высшій предѣлъ физической гадливости.

Сегодня вечеромъ, тамъ, внизу, когда господинъ Гарбузь говорилъ свои пошлости и бралъ ее за руку, это ощущение было такъ сильно, что она съ большимъ трудомъ сдерживала себя и досидѣла только до одиннадцатаго часа.

Для нея во всякомъ мужчине, будь онъ даже красавецъ и умница, было что-то животное-низменное, какъ только она дѣлалась для него предметомъ желаній. Она до сихъ поръ ни разу не спросила себя серьезно: „неужели такъ всегда будетъ?“ потому что никто еще не нашелъ доступа къ ея сердцу.

Эта „безсердечность“, многіе опредѣляли такъ ея натуру, не смущала ее, хотя она смутно и догадывалась, что, быть-можетъ, въ основѣ лежитъ ея гордость, тайное тщеславіе, сознаніе своей красоты, о которой она никогда особенно не думала, и своихъ нравственныхъ свойствъ.

Но она еще не жаждала встрѣчи съ „нимъ“, не любила разговоры о мужчинахъ и очень часто, когда жила съ кузиной, преслѣдовала ту за ея единственную заботу: вызывать къ себѣ въ мужчинахъ „интересъ“, по ея любимому выраженію.

„Какъ я допустила его до такихъ разговоровъ со мною?— гадливо спрашивала она себя, глядя въ прозрачную ночь.— Это просто постыдно!“

Завтра же она переѣдетъ въ гостиницу, и даже вовсе уѣдетъ. Деньги за проѣздъ она ему возвратитъ — у ней хватитъ. Не можетъ же онъ запереть се!.. Да она и не доведетъ дѣла ни до какихъ исторій. Всегда она умѣла выходить изъ всякихъ щекотливыхъ положеній. Есть же здѣсь, въ мѣстечкѣ, какое-нибудь начальство. Она отпра- вится и заявитъ.

Щеки ея блѣднѣли, чуть-чуть освѣженные воздухомъ,

отъ быстрой смѣны мыслей. Она такъ была поглощена работой головы, что до слуха ея не дошелъ сразу легкій стукъ въ дверь.

Секунды черезъ три-четыре опять постукали.

Она встрепелась и встала. Въ груди у ней вдругъ похолодѣло.

Стукъ она, во второй разъ, разслышала отчетливо.

Кто могъ къ ней стучаться, кромѣ самого хозяина? Катерина спала во флигелькѣ, она это знала.

Въ то самое мгновеніе, какъ она зажгла свѣчу, стоявшую у кровати, на табуретѣ, дверь отворили.

Крючокъ не былъ еще спущенъ. Она это дѣлала, когда совсѣмъ ложилась.

— Вы?—спросила она измѣнившимся голосомъ, и сейчасъ же подалась назадъ, за спинку кресла.

Онъ стоялъ въ дверяхъ, безъ свѣчи и въ халатѣ, въ сѣромъ халатѣ, съ красными отворотами.

Кровь бросилась ей въ лицо. Она хотѣла что-то крикнуть, и у ней ничего не вышло... Страхъ сразу овладѣлъ ею, такъ что колѣни подгибались и дыханіе перехватывало.

— Извините... Татьяна Казиміровна... Я слышалъ снизу, что вы у окна. Знаете... подумалъ... вы какъ будто ушли недовольная мною... Хотѣлъ пожелать вамъ еще разъ покойной ночи... и просить... не сердиться на меня... если я что-нибудь не такъ сказалъ.

И онъ приближался къ ней. Голосъ былъ еще слаще обыкновеннаго, но въ глазахъ мелькалъ особый огонекъ, съ упорствомъ и напряженіемъ, которое она схватила всѣмъ существомъ своимъ.

— Вы меня не чурайтесь... красавица моя. Я вѣдь готовъ для васъ на какую угодно...

Его руки уже коснулись ея плечъ.

Дикій крикъ вырвался въ окно. Она сама не узнала своего голоса. Изъ глазъ у ней посыпались искры.

Никогда еще не испытанный ужасъ наполнилъ ее мгновенно, съ прикосновеніемъ рукъ этого мужчины. Она метнулась отъ него въ уголъ и тамъ, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, еще разъ крикнула:

— Что вы? Что вы?.. Татьяна Казиміровна!.. Зачѣмъ такъ кричать? Въ умѣ ли вы?

— Пустите меня! Пустите!

Онъ не пустилъ ее къ двери, схватилъ одной рукой за руки и, тяжело дыша, выговорилъ:

— Отсюда вы не выйдете, барышня... Это ужъ будьте благонадежны... Кричите, не кричите—никто не придетъ... И старуху я отпустилъ... до завтра.

Выговаривая это, онъ улыбался, и въ голосѣ не слышалось ничего сладкаго.

Припадокъ ужаса уже миновалъ. Она навалилась на него, сильная и трепетная, и хотѣла оттащить отъ двери... Но его руки держали ее крѣпко и губы искали ея лица.

Она вырвалась молча, пробѣжала мимо кровати, задула свѣчу рѣзкимъ движеніемъ воздуха и вскочила на подоконникъ.

— Уйдите! Или я брошусь!..

— Хе-хе!.. Не броситесь, барышня!.. Шалите!..

Ни одной секунды колебанія не задержало ее. Идея опасности, смерти даже не мелькнула передъ ней. Все было бы для нея лучше, чѣмъ то, что могъ съ ней сдѣлать этотъ человѣкъ.

Она ринулась внизъ, не разбирая, куда она упадетъ и съ какой высоты.

Мезонинъ шелъ надъ угломъ террасы. Подъ окномъ приходилось крылечко и навѣса не было... Но въ паденіи своемъ дѣвушка зацѣпилась платьемъ за косякъ, стремительность паденія была задержана, и она ударилась о полъ крылечка обоими локтями, не почувствовала ничего, кромѣ сотрясенія, и бросилась черезъ террасу къ лѣстницѣ въ садъ.

Раздался злобный лай. Бой кинулся за ней и, когда она была уже внизу, надъ обрывомъ, у забора, укусилъ ее за ногу.

Но и этого она не почувствовала въ натискѣ своего бѣгства. Довольно высокій частоколъ перелѣзла она, — какъ—этого она не могла потомъ припомнить,—спустилась по крутой тропинкѣ къ мостику, перебѣжала его и упала безъ памяти у того самаго тѣнистаго орѣшника, гдѣ въ день пріѣзда въ мѣстечко любовалась этимъ уголкомъ.

Очнувшись, она мгновенно все вспомнила и хотѣла бѣжать куда-нибудь дальше отъ проклятаго дома, и тутъ только жженіе около щиколки правой ноги и въ обоихъ локтяхъ дало себя знать.

Руки были въ крови, просочившейся сквозь рукава капота, и нога укушена въ кровь. Она съ усиленіемъ встала и все-таки бросилась дальше, по берегу рѣчки, къ другому большому мосту, откуда спускъ шелъ къ слѣдующему холму.

Она успѣла уже сообразить, что ближайшее жильѣ—та красивенькая дача съ башней, что виднѣлась слѣва. А до вокзала было далеко, съ полверсты.

Боль въ ногѣ дѣлалась все назойливѣе. Бѣжать она больше не могла. Поднимаясь по кочковатой дорогѣ въ темнотѣ отъ обваловъ, не допускавшихъ луннаго свѣта, она споткнулась и долго не могла встать. Кровь сочилась изъ обоихъ локтей и изъ ноги и остановить ее нечѣмъ было. Но она сознавала, что руки и ноги цѣлы, нѣтъ даже вывиха.

Почти ползкомъ добралась она до верху и передъ ней, въ двухъ окнахъ красивой дачи, замелькала огонь. Тамъ еще не спали. Да и часъ былъ еще не очень поздній—въ началѣ перваго.

Кто тамъ жилъ, она не знала... Но примутъ ее или не примутъ, она добредетъ до крыльца и ляжетъ, больше не хватить силъ.

До дачи было гораздо дальше, чѣмъ ей казалось издали, когда она ходила гулять или смотрѣла изъ окна своей комнатки.

Боль въ ногѣ все прибывала. Взобравшись на луговину, Татьяна Казиміровна почти упала на землю, измученная тяжелымъ подъемомъ. Жажда начала томить ее, и въ вискахъ лихорадочно билась жила... Коса распустилась, волосы падали на влажный лобъ.

Въ эти пять минутъ, отъ рѣчки до верху, она, послѣ ужаса, охватившаго ее тамъ, въ мезонинѣ, испытывала безпомощность, горечь и натискъ бѣды, настоящей, приравнивающей барышню, ученую дѣвицу, курсистку, кого угодно, ко всякой женщинѣ, къ крестьянской бабѣ, которую извергъ-свекоръ или озвѣрѣвшій отъ водки мужъ, избивъ до полусмерти, оставляетъ ночью гдѣ попало—въ лѣсу или среди безлюднаго пустыря.

Ея положеніе—все-таки лучше. Она ползетъ къ дому, гдѣ жили господа. Они должны же принять въ ней участіе. Въ этомъ она не могла сомнѣваться.

И голова ея уже работала. Она не боялась своихъ ушибовъ, кровью она не изойдетъ... И когда сцена въ

мезонинѣ промелькнула передъ нею, она глубоко обрадовалась. Вѣдь то было хуже всякихъ страданій, хуже смерти. Если бѣ она сдѣлалась жертвой того звѣря—она, все равно, покончила бы съ собою—такъ говорило все ея существо.

Голова продолжала работать. Кто же виноватъ во всемъ этомъ дикомъ происшествіи?—Она, она сама. Никто больше. Ни боль, ни разбитость тѣла и всѣхъ нервовъ не помѣшали ей, въ маленькую передышку, сидя на голой землѣ, придти къ такому выводу.

Но надо тащиться дальше. На правую, раненую, ногу еще больнѣе ступать; но она пересилила себя и дошла въ нѣсколько минутъ до воротъ.

Изъ-за нихъ поднялся лай цѣпной собаки; она различила звукъ цѣпи. Но это ее не остановило. Свѣтлая ночь позволила разглядѣть калитку, цвѣтникъ и террасу. Дверь на террасу стояла полуотворенной... Свѣтъ шелъ изъ гостиной.

Туда она и пошла, все ускоряя шагъ, тяжело дыша, безъ всякаго чувства неловкости или стыда: не принять ее не могутъ, кто бы тамъ не жилъ.

Поднялась она, такъ же стремительно, на нѣсколько ступенекъ, на обширную, крытую террасу и прямо двинулась къ двери.

Только въ комнатахъ силы оставили ее, и она упала на кресло, около входа. Смутно выплывали передъ ней предметы: двѣ картины по стѣнамъ, піанино, лампа на столѣ, много мебели и три-четыре человѣческихъ фигуры.

При ея появленіи раздался крикъ дѣвочки-подростка:

— Мама! Кто это? Господи!

Потомъ всѣ вскочили съ мѣстъ и бросились къ ней. Она ослабѣвала, но не хотѣла падать въ обморокъ, внутренно боролась съ тѣмъ облакомъ, которое застилало передъ ней всѣхъ, и съ холодящей слабостью членовъ.

Женскій голосъ, старше и ниже, спрашивалъ ее:

— Откуда вы? Что съ вами?

И мужчины говорили что-то разомъ.

Потомъ она впала въ безсознательное состояніе, но помнила свою послѣднюю мысль. Она успѣла спросить себя:

„Да не въ это ли семейство она вѣхала, а попала къ тому злодѣю?“

Пришла она въ себя на постели, за ширмами, въ про-

сторной комнатѣ, гдѣ было свѣжо и пахло уже какимъ-то лѣкарственнымъ спиртомъ.

И первое лицо, ясно разсмотрѣнное ею, было лицо дамы, еще не старой, очень худой, съ глубокими впадинами глазъ, въ шелковомъ платьѣ. Волосы на вискахъ сѣдѣли. Она вспомнила тотчасъ, что видѣла ее мелькомъ, у вокзала, вмѣстѣ съ дѣвочкой лѣтъ четырнадцати, и онѣ ей понравились больше всей остальной публики.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросила ее дама пѣвучимъ голосомъ.

На головѣ ея лежала примочка, руки были перевязаны, и нога также.

— За докторомъ послали. Не беспокойтесь. Не говорите ничего. Это вамъ вредно будетъ.

„Я у хорошихъ людей“,—подумала она и радостно вздохнула, но не заплакала.

IX.

И когда, больше мѣсяца спустя, въ подгородной усадьбѣ того самаго семейства, куда она попала въ ужасную ночь бѣгства отъ господина Гарбуза, Татьяна Казиміровна спрашивала себя: „неужели все это было“—ей не вѣрилось.

А все это несомнѣнно было, и разыгралось въ цѣлую исторію.

Братцевы, помѣщики, у кого она теперь живетъ, были такъ возмущены ея „исторіей“, что начали дѣло. Мужъ, Леонидъ Павловичъ, кинулся въ ближайшій губернскій городъ къ прокурору. Жена, Марья Христіановна, стала ухаживать за нею, какъ за родною, пока она не оправилась отъ ушибовъ и нервнаго потрясенія. И дочь ихъ, Наташа, сразу прильнула къ ней, прибѣгала, по нѣскольку разъ на дню, и даже затрудняла ее своими разспросами.

— Душечка, Татьяна Казиміровна, расскажите мнѣ, какъ этотъ ужасный человекъ васъ оскорбилъ. И что онъ съ вами хотѣлъ сдѣлать?

Мать ее останавливала и часто высылала изъ комнаты. Оба—и мужъ, и жена—держали все въ секретѣ, щадя ея дѣвическое чувство.

Но дѣло началось.

Когда Братцевъ явился къ Гарбузу съ мѣстнымъ полицейскимъ чиновникомъ, тотъ принялъ ихъ очень дерзко

и не хотѣлъ выдавать вещей гвернантки, доказывая, что за ней пропали посланные имъ на дорогу деньги.

— Вотъ эти деньги!—сказали ему.

Но онъ не унялся и требовалъ неустойки, грозилъ самъ начать дѣло.

Тогда и пришлось обратиться къ прокурору. Хлопоты велись такъ энергично, что судебному слѣдователю предписано было начать слѣдствіе. Вещи отобрали у Гарбуза.

Въ первые дни Татьяна Казиміровна испытывала сложное настроеніе: и негодовала на „злодѣя“, и боялась грязи, неизбѣжной съ разбирательствомъ по такому дѣлу. Она была и жертвой, и единственной свидѣтельницей. Она сама не подавала жалобы, но когда Братцевъ пришелъ къ ней, послѣ посѣщенія дачи Гарбуза, и вызвался сейчасъ же ѣхать въ губернскій городъ, она не стала удерживать его.

Тогда свое поведеніе она не считала только личнымъ дѣломъ... Подобнаго человѣка надо было обличить и удалить изъ общества. Что жъ дѣлать, что ей пришлось играть роль обличительницы! Себя она чувствовала выше предразсудковъ и фальшиваго стыда. Смутная боязнь скандала уступила мѣсто рѣшимости дѣйствовать „на пользу общую“! Иначе она сама будетъ не жертвой, а какой-то полусообщницей или сумасшедшей, или вздорной, нечестной дѣвчонкой, убѣжавшей изъ дому, куда пріѣхала по доброй волѣ и на извѣстныхъ условіяхъ.

Первая очная ставка съ Гарбузомъ,—его задержали въ домашнемъ арестѣ,—совсѣмъ подавила ее. Она и отъ него не ожидала такого циническаго нахальства.

Онъ, съ поворачиваніемъ бѣлковъ, сталъ клясться жизнью своихъ „кровныхъ“, что никогда ничего не замышлялъ „противъ этой мамзели“ и даже у ней наверху не былъ ни разу, съ тѣхъ поръ, какъ она тамъ поселилась.

Эта наглая ложь такъ взорвала ее, что она стремительно начала рассказывать всѣ подробности ночной сцены. Ея тонъ могъ бы подѣйствовать и на самого скептическаго судебного слѣдователя: а этотъ сразу сталъ на ея сторону.

— Чѣмъ же вы объясняете то, — спросилъ онъ Гарбуза,—что порядочная особа, ночью, должна была перелѣзть черезъ заборъ, была укушена вашей собакой и, чуть живая, пріѣхала въ чужой домъ, къ постороннимъ людямъ?

— Истеричка, больше ничего-съ!—отвѣтилъ Гарбузь со скверной усмѣшкой.—Ей представилось... знаете, такіа всегда воображаютъ, что всѣ въ нихъ влюблены... и покушенія производить.

Была минута, когда она чуть не дала ему пощечину.

— Да вы извольте объяснить доподлинно,—сказалъ онъ ей, и въ глазахъ его она прочла звѣрскую, чисто-разбойничью злобу,—что же собственно я съ вами такое неподобное производилъ, ежели предположить, что я къ вамъ попалъ наверхъ, въ непоказанный часъ? Ну, примѣрно, хоть поцѣловалъ что ли?

Вотъ тутъ она чуть-было не кинулась къ нему, и сама ужаснулась этого порыва.

Но съ какою горечью и гадливостью должна она была еще разъ повторить все, что уже рассказывала и у себя, Братцевымъ, и слѣдователю, и въ началѣ очной ставки.

— Только-то?—возразилъ Гарбузь.—Помилуйте. Да все это выѣденнаго яйца не стоитъ. Опять же мамзель эта не малолѣтокъ какой, а по паспорту ей двадцать третій годокъ пошелъ. Достаточно узнала жизнь.

И тутъ она впервые замѣтила въ глазахъ слѣдователя выраженіе досады на то, что прямыхъ уликъ никакихъ нѣтъ, и „злѣдѣй“ можетъ отвертѣться.

Въ запасѣ были, однако, косвенныя улики, и не мало. Быстро веденное дознаніе,—начальникъ губерніи принялъ въ ней участіе,—выяснило, что господинъ Гарбузь вдовъ, имѣетъ взрослого сына, но ни жены, ни дочери у него нѣтъ, владѣетъ домомъ въ одномъ изъ ближайшихъ великорусскихъ губернскихъ городовъ, считался тамъ рѣшительникомъ и уже имѣлъ исторію, въ родѣ этой, съ выпиской, по газетамъ, конторщицы въ магазинъ, котораго у него не было.

Припертый къ стѣнѣ слѣдователемъ, онъ съ той же злобностью во взглядѣ отвѣтилъ:

— Въ гувернантки къ дочери госпожу Круковскую я не нанималъ. Этого доказать нельзя.

Она такъ уже была удручена его наглостью, что даже не издала никакого возгласа.

Но за нее говорилъ слѣдователь.

— Вы слишкомъ неосторожны,—сказалъ онъ ему,—ваше письмо приобщено къ дѣлу, то, гдѣ вы соглашаетесь на условія госпожи Круковской и извѣщаете о высылкѣ денегъ на проѣздъ.

— Плохо вы изволили читать это письмо, — возразилъ онъ, — въ немъ ни одного слова нѣтъ о гувернанствѣ... А когда мамзель пріѣхала, я ей предложилъ быть у себя чтицей, и моя прислуга, хоть подъ присягой, покажетъ, что она и утромъ, и вечеромъ читала мнѣ газеты.

Схватились за его письма къ ней. Ихъ было счесть три, но ни въ одномъ не значилось словъ „гувернантка“ или „наставница“, и согласіе на ея условія стояло въ общихъ выраженіяхъ.

— Но вѣдь въ объявленіяхъ госпожи Круковской, — возражалъ слѣдователь, — прямо говорится о мѣстѣ наставницы, а не чтицы?

— Позвольте мнѣ текстъ объявленій, — потребовать подсудимый, точно зная, что номеровъ газеты, гдѣ они печатались, онъ не сохранила.

Надо было ихъ подыскать, что задержало теченіе слѣдствія.

Въ этотъ антрактъ слѣдователь вызывалъ ее раза два и самъ старался о томъ, чтобы обставить улики чѣмъ-нибудь болѣе вѣскимъ; выражалъ ей свое полное сочувствіе и довѣріе, но не скрывалъ, что „фактическихъ данныхъ“ мало, чтобы привлечь Гарбуза къ уголовной отвѣтственности по такому преступленію, которое грозило ему „каторжными работами“.

Когда она услышала эти слова „каторжныя работы“, Татьяна Казиміровна пришла въ новое душевное настроеніе. Половина ея негодованія на „злодѣя“ сразу упала. Вѣдь онъ только покушался сдѣлать что-то гнусное... Ей даже стало приходить на мысль: полно, не испугалась ли она безъ настоящей фактической причины? Но ей опять совершенно отчетливо представилась вся сцена въ мезонинѣ. Она чувствовала на своей щекѣ его горячее дыханіе. Онъ боролся съ ней. Онъ крикнулъ ей съ гадкимъ хихиканьемъ:

— Шалите!

Это „шалите“ осталось въ ея слухѣ, точно онъ его выговариваетъ опять передъ нею. И слова его насчетъ безполезности криковъ, такъ какъ никто не придетъ ей на помощь, а Катерину онъ отпустилъ на всю ночь...

Но это не улики. Во второе посѣщеніе слѣдователя она должна была выслушать и еще нѣчто. Съ разными деликатными оговорками онъ далъ ей понять, что такой человѣкъ, какъ Гарбузъ, потребуетъ такихъ отрицатель-

ныхъ доказательствъ своей невинности, которыя для нея, какъ для дѣвушки, будутъ крайне тягостными.

Она, въ первую минуту, даже не поняла его намековъ. Но когда все сообразила, то на нее нашелъ ужасъ, сродни тому, какой вырвалъ у нея дикій крикъ въ началѣ ночной сцены.

А косвенныя улики, тѣмъ временемъ, не давали добрыхъ результатовъ. Номеръ газеты съ ея объявленіемъ былъ предъявленъ Гарбузу, но онъ и на это возразилъ, что госпожа Круковская могла предлагать себя въ гувернантки, а потомъ согласиться на роль чтицы при одинокомъ, пожиломъ человѣкѣ. Онъ напиралъ на то, что ему сорокъ шестой годъ.

Ея душевное состояніе становилось крайне тревожнымъ, и она рѣшила сбросить его съ себя. До разбирательства на судѣ она уже не хотѣла, ни подъ какимъ видомъ, допускать, и сама обратилась съ этимъ къ прокурору. Да врядъ ли бы и можно было дать ходъ обвинительному акту на основаніи такихъ бѣдныхъ фактическихъ данныхъ.

До дѣла она не допустила, но Гарбузъ былъ высланъ куда-то въ дальнія мѣста, на жительство, съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы.

Она узнала объ этомъ безъ всякой радости. Напротивъ, въ ней зашевелилось чувство досады и даже стыда. Изъ-за нея человѣкъ лишень на неопредѣленное время свободы. Онъ—гадкая, отвратительная личность, она въ этомъ не сомнѣвается, но ей все-таки было жутко отъ сознанія, что все это случилось изъ-за нея.

Братцевы предложили ей поѣхать съ ними въ подгородную усадьбу, въ сосѣднюю губернію, и заняться ихъ дочерью, хоть до осени, а если ей понравится у нихъ, то и довести Наташу до университетскаго диплома; въ гимназію они не хотѣли ее отдавать. Она сейчасъ же согласилась. И черезъ шесть недѣль послѣ „ужасной ночи“, то, что было, казалось ей иногда кошмаромъ, а не пержитымъ итогомъ своего гувернантства.

Х.

Утро въ усадьбѣ „Поддубное“ начинается у Татьяны Казиміровны довольно рано. Стоять первые дни сентября, ясные, съ легкими заморозками по ночамъ, теплые, до шестнадцати градусовъ въ полдень.

Усадьба похожа больше на дачу, всего три версты от города, подъ дубовымъ лѣсомъ, оттуда и прозвище, рядомъ хуторъ съ большимъ хозяйствомъ. Въ городъ ѣзды минутъ двадцать, проѣхать ложиной, а тамъ тянутся кирпичные сараи, каменная ограда женскаго монастыря, и пойдутъ выселки, новыя улицы.

Мѣсто красивое, высокое, виденъ нагорный берегъ судоходной рѣки; на склонахъ ея и стоитъ городъ, большой и старинный. Но они живутъ совсѣмъ тихо, въ городъ ѣздить мало, и гости оттуда бываютъ рѣдко.

Тамъ, на водахъ, ее помѣстили наверху, въ той башнѣ, что виднѣлась издали, когда она жила у Гарбуза,—какъ только прошелъ первый переполохъ,—и она, въ первыя двѣ недѣли, еще поглощенная судебнымъ слѣдствіемъ, не могла хорошенько разглядѣть своихъ новыхъ хозяевъ. Уроки съ дочерью начались еще тамъ, но больше въ видѣ общихъ бесѣдъ. Дѣвочка пользовалась каникулами. Настоящее ученіе отлагалось до переѣзда въ имѣніе, до сентября.

Первое впечатлѣніе Татьяны Казиміровны держалось еще, когда она переѣхала съ ними въ усадьбу Поддубное.

Да, она попала къ „хорошимъ людямъ“. Трудовая жизнь уже сталкивала ее съ разными семействами, и она могла накопить въ себѣ порядочную долю скептицизма, но по принципу она признавала въ людяхъ склонность къ добру, только засоренную всякимъ вздоромъ и малодушіемъ. А Братцевы согрѣли ее такимъ человѣчнымъ пріемомъ, какого она не ожидала даже отъ очень добрыхъ людей.

Всего трепетнѣе и горячѣе была, въ первые дни, Марія Христіановна. Она точно сама прошла чрезъ такое же испытаніе, говорила о „злодѣѣ“ съ глубокимъ омерзѣніемъ; безъ всякой задней мысли предложила Татьянѣ Казиміровнѣ самое широкое гостепріимство, первая спросила ее, по прошествіи двухъ недѣль, не хочетъ ли она остаться у нихъ, и ни за что не согласилась на то, чтобы эти двѣ недѣли житья у нихъ, и даже съ расходомъ на лѣченіе, были ей зачтены; она—ея гостя въ качествѣ наставницы.

Марія Христіановна, еще не очень старая дама, рожденная въ полунѣмецкомъ богатомъ семействѣ, отъ русской матери, нервная, съ постоянно приподнятымъ тономъ, порывистая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно положительная и дѣльная въ домашней жизни и хозяйствѣ, съ основной

нотой методичности и упорнаго преслѣдованія того, что задало ей въ голову или сердце.

Наружность ея правится Татьянѣ Казиміровнѣ. У ней тонкія черты продолговатаго лица, глаза немного затуманенные, глядятъ довѣрчиво и мягко, легкая сѣдина придаетъ головѣ что-то простое, лишенное претензій. Одѣвается она въ темныя цвѣта, безъ франтовства, но солидно, чрезвычайно опрятно, какъ бы на англійскій манеръ. Говоръ ея, совсѣмъ барскій, переданъ ей матерью, съ нервными вздрагиваніями въ груди нѣкоторыхъ низковатыхъ нотъ, пѣвучій, иногда порывистый, когда она начнетъ говорить о чемъ-нибудь горячо, а это случается довольно часто. Сначала Татьяна Казиміровна принимала ее за очень добрую барыню, немножко сентиментальную и, вѣроятно, слабую, безъ особенно прочныхъ взглядовъ и убѣжденій. Но эту оцѣнку она должна была скорѣе измѣнить.

Она увидала, что „первый нумеръ“ въ домѣ—жена, а не мужъ. Жена отлиняла на него во всемъ: въ общемъ тонѣ, идеяхъ и отношеніяхъ къ людямъ, завербовала его въ какую-то свою вѣру, какую именно—Татьяна Казиміровна не могла еще опредѣлить, до переѣзда въ усадьбу. Мужъ этотъ былъ изъ породы „добрѣйшихъ“ русскихъ дворянъ, рослый, немного ожирѣлый, обросшій бѣлокурыми волосами, на видъ еще моложавый—ему было уже за сорокъ, съ отрывистой, не очень связной рѣчью; глаза у него были сродни, по выраженію, глазамъ жены, также съ какимъ-то налетомъ, но гораздо больше и простоватѣе по выраженію.

Леонидъ Павловичъ занимался хозяйствомъ не особенно ревностно, держалъ приказчика, служилъ, не такъ давно, мировымъ судьей, въ городѣ, откуда они переѣхали теперь на постоянное жительство въ усадьбу. Образованія онъ былъ смѣшаннаго—учился дома, потомъ попалъ въ военную службу, въ артиллерію, скоро вышелъ въ отставку, живалъ не мало за границей, искалъ все дѣла, слушалъ лекціи, изучалъ разные „вопросы“, метался туда и сюда, одну треть своего состоянія положилъ на разные „душевные затѣи“—онъ такъ выражался даже и послѣ того, какъ женился по любви.

Все это она узнала отъ него въ первые же дни. Онъ говорилъ о себѣ гораздо охотнѣе, чѣмъ Марья Христіановна. Не разъ срывалось у него съ языка:

— Безъ Мерички я бы и до сихъ поръ вскую шатался... Она меня перевоспитала.

Дочь свою они одинаково любили; но въ отцѣ замѣчалось больше склонности къ баловству, чѣмъ въ матери, и дѣвочка была съ нимъ нѣжныѣ. Воспитали они ее — это было сразу видно — на полной волѣ, приучили къ обхожденію съ родителями, какъ со старшими друзьями. Наташа была рослая дѣвочка, бѣлокурая, въ отца, съ темными глазами матери, но съ другимъ совсѣмъ выраженіемъ, веселая, немножко рѣзкая въ движеніяхъ, безъ свѣтской выправки, но не застѣнчивая.

Уже въ первую же недѣлю, проведенную Татьяной Казиміровной у Братцевыхъ, она сказала себѣ:

„А вѣдь дѣвочка-то меня всего больше здѣсь привлекаетъ“.

И между ними завязалась быстрая, почти мгновенная дружба. Наташа просто не могла наглядѣться на нее и, кажется, она первая стала настаивать на томъ, чтобы Татьяну Казиміровну взяли къ ней въ гувернантки.

Учили ее безъ системы, но знала она довольно много, особенно сильна была въ ариѳметикѣ; мать сама занималась съ нею тремя языками и музыкой. Новой наставницѣ можно было ограничиться только „рускими предметами“.

Такой ученицѣ Татьяна Казиміровна глубоко порадовалась и къ концу мѣсяца почувствовала, что для Наташи она способна остаться въ этомъ домѣ и нѣсколько лѣтъ.

Гувернантка-воспитательница впервые заговорила въ ней.

До сихъ поръ она имѣла дѣло почти исключительно съ ученіемъ въ тѣхъ домахъ, куда ходила давать уроки. Тамъ она строго держалась рамокъ преподавательницы. Родители почти вездѣ предоставляли ей выборъ метода ученія. Отъ участія въ нравственномъ веденіи дѣтей она сама старательно уклонялась. Многое она не одобряла; но она тогда только позволяла себѣ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе по поводу того, какъ „ведутъ“ ребенка, если этого требовало ученіе, подготовка уроковъ; да и то она любила доводить самихъ дѣтей до сознанія, что надо исправиться, не прибѣгая къ жалобѣ.

Даваніе уроковъ выработало въ ней извѣстнаго рода навыкъ, но не приохотило ее къ обхожденію съ дѣтьми. Она сама чувствовала, что уроки — только кусокъ хлѣба, души своей она въ нихъ не влагала, утомлялась отъ длинныхъ концовъ по городу, досадовала часто на то, что

изъ-за этихъ безконечныхъ уроковъ она не можетъ отдаваться систематическому чтенію, достичь спеціальныхъ „мужскихъ“ познаній по одному изъ предметовъ своего отдѣленія. Она прекрасно сдавала экзамены, не довольствовалась одними учебниками, читала и монографіи; но все-таки не могла работать „по-студенчески“.

Собирание рублей съ уроковъ, помимо чисто женскихъ мотивовъ, и подтолкнуло ее окончательно къ исканію мѣста въ отѣздѣ, въ домашнія наставницы. Она рассчитывала не на особую удачу, но на нѣчто среднее: не глупое и не пошлое семейство, гдѣ она сумѣетъ сразу поставить себя въ независимое положеніе, при дѣтяхъ средняго возраста, безъ постоянной возни съ ними, такъ, чтобы имѣть достаточно досуга для работы. Въ такой жизни она сама себя выяснитъ свою дальнѣйшую умственную дорогу. Обречь себя на вѣчное гувернантство она никакъ не хотѣла. Ея однокурницы находили, что у ней отличный слогъ, да и она сама чувала въ себѣ литературныя способности. Все это нуждалось въ разработкѣ, на все это надо было время.

У Братцевыхъ симпатичность дѣвочки-подростка вызвала въ ней болѣе теплое отношеніе къ своему теперешнему дѣлу. Передъ ней была юная трепетная душа, поставленная, повидимому, въ хорошія условія. Родители—добрые, развитые, очень отзывчивые люди, но они *родители*, излишкомъ любви къ дочери могутъ оказаться и вредными для нѣкоторыхъ сторонъ ея натуры. Вотъ тутъ она и должна оказать поддержку и имъ обоимъ, и ихъ ребенку. Съ такими „душевными“ людьми не особенно трудно будетъ сталкиваться. Да и для себя, для изученія собственнаго характера—это самая лучшая школа.

Татьяна Казиміровна, за время житія въ провинціи въ эти пять-шесть недѣль, еще строже стала слѣдить за собою, какъ только оправилась отъ переполоха исторіи съ Гарбузомъ. Она, къ переезду съ Братцевыми въ усадьбу, разобрала все свое поведеніе и многое въ немъ не одобрила. Она обвинила себя окончательно въ большомъ легкомысліи, въ крайней неосторожности, приличной „дѣвчонкѣ“, а не дѣвушкѣ по двадцать третьему году, нашла, что не слѣдовало ей такъ порывисто соглашаться на преслѣдованіе „злюды“, хотя бы она и была убѣждена въ томъ, что онъ устроитъ ей западню. Теперь ея отказъ доводить дѣло до уголовного суда представлялся ей не

только толковымъ рѣшеніемъ, вызваннымъ дѣловыми соображеніями, но и поступкомъ, обязательнымъ для всякой истинно порядочной дѣвушки, способной подавить въ себѣ личное негодованіе, когда дѣло пахнетъ каторгой, и она сама считаетъ себя виновной въ крайней неосторожности.

Гуверпанство же показало ей, воочію, на какомъ волоскѣ висить, и среди такъ-называемаго образованнаго общества, честь и достоинство одинокой дѣвушки, нуждающейся въ заработкѣ. До сихъ поръ она только смутно сознавала возможность подобныхъ передрыгъ и не ставила ребромъ вопроса: какъ она выйдетъ изъ того или иного тяжкаго положенія, какіе инстинкты заговорятъ въ ней самой, хватить ли у ней нравственныхъ силъ хоть на то, чтобы помочь развиться одной дѣвочкѣ-подростку, въ родѣ этой Наташи, прильнувшей къ ней всѣмъ своимъ нетронутымъ сердцемъ?

Ни за что она не могла отвѣтить, и еще искреннѣе желала—строго слѣдить за собой, ни въ чемъ себѣ самой не давать поблажки.

XI.

Въ первое воскресенье, проведенное въ усадьбѣ Братцевыхъ, Татьяна Казиміровна съ утра одѣлась старательнѣе и, въ ожиданіи часа утренняго чая, читала.

Обыкновенно горничная—мужской прислуги Братцевы не держали—приходила ее звать. На этотъ разъ она что-то медлила.

Комната гувернантки помѣщалась въ сторонѣ и проходить въ нее надо было залой и коридоромъ. Черезъ стѣны изъ залы гулъ разговоровъ не проникалъ, да тамъ и рѣдко кто сидѣлъ; но звуки фортепіано доходили довольно явственно.

Кромѣ піанино въ залѣ стояла еще фисгармоника порядочныхъ размѣровъ. На водахъ Татьяна Казиміровна ее не замѣчала. Тамъ уже ее на третій день помѣстили въ мезонинъ, куда даже и гаммы Наташи почти что не доносились.

Про фисгармонику она, по приѣздѣ въ усадьбу, спросила какъ-то Наташу, умѣетъ ли она играть.

— Немножко, — отвѣтила та, — но мама прекрасно играетъ... Вы какъ-нибудь услышите.

И ей показалось тогда, что по лицу дѣвочки проскользнуло какое-то особое выраженіе.

Но она пропустила это безъ вниманія.

На водахъ, она была еще слишкомъ поглощена своей исторіей съ господиномъ Гарбузомъ и недостаточно при-сматривалась къ интимной жизни своихъ новыхъ хозяевъ. Одно она замѣтила, что они, по воскресеньямъ, въ русскую церковь не ѣздили.

Вмѣсто зова къ утреннему чаю раздались вдругъ аккорды фисгармоники и пѣніе въ нѣсколько голосовъ.

Это показалось ей страннымъ. Въ такой ранній часъ, да еще въ воскресенье, Марья Христіановна врядъ ли будетъ давать урокъ дочери. Да Наташа, кажется, и не беретъ уроковъ пѣнія.

Она встала, подошла къ двери и пріотворила ее.

Отчетливѣе услышала она напѣвъ, несомнѣнно духовный, напоминающій нѣмецкіе хоралы. Различала она и мужской голосъ. Пѣлъ и Леонидъ Павловичъ. Покрывала другіе голоса голосъ Марьи Христіановны, высокій, унылый и нѣсколько гнусавый, и придавалъ всему хоралу особый колоритъ.

„Что же это такое?“—все еще въ недоумѣніи подумала Татьяна Казиміровна и прошла нѣсколько разъ по комнатѣ.

„Значить, они какіе-нибудь сектанты?“ — продолжала она соображать.

Духовное пѣніе подъ фисгармонику, въ воскресенье утромъ и пѣлымъ хоромъ, указывало на нѣчто, если не прямо сектантское, то мистическое. Правда, въ усадьбѣ нѣтъ церкви; но монастырь подъ бокомъ, какихъ-нибудь четверть часа ѣзды. Туда никто и не собирался и вообще о монастырѣ, о мѣстной святынѣ не было въ домѣ никакихъ разговоровъ.

Но какъ же ей было поступить? Ее захватило врасплохъ такое открытіе. Братцевы не дѣлали тайны изъ своихъ религіозныхъ собраній съ пѣніемъ на какой-то иностран-ный ладъ, но и не приглашали ее принять участіе.

Это ей понравилось. Стало-быть, въ нихъ нѣтъ желанія смущать ее, замашекъ прозелитизма.

И вдругъ она выговорила про себя:

„Да они, должно-быть, редстокисты“ — и вспомнила, какъ, года три назадъ, попала на такое пѣніе и даже слышала проповѣдь.

Мотивъ хорала былъ какъ будто ей знакомъ. Нѣчто совершенно въ такомъ родѣ она слыхала.

Надо было, однако, рѣшить: сидѣть ли ей у себя въ комнатѣ, пока тамъ все не кончится, или пройти въ залу и убѣдиться въ томъ, что тамъ происходитъ?.. Вѣдь не могла же она, за чаемъ, не спросить Наташу или Марью Христіановну, что за пѣніе у нихъ происходило, а такой вопросъ будетъ, пожалуй, отзываться нескромностью или выпытываніемъ.

Она даже начала краснѣть отъ волненія.

Запѣли еще что-то. Слова были, навѣрно, русскія и, кажется, въ стихахъ.

Ее потянуло въ коридоръ. Но слушать тамъ показалось ей неделикатнымъ, нечестнымъ. Она не хотѣла подслушивать и пошла, уже безъ колебаній, къ двери въ залу, отворила ее тихо и встала у дверей, сначала никѣмъ не замѣченная.

За фисгармоніей—Марья Христіановна, съ лицомъ, обращеннымъ къ ней въ профиль. Взглядъ ея упирался въ стѣну, брови были приподняты, вся она поблѣднѣла и совсѣмъ унеслась куда-то. Мужъ ея, посрединѣ комнаты, сидѣлъ за столикомъ. Вдоль одной стѣны помѣщались двѣ горничныя, старушка-экономка и двое мужчинъ. Въ одномъ изъ нихъ она узнала управляющаго.

Наташа стояла около Марьи Христіановны. Она первая замѣтила приходъ гувернантки, обрадовалась; но тотчасъ же опять перемѣнила выраженіе лица: глаза у ней, такъ же какъ у ея матери, устремлены были куда-то, углы рта оттянуты, весь обликъ—восторженно умиленный и на рѣсницахъ блестѣли слезинки.

„Бѣдная Наташа!—выговорила про себя Татьяна Казиміровна.—Ее фанатизируютъ. Какъ это жалы!“

И ей еще сильнѣе захотѣлось защитить воспримчивую, натуру дѣвочки-подростка отъ искусственнаго настраиванія на мистическій ладъ.

„И какъ имъ не совѣстно,—продолжала она думать,—обращать въ свою секту четырнадцатилѣтнюю дочь, зная, что она и безъ того такая пылкая!..“

Послѣ вторичнаго пѣнія гимна, съ какими-то стихами—они показались ей плоховатыми и безъ всякаго содержанія,—Леонидъ Павловичъ всталъ и началъ говорить.

Татьяна Казиміровна припомнила, что нѣчто въ этомъ

родѣ она слышала въ Петербургѣ, когда попала въ модельню редстокистовъ... Тогда была мода ходить туда.

Та же тема, тѣ же приемы доказательствъ, тотъ же учительскій сладковатый тонъ, съ безпрестанными повтореніями одного и того же довода, точно онъ обращался къ малограмотнымъ и малолѣткамъ.

Она и тогда, въ Петербургѣ, придя домой, долго говорила объ этомъ съ двумя своими товарками по курсамъ, доказывая, что такое ученіе заключаетъ въ себѣ нѣчто безысходное, роковое или ведетъ къ изувѣрству.

Здѣсь лишній разъ убѣдилась она, что у ней нѣтъ никакой склонности къ мистицизму. Все, что тутъ пѣлось и о чемъ говорилось, показалось ей смѣшноватой, если не печальной затѣей.

И даже когда она себя поправила умственно и спросила: „почему они не имѣютъ права вѣрить какъ имъ заблагоразсудится?“ — то въ ней все-таки не измѣнилось враждебное чувство.

Говорилъ Леонидъ Павловичъ немного шепеляво и вообще не бойко и сдѣлался, на ея оцѣнку, вдвое простоватѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ разговорѣ. Ей даже стало за него совѣстно.

Проповѣдь продолжалась съ добрыхъ полчаса. Потомъ опять пропѣли гимнъ, по тетрадкѣ.

Тѣмъ и покончилось.

Наташа тотчасъ же подбѣжала къ ней, обняла, поцѣловала нѣсколько разъ, возбужденная, съ влажными глазами.

— Душечка! Татьяна Казиміровна! И вы пришли? Какъ я рада!.. И какъ мама будетъ рада!.. Папа! Поди сюда!..

Ее окружили. Марья Христіановна поцѣловалась съ ней. Леонидъ Павловичъ пожалъ руку и торжественно сказалъ: — Кто чистъ сердцемъ—тотъ нашъ...

И, точно сконфузившись, сейчасъ же ушелъ.

Она промолчала, но рѣшила тотчасъ же послѣ чая выяснитъ свое положеніе, какъ наставницы, и поближе разглядѣть своихъ хозяевъ.

ХІІ.

Объясненіе было во всякомъ случаѣ неизбѣжно, и она сама его вызвала.

— Послушайте,—сказала она Маріи Христіановнѣ, просивъ ее къ себѣ въ комнату,—не мое дѣло вмѣши-

ваться въ общее воспитаніе Наташи, но, если вы позволите говорить откровенно,—вы напрасно развиваете въ ней...

Слово не сразу сошло съ ея губъ.

— Что?—тревожно подсказала Братцева.

— Мистицизмъ.

— Мистицизмъ?

— А то какъ же?... Я не знаю—принадлежите ли вы къ какой-нибудь сектѣ или составили себѣ свой символъ вѣры... Но вы съ мужемъ вашимъ—уже готовые люди, а Наташа еще полуребенокъ.

И она начала доказывать, что родители не имѣютъ права усиленно направлять душу своего ребенка—да еще въ такой критическій возрастъ—въ сторону исключительнаго настроенія, которое она не можетъ не назвать мистическимъ.

Братцева выслушала ее, кротно улыбаясь и не приподнимая на нее глазъ.

— Вы кончили?—спросила она Татьяну Казиміровну, взяла ее за руку, долго держала ее въ своей и потомъ привлекла къ себѣ и поцѣловала въ лобъ.

— Другъ мой,—начала она особымъ тономъ, немножко какъ-то въ носъ,—не о дочери моей я буду говорить, а о васъ. Ей мы показываемъ духовную истину, къ какой мы сами пришли. Этого права никто у насъ отнять не можетъ. Но въ васъ говорить другое... и мое дѣло—указывать вамъ всю призрачность того, что вы, быть-можетъ, называете вашими убѣжденіями.

Она не дала ей возразить на это и горяче продолжала:

— Мы съ мужемъ полюбили васъ... съ первыхъ дней. И нѣсколько недѣль разглядывали васъ. Натура у васъ благородная... вы посвятили себя великому дѣлу... У васъ хорошія познанія. Но грунта, на которомъ все зиждется, въ васъ нѣтъ. Мы не стали сразу навязывать вамъ наши вѣрованія... Мы ждали. Вы сами вызвали меня на этотъ разговоръ—и я безмѣрно счастлива.

И этотъ разговоръ перешелъ цѣликомъ на нее: она должна была выдержать родъ испытанія... Ей нельзя было уклониться отъ него. Братцева, несмотря на особый взвинченный тонъ, ей не совсѣмъ пріятный, говорила съ полной искренностью.

— Мы съ вами, дорогая Татьяна Казиміровна, по части религіи, прошли, вѣроятно, черезъ одно и то же:

объ—дочери смѣшанныхъ браковъ; у васъ отецъ былъ католикъ, у меня—лютеранинъ, матери—православныя. И въ дѣтствѣ не вложили въ насъ ни строгихъ догматовъ, ни извѣстнаго общаго настроенія.

Долго говорила Братцева на эту тему и—съ извѣстной точки зрѣнія—Татьяна Казиміровна находила ея доводы, хоть и не новыми, но довольно резонными.

Потомъ пошли другія ноты. Братцева стала ей разсказывать, какъ она сама „прозрѣла“, сколько времени искала „истиннаго пути“, и какое высокое счастье носитъ она постоянно въ сердцѣ, съ тѣхъ поръ, какъ для нея нѣтъ никакихъ сомнѣній въ будущемъ своей души.

Гдѣ, въ какомъ ученіи она нашла все это—Братцева сразу не сказала ей, но для нея было уже ясно, что та принадлежитъ еще къ какой-то мистической сектѣ иностраннаго происхожденія и пойдетъ дальше—будетъ дѣлать попытки пропаганды. Это заставило ее еще разъ поставить ребромъ вопросъ о томъ: какъ ей вести умственное развитіе Наташи?

— Другъ мой!—говорила Братцева, —лучше временно находится въ заблужденіи, но жить душой, трепетать отъ сознанія, что вы обладаете вѣчной истиной. А иначе что же останется? Одна мертвечина!.. Мерзость заустѣнія! Если у васъ нѣтъ внутренняго свѣточа, къ чему ваша наука? Никакая образованность не даетъ ясности духа... Я не противъ знанія! Творца нужно изучать въ Его твореніяхъ и судьбахъ человѣчества. И я не стану мѣшать вамъ... Учите Наташу, развивайте ея умъ. Но развѣ это все? Почему мы не отдали Наташу въ гимназію? Потому что она попала бы въ воздухъ равнодушія къ высшему смыслу жизни, охвачена была бы суетностью, формализмомъ, не услышала бы ни одного слова, которое приготовляетъ молодую душу къ соединенію съ источникомъ свѣта.

Глаза Братцевой, когда она произносила эти слова, открылись налетомъ. Татьяна Казиміровна слушала ее внимательно.

— Мое нравственное „я“,—возразила она, почти сурово,—мы оставимъ въ покоѣ, Марья Христіановна.

— Я и не хочу, другъ мой, нападать на него,—продолжала Братцева, все въ тѣхъ же потахъ,—но вы правдивы, вы не будете скрывать отъ меня истиннаго состоянія вашей души. Вы должны чувствовать себя сухо, не-

привѣтно, безъ настоящей опоры въ жизни. Одно знаніе—мертво. Я приглядывалась къ вамъ больше мѣсяца, и мнѣ васъ жалко, искренно жалко. Вы въ безвоздушномъ пространствѣ, въ васъ нѣтъ и тѣни той радости, какую человѣкъ можетъ носить въ душѣ своей... А безъ нея, во имя чего будете вы выносить тягость жизни?

И долго Братцева говорила все въ томъ же родѣ. Татьяна Казиміровна не прерывала ее. И къ концу бесѣды позволила себѣ только сказать:

— Дѣло ваше, Марья Христіановна. Ваша дочь должна быть дороже вамъ, чѣмъ мнѣ. Я высказала то, что считала своимъ долгомъ.

— И я васъ за это еще болѣе полюбила!—воскликнула Братцева, опять обняла и поцѣловала ее. — Для всѣхъ открытъ доступъ къ источнику свѣта!

Но съ этого же дня Татьяна Казиміровна уже не могла непрежнему относиться къ Братцевой. Она видѣла, что борьба неизбежна изъ-за Наташи. Дѣвочку, по природѣ слишкомъ воспримчивую, ей захотѣлось отстоять отъ того, что она считала, со стороны родителей, насиліемъ.

Что ей говорить ей совѣсть, то она и будетъ дѣлать въ этомъ домѣ. Чтобы усиленно бороться, надо знать какъ можно лучше своихъ противниковъ... Она рѣшила, до поры до времени, не высказываться, внимательно изучать родителей Наташи. Уже и теперь она отлично видѣла, что всему даетъ окраску жена, что Марья Христіановна первая сдѣлала мужа, если не послѣдователемъ еще какой-то секты, то мистикомъ, готовымъ пойти съ ней, рука въ руку, на поиски того „свѣточа“, который озарялъ ее.

ХІІІ.

Отъ брата своего Коли, прогостившаго всѣ вакаціи въ деревнѣ, въ семействѣ товарища, Татьяна Казиміровна получила письмо, очень грустное... Мальчикъ скучалъ по ней. Зиму онъ долженъ былъ остаться въ томъ же семействѣ, въ качествѣ репетитора, за столъ и квартиру.

Когда она тамъ пристроила его, то, прощаясь съ нимъ, говорила:

— Для тебя это необходимо, Коли. Ты слишкомъ долго жилъ подѣ женскимъ надзоромъ. Этого нельзя! Все на помочахъ! Пора и съ чужими людьми ладить!

Мальчикъ согласился съ ея доводами, хотя тайно и всплакнулъ: онъ очень любилъ ее, до обожанія.

И вотъ теперь, когда передъ нимъ стояла цѣлая зима, у чужихъ людей, въ полной разлукѣ со своей „маточкой“, какъ онъ ее называлъ, ему сдѣлалось жутко, и онъ излился въ письмѣ, на восьми страницахъ, съ такими проблесками нѣжности, что у ней стояли на глазахъ слезы, когда она его дочитывала.

Не лучше ли было бы ей вернуться въ Петербургъ, гдѣ она навѣрно найдетъ нѣсколько хорошихъ уроковъ. На Колю она будетъ тратить немного: плата за ученіе, платье, маленькія карманныя деньги. Тамъ полная независимость, а здѣсь, хоть она и живетъ на выгодныхъ условіяхъ и дѣла мало, — надо или подлаживаться, или бороться.

Она видѣла, что мать Наташи не передѣлаешь. Въ ней залегли характерныя черты мистической природы, русская нервозность на почвѣ нѣмецкаго упорства. Но это-то ее и подзадоривало. Неужели она сразу спасуетъ передъ первой попавшейся барынькой, отъ бездѣлья ищущей свѣточа, и не помѣшаетъ развиваться такому же мистицизму въ симпатичной и душевно здоровой дѣвочкѣ?

Это было бы слишкомъ стыдно. Ее уже не смущало и то, что она должна будетъ вмѣшиваться не въ свою область. До сихъ поръ она строго держалась рамокъ преподаванія въ тѣхъ домахъ, гдѣ давала уроки, и, собираясь „въ отъѣздъ“, не желала быть воспитательницей, гувернанткой, брать на себя отвѣтственность за нравственность своихъ учениковъ и ученицъ... Но тутъ борьба должна идти путемъ умственнаго развитія. Еще неизвѣстно, кто побѣдитъ.

Сдавалось ей также, что мужъ Марьи Христіановны, по натурѣ, врядъ ли очень склоненъ къ мистицизму.

Она не вызвала его на „принципіальное“ объясненіе, но послѣ ея разговора съ Марьей Христіановной, Леонидъ Павловичъ сталъ самъ искать повода къ бесѣдѣ съ особымъ отъѣнкомъ.

У нихъ обоихъ послѣобѣденные часы были ничѣмъ не заняты. Наташа брала какой-нибудь урокъ у матери, и Леонидъ Павловичъ, когда погода испортилась, оставался въ комнатахъ и видимо скучалъ. Онъ предложилъ ей читать поочередно газеты и журналы.

Незамѣтно перешелъ онъ первый къ интимнымъ разговорамъ. Чутье не обмануло ее. Мужъ, послѣ разныхъ иска-

ній дѣла, сталъ подпадать подъ вліяніе жены и очутился въ сектантахъ.

О себѣ онъ говорилъ проще, искреннѣе, и въ нѣсколько дней она узнала всю исторію его духовнаго просвѣтлѣнія.

— Вы оба редстоикисты?—спросила его Татьяна Казиміровна послѣ того, какъ дала ему понять, что она знакома съ этимъ ученіемъ.

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ онъ ей съ подавленнымъ вздохомъ.—Вы видите, дорогая моя, меня всегда тянуло къ живому дѣлу. Я и съ идеями Толстого во многомъ согласенъ... Мнѣ, по натурѣ, не очень по вкусу догматы, но безъ нихъ нельзя... все распыляется, нѣтъ никакой почвы, какъ разъ вдашься въ суетумудріе и въ суетловіе. Каждый мѣсяцъ будешь сочинять себѣ новую вѣру...

— Но главный пунктъ вашего ученія, по-моему, подрываетъ всякую нравственность.

— Видите,—прервалъ онъ ее и взялъ за руку,—я вамъ по-душѣ скажу: отъ слѣпноты слѣдованія этому толкованію я ушелъ. И жена моя также. Я держусь, въ общемъ, извѣстнаго воззрѣнія на необходимость постоянной связи съ источникомъ истины. Но я безъ живого добра не признаю спасенія.

Хотѣлъ и онъ, лѣтъ десять назадъ, совсѣмъ покончить со всякой барской суетой, жить съ простымъ народомъ, продѣлывать всѣ тѣ „упряжки“, про которыя писалъ Толстой, еще раньше его... И пришелъ, вмѣстѣ со своей женой, къ тому выводу, что это все—„гордыня“.

— Гордыня?—переспросила она не безъ удивленія.

— А то что же? Пересоздать весь строй общества нельзя по собственному хотѣнію. Это значить мудрить и считать себя богоподобнымъ спасителемъ человѣчества. Можно искать спасенія душъ своей, но не такъ, не однимъ устройствомъ земной своей жизни. Это—переодѣтый позитивизмъ!.. А съ народомъ я живу въ постоянномъ общеніи.

Тутъ онъ сообщилъ ей безъ всякой утайки, что ходитъ каждую недѣлю въ избу къ своимъ хуторскимъ рабочимъ, поучаетъ ихъ, раздаетъ имъ книжки, и въ городѣ, куда онъ изрѣдка ѣздитъ, знаетъ не мало нуждающагося люда.

— Но для васъ пропаганда важнѣе простого добра?

Вопросъ Татьяны Казиміровны не смутилъ его. Онъ не считалъ себя ни фанатикомъ, ни сектантомъ.

Этотъ вопросъ о' пропагандѣ повелъ ихъ къ разговорѣ о Наташѣ.

Въ Леонидѣ Павловичѣ мистикъ оказался совсѣмъ не съ тѣмъ оттѣнкомъ, какъ въ его женѣ.

— Я васъ понимаю,—сказалъ онъ ей,—и нахожу вашъ протестъ законнымъ. Никто не имѣетъ права усиленно обращать дѣтей въ свое ученіе. Но то, что у насъ дома дѣлается, не имѣетъ сектантскаго характера.

Онъ чего-то не досказалъ, но она поняла, что между нимъ и женой началась какая-то борьба на почвѣ ихъ мистицизма.

И помолчавъ, онъ заговорилъ сдержаннѣе, почти вполголоса:

— Мери ищетъ страстнѣе меня... особаго откровенія. Мы съ ней не принадлежимъ къ одной церкви. Она меня привела къ положительнымъ вѣрованіямъ и гораздо строже держалась того толкованія благодати, въ которомъ вы видите подрывъ всякой истинной морали; но она начинаетъ увлекаться другимъ ученіемъ... съ прошлаго года. Что жъ! Я не могу ей препятствовать. Нетерпимости во мнѣ нѣтъ... Только я взялъ съ нея слово, что Наташу она не станетъ, до ея совершеннолѣтія, тянуть въ свою сторону.

Это признаніе заинтересовало ее; но она не хотѣла спрашивать, къ какой еще новой вѣрѣ стремится Марья Христіановна. Ея положеніе могло сдѣлаться еще труднѣе, и это не смущало ее.

Ищущая „свѣта“ чета становилась для нея предметомъ любопытныхъ наблюденій. Она ни капли не боялась за себя: ее они не передѣлаютъ. Но этого еще мало: и дѣвочку она будетъ отстаивать, вливать въ свое преподаваніе живую струю.

Въ немъ она зачуяла своего тайнаго сообщника. Онъ не фанатикъ, а просто русскій добрый баринъ, не нашедшій еще своей тарелки, можетъ-быть, готовый сбросить съ себя палетъ расплывчатаго мистицизма, въ которомъ очутился подъ давленіемъ жены. И кромѣ того, она замѣчала уже въ Леонидѣ Павловичѣ желаніе угодить ей, поправиться, вызвать въ ней сочувствіе къ себѣ и не на почвѣ нравоченій и пропаганды.

Если бы она была менѣе сурова и сильнѣе сознавала обаяніе своей наружности на мужчинъ, она бы уже подмѣтила многое, что заставило бы ее уйти въ свою раковину, или затягивать его, будь у ней инстинкты хищницы.

Она оставалась довольна этимъ вторымъ принципиальнымъ объясненіемъ и когда все передумала, то пришла къ такому выводу:

„Большой обѣды нѣтъ въ томъ, что дѣлается въ ихъ домѣ. Лучше пускай въ дѣвочки, въ извѣстныхъ предѣлахъ, воспитывается потребность въ нравственномъ идеалѣ“.

На этомъ она, до поры до времени, успокоилась и не искала больше новыхъ объясненій.

Но что-то ей говорило, что этимъ дѣло не кончится.

XIV.

Въ началѣ октября закрутила ненастная осень, прекратились всякія прогулки, комнатная жизнь вступила въ свои полныя права.

Дни Татьяны Казиміровны проходили въ нескучномъ однообразіи. Утромъ занятія съ Наташей, потомъ завтракъ, потомъ опять урокъ. Передъ обѣдомъ она оставалась въ своей комнатѣ и работала, изучала одно объемистое сочиненіе по психологіи, дѣлала выписки, заносила въ тетрадь свои замѣтки, писала петербургскимъ пріятельницамъ письма. Послѣ обѣда она была свободна, но довольно часто читала вслухъ газеты Леониду Павловичу, даже и во время уроковъ музыки, которые происходили въ столовой; газеты приносили каждый день, въ концѣ обѣда. Вечеръ проходилъ также въ чтеніи.

По воскресеньямъ она на молитвенныхъ собраніяхъ не присутствовала. Отъ принципиальныхъ объясненій она уклонялась, да и Братцевы не вызывали на нихъ. Леонидъ Павловичъ съ каждымъ днемъ все ласковѣе съ ней разговаривалъ и совсѣмъ не на мистическія темы; много спрашивалъ про ея петербургскую жизнь, интересовался курсами, кружками молодежи, про себя любилъ разсказать что-нибудь забавное, выставляющее его въ юмористическомъ свѣтѣ, на тему своей разсѣянности, добродушія и слабости характера.

— Я вѣдь простофія!—говорилъ онъ часто.— Не дуракъ и не пошлякъ, но половинчатый человекъ по части душевныхъ переходовъ, настоящій россиянинъ!

Съ нимъ ей было ловко. Никакого селадонства она въ немъ не замѣчала; мягкій, пріятельскій тонъ съ нею шелъ ко всей его натурѣ. Она видѣла, что въ этомъ человекѣ есть потребность освѣжать себя бесѣдами съ молодой лич-

ностью, съ дѣвушкой, которая выработала себѣ убѣжденія, взгляды, цѣлый кодексъ нравственныхъ правилъ, внѣ всякаго мистицизма. И онъ нисколько не пытался переѣлывать ее, а, напротивъ, какъ бы самъ желалъ примирить то, что онъ называлъ своимъ „міропониманіемъ“, съ тѣмъ, чему она вѣрила.

— Я не изувѣрь!—вырвалось у него разъ.— Я скорѣе рационалистъ!

При женѣ, за завтракомъ, за обѣдомъ, вечеромъ, когда они сидѣли всѣ въ гостиной, Леонидъ Павловичъ держался другого тона: былъ такъ же ласковъ и внимателенъ, но не позволялъ себѣ никакихъ à parte и никакихъ шутиливо-обличительныхъ паметовъ на собственную личность. Съ дочерью онъ иногда шутилъ, и она лѣзла къ нему гораздо больше, чѣмъ къ матери.

Цѣлыхъ двѣ недѣли Марья Христіановна была чѣмъ-то поглощена, рано уходила къ себѣ послѣ вечерняго чая, занималась съ Наташей разсѣянно, запиралась съ мужемъ, и между ними происходили какія-то тайныя совѣщанія вполголоса... Раза два она выходила изъ его кабинета со слезами на глазахъ. Но Татьяна Казиміровна не чувала во всемъ этомъ чего-нибудь враждебнаго ей. Подъ этимъ должно было сидѣть нѣчто, прямо связанное съ ихъ сектантствомъ.

Строго избѣгала она всякихъ разговоровъ съ Наташей о ея родителяхъ. Дѣвочка такъ привязалась къ ней, что сама порывалась изливаться ей, забѣгала къ ней передъ сномъ, порывисто цѣловала и просила позволенія побыть у ней „хоть минуточку“. Но Татьяна Казиміровна не поощряла этого.

— Что я вамъ скажу, — вдругъ, въ концѣ утренняго урока, прошептала Наташа, вскочила со своего мѣста, подбѣжала къ своей гувернанткѣ, обняла ее и продолжала шептать ей на ухо:—Маша собралась ѣхать!.. На цѣлый мѣсяцъ!

— Куда?

— Въ Петербургъ... и, кажется, за границу.

— За границу? — не могла не переспросить Татьяна Казиміровна. — Одна?

— Одна... Голубушка, Татьяна Казиміровна, вы не любите, чтобы я съ вами болтала, — дѣвочка вся заволновалась, — но я не могу... Вы знаете... Папа и мама... были до сихъ поръ одной вѣры... И я съ ними... И такъ бы

это было хорошо!.. Что жъ! Я сама люблю, какъ папа говорить... И пѣть люблю... Но мама—ужъ съ прошлой зимы... когда вернулась изъ Петербурга...

— Наташа!—строго остановила Татьяна Казиміровна.— Зачѣмъ мнѣ все это знать?

— Позвольте, позвольте! Милая! Вы мой первый другъ... Вы меня поддержите.

— Да какъ же вы это знаете?

— Очень просто... Папа съ татан—васъ стѣсняются; а при мнѣ былъ разговоръ... и тамъ, на водахъ, и здѣсь. Что жъ, я не виновата...

Слезы появились на рѣсницахъ Наташи. Она еще нѣжнѣ обняла Татьяну Казиміровну. Очень трудно было ей оттолкнуть дѣвочку или прикрикнуть.

Изъ ея словъ она поняла, что Марья Христіановна увлечена теперь какимъ-то другимъ мистическимъ ученіемъ и тянетъ къ нему мужа, а онъ не поддается.

— Мама хочетъ въ Лондонъ ѣхать,—почти съ ужасомъ прошептала Наташа.—Тамъ ее произведутъ въ какой-то особый чинъ.

— Во что?—повторила Татьяна Казиміровна.

— Да, посвятятъ ее... Прежде объ этой вѣрѣ и мама говорила такъ себѣ, смѣялась... У нихъ ангелы есть какіе-то и на нихъ находятъ вдругъ...

Она начинала понимать въ чемъ дѣло.

— Наташа!—сказала она еще строже.—Я очень сожалею, что вы мнѣ все это рассказали.

— Душечка! Милочка!.. Не говорите только татан, ради Бога... Я васъ такъ люблю, я не могла молчать.

— Утаивать я ничего не буду, Наташа,—сказала ей помягче Татьяна Казиміровна.—Если надо будетъ, я не скрою ни отъ отца вашего, ни отъ матери о томъ, что васъ смущаетъ.

— Съ папой можно! Съ нимъ можно! Мнѣ его ужасно жалко!.. Будьте его другомъ, поддержите его.

Въ тонѣ Наташи зазвучала такая нота участія къ отцу и довѣрія къ своей учительницѣ, что Татьяна Казиміровна сама привлекла ее и поцѣловала въ лобъ.

— Нельзя, мой дружокъ, вмѣшиваться въ интимную жизнь родителей.

Но ей собственная фраза сильно не понравилась. Она нашла ее „книжной“. Дѣвочка вся пылаетъ нѣжнымъ влеченіемъ къ ней; ея положеніе между отцомъ и матерью

могло сдѣлаться очень тяжелымъ, если между ними пойдеть разладъ на почвѣ ихъ сектантства.

— Бѣдная вы моя!—выговорила она и еще разъ приласкала дѣвочку.

Та бросилась ее порывисто цѣловать и убѣжала вся въ слезахъ.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, за чтеніемъ газеты, Леонидъ Павловичъ вполголоса—жена его ушла къ себѣ и урока Наташѣ не давала—началъ издаലെка о томъ, что Марья Христіановна „переживаетъ новый кризисъ“, и сообщилъ, что она собралась ѣхать въ Петербургъ и, можетъ-быть, за границу... на нѣсколько недѣль.

— По дѣламъ?—безстрастно спросила она.

— Да... по своимъ дѣламъ... Что жъ!—вырвался у него подавленный вздохъ.—Я не могу насиловать ея совѣсть. Такъ должно было случиться... Простымъ ученіемъ она не могла довольствоваться... Для нея нужно иное... Постоянный подъемъ всего ея существа.

И онъ не договорилъ. А нѣсколько минутъ спустя, въ перерывъ чтенія, все такъ же вполголоса сказалъ:

— Только я не могу за ней, на этотъ разъ, кидаться, очертя голову, въ изувѣрство. И Наташу отстою.

Она выслушала признаніе, но не хотѣла втягивать его въ болѣе глубокую исповѣдь, считала это нечестнымъ. Одно она видѣла и понимала: быструю склонность Леонида Павловича къ ней, полное довѣріе, желаніе опереться на нее въ борьбѣ съ разрастающимся „изувѣрствомъ“ Марьи Христіановны. Это тронуло ее и не смутило. Она почувствовала еще сильнѣе нравственную обязанность поддерживать и его, и Наташу—и не головой только, а внутреннимъ чувствомъ. Такая забота согрѣвала ее и дѣлала положеніе въ домѣ менѣе одинокимъ. За какія-нибудь рискованныя послѣдствія она не боялась.

Но разговора они все-таки не вели дальше на ту же тему. Ничего положительнаго она не могла посовѣтовать ему, да онъ и не спрашивалъ прямого совѣта.

И на другой же день Марья Христіановна объявила о своемъ отъѣздѣ. Она пришла къ ней въ комнату, утромъ, передъ урокомъ Наташи, въ особенномъ настроеніи, кротко улыбалась и говорила такъ, тѣсно она не хочетъ ничѣмъ нарушать высоты своего душевнаго подтема.

— Поручаю мужу и вамъ дочь мою,—сказала она ей почти торжественно.—Вы честная личность и не злоупотре-

требите своимъ вліяніемъ на дѣвочку. Я буду въ отсутствіи съ мѣсяць... можетъ-быть, шесть недѣль.

Когда она это говорила, у Татьяны Казиміровны пропеслась въ головѣ мысль:

„А вѣдь она лишена мелочности! Другая бы ни за что не оставила меня въ домѣ“.

Но она тотчасъ же добавила:

„Ей теперь все равно: она стремится попасть въ какіе-то тамъ ангелы“.

Этому отъѣзду Татьяна Казиміровна была рада гораздо больше, чѣмъ ожидала. Цѣлый мѣсяць—не мало времени. Наташу теперь легче будетъ вести въ здоровомъ направленіи, и не злоупотребляя своимъ вліяніемъ.

XV.

Въ какихъ-нибудь три недѣли по отъѣздѣ Марьи Христіановны, отецъ, дочь и гувернантка сошлись такъ, какъ будто они составляли кровную семью.

Татьяна Казиміровна совсѣмъ расцвѣла, даже станъ ея сдѣлался стройнѣе и роскошнѣе. Она, днями, была такъ хороша, что Наташа не выдерживала, за урокомъ вскакивала съ своего мѣста и цѣловала ее то въ голову, то въ плечо.

— Господи!—вскрикивала она,—какая вы нынче хорошенькая!

Но слово „хорошенькая“ было дѣтское слово. Наставница Наташи дѣлалась красавицей въ полномъ смыслѣ. Она сама этого точно не замѣчала. Ей хорошо жилось. Ученица ее радовала и способностью работать, и общимъ своимъ душевнымъ складомъ. Она скоро убѣдилась въ томъ, что Наташа совсѣмъ не мистическая натура, а только очень воспріимчивая, до-нельзя чувствительная и порывистая. Для нея всякое чтеніе, стихи, проза, какая-нибудь исторія или анекдотъ, гдѣ замѣшано чувство, были толчкомъ къ сердечному порыву. Отецъ про нее выражался:

— Наташа слишкомъ вибрируетъ,—какъ туго натянутая струна.

Съ Леонидомъ Павловичемъ у нихъ, по вечерамъ и за обѣдомъ, шли постоянно дружескія бесѣды. Они незамѣтно привыкли засиживаться довольно поздно, когда Наташа и люди давно уже спали. Прошло два воскресенья, а онъ не держалъ проповѣди, вѣроятно, подъ тѣмъ предлогомъ, что и аккомпанировать пѣнію гимновъ некому было. И

Наташа почему-то не вызывалась, хотя могла бы замѣнить мать у фисгармоники.

Онъ помолодѣлъ въ лицѣ, сталъ еще задушевнѣе въ своихъ изліяніяхъ, но въ манерѣ вести себя съ-глазу-на-глазъ—сдержаннѣе, какъ будто онъ начинаетъ немного бояться самого себя.

Про Марью Христіановну онъ говорилъ не тѣмъ тономъ, гораздо легче и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреннѣе. Онъ ее только жалѣлъ, а не боялся уже того, что она, по возвращеніи, будетъ тянуть и его, и дочь въ свою новую вѣру.

— А какъ же вы поступите? — спросила его Татьяна Казиміровна.

— Какъ поступлю? Да очень просто... Я уже ей и передъ отъѣздомъ сказалъ: милая Мери, я за тобою не пойду и прошу тебя не смущать и дочь нашу. И вы увидите, что теперь я выдержу характеръ.

На слово „теперь“ онъ какъ-то особенно наперѣ и глядѣлъ на нее добрыми и радостными глазами... Точно онъ хотѣлъ сказать ей: „съ такой союзницей, какъ вы, я ничего теперь не боюсь“.

Про поѣздку жены онъ ей рассказывалъ послѣ каждого ея письма. Въ Петербургѣ она не могла получить „настоящаго посвященія“ и чрезъ недѣлю по приѣздѣ туда отправилась за границу, не побоялась наступавшей зимы и морского переѣзда въ Англію, съ неизбѣжной качкой и морской болѣзнью. Изъ Лондона она начала писать письма въ такомъ приподнятомъ тонѣ, что даже онъ, знавшій ее хорошо, только пожималъ плечами и совѣстился приводить подлинныя мѣста изъ писемъ. Она надѣялась вернуться, удостоенная той степени, о которой мечтала.

— Знаете, Татьяна Казиміровна, — сказалъ онъ разъ, когда они сидѣли вдвоемъ въ гостиной, часу въ двѣнадцатомъ, и въ окна хлесталъ мокрый снѣгъ, — Мери вступила на такой путь, что я, какъ мужъ, для нея больше не существую. Да и Наташа тоже. Она ждетъ своего Мессію и для остального умерла. Это особенно сильно проявляется въ ея послѣднемъ письмѣ.

— Иначе и не могло быть! — выговорила она, глядя на него, но своей манерѣ, немного исподлбья — и ее впервые посѣтила мысль, какъ этотъ слабоватый, но добрый и чуткій человекъ созданъ для интимной жизни.

Ему-то и нужна была бы подруга, преданная прежде всего ему, способная вести его къ дѣятельному добру, а не такая изувѣрка, какъ эта Марья Христіановна.

Будь она посмѣлѣе въ своихъ манерахъ, не контролируй она каждаго своего душевнаго движенія, она бы показала, какъ она сочувствуетъ надвигавшемуся на него одиночеству и разладу. Въ этомъ человѣкѣ ее ничто не смущало и не вызывало того особаго гадливо-подозрительнаго чувства, какое овладѣвало ею уже столько разъ въ жизни.

Она совсѣмъ забывала, что онъ еще не старый, свѣжій мужчина, что ихъ сближеніе шло гигантскими шагами, что они живутъ подъ одной кровлей и проводятъ съ-глазуглазъ долгіе вечера.

— Ахъ, Татьяна Казиміровна,—началъ онъ послѣ короткой паузы, и въ голосъ его она слышала другіе звуки,—Татьяна Казиміровна,—повторилъ онъ и опустил голову.—Если бы въ жизни не дѣлать роковыхъ шаговъ. Не даромъ французы оплакиваютъ неразуміе молодости: *Si jeunesse savait...*

Она промолчала.

— Вотъ возьмите меня,—продолжалъ онъ, они сидѣли на одномъ диванѣ, близко другъ къ другу, — половина жизни ушла, и я бродилъ, искалъ исхода моимъ... какъ хотите—идеаламъ... думалъ, что знаю себя, что я—установившійся человѣкъ!.. Гдѣ тутъ!

Вдругъ его точно что извнѣ потрясло. Онъ весь всколыхнулся, сначала отвернулъ голову, потомъ взялся за платокъ и провелъ его по лицу.

Тутъ только она догадалась, что онъ не можетъ сдержатъ слезъ, стыдится ихъ. Это ее тронуло, и она порывисто протянуло ему руку.

— Леонидъ Павловичъ!.. Дорогой мой!.. — вырвалось у нея.

Въ первый разъ въ жизни сказала она постороннему мужчине: „дорогой мой“.

И голосъ у ней сразу измѣнился. Она его не узнала.

Эти слова заставили его отнять отъ глазъ платокъ. Онъ обернулъ къ ней лицо: оно было все въ слезахъ. Ей стало еще жалче этого хорошаго человѣка, и если бы она послушалась своего перваго сердечнаго движенія—она бы взяла его за голову, какъ брата, какъ дочь его Наташу, и поцѣловала—только бы утѣшить его и поддержать.

— Вы,—началь онъ нетвердо выговаривать, какъ пьяный, губы у него вздрагивали, — вы явились въ моей жизни... такъ неожиданно... Точно небо послало васъ... и вотъ теперь...

Какое-то страшное слово не могло сойти съ его вздрагивающихъ губъ.

Но и въ ту минуту она еще не сознавала, что въ немъ происходитъ. Она принимала это за горечь утраты долго любимой женщины, ушедшей отъ него въ свое неизлѣчимое изувѣрство.

— Если бы вы знали,—все тѣмъ же измѣнившимся голосомъ выговорила она,—какъ я вамъ сочувствую...

— Татьяна Казиміровна!

Онъ схватилъ ее за обѣ руки, поникъ головой и зарыдалъ.

И этотъ приступъ не открылъ ей настоящей правды... Она наклонилась къ нему и искренно, безъ всякой думы о томъ, что дѣлаетъ, прикоснулась губами къ его головѣ.

Тогда онъ опустился на коверъ и началъ цѣловать ея руки такъ стремительно, что ее тутъ только, точно проколело насквозь, ощущеніе страсти.

Это было опять то же, что когда-то вызвало въ ней гадливое чувство, съ примѣсю смѣшного впечатлѣнія, когда студентъ, застрѣлившійся вскорѣ послѣ того, зарыдалъ и уткнулъ голову въ ея колѣни!

„Неужели? — почти съ ужасомъ спрашивала она себя, не имѣя силъ отнять руки.—Неужели это опять то же?“

Сомнѣваться дольше нельзя было: то же, что вызвало злодѣйскій умыселъ господина Гарбуза, сила ея красоты. Она ей приписала это неотразимое дѣйствіе, а не душевному обаянію. И въ ней шевельнулось возмущеніе противъ этой „смазливости“, маски, которая не отвѣчала совсѣмъ ея внутреннему существу, портила ей жизнь, порождала въ мужчинахъ хищныя или нежелательныя влеченія.

— Простите, простите меня, ради Бога!—шепталъ онъ прерывисто, пополамъ со слезами.—Но я не могу скрывать дольше. Вы посланы мнѣ Богомъ. Съ Мери я или погибну, буду такой же психопатъ, какъ и она, или убѣгу!.. Вы для меня—заря новаго бытія!

Эти выраженія отзывались для нея аффектаціей; но онъ ихъ употреблялъ съ глубокой искренностью, онъ слишкомъ привыкъ говорить такимъ языкомъ, какъ только

рѣчь заходила о душѣ, ея потребностяхъ и влеченіяхъ.

Она уже не возмущалась. Было бы слишкомъ жестоко и просто неумно и пошло обдать его холодной водой какихъ-нибудь обиденныхъ и брезгливыхъ возгласовъ.

— Леонидъ Павловичъ, — тронутымъ голосомъ сказала она ему, — прошу васъ, не говорите такъ, сядьте, придите въ себя... Вы понимаете... я не должна васъ выслушивать здѣсь... въ этомъ домѣ.

Ей самой эти слова показались лицемерными. Она какъ бы поощряла его, только просила не настаивать, прекратить сцену до болѣе благоприятной минуты.

Такъ ей стало гадко и стыдно за себя, что она встала, въ большомъ волненіи, проронила только три слова:

— Я не хочу!

И бросилась къ двери... За собой она слышала его рыданія, но не обернувшись, вбѣжала къ себѣ въ комнату, раздираемая смѣшанными чувствами, еще никогда не забиравшимися въ ея душу.

На постели, одѣтая, она ушла лицомъ въ подушку и долго плакала, не разбирая, что въ ней происходитъ, какое чувство сильнѣе остальныхъ. Ей было жалко себя, его, Наташу.

Цѣлое утро не выходила она изъ своей комнаты, послала сказать Наташѣ, что урока не будетъ, чтобы она ее не беспокоила, сказалась больною и къ завтраку.

Она не знала: какъ ей теперь быть? Бѣжать ли изъ этого дома, или переждать, или вызвать Леонида Павловича на рѣшительное объясненіе?

Въ сумерки ворвалась къ ней Наташа, вся въ слезахъ, и стала упрашивать сойти внизъ.

— Папа въ ужасномъ положеніи! Милочка! Вы одинъ можете его успокоить. Онъ ужасно терзается... Вы должны пойти къ нему. Онъ васъ умоляетъ.

Надо было пойти. Леонида Павловича нашла она у себя въ кабинетѣ. Онъ лежалъ, одѣтый, на кушеткѣ; при ея появленіи всталъ, взявъ за обѣ руки, она не отдергивала ихъ, подвела къ дивану, сѣлъ рядомъ, и опять слезы потекли изъ глазъ.

— Я виноватъ, — шепталъ онъ, — я оскорбилъ васъ... Но, Господи!.. Зачѣмъ же мнѣ скрывать то, что выше силъ моихъ?.. Вѣрьте, я не зналъ еще такого чувства, Татьяна Казиміровна. Но я поборолъ бы его, если бы Мери не ушла уже отъ меня. Я это вижу... Прочтите ей

послѣднее письмо... Оно пришло сегодня... Развѣ для нея что-либо существуетъ теперь?.. Вы скажете, я эгоистъ. Но если мое чувство глубоко и чисто, если въ васъ я вижу идеаль подруги, вижу, что и дѣвочка моя обожаетъ васъ?.. Господь ведетъ меня къ этому... Я не эгоистъ, но я, быть-можетъ, безумецъ... Гдѣ же мнѣ вызвать въ васъ взаимность?... Но я и не надѣялся, повѣрьте... и сейчасъ не имѣю надежды. Я прошу только о пощадѣ... Не уходите!.. Христа ради! Не бѣгите отъ насъ!..

Она не убѣжала. Она сказала ему, безъ напускной строгости, но твердо и безъ всякой нѣжности въ голосъ:

— До возвращенія Марьи Христіановны я не уѣду. Только вы мнѣ дайте слово, Леонидъ Павловичъ, не говорить со мною о вашемъ чувствѣ... Я его не раздѣляю. И мое положеніе слишкомъ щекотливо. Вы это хорошо понимаете.

И опять эти слова не отвѣчали на то, что было у ней на сердцѣ. Она чувствовала себя къ нему гораздо ближе, но не могла это выказать.

Ихъ вечернія чтенія и бесѣды съ-глазу-на-глазъ она прекратила.

XVI.

Приѣхала Марья Христіановна. Никто не ждалъ ея раньше шести недѣль: она прислала денешу съ границы черезъ мѣсяць съ тремя днями послѣ отъѣзда изъ Поддубнаго.

Каждый день, вставая съ постели, Татьяна Казиміровна, въ эти двѣ послѣднія недѣли, возвращалась назойливо мысля къ тому, что будетъ, когда Марья Христіановна водворится опять къ домѣ?

Если даже изуверство настолько овладѣло ею, что Леонидъ Павловичъ, дѣйствительно, пересталъ для нея существовать, разнѣ это все? Какъ бы она ни порывалась къ небу, все-таки она женщина, мать; да и само сектантство можетъ сейчасъ же вооружить ее противъ дѣвушки, которая отняла у нея дочь и мужа, чтобы навсегда сдѣлать ихъ свободными отъ ея мистицизма!.. Да, это одно можетъ вызвать непримиримую борьбу.

Леонидъ Павловичъ сдѣлался ей симпатиченъ; она не могла не сознаться въ этомъ; но онъ привлекалъ ее не такъ сильно, чтобы поощрить его на формальный разрывъ съ женой, а о чемъ-нибудь другомъ, нелегальномъ, тай-

номъ, она ни разу даже и не подумала: такъ горделива и цѣломудренна осталась она.

Она искренно желала и Братцеву, и Наташѣ освобожденія изъ-подъ ига Марьи Христіановны, готова была даже помогать имъ. Но какъ могло состояться это „освобожденіе“? Онъ съ дочерью уйдетъ отъ жены и сохранитъ при себѣ гувернантку. Но вѣдь она знаетъ про его страсть къ ней!.. Остаться у нихъ здѣсь, безъ Марьи Христіановны, или уѣхать куда-нибудь съ ними, это все равно: дать ему надежду на то, что она будетъ современемъ его женой, выставить себя какой-то авантюристкой, готовой довести его до этого брака какъ можно скорѣе.

„Господи! — жаловалась она про себя, перебирая свое положеніе, — отчего же мнѣ именно приходится распутывать такой узелъ?“

И тамъ, на самомъ днѣ души, всплывала особая жалость къ себѣ: почему Братцевъ не привлекаетъ ее сильнѣе своей личностью, почему наружность его ей не нравится, почему не находитъ она въ себѣ достаточно сильного импульса, чтобы сдѣлать то, къ чему страстно стремятся эти два существа, „обожаящіе“ ее: и отецъ, и дочь — стать его женой и духовной матерью Наташи?

Съ перваго слова, выговореннаго Марьей Христіановной, когда та пріѣхала изъ города, гдѣ мужъ встрѣчалъ ее, Татьяна Казиміровна почувала всю правду того, чего ждалъ Леонидъ Павловичъ.

Это былъ легко уловимый тонъ восторженности и отрешенія отъ всякихъ обиходныхъ интересовъ. Отъ нея, ея улыбающагося лица, взгляда, туалета, движеній пахло какимъ-то душевнымъ ладаномъ. Ея „не отъ міра сего“ обдавало слащавой мертвенностью.

Она стала говорить тихо, безъ обычныхъ у ней порывовъ, и не мѣняла особаго рода улыбки, точно она владѣетъ какимъ-нибудь тайнымъ кладомъ и ея сокровище дѣлаетъ ее выше рѣшительно всего: страстей, семейныхъ радостей, любви къ мужу и дочери, удовольствій, матеріальныхъ заботъ.

Съ гувернанткой она поцѣловалась, тоже на особый ладъ, въ родъ того, какъ цѣлуютъ монахини; взяла ее за руку, увела къ себѣ въ комнату, посадила передъ собою и начала длинную рѣчь.

Изъ этой рѣчи Татьяна Казиміровна поняла, что Марья Христіановна посвящена въ какую-то степень и что все

дѣло ея земной жизни—приводить къ тому же „блаженству“ всѣхъ, кто встрѣтится на ея пути. Она ждетъ пришествія Мессіи каждую минуту и всегда готова къ высокому торжеству, которое будетъ продолжаться „тысячу лѣтъ“.

И въ ознаменованіе этого, въ первый же день, за обѣдомъ, по ея приказу, появился лишній приборъ для того, кто могъ явиться внезапно и принять участіе въ трапезѣ.

Ѣла она тоже съ особымъ оттѣнкомъ, котораго прежде не замѣчали у ней ни отецъ, ни дочь, ни гувернантка, необыкновенно старательно, какъ ѣсть простонародье, какъ бы совершая важное дѣло, но съ выраженіемъ внутренняго сердечнаго веселья. И въ туалетѣ, темныхъ цвѣтовъ и страннаго покрою, соблюдалось что-то праздничное.

Мужъ и дочь смотрѣли на нее, слушали и держались съ нею такъ, какъ совершенно нормальные люди держатся съ тѣми, кого начинаютъ подозрѣвать въ признакахъ душевнаго расстройства. Но для Татьяны Казимировны эта женщина не была вовсе сумасшедшей. Она переживала только дальнѣйшую фазу своего мистицизма и должна была пайти себѣ такую секту, гдѣ есть большій просторъ „изувѣрству“, по выраженію Леонида Павловича.

Въ немъ страхъ проявлялся еще замѣтнѣе, чѣмъ въ Наташѣ. Вечеромъ того же перваго дня мужъ и жена заперлись въ ея комнатѣ. Наташа прибѣжала къ Татьянѣ Казимировнѣ и въ темнотѣ—лампа еще не была зажжена—прижималась къ ней и шептала:

— Душечка моя!.. Мнѣ страшно дѣлается... Я не узнаю мамы... И папа ея боится... Что-то будетъ, что-то будетъ?

Какъ умѣла, она успокоила дѣвочку, но у ней самой на душѣ было жутко; она ждала, что не нынче—завтра что-нибудь разразится.

Какъ Марья Христіановна не казалась отрѣшенной отъ всего мірскаго, но она не могла не почувствовать, въ первые же дни, что мужъ и дочь ушли изъ-подъ ея духовнаго воздѣйствія.

И главную виновницу она тоже распознала. Но вмѣсто бурной сцены Татьяна Казимировна должна была вынести совѣмъ другое объясненіе.

Марья Христіановна не стала дѣлать ей упрековъ. Она опять произнесла цѣлую рѣчь, въ тонѣ глубокаго сокрушенія о томъ нравственномъ убожествѣ, въ какомъ нахо-

дилась гувернантка ея дочери. Этихъ словъ и, вообще, никакихъ обидныхъ выраженій она не употребила, но смыслъ былъ именно такой... Со своей тихой, восторженной улыбкой она указала ей на хищническую суету, въ которой находились всѣ, не имѣющіе ея связи съ небомъ. Безъ этой связи даже добродѣтель—источникъ зла.

И тутъ она напомнила ей исторію съ господиномъ Гарбузомъ. По ея толкованію, выходило, что Татьяна Казиміровна поступила тогда, какъ „язычница“, слишкомъ отдалась чувству злобы и гордыни, забывая, что она сама, „быть-можетъ“, была причиной грѣховныхъ помысловъ въ томъ „заблудшемъ братѣ“.

Этого Татьяна Казиміровна не вынесла и прекратила разговоръ, почти возмущенная такимъ толкованіемъ.

— Вотъ и теперь,—сказала ей Братцева,—вы во власти духа тьмы. Но я па то и здѣсь, чтобы противодѣйствовать его чарамъ. Не какъ мать и жена буду я исполнять мою миссію, а какъ служительница истины.

Леонидъ Павловичъ сторожилъ ея проходъ черезъ столовую, когда она шла къ себѣ, послѣ этого объясненія съ Марьей Христіановной, и съ искаженнымъ лицомъ сталъ умолять ее выслушать его „въ послѣдній разъ“ и увлечь ее въ гостиную.

Тамъ онъ сначала плакалъ какъ ребенокъ, потомъ сдерживая себя и, цѣлуя страстно ея руки, заклиналъ не покидать его, раздѣлить съ нимъ судьбу, оставить всякіе ненужные укоры совѣсти, и если она не можетъ сразу стать его женою, не чувствуетъ къ нему достаточно влеченія, позволить ему ждать около нея.

— Такъ не можетъ идти,—повторялъ онъ, растерянно поводя глазами,—вы сами понимаете... Я все равно уйду отъ нея, я возьму дочь... Она же не оставитъ насъ въ покоѣ... Она станетъ выживать васъ, отравлять ваше существованіе своей слащавой и упорной пропагандой.

И то, что онъ говорилъ, было правда. Она это признавала. Но, на этотъ разъ, опасность для нея самой усилилась.

— Я не могу быть вашей женою... въ такихъ условіяхъ...—сказала она твердо и попросила его прекратить эту сцену.

Быть захваченной въ этотъ часъ Марьей Христіановной страшило ее не изъ малодушія, а изъ побужденій тор

дости! Она не вынесла бы такого повода быть заподозренной. Лучше было разъ навсегда подавить въ себѣ всякую жалость и симпатію къ двумъ существамъ, съ которыми столкнула ее доля гувернантки, и уйти изъ этого дома.

Она такъ и поступила. На другой же день она съ раннего утра, еще при свѣчахъ, уложила свои вещи и, зная, что Братцева просыпается раньше всѣхъ, прямо пошла къ ней въ комнату и объявила ей, что оставляетъ ихъ домъ.

— Мое достоинство не позволяетъ мнѣ, Марья Христіановна, распространяться о томъ, какія побужденія заставляютъ меня проститься съ вашимъ домомъ. Я глубоко жалѣю и мужа нашего, и дочь,—вотъ все, что я могу сказать вамъ.

Эти слова стоили ей большого нравственного усилія. Она имѣла право сказать Братцевой и многое другое... Но и эта сектантка была только жалка въ ея глазахъ... Цѣлую ночь продумала она о томъ, честно ли она поступаетъ, убѣгая отъ тѣхъ двухъ человѣческихъ существъ, отдавшихся ей всей душою, и пришла къ тому же рѣшенію.

Въ вагонѣ она сидѣла у окна и подъ шумъ поѣзда, въ наплывающихъ сумеркахъ осенняго дня, старалась развлечь себя какими-нибудь мелькающими передъ ней предметами.

Но дорога шла унылой, плоской низиной, съ борявыми, чахлыми кустами и мелкокорслымъ ельникомъ.

Точно бѣглянка возвращалась она въ Петербургъ, всего черезъ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ. Она сегодня уѣхала тайкомъ отъ тѣхъ, для кого ея побѣгъ былъ жестокимъ ударомъ, оставила два письма—Леопиду Павловичу и Натанѣ, на своемъ письменномъ столѣ, попросила Марью Христіановну приказать запрячь ей экипажъ и увезти ее въ городъ прежде, чѣмъ мужъ ея и дочь встанутъ.

„Жизнь сильнѣ“,—мысленно твердила она фразу, сложившуюся въ ея головѣ впервые сегодня, когда она выходила изъ своей комнаты.

„Жизнь сильнѣ“—этотъ выводъ дѣлала она въ преддверіи того, что зовется карьерой.

И въ чемъ сидѣла беда ея первыхъ шаговъ? Въ обстоятельствахъ или въ ней самой, въ ея неподатливой натурѣ, въ ея „гордости“ и щепетильности?

Во всемъ этомъ она себя обличала искренно и смѣло; но не могла же она передѣлать себя! Тамъ, въ усадьбѣ „Поддубное“, бросила она цѣлое „счастье“: такъ называли бы это сотни и тысячи двушекъ, безъ средствъ, безъ положенія, съ перспективой подневольнаго труда.

„Нельзя!“ — сказала она и подняла голову горделиво и почти дерзко, подняла и осмотрѣлась кругомъ — въ вагонѣ никого не было, кромѣ какой-то дамы, спавшей въ углу.

„Нельзя!“ — повторила она и сложила на груди руки, въ позѣ рѣшимости — идти навстрѣчу новыхъ соблазновъ и утратъ жизни.

Оглавление VI тома.

	стр.
Обречена. Повѣсть.	3
Провѣдомъ. Повѣсть.	156
Вторая отъ воды. Разсказъ	228
Въ отъѣздъ. Разсказъ.	263